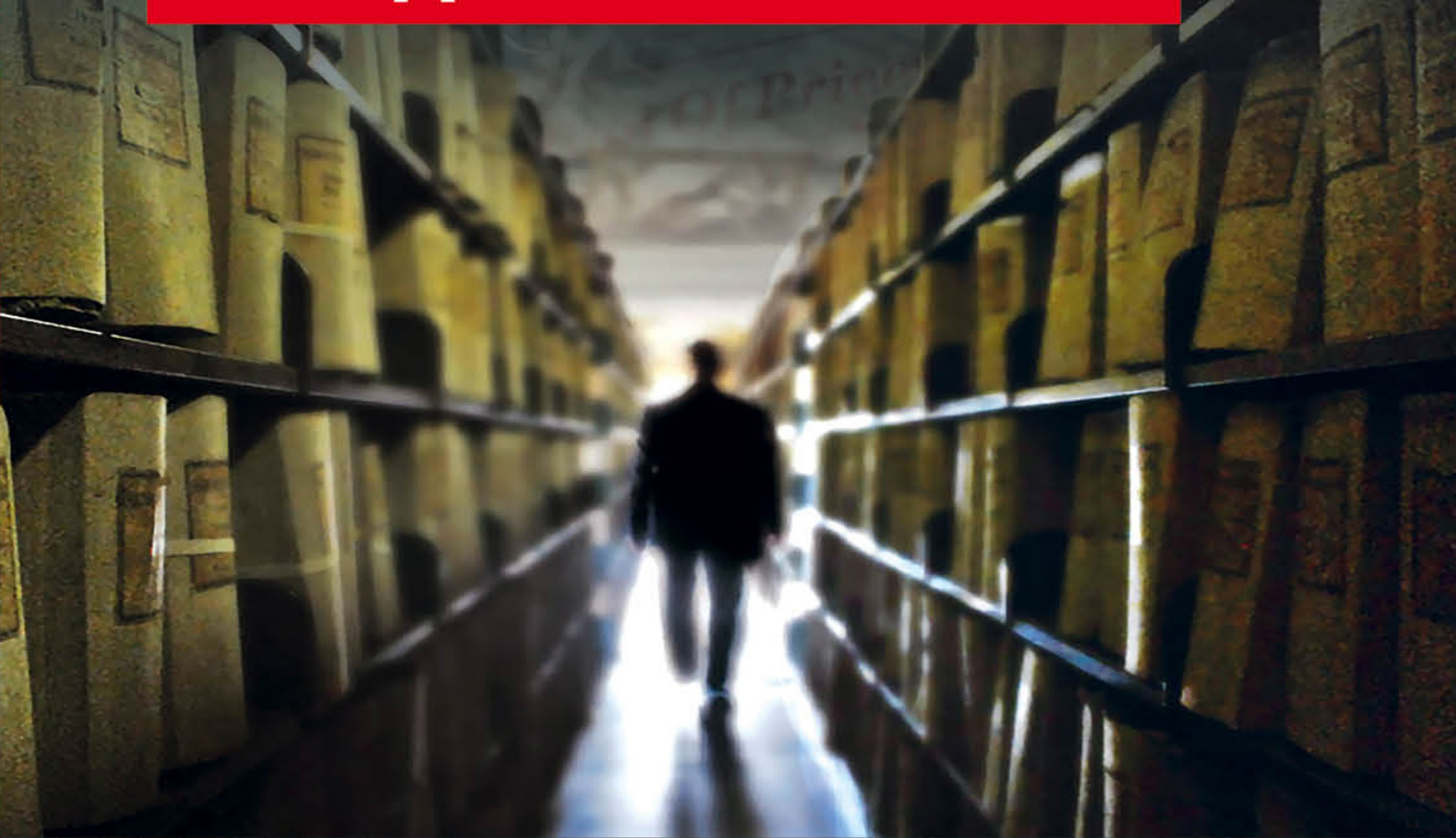

РАЗВЕДКА ► И ◀ КОНТРАЗВЕДКА

ВЛАДИМИР ВОРОНОВ

РАССЕКРЕЧЕНО

**ПРАВДА ОБ ОСТРЫХ
ЭПИЗОДАХ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ**

Annotation

За десятилетия самые острые эпизоды советской эпохи обросли множеством мифов. Убийство советских дипкурьеров в феврале 1926 года, которые везли крупную партию фальшивых фунтов стерлингов. Попытка военного мятежа в августе 1934 года, подготовку к которому прозевали чекисты. «Операция X» — участие советских спецслужб в Гражданской войне в Испании. Угрозы, подстерегавшие лидеров СССР, США и Великобритании во время их встречи в Тегеране в 1943 году... Автор не только разоблачает множество мифов, но и на основе архивных документов и свидетельств очевидцев и непосредственных участников рассказывает о том, что произошло в реальности.

- [Владимир Владимирович Воронов](#)
 -
 - [От автора](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1. Террористы Политбюро](#)
 - [Глава 2. Эпидемия случайностей: хлороформ для Фрунзе](#)
 - [Глава 3. Открытое купе дипкурьеров](#)
 - [Глава 4. Войков: допустимая потеря?](#)
 - [Глава 5. «Революционный палец, запущенный в Китай»](#)
 - [Глава 6. Март 1930-го: запах Кронштадта](#)
 - [Глава 7. Хлеб. Золото. Наган](#)
 - [Глава 8. Мятеж на Сухаревке](#)
 - [Глава 9. Горький: смерть по расписанию](#)
 - [Глава 10. Ширма](#)
 - [Глава 11. Операция «Ложный закордон»](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1. Несовершеннолетних — к стенке!](#)
 - [Глава 2. «Высказывал анекдоты...»](#)
 - [Глава 3. Двадцать семь тысяч резидентов Ежова](#)
 - [Глава 4. «Тов. Микоян просит разрешить дополнительно расстрелять»](#)

- [Глава 5. «Участвовал в расстрелах неоднократно с 1918 года»: Большой Соловецкий расстрел 1937-го](#)
- [Глава 6. «Израсходовано револьверных патронов в количестве...»](#)
- [Глава 7. Палач в кожаном фартуке](#)
- [Глава 8. Катынский расстрел: все дела — уничтожить](#)
- [Глава 9. Гарантированная «дезинфекция»](#)
- [Глава 10. Реабилитация без компенсации](#)
- [Глава 11. «Причины смерти — вымышленные»](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 1. Операция «Х»: как вмешаться, не вмешиваясь](#)
 - [Глава 2. «Запретить выезд в Испанию...»](#)
 - [Глава 3. Ноябрьский дебют 1936-го: советские авиаторы в Испании](#)
 - [Глава 4. Тайные тропы Халхин-Гола](#)
 - [Глава 5. «Подлинники хранятся в условиях особо строгого режима»](#)
 - [Глава 6. «Финский рабочий» для 7-й армии](#)
 - [Глава 7. «Много было дезертиров?» — «Много, товарищ Сталин!»](#)
 - [Глава 8. Линия Маннергейма](#)
 - [Глава 9. «Утонули со своим скарбом»](#)
 - [Глава 10. Большой блеф, или Самый загадочный день 1941-го](#)
 - [Глава 11. «Упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию»](#)
 - [Глава 12. Парашютная паника 1941-го](#)
 - [Глава 13. Первый день войны. Воспоминания генерала Павла Воронова](#)
 - [Глава 14. «Арестовать и судить как труса и предателя...»](#)
 - [Глава 15. «Сдан противнику без санкции Ставки»](#)
 - [Глава 16. «В руки врага попадают совершенно секретные сведения...»](#)
 - [Глава 17. Обращение не по инстанции](#)
 - [Глава 18. «Удар прошел успешно... Но выявлен ряд недостатков»](#)

- [Глава 19. «Самолет противника выпустил газ желто-голубого цвета...»](#)
- [Глава 20. «Уничтожить фашистские гнезда в Иране»](#)
- [Глава 21. Заначка Бери](#)
- [Глава 22. Спецштрафотряд: чекисты-уголовники в тылу врага](#)
- [Глава 23. Эстрадно-боевое подполье](#)
- [Глава 24. Медаль за город Севастополь: город-герой и его преданная армия](#)
- [Глава 25. СМЕРШ: коготь Сталина](#)
- [Глава 26. Террор по директиве](#)
- [Глава 27. Тегеран-43: были и небыли](#)
- [Глава 28. Агент влияния: Зорге реальный и легендарный](#)
- [Глава 29. Тройка: трагическая история трех чехословацких Героев Советского Союза](#)
- [Глава 30. «Водружение Знамени Победы приняло уродливый характер...»](#)
- [Глава 31. «Наваливаться массой техники, давить ею. Пускай это будет стоить нам жертв и потерь...»](#)
- [Глава 32. Парашютисты и Рейхстаг](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава 1. В постели со Сталиным](#)
 - [Глава 2. Товарищи генералы? Расстрелять!](#)
 - [Глава 3. Убить Масарика](#)
 - [Глава 4. Взрыв в посольстве: как и было обещано](#)
- [Краткий перечень основных источников информации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
-

Владимир Владимирович Воронов

Рассекречено. Правда об острых эпизодах советской эпохи

*Богам не дано только одного: власти
переделывать прошлое.*

Аристотель

От автора

К сожалению, в отечественной исторической литературе до сих пор сохранилось немало устоявшихся стереотипов описания тех или иных событий советской эпохи, сделанные по пропагандистским шаблонам. Произвольное внедрение мифов в реальный контекст служило одним из инструментов манипулирования сознанием полуграмотных масс, работая, как выражались в Советской армии, на политморсос — поддержание политико-морального состояния личного состава. Прошли десятилетия, но эти мифы и вранье, застывшие, как дерьмо мамонта, по-прежнему разрушают реальную логику событий, не позволяя пробиться к правде, и зачастую уже невозможно становится понять, где имение, а где — наводнение. Этому немало способствует и гипертрофированная секретность, прямой результат которой — необоснованная закрытость колоссального массива архивных фондов и их недоступность широкому кругу исследователей.

Все это, в свою очередь, либо порождает новые мифы — например, про мифическую «личную разведку Сталина» и про то, что «все секреты Гитлера были на столе у Сталина», или, напротив, реанимирует откровенно заскорузлые фальшивки — вроде «заговора маршалов» или что «поляков в Катыни убили немцы». Все эти мифы-клише пачками переходят из одной книги в другую, обрастая совершенно фантастическими деталями и подробностями, сообщенными неведь откуда вылезшими «очевидцами».

Но настоящие факты не заслуживают того, чтобы их подменяли мифами. Разве подвиги, скажем, огромной сети все еще неизвестных разведчиков, — например, в Китае или Японии 1920–1940-х годов, — достойны того, чтобы вместо них нам из года в год подсовывали только одну и ту же засахаренную фигуру? Оттого на выходе и получается откровенная карикатура — миф: был только один разведчик, зато гениальный, всезнающий и всемогущий. Но когда начинается манипулирование фактами, датами, именами, разрушается связь времен. И, как результат, налицо тотальное недоверие молодежи к самым острым моментам отечественной истории, разрушение их доверия к любой трактовке нашей истории советского периода.

Твердо убежден, что нельзя мириться с засильем старых мифов, разрушающих логику событий, разрывающими все мыслимые причинно-следственные связи. Разумеется, автор вовсе не берет на себя смелость и даже наглость утверждать, что предлагаемое им является исчерпывающим. Но при этом в основу каждого текста положен тщательнейший, даже скрупулезный профессиональный (поскольку автор по образованию и профессии историк) анализ и обобщение максимально доступного в настоящее время круга источников информации. В основе всех материалов работа автора с документами в архивах и с опубликованными, со свидетелями, очевидцами и непосредственными участниками событий.

Благодарю историка А. В. Крушельницкого за огромную помощь в работе над рядом материалов.

Часть первая

Острые мероприятия

Глава 1. Террористы Политбюро

5 января 1925 года председатель ОГПУ СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) Феликс Дзержинский получил экстренное сообщение из Харькова, тогдашней столицы советской Украины. Полпред ОГПУ по УССР, а по совместительству председатель ГПУ УССР и нарком внутренних дел Украины Всеволод Балицкий доложил председателю ОГПУ: на советско-польской границе в районе местечка Ямполь (ныне поселок в Хмельницкой области) части польской регулярной армии, разгромив управление 2-й комендатуры Ямпольского погранотряда, прорвались на территорию СССР. Хотя тогдашние советско-польские отношения и были, мягко говоря, далеко не дружественные, но случай был совершенно вопиющий: чтобы в открытую разнести целую заставу — это нечто! Шок и, что уж там говорить, испуг в Кремле был таков, что члены Политбюро даже было решили: вот оно, польская агрессия, о которой так долго говорили большевики, началась! А поскольку воевать с поляками Красная армия была тогда совершенно не готова, да и не способна, то через Наркомат иностранных дел СССР полякам незамедлительно вручили ноту, в которой указывалось, что «советская сторона готова к улаживанию инцидента мирным путем».

Ямпольский инцидент

Реакция «Железного Феликса» была практически мгновенна. Не вполне доверяя сводке Балицкого, он приказал своему заместителю, Генриху Ягоде: *«Надо с расследованием выехать на место. Надо выяснить до полной ясности мотивы и причины таких действий поляков. Вопрос очень серьезный»*. Детали, согласно официальному отчету, выглядели так: *«5 января 1925 года перешла границу группа польских солдат около 40 чел. пехоты и три всадника, которая, обстреляв наш сторожевой наряд, прорвалась в здание заставы и управление комендатуры, обстреляла их и забросала гранатами. Ворвавшись в канцелярию заставы, захватила дела и переписку. Пограничники, приняв меры к обороне, вынудили поляков отойти в*

прилегающий сад. Во время обороны был ранен в ногу начальник заставы Дикерман, пытавшийся установить на крыльце пулемет. При нападении поляков помощником начальника заставы Бахлиным был убит руководивший нападением капрал, что внесло расстройство в ряды поляков, и они, захватив убитого капрала, поспешно отошли на свою территорию...». Тут пограничников можно поздравить соврамши: нападавшие вовсе не «отошли», а успешно прорвались на советскую территорию. Проявив при этом поразительную боевую выучку — убитого товарища не бросили, под огнем вынесли его тело и забрали с собой, не оставив никаких улик! Правда, остается загадкой, как пограничники в горячке ночного боя сумели столь четко различить две капральские нашивки на погонах убитого, как непонятно и то, что столь немалым отрядом командовал не офицер, а самый младший унтер-офицерский чин.

На всей же остальной советско-польской границе не происходило ровным счетом ничего: польские войска границу не переходили, советские заставы не атаковали и даже не обстреливали. Польский МИД советскую ноту о готовности улаживания «инцидента мирным путем» встретил с нескрываемым изумлением: какой — такой инцидент?!

8 января 1925 года Политбюро собралось на экстренное заседание, создав для расследования «ямпольского инцидента» специальную «тройку». Каковая и выяснила нечто такое, что 27 января 1925 года пришлось вновь созывать специальное заседание Политбюро. К тому времени Дзержинский отдал все тому же Генриху Ягоде и вовсе совершенно необычный приказ: *«Необходимо запросить погран[ичную] охрану в центре и на местах все, что им известно о бандах (наших) и о деятельности Разведупра, а также у съехавшихся на съезд начальников особ[ых] отделов. Вопрос архисрочный и архиважный»*. Про «наши банды» и Разведупр в тексте не случайно: к тому времени председатель ОГПУ уже доподлинно знал, что на заставу его пограничников (погранохрана входила в состав войск ОГПУ) напали не поляки, а... свои — переодетый в польскую военную форму диверсионно-террористический спецотряд военной разведки, Разведупра Штаба РККА! Именно этих боевиков Разведупра Дзержинский, не сдержав приступа холодной ярости, и поименовал

«нашими бандами». Очень показательное его письмо шефу украинского ГПУ Балицкому, отправленное в тот же день:

«Дорогой товарищ Балицкий!

Безответственными действиям Разведупра, втягивающим нас в конфликты с соседними государствами, надо положить властно предел. Случай в Ямполе доказал, что на нашей территории существуют банды против поляков, как равно и при содействии с нашей стороны работают банды за кордоном. Прошу Вас прислать мне срочно весь имеющийся у Вас материал и по этому вопросу, а также собрать дополнительно:

1. Какие банды, их количество, местоположение, как с нашей стороны границы, так и по ту сторону. Их вооружение. Что они из себя представляют, идейность и дисциплинированность?

2. Кому они подведомственны и подчинены, какому учреждению и каким лицам в приграничной зоне, в Киеве, Харькове, Москве?

3. Каковая организация управления ими в центрах и на местах. Линия их подчинения?

4. Что представляет у Вас из себя Разведупр и его органы? Какие идеи? Характеристика лиц и оценка, кто им дает указания?

5. Какие их взаимоотношения с нами и с погранвойсками? Каким образом наша погранохрана их пропускает через границу?

6. Ваши предложения и Ваше отношение к бандам, к их деятельности, а также к Разведупру. Надо ли их ликвидировать и как это можно сделать? Можно ли и следует ли банды эвакуировать в глубь страны и куда? Не могут ли эти банды выступить против нас, кой-кого из них перебросить на сторону врага.

Прошу лично заняться этим делом. Копии с моего письма не снимать, а вернуть его мне с ответом и материалами, которые мне нужны для комиссии П/бюро, в которую я вхожу.

Привет,

Ф. Дзержинский

Р. С. Пришлите мне подробные данные о ямпольских бандах, о том, что фактически комиссия обнаружила».

В ходе своего расследования Феликс Эдмундович вообще узнал много интересного. Например, что военная разведка ведет эти операции мало того что у него под боком, так еще и с 1921 года — с момента заключения Рижского мирного договора. Причем заброска хорошо подготовленных диверсионно-террористических групп и отрядов — на территорию стран, с которыми у «страны Советов» формально были заключены мирные договоры и установлены как бы нормальные дипломатические отношения, — вовсе не была чьей-то самодеятельностью. Долгоиграющая спецоперация, скромно поименованная впоследствии «активной разведкой», была санкционирована на уровне Политбюро, всерьез полагавшего, что профессиональные красные диверсанты и террористы расшатают польский тыл и так всколыхнут народные массы, что Восточная Польша сама упадет в руки большевиков. А вот что об этой афере не знал персонально т. Дзержинский (или сделал вид, что не знал!) — так он вообще много чего не знал: старшие товарищи по Политбюро доверяли ему далеко не все.

«Активная разведка»

Командный состав для спецоперации подбирался предельно тщательно — из кадровых командиров Красной армии с боевым опытом, опытных же политруков и чекистов, окончивших, как правило, курсы комсостава. Костяк собственно диверсионных отрядов формировали и вооружали на территории Белоруссии, а после прохождения спецподготовки скрытно перебрасывали через специальные «окна» на границе в восточные воеводства Польши. Где они и развернули свою активность: нападали на полицейские посты и участки, убивали и отдельных полицейских, захватывали и грабили пассажирские поезда, пускали под откос грузовые составы, взрывали паровозы, уничтожали мосты, грабили и жгли польские помещичьи усадьбы, истребляли помещиков, чиновников, ксендзов, православных священников, мелких чиновников, гминных войтов (старост), вырезали польские хутора, уничтожали «предателей», совершали налеты на тюрьмы — для освобождения «боевых товарищей», на почтовые отделения и банки — для получения средств на

«освободительную борьбу», разумеется. По возможности «повстанцы» устраивали в селах собрания, где пылко призывали белорусских крестьян выступить против польских «панов». Особую известность обрели такие командиры отрядов «активной разведки», как Кирилл Орловский, Станислав Ваупшасов (настоящая фамилия Ваупшас), Василий Корж и Александр Рабцевич. Примечательно, что хотя сама операция формально и шла по линии Разведупра, все товарищи впоследствии «случайно» оказались в кадрах чекистского ведомства, где и работали, так сказать, «по специальности» — диверсионно-террористической и «головорезной».

С апреля 1921 года по апрель 1924 года польские власти зафиксировали 259 переходов границы, совершенных отрядами боевиков Разведупра РККА. С апреля по ноябрь 1924 года эти отряды «активной разведки» провели в Восточной Польше свыше 80 крупномасштабных боевых операций по дестабилизации обстановки. Как полагали аналитики «Двуйки»^[1], в Полесье, Налибокской, Беловежской и Гродненской пущах, а также на территории Виленщины в тот период действовало не менее пяти-шести тысяч советских боевиков «активной разведки». Причем операции «спецназа» Разведупра не прекратились после скандального инцидента в Ямполье и даже после того, как Политбюро приняло решение о ликвидации этой самой «активной разведки в настоящем ее виде». С марта по май 1925 года советские боевики провели в Западной Белоруссии 59 боевых операций, с июня по август того же года — еще 50 боевых операций, всего же с декабря 1924 года по август 1925 года советские диверсанты провели 199 боевых операций.

Довольно красочно в своей книге деяния «активной разведки» описал Ваупшасов: как его вызвали в ЦК Компартии Белоруссии — *«партии были нужны такие люди для развертывания борьбы на захваченных польскими панами западнобелорусских землях», «есть большая необходимость в том, чтобы подорвать тыл белополяков, развернуть партизанскую войну и в конце концов освободить от врага оккупированную им территорию. Партия вам доверяет и надеется, что и на этот раз вы отлично справитесь с заданием»*. Без малейшего стеснения Ваупшасов писал, как, переодевшись в полицейских или польских военных, его люди грабили и сжигали имения «панов», убивали — *«кто не мог ждать от нас пощады, так*

это шпионы и провокаторы», сжигали волостные правления, захватывали поезда и грабили их пассажиров, особое внимание уделяя почтовым вагонам: «Бойцы Орловского оцепили поезд, а я со своими ребятами стал переходить из вагона в вагон. ...В почтовом вагоне мы изъяли содержимое денежного ящика и корреспонденцию». Польские источники свидетельствуют, что при нападении на поезда пассажиров заставляли снимать одежду, украшения, отдавать часы и деньги, а возмущавшихся приканчивали на месте. 4 августа 1924 года отряд Ваупшасова захватил тюрьму в городе Столбцы — чтобы освободить сидевших там двух членов ЦК Компартии Западной Белоруссии: «Жандармский пост был здесь невелик, и мы уничтожили его за несколько минут», «группа атаковала казарму, закидала окна гранатами, расстреливала выбегающих из винтовок и ручного пулемета», «на застекленной веранде казармы я увидел офицера... Выстрелил в него из маузера, а он не падает. Что за дьявол! Выручил меня Наркевич. „Да убил ты его, убил! Он же в кресле сидит, потому и не падает“», «мои ребята уже уничтожали тюремную охрану»... К слову, согласно Женевской конвенции, лица, использующие при ведении боевых действий военную форму противника, являются военными преступниками...

Свою главную задачу диверсанты и террористы «активной разведки» так и не выполнили: народного восстания в Западной Белоруссии и Западной Украине не вышло. После же того, как в августе 1924 года польское правительство решило создать Korpus Ochrony Pogranicza (Корпус охраны границы), активность советских диверсионных отрядов и вовсе сошла на нет: до конца того же года польские пограничники успешно отбили 89 нападений советских диверсантов, уничтожили 51 банду, задержав около пяти тысяч нарушителей границы.

Зачем, кстати, самим «спецназовцам» понадобилось атаковать советскую же заставу, неясно. Может, уходившие от преследования боевики в сумерках приняли советскую заставу за польскую? Или советские пограничники вообще первыми открыли огонь по рвущимся через границу неизвестным в польской форме?

Политбюро, собравшись 27 января 1925 года, вновь рассмотрело вопрос о нападении на Ямполь. Все было уже очевидно, и Политбюро постановило создать комиссию в составе секретаря ЦК РКП(б) Валериана Куйбышева, председателя ОГПУ Феликса Дзержинского, члена Реввоенсовета (РВС) СССР Иосифа Уншлихта, только что назначенного наркомом по военным и морским делам Михаила Фрунзе и наркома иностранных дел Георгия Чичерина. Задачу комиссии сформулировали четко: *«Для рассмотрения и установления формы работы Разведупра за границей и целесообразности дальнейшего существования Разведупра в том виде, в каком он до сих пор вел свою работу»*. При этом, невзирая на очевидность того, что заставу атаковали «свои», Чичерину поручили сочинить ноту для поляков, где в нападении на советскую заставу и советскую территорию обвинялись бы части польской регулярной армии!

18 февраля Дзержинский представил комиссии Куйбышева свой проект постановления об «активной разведке», написанный в весьма резких выражениях. «Железный Феликс» был категоричен: *«Активную разведку в настоящем ее виде (организация связи, снабжения и руководства диверсионными отрядами на территории Польской республики) — ликвидировать»*. И чтоб отныне *«ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство»*. Но раз уж сейчас все эти банды и отряды уже *«существуют и целесообразны (что определяется в чисто партийном порядке)»*, то вся их «работа» и «боевая» деятельность хотя бы *«должны быть руководимы и находиться в полном подчинении у национальных партий, действующих в данной стране. Эти группы должны выступать, руководствуясь и от имени исключительно их революционной борьбы, а не СССР»*. И раз уж они теперь, так сказать, *«революционные повстанцы»*, то они тогда *«не должны ставить себе целью и заниматься разведывательными и другими заданиями в пользу военведа СССР. Этими вопросами они занимаются для своих революционных целей»*.

Далее Феликс Эдмундович настаивал на том, что вся *«зона границы на нашей стороне должна быть целиком очищена от активных партизан, которые самостоятельно переходят границы для боевой работы»*. При этом всех *«надо эвакуировать, никоим образом,*

однако, не озлобляя их, но, наоборот, оказывая как им, так и перешедшим на нашу сторону или эвакуированным с той стороны партизанам помощь. Их в общем (кроме ненадежных) не надо распылять, а свести в военные единицы или другие группы с тем, чтобы в случае войны или другой необходимости использовать их как ценнейший материал». Совсем от боевой работы Дзержинский отказываться не собирался, разве лишь «вместо настоящей активной разведки должны быть организованы самым конспиративным образом в Польше и других соседних странах комендатуры по образцу польской ПОВ. Эти организации активны только во время военных действий. В мирное же время изучают военные объекты, весь тыл противника, изучают людей, завязывают всюду связи и т. д., т. е. подготовляются к деструктивной работе во время войны в тылу у противника. С партией они никоим образом не связаны, работники их не состоят в партии. Во время революции они передаются в ее распоряжение». Посему уже в мирное время «на нашей зоне организуются строго законспирированные небольшие боевые группы с необходимым вооружением», которые должны вступить в действие лишь «в случае занятия нашей территории противником». Главное требование Дзержинского — отныне подчинить все такие операции чекистам: «Ответственность за состояние границ и переход через них партизан возложить целиком на органы ГПУ». Что же касемо официальной публичной оценки собственно Ямпольского нападения, то тут ФЭД по-большевистски тверд: польским обвинениям «должен быть дан твердый отпор», поскольку «Польша не имеет никаких прямых (кроме догадок) улик против нас. Этого нельзя забывать». Не пойман — не вор?

Наказать же «за организацию известного дела и отдачу приказа без получения на то разрешения или указаний со стороны его прямого начальника» Дзержинский предложил лишь полпреда ОГПУ по Западному краю и председателя ГПУ БССР Филиппа Медведя. Наказание своему подчиненному председатель ОГПУ выбрал страшное: «Объявить строжайший выговор (ввиду смягчающих вину обстоятельств только такая мера взыскания)». Интересно, что же это за «смягчающие вину» обстоятельства вдруг обнаружились? И за что наказали, если это операция «соседей»? Значит, глава белорусского ГПУ был в курсе этой акции, обеспечив ее по своей линии? «Забыв»

при этом поставить в известность своего прямого, непосредственного и высшего начальника — Дзержинского. Видимо, т. Медведю было хорошо ведомо, что операция проводится через голову «пламенного Феликса».

На заседании Политбюро 25 февраля 1925 года проект Дзержинского основательно смягчили, приняв постановление «О Разведупре», с грифом «совершенно секретно», разумеется. Первый же пункт гласил: *«Активная разведка (диверсионные, военно-подрывные группы и пр.) в первый период ее существования была необходимым дополнением наших военных мероприятий и выполняла возложенные на нее из центра боевые задачи»*. В переводе с партийного новояза этого означало: не было никакой самостоятельности — была нужная работа по приказу центра, читай: Политбюро. В постановлении утверждалось, что *«с установлением более или менее нормальных дипломатических отношений с прилегающими к СССР странами»* от Разведупра якобы *«неоднократно давались директивы о прекращении активных действий»*. Но, мол, тут-то и пошла полная самостоятельность, поскольку *«приобретенные за предшествующий период традиции у организованных за рубежом групп, а также слабость руководства со стороны коммунистических партий стихийно нарастающим движением зарубежного крестьянства, из которого комплектовались кадры диверсионных групп активной разведки, не давали возможности организационно руководить этими группами, часто не соблюдавшими даваемые директивы. Отсюда целый ряд выступлений, причинявших вред нашей дипломатической работе и затруднявших работу соответствующих коммунистических партий»*. Особенно умиляет пассаж про «зарубежное крестьянство»: в этот разряд, видимо, записали таких матерых диверсантов, как Орловский, Ваупшасов, Корж и Рабцевич.

После этой преамбулы последовала собственно «амбула». Поскольку *«ввести в нужное русло работу зарубежных партизанских групп»* одним лишь *«путем циркуляров»* уже невозможно (а иных средств оперативной связи еще не было), Политбюро постановило: *«активную разведку в ее настоящем виде <...> — ликвидировать»*, и *«ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство»*, а всю боевую и *«повстанческую»*

работу передать в распоряжение компартий *«данной страны»*. Причем все эти группы отныне должны *«решиительно отказаться»* от разведывательной *«и иной работы в пользу Военведа СССР»*. Прочие же группы *«активной разведки, а также военно-подрывные и диверсионные группы»*, не вошедшие в *«круг партийной организации»*, предписано было ликвидировать. *«Активную разведку в настоящем виде»* предлагается видоизменить, *«для чисто военных целей»* организовав *«в соседних государствах самым конспиративным образом особые пункты»*, никоим образом не связанные с партией — *«для подготовки к деструктивной работе во время войны в тылу противника»*. Расконспирированные на границе *«начальники и руководители бывшей активной разведки сменяются немедленно»*, а *«на нашей зоне организуются строго законспирированные небольшие боевые группы с необходимым вооружением»*, которые, однако, должны были приступить к действию лишь *«в случае занятия нашей территории противником»*. Политбюро согласилось с предложением Дзержинского, что *«пограничная зона на нашей стороне должна быть очищена от активных партизан, которые, как констатируется, самостоятельно переходят границы для боевой работы»*. При этом Политбюро строго указало будущим *«очистителям»* (т. е. чекистам): *«Не озлобляя их и оставляя на учете для использования в случае войны, их следует эвакуировать во внутренние округа»*. И уже для *«безболезненного проведения»* масштабных мероприятий по выводу с чужих территорий этих формирований *«активной разведки»*, их расформированию, консервации, и, главное, *«для избежания недовольства, отрыва или вырождения отдельных групп или лиц»* Политбюро решило, что абсолютно *«необходимо ассигнование соответствующих сумм»*. На будущее, как записано, необходимо *«установление и удовлетворение твердой сметы <...> в размерах, гарантирующих организованную и выдержанную работу всех сотрудников»*. Все правильно: диверсии и террор — та же работа, так что энтузиазму, даже и революционному, здесь не место, даешь строгий оклад.

Все же главный «приз» достался ведомству Феликса Эдмундовича: приказано всю ответственность за состояние границ *«и переход через них партизан возложить целиком на органы ГПУ»*. Так

что ни о каком отказе от «активной разведки» нет и речи, просто отныне это дело чекистов, а не военной разведки.

Последний раз, судя по известным на сегодня документам, интерес к этой теме Дзержинский проявил 3 июля 1925 года, отписав Ягоде: *«Прошу узнать и сообщить мне, как расценивают и реагируют на польское на нас (Ямполь) нападение Чичерин и Фрунзе, для внесения этого вопроса в Политбюро»*. Расценивали и реагировали, видимо, «как надо»: больше этот вопрос на Политбюро не обсуждали. Но как изворотлив Феликс: даже в секретнейшем документе, предназначенном для глаз буквально одного совсем уж «своего» Ягоды он вдруг употребляет формулировку *«польское на нас (Ямполь) нападение»*, хотя обстоятельства дела давно уже выяснены, да и соответствующее решение оформлено постановлением Политбюро.

Бессарабская история

Кстати, в постановлении имелся такой интересный пассаж: *«Изменение указанных методов работы, вызываемое особенностями обстановки (например, Бессарабия), может иметь место только по особому постановлению Политбюро»*. То есть документально зафиксировано, что именно Политбюро ЦК, только оно и больше никто, — главный организатор закордонных диверсий, определяющий, кому, где и как вести закордонную диверсионно-террористическую деятельность. Примечательно и упоминание Бессарабии, находившейся тогда в составе Румынии. Дело в том, что советские спецотряды вели точно такую же «активную разведку» и там. Забрасывались через Днестр с советской территории, уничтожали румынских пограничников, полицейских, военнослужащих, чиновников местной администрации, священников, «дворян и помещиков», «шпионов и провокаторов».

С учетом этой информации уже несколько иначе выглядит ныне практически забытое событие — так называемое Татарбунарское восстание 1924 года в Бессарабии. Известно, что руководители мятежа, вспыхнувшего 15 сентября 1924 года, никоим образом не бывшие уроженцами Бессарабии — все они за несколько месяцев до событий нелегально прибыли из Одессы. Тогда же с советской на

румынскую территорию на лодках через Днестр стало перебрасываться и складироваться в тайниках вооружение, причем не только стрелковое, но даже и артиллерийское, боеприпасы, взрывчатка, амуниция. По крайней мере, документально известно о переброске не менее 1000 винтовок, 3000 гранат, семи пулеметов, 500 сабель и шашек, двух пушек и одного миномета. Согласно генеральному замыслу, переправленные в Бессарабию группы «активной разведки», опираясь на заранее сформированные отряды боевиков в 20–30 человек, должны были в час «Х» поднять «народное восстание» против румынских «бояр». План был комплексный: микроскопические, зато точечные «народные восстания» ужасно там «угнетенных масс» должны были вспыхивать по зонам и строго по графику; необходимо было захватить, пусть и даже временно, Кагул, Измаил, дунайский порт Килия, провозгласить там советскую власть, а затем выпустить обращение с просьбой оказать «интернациональную помощь» силами регулярных частей Красной армии. Которые совершенно случайно прогуливались как раз по соседству.

Непосредственный оперативный центр руководства «восстанием» развернули в Одессе, оттуда же выдвинулись и ударные группы. Военную часть операции планировали, по всей видимости, в Штабе РККА, возглавлявшемся тогда Михаилом Фрунзе. Задачу непосредственной военной поддержки возложили на дислоцированный в Тирасполе 2-й кавалерийский корпус Григория Котовского: он и должен был лихим наскоком ворваться в Бессарабию.

15 сентября 1924 года повстанцы, перерезав телефонные и телеграфные провода, атаковали полицейские участки и стали создавать ревкомы, формировать отряды милиции, ополчения, Красной гвардии... Ни одного города товарищам из «активной разведки» взять так и не удалось, посему советскую власть провозгласили лишь в селе Татарбунары. Боевики, убив мэра и жандармов, блокировали село, вывесили на домах красные флаги, согнали жителей в местную ратушу и объявили о создании Молдавской Советской Республики в составе Украинской ССР. Также сообщили, что Красная армия уже форсировала Днестр и изгнала румынскую армию. Но пока ополченцы с энтузиазмом создавали многочисленные ревкомы и делили высокие государственные посты в одном отдельно взятом селе, время ушло. Молдавское население товарищей не поддержало, зато Бухарест

медлить не стал: румынские войска через четыре дня взяли столицу «МСР», Татарбунары. На чем все и завершилось. Товарищи из «активной разведки» успели смыться, а вот 1600 ополченцам не повезло — их арестовали, 489 из них отдали под суд. Собственно, тогда и всплыли подробности того, как по линии «активной разведки» Москва делала «революцию» в Бессарабии и как на плечах повстанцев должна была ворваться конница Котовского.

Но ни крах в Бессарабии, ни «ямпольский инцидент» крест на операциях «активной разведки» окончательно не поставили. По крайней мере, 16 июня 1927 года председатель РВС СССР и нарком по военным и морским делам Клим Ворошилов обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с очередным интересным предложением: вспомнив опыт ГПУ и Разведупра РККА первой половины 1920-х годов — по организации «активной разведки» на территории Польши — и срочно развернуть советские диверсионные группы в... Ирландии! Политбюро, рассмотрев через неделю «Вопросы т. Ворошилова», постановило:

«а) Предложение т. Ворошилова об И. принять при соблюдении максимальной осторожности, с тем, чтобы через месяц т. Ворошилов доложил о конкретных условиях связи.

б) По вопросу о подготовительных мероприятиях по д[иверсионной] ч[асти] признать необходимым приступить к подготовке, поручив комиссии в составе тт. Косиора (пред.), Пятницкого, Ягоды и Берзина в двухнедельный срок наметить план, методы и необходимые средства для работы на ближайший период».

С чего бы это вдруг Ворошилов предложил развернуть диверсионные формирования именно в Ирландии, догадаться не так уж и сложно. 23 февраля 1927 года министр иностранных дел Великобритании Джозеф Остин Чемберлен обратился к советскому правительству с нотой, требуя прекратить антибританскую пропаганду и подрывную деятельность против Британской империи, а в мае того же года британское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР. В Кремле тогда всерьез полагали, что дело идет к организации большого военного похода против СССР во главе с Британией, противопоставить которому было нечего — Красная армия и тогда была фактически небоеспособна. Отсюда и ворошиловская идея: попытаться дотянуться до «проклятой англичанки» хотя бы

руками диверсантов — через Ирландию. Но и эта авантюра завершилась ничем, поскольку абсолютно никаких оперативных возможностей для развертывания «активной разведки» в Ирландии у Советского Союза тогда и в помине не было. Зато они имелись на Дальнем Востоке...

Маньчжурский вариант

7 октября 1929 года Иосиф Сталин, пребывавший, как обычно, на многомесячном отдыхе в Сочи, отправил в Москву замещавшему его Вячеславу Молотову весьма любопытное послание: *«С Китаем будет возня. Кстати, мне кажется, что пора нам перейти на точку зрения организации повстанческого революционного движения в Маньчжурии. Отдельные отряды, посылаемые нами в Маньчжурию для выполнения отдельных эпизодического характера заданий — дело, конечно, хорошее, но это не то. Теперь надо пойти на большее. Нам надо организовать две двухполковые бригады главным образом из китайцев, снабдить их всем необходимым (артиллерия, пулеметы и т. д.), поставить во главе бригад китайцев и пустить их в Маньчжурию, дав им задание: поднять восстание в маньчжурских войсках, присоединить к себе надежных солдат из этих войск (остальных распустить по домам, обезглавив предварительно ком[андный] состав), развернуться в дивизии, занять Харбин и, набравшись сил, объявить Чансуеляна^[2] низложенным, установить революционную власть (погромить помещиков, привлечь крестьян, создать советы в городах и деревнях и т. п.). Это необходимо. Это мы можем и, по-моему, должны сделать. Никаким „международным правам“ не противоречит это дело. Всем будет понятно, что мы против войны с Китаем, наши красноармейцы охраняют лишь наши границы и не имеют намерения перейти на кит[айскую] территорию, а если внутри Маньчжурии имеется восстание, то это вполне понятная штука в обстановке того режима, который установил Чансуелян. Подумай об этом. Дело важное».*

Послание столь цинично-красноречиво, что особой расшифровки не требует. Однако немного предыстории. На тот момент камнем преткновения между Москвой и Чжан Сюэляном стала Китайско-

Восточная железная дорога (КВЖД). Сам же конфликт разгорелся еще в бытность правителем Маньчжурии его отца, генералиссимуса Чжан Цзолиня: для последнего КВЖД была стратегической магистралью, но платить за переброску по ней своих войск он не желал, да и не мог. Москва попыталась было разрешить этот вопрос по-сталински кардинально: нет человека — нет проблем. 4 июня 1928 года вагон, в котором ехал Чжан Цзолинь, был взорван близ Мукдена миной, заложенной в виадук, и спустя несколько часов тяжело раненный генералиссимус скончался в Мукденском госпитале. В покушении немедленно обвинили японцев, однако ныне известно, что его организовали резидент Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ в Харбине Наум Эйтингон и тамошний же резидент Разведупра (IV Управления) Штаба РККА Христофор Салнынь. Но и это проблему не решило, поскольку Чжан Сюэлян, сын убитого Чжан Цзолиня, тоже не пожелал прислушиваться к «веским» аргументам Кремля. Отсюда и вариант организации «повстанческого движения», предложенный поначалу Сталиным. Правда, в конечном счете решили открыто и без затей применить военную силу: специально под это дело создали Особую Дальневосточную армию (ОДВА), которая в октябре — ноябре 1929 года и нанесла удар по китайским войскам.

...Впрочем, на активности красных диверсантов это сказалось мало, свои операции на китайской территории они все равно продолжили — пока они не попались с поличным. 7 июля 1932 года советник посольства Японии в Москве передал в Наркомат иностранных дел СССР ноту своего правительства, в которой говорилось: некий кореец Ли, арестованный японскими властями, дал показания, что он вместе с тремя другими корейцами был завербован ОГПУ, снабжен взрывчаткой и переброшен в Маньчжурию с заданием взорвать ряд мостов. Как самокритично доложил Москве руководитель полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю Терентий Дерибас, организованная им операция провалилась, *«шуму наделали, а мост не взорвали»*. Мало того, так ведь еще и агентов-взрывников поймали, которые во всем и признались.

Сталин, опять-таки отдохавший тогда «на югах» и извещенный о скандальном фиаско чекистов еще до официального получения японской «рекламации», 2 июля 1932 года направил записку замещавшему его в Москве члену Политбюро и секретарю ЦК ВКП(б)

Лазарю Кагановичу: «Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии. Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому делу наших органов создает (может создать) новую опасность провокации конфликта с Японией. Кому все это нужно, если не врагам советской власти? Обязательно запросите руководителей Дальвоста, выясните дело и накажите примерно нарушителей интересов СССР. Нельзя дальше терпеть это безобразие! Поговорите с Молотовым и примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра (вполне возможно, что эти господа являются агентами наших врагов в нашей среде). Покажите, что есть еще в Москве власть, умеющая примерно карать преступников. Привет! И. Сталин».

В тот же день Каганович ответил вождю, что ситуацию с корейцами-диверсантами он выяснил и, «к сожалению, Ваше предположение оправдалось — это ОГПУ (остатки старого). В случае запроса Хироты^[3] (у него есть указание) Карахану^[4] нами даны указания». Попутно Каганович доложил Сталину, что «на днях на наш пограничный пост явился якобы представитель Китайской Народной армии с письмом к Блюхеру^[5], за оружием и т. д. Мы дали директиву немедленно отправить его обратно и впредь не допускать перехода подобных представ[ителей], либо подосланных провокаторов, либо объективно играющих провокационную роль, безразлично».

Информативная ремарка: значит, подобные походы в «военторг» к Блюхеру были делом вполне обычным и регулярным. Но из-за провала пришлось сделать конспиративную паузу, закрыв «военторг» на учет. 16 июля 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев «**Вопрос ДВК**», постановило: «Обратить внимание ОГПУ на то, что дело было организовано очень плохо; подобранные люди не были должным образом проверены», посему «указать т. Дерибасу, что он лично не уделил должного внимания этому важнейшему делу, в особенности подбору и проверке людей». Непосредственно же «отвечающему за плохую организацию дела», начальнику Владивостокского оперативного сектора ГПУ Николаю Загвоздину, был объявлен строгий выговор, также было приказано «*предпринять*

отзыв т. Загвоздина из Владивостока» и «поручить ОГПУ укрепить кадрами военно-оперативный сектор».

Разумеется, любую причастность советской госбезопасности к террористическим акциям приказали отрицать, посему Карахан, пригласив 26 июля 1932 года к себе японского посла, заявил ему: *«Все сообщение корейца Ли с начала до конца является злостным и провокационным вымыслом. Ни Владивостокское ГПУ, ни какое-либо другое советское учреждение во Владивостоке не могло давать и не давало тех поручений, о которых показывает Ли-Хак-Ун, ни каких-либо других аналогичного характера ни корейцу Ли, ни каким-либо другим лицам».* После чего выразил надежду, *«что японские власти отнесутся должным образом как к автору провокационного заявления, так и примут все необходимые и энергичные меры к выяснению вдохновителей и организаторов этого провокационного дела, имеющего несомненной целью ухудшение отношений между СССР и Японией»...*

Глава 2. Эпидемия случайностей: хлороформ для Фрунзе

Ранним утром — в 5 часов 30 минут — 31 октября 1925 года в Боткинскую больницу вдруг спешно примчался Сталин. Его сопровождала целая свора соратников: председатель СНК СССР Алексей Рыков, член РВС СССР и начальник Политуправления РККА Андрей Бубнов, заместитель председателя РВС и заместитель наркома по военным и морским делам СССР Иосиф Уншлихт, секретарь ЦИК СССР Авель Енукидзе, 1-й секретарь Северо-Кавказского крайкома партии Анастас Микоян. Повод для визита в больницу у товарищей был весьма серьезный: за 10 минут до их прибытия там скончался Михаил Фрунзе — кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), председатель РВС СССР, народный комиссар по военным и морским делам.

Официальная версия гласила: у Фрунзе был язвенный процесс двенадцатиперстной кишки, без хирургии никак было не обойтись. Операция, начавшаяся 29 октября 1925 года в 12 часов 40 минут, продолжалась лишь 35 минут. Все остальное время кремлевские медики пытались реанимировать находившегося без сознания наркома, но тщетно: не приходя в сознание, вождь Красной армии скончался, как говорилось в официальном сообщении, «при явлениях паралича сердца».

Как писал 3 ноября 1925 года в «Правде» Михаил Кольцов, «можем ли мы упрекнуть бедное сердце за сдачу перед шестьюдесятью граммами хлороформа после того, как оно выдержало два года смертничества, веревку палача на шее, владимирскую каторгу, верхоленскую ссылку, три года гражданской войны?».

3 ноября 1925 года товарища проводили в последний путь, а другой товарищ, Сталин, произнес над гробом краткую и не особо проникновенную речь. Попутно и как бы мимоходом заметив: «Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу». Тогда на эту реплику внимания не обратили. Как и на другую: «Этот год был для нас проклятием. Он вырвал из нашей среды целый ряд руководящих товарищей...».

Негорбящийся человек

Дальше все пошло своим чередом, и про усопшего постарались забыть. Пока в мае 1926 года про него не напомнил писатель Борис Пильняк, опубликовавший в журнале «Новый мир» свою «Повесть непогашенной луны». Жил-был, писал Пильняк, геройский командарм Гаврилов, «который командовал победами, смертью». И вот этого командарма, «который имел право и волю посылать людей убивать себе подобных и умирать», взял да и послал умирать на операционном столе «негорбящийся человек в доме номер первый» — «из той тройки, которая вершила». Черкая между делом секретные сводки Наркоминдела и ОГПУ, «негорбящийся человек» жестко выговорил легендарному командарму про жернова революции и приказал: «Сделать операцию», ибо «этого требует революция». Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: командарм Гаврилов — это Фрунзе, «тройка» — правивший тогда триумvirат в составе Каменева, Зиновьева и Сталина, а «негорбящийся человек», отправивший героя на заклание, разумеется, Сталин.

Это был скандал! Чекисты тут же изъяли остаток тиража, но автора крамольной версии, правда, до поры не тронули. Горький тогда с завистью опытного доносчика ядовито заметил: «Пильняку прощается рассказ о смерти т. Фрунзе — рассказ, утверждающий, что операция была не нужна и сделали ее по настоянию ЦК». Тут «буревестник» слегка погорячился: «негорбящийся человек» никогда, никому и ничего никогда не прощал. 28 октября 1937 года, почти в 12-ю годовщину оперирования «командарма Гаврилова», пришли и за автором «Повести непогашенной луны». Еще спустя полгода Пильняка расстреляли — как японского шпиона, разумеется. Эта смерть тоже добавила свой пазл в мозаичную картину «Как Сталин Фрунзе убивал».

Собственно медицинско-политическая картина смерти Фрунзе блестяще исследована историком кремлевских смертей Виктором Тополянским, детально описавшим и сомнительную необходимость собственно операции, и как Сталин буквально вынудил Фрунзе лечь под нож, и как медики «перестарались» с анестезией, в ходе которой сердце наркома не выдержало явно избыточного количества хлороформа. «Однако какие письменные доказательства следовало бы

искать в данной ситуации? — риторически спросил исследователь. — Личный отчет врачей в инстанции: согласно Вашему указанию операция закончилась смертельным исходом? Или... инструкцию: повелеваем, чтобы оперируемый не проснулся после наркоза? Надо признать, что такие улики вожди обычно не оставляли, а в данной ситуации было лишь устное распоряжение: оперировать, дабы восстановить „казенное имущество“ в лице наркомвоенмора. И каждому исполнителю этого приказа, как солдату перед боем, разъясняли его конкретную воинскую задачу». Согласимся с безусловной аксиомой: вообще никакие вожди и ни в какие времена улики такого рода не оставляли и не оставляют. Иначе они не были бы вождями, а их свита — свитой.

«Тройка, которая вершила»

Спустя девять десятилетий вне контекста событий тех лет трудно понять, зачем тов. Сталину понадобилось устранять тов. Фрунзе — именно тогда и столь усложненно-иезуитски? Проще ответить на последний вопрос: иначе и нельзя было, поскольку возможности Сталина образца 1925 году были много жиже, чем десять лет спустя. До всемогущего «вождя народов» еще предстояло постепенно дорасти, вырвав власть из рук товарищей по той самой «тройке, которая вершила». И в этом поступательном движении «негорбящегося человека» к вершине полновластия ликвидация Фрунзе стала лишь одним из многих шагов. Но архиважным: он ведь не просто устранил смертельного оппонента, но и немедленно поставил на его место своего человека — Клина Ворошилова. Тем самым обретя мощнейший рычаг в борьбе за власть — контроль над Красной армией. А вот у его оппонентов после смерти Фрунзе уже ни сабель и ни штыков за спиной больше не было.

Пока за кресло наркома по военным и морским делам (и председателя РВС) держался Лев Троцкий, позиции противостоящих ему Каменева, Зиновьева и Сталина были так себе. В январе 1925 года ценой невероятных усилий Троцкого «ушли». «Наконец, в начале марта — писал экс-помощник Сталина Борис Бажанов, — еще один пленум наносит новый удар по Троцкому: его заместитель Складанский,

которого Сталин ненавидит, снят. Утвержден новый состав Реввоенсовета... В Реввоенсовет волной вошли враги Троцкого». Но ключевым, конечно, был вопрос, кто теперь станет во главе Красной армии: у Сталина имелись свои креатуры, у его подельников по триумvirату — свои. И фигура Фрунзе, по утверждению Бажанова, стала компромиссной: «Фрунзе Сталина не очень устраивал, но Зиновьев и Каменев были за него, и в результате длительных предварительных торгов на тройке Сталин согласился назначить Фрунзе на место Троцкого, то есть Наркомвоенном и председателем Реввоенсовета. Ворошилова решено было сделать его заместителем».

Кадровая политика Фрунзе восторга у Сталина точно не вызывала. Для начала в рамках военной реформы Фрунзе провел упразднение института политических комиссаров, заменив их помощниками командиров по политчасти, не имевшими права вмешиваться в командные решения. Попутно Фрунзе заменил ряд военачальников — командующих войсками ряда военных округов, командиров корпусов, дивизий, подобрав кадры, как подметил Бажанов, «по принципу их военной квалификации, а не по коммунистической преданности». Еще один сталинский помощник, Мехлис, комментируя новые назначения в Красной армии, обмолвился Бажанову о мнении «хозяина»: «Ничего хорошего. Посмотри на список: все эти Тухачевские, Корки, Уборевичи, Авксентьевские — какие это коммунисты? Все это хорошо для 18 брюмера (дата переворота Наполеона Бонапарта. — *Авт.*), а не для Красной армии».

У Сталина был и другие основания для, мягко скажем, настороженного отношения к Фрунзе. Советские биографы полководца старательно умалчивали, что Фрунзе был включен в антисталинскую интригу задолго до назначения наркомом: еще в конце июля 1923 года он принял участие в так называемом «пещерном совещании» в Кисловодске — конфиденциальных встречах Зиновьева с рядом видных партийных деятелей, недовольных чрезмерным сосредоточением власти у Сталина. Среди приглашенных в «пещеры» оказались и Фрунзе с Ворошиловым. Ворошилов, делавший вид, что колеблется, сразу же обстоятельно донес Сталину все подробности «заговора». А вот Фрунзе не только не поспешил со своим рапортом-доносом, но даже, как писал Каменеву Зиновьев, согласился с тем, что «нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина»! «Пещерное

совещание» Сталин однозначно расценил как прямое посягательство на его власть. К слову, и из его участников не выжил никто — кроме... Ворошилова.

Зиновьев действительно способствовал назначению Фрунзе, фактически продавив его кандидатуру, но тот вовсе не был его пешкой: двинув Фрунзе, Зиновьев лишь пытался заслониться им от Сталина. И это была фигура равновеликая: заслуги Сталина не шли ни в какое сравнение с блистательными (по партийным меркам) дореволюционными заслугами Фрунзе и заслугами времен гражданской войны. Не говоря уже о весьма высоком рейтинге Фрунзе за рубежом после успешного участия в ряде дипломатических акций.

Не стоит забывать еще и то, что огромная масса красноармейцев, бывших и действующих, включая даже военспецов — бывших офицеров и генералов старой армии, восторженно относились к Фрунзе как к своему вождю времен гражданской войны. Поскольку единственной альтернативой партийному аппарату мог быть лишь аппарат военный, то для Сталина предельно остро стал вопрос уже физического выживания: либо он, либо Фрунзе. Как осторожно заметил в своих мемуарах Анастас Микоян, Сталин, готовясь к большим потрясениям в ходе своей борьбы за власть, «хотел иметь Красную армию под надежным командованием верного ему человека, а не такого независимого и авторитетного политического деятеля, каким был Фрунзе».

При этом, весьма нелестно выражаясь о Фрунзе в кулуарах, внешне Сталин вел себя по отношению к нему очень дружелюбно, никогда публично не критикуя его предложений. «Загадка, — пояснял Бажанов, — разъяснилась только в октябре 1925 года, когда Фрунзе, перенеся обострение язвы желудка (от которой страдал еще с дореволюционных тюрем), вполне поправился. Сталин выразил чрезвычайную заботу о его здоровье... Политбюро чуть ли не силой заставило Фрунзе сделать операцию...». Сталин, блистательно переиграв Фрунзе на поле чуждой тому аппаратно-бюрократической игры, инициировал решение ЦК, вынудив наркома лечь под нож. Тот же Микоян, заметив, что «Сталин разыграл с нами спектакль „в своем духе“», как бы мимоходом заметил, что врачей он мог прямо и не вовлекать, ведь «достаточно было ГПУ „обработать“ анестезиолога». Что уж тут неясного, если даже осторожнейший Микоян такое

написал, а уж многоопытный Анастас Иванович, коего одно время даже прочили в руководители НКВД, хорошо знал, что такое «обработать»! И, как справедливо впоследствии заметил Лев Троцкий, «во всяком случае, в конце 1925 года власть Сталина была уже такова, что он смело мог включать в свои административные расчеты покорный консилиум врачей и хлороформ, и нож хирурга».

Бюро Гриши

Что дело нечисто, Бажанов понял, «когда узнал, что операцию организует Каннер с врачом ЦК Погосянцем. Мои неясные подозрения оказались вполне правильными. Во время операции была хитроумно применена как раз та анестезия, которой Фрунзе не вынес».

Григория Каннера в сталинском окружении именовали «помощником по темным делам». Внешне «у Гриши Каннера функции неопределенно бытовые, — вспоминал Борис Бажанов. — Он занимается безопасностью, квартирами, автомобилями, отпусками, лечебной комиссией ЦК, ячейкой ЦК... Но это — лишь надводная часть его работы. О подводной же можно только догадываться». Сначала были догадки, потом появились факты. В частности, именно Каннер организовал для Сталина возможность прослушивания телефонов тогдашних кремлевских небожителей, прежде всего Троцкого, Зиновьева, Каменева, получив возможность всегда быть в курсе всего, что они затевают. А специалиста по телефонии — чехословацкого коммуниста, установившего эту систему, — по приказу Сталина расстреляли.

«Контора Гриши» занималась не только телефонами, но делами куда более деликатными. Был такой товарищ, Эфраим Склянский: зампредседателя РВС, считался правой рукой Троцкого, реально держал все реальные нити управления военным аппаратом с марта 1918 года. Потому, убирая Троцкого, «тройка» прежде всего выдернула из-под него эту опору: в марте 1924 года Склянского убрали из РВС. Весной 1925 года Сталин, ненавидевший Склянского еще со времен гражданской войны, к удивлению многих предложил назначить его председателем «Амторга» и послать в Америку. «Амторг» — ведомство весьма пикантное, на тот момент совмещавшее функции

полпредства, торгпредства и, главное, резидентуры, сразу и военной разведки, и нелегального аппарата Коминтерна, и, слегка попутно, еще и ОГПУ. Для Склянского это была ссылка, пусть и почетная. Но толком поработать в Штатах на ниве военно-технического шпионажа он не успел. 27 августа 1925 года Склянский вместе с Хургиным (создатель «Амторга», возглавлявший его до Склянского) и неизвестным товарищем, предположительно из резидентуры ОГПУ, поехали кататься на катке по озеру Лонглейк (штат Нью-Йорк). Лодку потом обнаружили перевернутой, позже нашли два тела — Склянского и Хургина. Уехали вдвоем, а труп — два... Работники секретариата Сталина сразу поняли, кто был истинным автором этого «несчастливого случая»: «Мы с Мехлисом, — вспоминал Бажанов, — немедленно отправились к Каннеру и в один голос заявили: „Гриша, это ты утопил Склянского?!“ ...На что Каннер ответил: „Ну, есть вещи, которые лучше не знать и секретарю Политбюро“. ...Мы с Мехлисом были твердо уверены, что Склянский утоплен по приказу Сталина и что „несчастный случай“ был организован Каннером и Ягодой».

«Этот год был для нас проклятием. Он вырвал из нашей среды целый ряд руководящих товарищей»

По некоей «случайности» год 1925-й выдался на смерти особо богатым: высокопоставленные товарищи вдруг стали пачками умирать от непонятных болезней, выпадать из машин и попадать под них, а то и вовсе под паровозы, тонуть, разбиваться и сгорать в самолетах. Так, 19 марта 1925 года приступ стенокардии случился с Наримановым, одним из сопредседателей ЦИК СССР. И, хотя всего лишь в двух шагах была Кремлевская больница, его каким-то кружным путем на извозчике повезли домой — и возили, пока не привезли труп. Калинин по этому поводу меланхолично заметил: «Мы привыкли жертвовать товарищами». 22 марта для встречи с Троцким из Тифлиса в Сухум на самолете «Юнкерс» вылетела группа высокопоставленных товарищей: первый секретарь Закавказского крайкома РКП(б) Мясников, полпред ОГПУ в Закавказье Могилевский и заместитель наркома Рабоче-крестьянской инспекции Закавказья Атарбеков. Кстати, Могилевский и Атарбеков были в неплохих отношениях с Фрунзе. После взлета в

пассажирском салоне самолета вдруг что-то вспыхнуло, «Юнкерс» рухнул и взорвался. Сам же Фрунзе, как оказывается, в июле 1925 года дважды попадал в автокатастрофы, выжив лишь чудом. 6 августа 1925 года меткую пулю в аорту получил командир 2-го кавалерийского корпуса Григорий Котовский, которому незадолго до того Фрунзе предложил должность своего зама. Потом была лодка Склянского и Хургина, а 28 августа 1925 под колесами паровоза погиб старый товарищ Фрунзе — председатель правления Авиатреста^[6] В. Н. Павлов. «Вечерняя Москва», публикуя 31 августа 1925 года некролог Павлова, даже ехидно спросила: «Не слишком ли много для нашей старой гвардии случайностей? Какая-то эпидемия случайностей». В начале сентября Фрунзе вновь попал в «автоисторию»: на полном ходу дверца его машины вдруг открылась и он выпал, но снова чудом уцелел. В начале же октября, когда Фрунзе ездил отдыхать в Крым, то на пути из Мухоматки в Симферополь порученец наркома, Карпович, передавая ружье Фрунзе, «нечаянно» нанес себе смертельное ранение в грудь. Черда «случайностей» на этом не оборвалась: 23 октября 1925 года в странной автокатастрофе погиб начальник Мосгубмилиции Фриц Цируль.

В общем-то, ничего из ряда вон выходящего не происходило, просто в рамках битвы кремлевских гигантов за власть шла прагматичная ликвидация явных и потенциальных сторонников, в данном случае, Фрунзе. А ушедших тут же сменяли уже кадры из сталинской обоймы. «Почему Сталин организовал убийство Фрунзе? — недоумевал Бажанов. — Только ли для того, чтобы заменить его своим человеком — Ворошиловым? ...Ведь через год-два, придя к единоличной власти, Сталин мог без труда провести эту замену». Но ведь именно устранение Фрунзе и дало Сталину возможность захвата контроля над аппаратом Красной армии, став очередной ступенькой на пути к власти. Позже могло быть и поздно... Не убрав Фрунзе, Сталин не смог бы взять эту самую власть.

Глава 3. Открытое купе дипкурьеров

Ранним утром 5 февраля 1926 года в поезде № 5 «Москва-Рига» на перегоне между станциями Икшкиле и Саласпилс, что в 22–25 километрах от Риги, было совершенно вооруженное нападение на двух советских дипкурьеров. В перестрелке погиб старший курьер, латыш Теодор Нетте, получивший три пули в грудь и еще по одной в каждую руку. Его помощник, эстонец Йоганн Махмасталь, выжил, получив пулю в живот и две в правую руку. Дипкурьеры направлялись в Ригу, откуда, сдав часть груза, должны были направиться в Таллин, а уже из Таллина — в Берлин...

Братья-разбойники

Реальных описаний случившегося очень мало: показания выжившего дипкурьера, Махмасталя, которые цитировались в политиздатовском пропагандистском опусе «Долг и отвага», да еще рапорты политического управления латышской полиции, которые уже в современной Латвии изучили рижские историки Герман Гусев и Олег Пухляк. Итак, полицейские (а в Риге и советские дипломаты), вошедшие в поезд, обнаружили на полу купе скорченное тело Нетте, который был лишь в нижнем белье. Рядом второй курьер — окровавленный, никого не подпуская к багажу с диппочтой, в левой руке сжимавший пистолет. Впрочем, патроны в нем, как оказалось, он уже все расстрелял. В купе проводников нашли и двух нападавших: оба сидели, прислонившись друг к другу, мертвые: у одного зафиксировали легкое ранение в щеку и второе — в висок, смертельное, другой имел тяжелое ранение в правое бедро и смертельное — тоже в висок. Оба гладко выбриты, в хороших костюмах, на каждом до зеркального блеска начищенные ботинки. В карманах литовские монеты и блокнот со схемой расположения станций Скривери, Рембате, Саласпилс. Возле железнодорожного полотна позже нашли литовские паспорта, по которым выяснили, что нападавшие — родные братья Антон и Бронислав Габриловичи. Первому 24 года, второму 19 лет, поляки, уроженцы Шавельского

уезда Ковенской губернии Российской империи (в описываемое время это Шауляйский округ Литовской Республики). Как установила полиция, братья снимали жилье в рижском районе Торнякалнс. Оба якобы были известны литовской полиции как мелкие контрабандисты и спекулянты, но никаких дел с применением оружия, не говоря уже про убийства, за ними не числилось. Согласно базе данных историка Сергея Волкова, во время гражданской войны в России Антон и Бронислав Габриловичи участвовали в Белом движении, но были ли они связаны с белоэмигрантскими организациями и какими конкретно, так и не выяснено. Как не установлено, было ли это нападение актом террора, попыткой захвата дипломатического багажа или «всего лишь» вооруженным налетом с целью грабежа. Действовали братья одни или в составе группы, по своему почину или являлись чьими-то пешками-исполнителями, — все это тоже осталось неизвестным. Нет ясности даже в том, из какого именно оружия стреляли Габриловичи: все источники, как латышские, так и советские, отчего-то скромно умалчивают о такой «мелочи»!

Пароход и человек

Но таким же туманом таинственности и недосказанности покрыто все, что связано с «красными дипкурьерами». Конечно же, обоих тут же наградили орденами Красного Знамени (Нетте — посмертно), о них написали газеты, их именами назвали пароходы, а Маяковский сочинил свое знаменитое стихотворение «Товарищу Нетте, пароходу и человеку». Позже сняли и фильмы, а 5 февраля с тех пор отмечается у нас как день памяти дипкурьеров, погибших при исполнении служебных обязанностей. При этом собственно о дипкурьерах известно не слишком много. Теодор Нетте родился в 1896 году в семье рижского сапожника. Его официальная биография уверяет, что он уже с пеленок состоял в партии большевиков, подвергаясь полицейским преследованиям, а за революционную пропаганду вместе с отцом якобы даже попал в питерские «Кресты», откуда после Февральской революции «рабочие и солдаты освободили их и сотни других революционеров». Действительно, в 1915 году его вместе с отцом арестовали, но, судя по источникам, вовсе не за революционную

деятельность, а за «саботаж при исполнении государственного заказа по изготовлению одежды и обуви для армии»: будущий дипкурьер трудился в мастерской отца, которая поставила армии партию сапог с подошвой из... бумаги. Да и сидел он вовсе не до революции, а лишь до апреля 1916 года, когда был оправдан по суду, а вот его отцу «впаяли» три года за саботаж. В 1918 году Теодор Нетте всплыл сначала в Наркомате внутренних дел Советской России, затем был комиссаром батальона в полку латышских стрелков, позже служил в Елгаве членом революционного трибунала. Чем тогда занимались ревтрибуналы, разъяснять, полагаю, не стоит: ничем, кроме вынесения расстрельных приговоров, которые нередко приводили в исполнение сами же ревтрибунальцы. А в другом латышском городке, Виляны, Нетте служил уже секретарем политотдела — так именовался аналог ВЧК в Советской Латвии, просуществовавшей на клочке латвийской земли около года. Советские биографы Нетте с пафосом писали, как он «судил тех, кто стрелял в красноармейцев с чердаков и крыш, кто в голодные дни копил золото, спекулировал хлебом и солью, кто предавал и продавал советскую власть. Нетте без жалости судил всякую сволочь, бандитов и шпионов». Затем Нетте перевели в Наркомат иностранных дел — дипломатическим курьером. О его напарнике известно еще меньше: Иоганн (Иоханнес) Махмасталь, эстонец, 1891 года рождения, уроженец города Нарва, во время гражданской войны служил в Эстонской коммунистической бригаде и ВЧК, потом получил назначение в Наркоминдел.

Маузер без патронов

Вот его показания и вызывают массу вопросов. Хотя бы потому, что он их все время менял, увеличивая количество нападавших: первоначально их у него двое, затем стало трое, потом уже четверо. Правда, убитые братья Габриловичи под его описание не очень и подпадали. Понятно, что в лихорадке перестрелки было не до разглядывания примет, но еще вопрос, видел ли выживший курьер нападавших вообще? Хватает и других несуразиц. Например, выясняется, что двери купе дипкурьеров «были обычно открыты», причем постоянно и даже когда кто-то из них покидал купе, что точно

не соответствовало служебным инструкциям! Более того, старший дипкурьер, Нетте, в момент нападения спал раздетый на верхней полке. Понятно, что курьеры несут охрану по очереди, но ведь до пункта назначения оставалось уже не более 20–30 минут — разве не пристало старшему дипкурьеру уже одеться и быть во всеоружии?

...Со слов Махмасталия выходит, что еще в четыре утра он якобы услышал на крыше вагона шаги двух человек. (Пробиравшихся по обледенелой крыше на полном ходу поезда?!) Эти слова Махмасталия никто так и не подтвердил: ни проводники, ни пассажиры, да и никаких следов на крыше не обнаружили. Тем не менее курьер «насторожился»: поднялся, вышел в коридор и «около 10–15 минут, или даже больше, стоял в коридоре напротив нашего купе». При этом начальника-напарника он так и не разбудил, не предупредил о возможной опасности и — внимание! — даже оружия не взял с собой: просто стоял и смотрел. Потом якобы увидел нервно ходившего взад-перед по коридору какого-то мужчину в темном пальто и черной шляпе. Снова насторожился, но как-то опять по-особенному: и оружие не достал, и будить начальника вновь не стал, и даже дверь купе не закрыл: «Нетте спал на верхней полке, головой в сторону коридора. Дверь купе все время находилась открытой». Более того, «насторожившийся» Махмасталь снова покинул купе, опять-таки оставив его открытым настежь (а начальника спящим!), и ушел в уборную. Хотя, как свидетельствует дипкурьер Борис Шапик (его рассказ помещен в том же политиздатовском опусе «Долг и отвага»), согласно инструкции, «в пути следования необходимо было сидеть в купе, не отлучаясь ни на минуту, и охранять диппочту. Для того чтобы пойти в вагон-ресторан, нужно было пройти ряд вагонов, а идти с почтой было довольно опасно, в любом тамбуре могла быть устроена засада. Заказать в ресторане обед и попросить принести его в купе было также рискованно, так как не исключено, что пищу могли отравить...». Как писал другой дипкурьер, Евгений Рубинин, страны Прибалтики тогда «кишели русскими белогвардейцами и наемными бандитами. В любой момент от них можно было ожидать нападения или какой-нибудь провокации», потому «дипкурьеры постоянно находились в состоянии огромного нервного напряжения» и, главное, должны были всегда находиться наготове с заряженным оружием в руках.

Так что инструкции товарищи Нетте и Махмасталь однозначно нарушили, расслабившись после пересечения границы с Латвией. Когда Махмасталь пошел в туалет, оставив открытым купе со спящим Нетте, тут, по его словам, все и началось: в коридоре появились какие-то люди в черных масках с оружием. «Увидев все это, я бросился в свое купе, крикнув спавшему на верхней полке Нетте: „Бандиты в масках!“» При этом дверь купе Махмасталь вновь оставил открытым! Дальше еще круче: «Быстро схватив лежавшие на столике у окна под салфеткой наши с Нетте два маленьких маузера, передал один Нетте, *а второй стал готовить для стрельбы...*». К вопросу об оружии: поскольку «маленьким маузером» профессиональный чекист явно не мог назвать здоровенный классический Mauser C-96 (пусть даже и в его несколько укороченной версии «Боло»), значит, это был карманный «маузер» калибра либо 6,35 мм (образца 1910 года), либо 7,65 мм (образца 1914 года). Сам Махмасталь показал: «Всего я стрелял раз девять, так как выяснилось, что выпустил все патроны...». Значит, это был 6,35-мм «маузер» 1910 года — он как раз девятизарядный. Но вооружать дипкурьеров пистолетом, использующим столь маломощный и слабый патрон калибра 6,35 мм, — разве это не глупость, разгильдяйство или что похуже?

Продолжу цитировать Махмасталя: «В этот момент одним прыжком в купе вскочил замаскированный человек (купе, напомним, сам курьер и не закрыл! — *Авт.*)... Он направил на меня браунинг, *но я не успел еще вставить обойму*». Во как! Мало того, что оружие «под салфеткой», так оно еще и не заряжено? Дипкурьеров уже расстреливают, а Махмасталь только лишь собирается зарядить пистолет?! По крайней мере, так утверждал он сам... Да и вообще порой возникают нехорошие подозрения, действительно ли он участвовал в перестрелке или расстрелял магазин уже после, в окно или крышу? Ведь если бы он действительно стал стрелять, еще не будучи раненым, то в той тесноте уж обязательно задел бы кого-то из нападавших. Но как показала экспертиза, именно Нетте, и только он, успел ранить обоих братьев Габриловичей, а все пули Махмасталя — если он вообще стрелял во время нападения — прошли мимо, «в молоко». Хотя, конечно же, сам он твердил, что попал одному бандиту в грудь, а другому в живот. Да вот только ни один из нападавших не был ранен ни в грудь, ни в живот. По словам Махмасталя, после того,

как он расстрелял все патроны, то якобы увидел еще и третьего человека «с маской на лице, в пальто цвета маренго, русских сапогах и с револьвером „парабеллум“ в руке», который стоял возле купе и смотрел на раненого курьера. Мог спокойно добить его, но, «ничего не сказав и ничего не сделав, он ушел». Позже Махмасталь будет уверять, что третий был плохо выбрит, с длинным бледным лицом, светлыми усами, в жокейском кепи, а сапоги — с галошами. Он, мол, и добил двух раненых бандитов. Потом в показаниях Махмасталя объявился и четвертый. Так или иначе, если судить по показаниям выжившего, нападавшие имели все возможности добить его, но почему-то этого делать не стали: может, потому, что он и «не рыпался»? Кстати, чем именно были вооружены нападавшие, тоже никак понять невозможно: тот же Махмасталь, путаясь, говорил то про браунинг, то про парабеллум, то про наганы, хотя уж он-то, как недавний чекист, в оружии разбирался прекрасно. Нет и никаких сведений о проведении трасологической и баллистической экспертиз, неясно, чем были вооружены братья Габриловичи, из какого оружия в их головы были выпущены роковые пули. Равно как по сей день неясно, из какого именно оружия был убит Нетте и какие пули извлекли из раненого Махмасталя. Как ни странно, советскую сторону такие «мелочи» тоже отчего-то совершенно не интересовали, зато вызвала раздражение, как писал один из тогдашних советских дипломатов, «нарочитая медлительность в действиях полиции: долго обсуждали вопрос о калибрах пистолетов...».

Советская версия, правда, сугубо неофициальная, газетная и пропагандистская, гласила, что нападавших было трое, четверо и даже пятеро, один из которых, мол, и добил раненых братьев выстрелами в затылок. Правда, смертельные ранения, повторюсь, были вовсе не в затылок, а в висок, но кого это занимало? Действовали же нападавшие, разумеется, по заданию иностранных разведок — английской, польской, латышской, литовской и др. Иногда, правда, утверждалось, что это дело рук белых эмигрантов, но, опять-таки, выполнявших задание английских спецслужб. Любопытно, но латышские и литовские власти тогда не особо и возражали, когда стрелки переводили на англичан и поляков, и публикациям на эту тему в своих газетах не препятствовали. В связи с этим в прессе этих стран популярной оказалась версия про «вдруг» обнаружившегося «третьего

брата» по имени Леопольд — майора польской армии или польской военной разведки, обитавшего в фешенебельной квартире в Варшаве, который и подвиг, мол, братьев на дело. Большой сумбур внесло письмо, якобы написанное Брониславом Габриловичем своему родственнику, — литовские, а затем и латышские газеты опубликовали его 11 февраля 1926 года. В письме, написанном неплохо поставленным почерком на относительно хорошем русском языке (хотя и не без мелких ошибок), его автор извещал «дорогого Геню»: *«...Теперь наверно ты уже знаешь, на какую границу мы уехали, нам было неприятно идти на такую операцию, но чтож (так в оригинале. — Авт.) поделать, что другого выхода нам не было, со спекуляцией почти ничего нельзя было заработать, а денег не было откуда взять...»* Смущает не столько русский язык природного поляка (в конце концов, писал он его вроде бы своему русскому родственнику), сколько почти безупречное соблюдение нового советского (!) правописания: никаких там «ятей», «еров» и прочих «фит», о чем и свидетельствует фотокопия послания. Но эмигрант, получивший образование, хотя бы и начальное, еще в Российской империи, так писать в 1926 году явно не мог: это же надо было специально переучиваться, отвыкая от инстинктивного «старорежимного» письма! Кстати, «брат-майор» так никогда и нигде больше не всплыл, да и не оказалось никаких документальных сведений о наличии такого майора в польской армии или разведке. Хотя, конечно, странно: люди идут на страшное, смертельное дело — и берут с собой документы (паспорта), оставляют подробные письма... Так или иначе, но ни польский след, ни британский веского документального или материального обоснования не получили, да это и было бы удивительно: если к этому и были причастны разведки, то уж они-то за собой точно все подчистили. 25 октября 1927 года следствие было закрыто по причине смерти обвиняемых. Как ни удивительно, советская сторона по этому поводу возражений не высказала и на продолжении поисков возможных сообщников больше не настаивала. Более того, завершение дела в Москве восприняли с плохо скрытым удовлетворением.

Бриллианты для диктатуры пролетариата?

Возможно, это было связано со спецификой того груза, который везли дипкурьеры? Не случайно латвийская пресса тогда написала, что дипкурьеры сложным маршрутом, через Ригу и Таллин, везли в Берлин груз бриллиантов аж на четыре миллиона рублей золотом. Но, как полагает латвийский историк Эрик Екабсонс, скорее всего в их багаже была большая партия фальшивых британских фунтов стерлингов, предназначенная, скорее всего, для финансирования очень серьезного дела — подготовки всеобщей стачки в Великобритании. Стачка, кстати, и вспыхнула — в мае 1926 года, и едва не сотрясла туманный Альбион! Как позже выяснят британские службы, советское финансирование этого «проекта» действительно имело место. И вовсе не случайно Максим Литвинов, тогдашний заместитель наркома иностранных дел СССР, выдал на похоронах Нетте такую нетривиальную фразу: «Ограбление почты дало бы нашим врагам возможность изготовленные ими поддельные документы выдать за настоящие, найденные в дипломатической почте!»

А фальшивые фунты (а также и доллары) в СССР тогда тоже печатали: свидетельства этого обнаружил и оставил в своих собранных материалах журналист, ветеран советского 130-го Латышского корпуса Гунар Курпниекс. Собирая в 1950–1960-е годы материалы о чекисте Эдуарде Берзиньше, он случайно наткнулся и на сведения о производстве этих фальшивок. Более того, ему удалось поговорить и с некоей Верой Звиргздиня, с 1925 года работавшей кассиром в советском полпредстве (посольстве) в Таллине. Она и поведала Курпниексу, что Нетте и Махмасталь должны были доставить туда деньги, а затем поехать в Берлин: «Сама процедура была секретной до мелочей. Полученные от курьеров деньги я по своим каналам отсылала дальше. Иногда это было легально, но чаще — с посредничеством агентов». По словам бывшей спецкассири, когда им из Риги по телефону сообщили о происшедшем в поезде, в полпредстве «начался ужасный переполох. Никто же не знал, что Махмасталь будет держаться настолько безупречно. Можете представить, что случилось бы, если бы полиция нашла в мешках фальшивые деньги! ...Позор, связанный с фальшивыми деньгами, обрушил бы нас как карточный домик». С этим можно согласиться: дипкурьеры спасли если и не государство, то его престиж, и без того тогда хилый. Утратить они контроль над багажом, скандал бы вышел грандиозный, на всю

планету, с последствиями катастрофическими и непредсказуемыми: фальшивые деньги в дипломатической почте — это не та вещь, которую можно запросто замять. Может, конечно, дипкурьеры, привыкнув к рутине таких поездок, тогда и «расслабились», но дело свое они сделали, так что наградили их заслуженно. Правда, после выздоровления Махмасталя перевели с «оперативной» работы на административную, затем на хозяйственную, а в 1937 году и вовсе арестовали. К счастью, не расстреляли. Официально считается, что он умер в эвакуации в Челябинской области. На деле — фактически в ссылке, в полной неизвестности, пытаясь спастись от голода тем, что в глухом селе своим фотоаппаратом делал снимки людей в обмен на продукты питания... Даже точная дата его смерти — и та неведома: февраль 1942 года, и все. Его могилу кое-как отыскиали (или сделали вид, что нашли) лишь тогда, когда вдруг вспомнили о 50-летию нападения на дипкурьеров. В 1977 году могилу поставили на госохрану, а в 1989 году соорудили в селе мемориал, установив бюст Махмасталя...

Глава 4. Войков: допустимая потеря?

7 июня 1927 года на варшавском вокзале некий Борис Коверда шесть раз выстрелил из пистолета в полпреда (посла, по-современному) СССР Петра Войкова. Две пули достигли цели и через 50 минут он скончался в госпитале, куда его успели доставить. «Рука героя-монархиста дотянулась до убийцы царской семьи», — злорадствовали эмигрантские издания, поскольку за пределами Страны Советов причастность Войкова к злодеянию в Ипатьевском доме мало кем подвергалась сомнению. Европейские газеты сравнивали убийство советского посла с сараевским и судачили о скорой войне с Советами.

«Наш ответ Чемберлену»

К 1927 году положению Сталина завидовать не приходилось, у него, казалось, все сыпалось: полный провал его экономической политики, воспрянувшая оппозиция, буквально вырывающаяся из его цепких рук партия, да еще оценивающе приглядывались к шее товарища Сталина «красные маршалы» и даже ближайшее окружение — «сброд тонкошеих вождей». Единственная возможность сохранить власть (и жизнь) — максимально закрутить гайки внутри страны и партии. Был бы повод...

Товарищ Сталин, конечно, такой повод и сам обязательно придумал бы — если бы успел, конечно. Но 23 февраля 1927 года поистине царский подарок чуть не на блюдечке ему преподнес британский министр иностранных дел Джозеф Остин Чемберлен: направил ноту советскому правительству, пригрозив разорвать отношения с СССР, если тот не прекратит подрывную деятельность — в том числе, и в Великобритании. Грех было не воспользоваться таким сувениром, и тов. Сталин принялся раскручивать «британскую подлость» по полной программе, организовав масштабную кампанию по всей стране под девизом «Наш ответ Чемберлену!».

События того времени вошли в историю как «военная тревога». Казалось, на большевиков ополчился весь мир: по всей Европе и даже

в Азии показательно громили советские агентурные сети. 6 апреля 1927 года китайская полиция разгромила советское полпредство в Пекине, захватив документы резидентур ОГПУ и Разведупра. 9 апреля 1927 года уже во Франции с поличным при встрече с агентом был взят помощник нелегального резидента Разведупра Стефан Узданский. Следствием провала стал арест во Франции около ста человек из числа советской агентуры. 12 мая 1927 года в дело вступили и британцы — полиция совершила в Лондоне налет на советское торговое общество «Аркос», также захватив много интересных документов, и 27 мая британская корона выполнила обещанное и разорвала отношения с СССР. Полпреду Аркадию Розенгольцу со товарищи было предложено покинуть туманный Альбион в десятидневный срок. А следом прогремели выстрелы в Варшаве...

В отношениях с Польшей горшки были побиты и без Войкова: на границе двух стран фактически шла необъявленная война. Советы вели «активную разведку» — этим эвфемизмом в Москве именовали заброску в Восточную Польшу (Западную Белоруссию и Западную Украину) диверсионно-террористических групп под командованием чекистов и командиров Красной армии. «Партизаны», типа Ваупшасова и Орловского, вырезали польских стражников, полицейских, «помещиков», сельских старост. Когда припекало, шустро сбегали на советскую территорию под защиту красноармейских штыков. А в Варшаве вовсю резвились бомбисты — местные террористы-коммунисты, которых снабжали взрывчаткой, гранатами, бомбами и т. п. прямо из здания советского полпредства. В свою очередь, поляки «асимметрично» опекали боевиков Савинкова.

Но к описываемому моменту самого Бориса Викторовича уже давно не было в живых — еще в августе 1924 года его выманили на советскую территорию, захватили, и затем он был успешно «самоубит» на Лубянке в мае 1925-го. И от его организации остались лишь ошметки и обглодки. В отличие, скажем, от Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) — эту монархическую организацию в Кремле (и на Лубянке) как раз почитали за врага серьезного. Но вся соль в том, что опорных пунктов в Польше у террористов «монархической ориентации» быть просто не могло: особо энергичных поклонников «единой и неделимой» поляки выставили сразу после окончания советско-польской войны. Слишком уж глубоки

были противоречия между интересами русских монархистов и ярого польского националиста Пилсудского, так что посланцев Врангеля и великого князя Николая Николаевича в Польше не очень жаловали. Но Кремль, предметно представлявший реальные польские расклады, вдруг почему-то предпочел ухватиться именно за «монархическую» версию.

Главный противник

7 июня 1927 года полиция еще допрашивала неведомого стрелка; его партийно-политическая ориентация, а равно и мотивы покушения были еще загадкой. Но товарищ Сталин уже знал все ответы на все вопросы, хотя и находился весьма далеко не только от Варшавы, но и от Москвы — в Сочи. Поздним вечером того дня, прочтя сухую шифровку о покушения, он тут же надиктовал Молотову директиву, отправленную 8 июня в 1 час 50 минут ночи и поступившую в шифрбюро ЦК ВКП(б) в 8 часов 40 минут утра: «Получил об убийстве Войкова монархистом. Чувствуется рука Англии. Хотят спровоцировать конфликт с Польшей. Хотят повторить Сараево...». Но, строго указал вождь, с поляками ни в коем разе даже в словесную конфронтацию не входить — с учетом тогдашней реальной боеспособности (т. е. полного отсутствия таковой) Красной армии это могло дорого стоить. «От нас требуется максимум осторожности. ... Надо дать официальное извещение... с указанием, что общественное мнение СССР считает вдохновительницей убийства партию консерваторов в Англии...».

И, наконец, о главном — тех самых гайках, которые срочно надо было начать закручивать: «Всех видных монархистов, сидящих у нас в тюрьме или в концентрационном лагере, надо немедленно объявить заложниками. Надо теперь же расстрелять пять или десять монархистов, объявив, что за каждую попытку покушения будут расстреливаться новые группы монархистов. Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации всеми мерами». Ибо, с нескрываемым удовлетворением завершил вождь, «убийство Войкова дает основание для полного разгрома

монархистских и белогвардейских ячеек во всех частях СССР всеми революционными мерами...».

Указания высшей инстанции приняты к исполнению незамедлительно: уже 8 июня 1927 года Политбюро ЦК ВКП(б) издало постановление «О мероприятиях в связи с белогвардейскими выступлениями». Поручив ОГПУ «принять решительные меры в отношении белогвардейцев»: «произвести массовые обыски и аресты», «опубликовать сообщение ОГПУ с указанием в нем на произведенный расстрел 20 видных белогвардейцев», «согласиться с тем, чтобы ОГПУ предоставило право вынесения внесудебных приговоров вплоть до расстрела...».

Первую партию «белогвардейцев» бессудно расстреляли уже вечером 9 июня. Всего же в те дни ОГПУ произвело по всей стране не менее 20 тысяч обысков и девяти тысяч арестов «бывших людей». Когда председатель ОГПУ Менжинский уведомил Политбюро, что «ОГПУ предполагает число расстрелянных ограничить сравнительно небольшой цифрой», да и вообще слегка сбавить темпы, то получил недвусмысленную отповедь Сталина: повальные аресты продолжить. Используя их еще и «для развития системы добровольчества среди молодежи в пользу ОГПУ и его органов».

Но главным объектом чекистской атаки стали не «домашние» монархисты, а закордонные — тот самый РОВС, созданный в 1924 году генералом Врангелем, а затем принятый под крыло великим князем Николаем Николаевичем. И его тайная структура — боевая организация генерала Кутепова. Но почему под шумок выстрелов Коверды, который, как быстро выяснится, никогда никаким монархистом не был, стрелки перевели именно на РОВС, казалось бы, уже давно деморализованный ныне распиаренной чекистской операцией «Трест»? Если на момент создания РОВСа в нем было порядка 40 тысяч человек, то к 1929 году его боевые возможности оценивали уже в 50–60 тысяч «штыков». Мало? Но это же были офицеры и солдаты, дисциплинированные, сплоченные в подразделения, в активе которых был отменный боевой опыт, качественная подготовка и хорошая физическая форма. Превосходный профессиональный мобилизационный контингент, в любой момент способный стать армией. Или — острием армии вторжения. Да и как собственно террористов недооценивать их было чревато: 3 июня 1927

года в Москве боевики РОВС пытались взорвать общежитие сотрудников ОГПУ на Малой Лубянке, 6 июня 1927 года боевик РОВС бросил бомбу в бюро пропусков ОГПУ в Москве, а 7 июня 1927 года, в тот же день, когда в Варшаве стреляли в Войкова, группа кутеповцев прорвалась и в Ленинград, забросав бомбами Центральный партклуб на Мойке. Никого из «сброда тонкошеих вождей» совсем не прельщала перспектива случайно (или не очень) залететь под руку этих отмороженных молодцев. Но, повторюсь, Кремль все же больше заботила не дилетантская возня нескольких десятков террористов Кутепова, а собственно РОВС как потенциально организованная сила.

Чужой среди своих

...Войкова хоронили торжественно: воинские почести, траурные марши, гроб на артиллерийском лафете, митинг, Кремлевская стена. Однако некролог «Правды» был обезличен и сух до необычайности: советские вожди явно скорбели не по самому убиенному, а лишь отдавали должное его статусу — Войков не был для них совсем уж «своим». Вот и советские энциклопедии услужливо подскажут, что до 1917-го Войков был меньшевиком. Порой внимание акцентировали еще и на том, что Войков хотя и вернулся после февраля 1917-го в «пломбированном» вагоне, но не в том, не в «правильном» вагоне — не с Лениным, а с лидером меньшевиков Мартовым...

Петр Лазаревич Войков родился в 1888 году в семье, как утверждал советский дипломат (и невозвращенец) Григорий Беседовский, «директора керченской гимназии, махрового монархиста и члена «Союза русского народа». Но это полная чушь: никаким «махровым монархистом» и черносотенцем отец Войкова не был. Еще с подачи уже монархической эмиграции Петра Войкова и поныне упорно именуют Пинхусом Лазаревичем Вайнером и даже членом тайной еврейской террористической организации — это тоже чушь. В реальности он крещенный в православии «малоросс» или, как написали бы сегодня, «украинец». Его дед, Петр Войков, крепостной крестьян Таврической губернии, скопив деньги, выкупил у помещика вольную. Как истово верующий человек, он своего сына, крещеного в день святого Лазаря, назвал именем этого святого. И даже сумел дать

ему достойное, гимназическое образование. После окончания гимназии Лазарь Петрович Войков поступил было в Петербургский Горный институт, но вскоре был исключен оттуда за участие в студенческой забастовке. Потому продолжил образование уже в Тифлисе, где закончил учительскую семинарию, затем получил место учителя математики в ремесленном училище Керчи. Мать Петра Войкова, Анна Филипповна, в девичестве Иванова, тоже получила высшее образование — закончила Керченский Кушниковский институт благородных девиц (иногда именуется «женский институт»). Сам Петр Войков учился в Керченской классической мужской Александровской гимназии, и в основном на отлично. Но в 1904 году был исключен из гимназии — формально за пропуск занятий, реально — за политику, был зачислен в Ялтинскую гимназию, откуда тоже отчислен, так что гимназический аттестат он получил позже, когда экстерном сдал экзамены за полный гимназический. Советская литература утверждала, что с гимназических лет Войков был активным деятелем подпольных социал-демократических кружков, деликатно не уточняя, каких именно. Потому как кружки те были меньшевистскими. Но, если хорошенько покопаться, выяснится, что социал-демократических кружков и организаций в Крыму тогда практически не было, зато там всюду резвились социалисты-революционеры. Войкову приписывали организацию покушения на ялтинского градоначальника генерала Ивана Думбадзе в 1907 году: с балкона дачи в коляску проезжавшего мимо генерала была брошена бомба, но генерал выжил, отделавшись тяжелой контузией и множеством ранений. Но здесь сложно что-либо говорить о степени участия в этом деле Войкова: по одной из версии, он был причастен к перевозке бомб, по другой — планировал операцию. Более очевидной полагают его причастность к покушению на ялтинского полицмейстера Михаила Гвоздевича летом 1906 года. Есть версия, что группе из пяти боевиков, в том числе и Войкову, поручили тайно вывезти из Ялты самодельные бомбы. После погрузки мешка с бомбами в фэзтон боевики разделились. Войков вместе с двумя боевиками отправились за город к оврагу, где должны были «утилизировать» бомбы, другие два боевика пешком сопровождали экипаж. Именно они, услышав, что по бульвару сейчас должен проехать полицмейстер, неожиданно «поменяли концепцию», бросив бомбы в чиновника. Но неудачно: полицмейстер остался жив, боевики

же, получив смертельные ранения, скончались в больнице. Сам Войков сбежал в Севастополь, оттуда в Петербург, где поступает на физико-математический факультет университета. Но вскоре полиция вышла на его след, и он по загранпаспорту своего товарища сбежал уже за границу — сначала в Париж, затем перебрался в Женеву. Там вступил в Швейцарскую социалистическую партию, продолжив активно сотрудничать как с меньшевиками, так и с ленинцами. Возвращаясь же к крымским эпизодам, отмечу: те теракты учиняли вовсе не социал-демократические дружинники-боевики (меньшевики или большевики, неважно), а один из эсеровских «летучих отрядов»! Так что с партийной принадлежностью Войкова все не так просто. Или, напротив, как раз ясно? Кстати, основательная «эсеровская» боевая закваска чувствовалась в нем буквально до последнего: ведь, будучи уже смертельно раненным, он, выхватив пистолет (тот еще дипломат, с пистолетом в кармане!), стал отстреливаться. Можно припомнить и другой варшавский эпизод: когда очередному резиденту ОГПУ в Варшаве потребовалось разгрузить сейфы от запасов предшественника — взрывчатки, бомб, ручных гранат и даже баллонов с отравляющими газами, Войков, игнорируя нормы, накладываемые дипломатическим статусом, к изумлению сослуживцев (и надзиравшей за ним польской контрразведки), с энтузиазмом взялся самолично топить бомбы в Висле!

Но для «настоящих» большевиков Войков так и остался чужим, а после Октября партийные кадровики и вовсе поставили на нем крест: путешествовал в одном вагоне с Мартовым, служил комиссаром в Министерстве труда Временного правительства. Правда, в августе 1917 года записался в большевики, был откомандирован в Екатеринбург, где стал секретарем Уралоблсовета профсоюзов, возглавил городскую Думу и даже был введен в местный Военно-революционный комитет. К слову, на Урале позиции эсеров тогда были сильны, так что появление там Войкова не выглядит случайным: Свердлов, как главный большевистский «кадровик», явно знал, кого туда надо отправить для налаживания рабочего контакта с эсеровскими активистами. Ну, и с меньшевистскими, возможно, тоже. Фигурять в анкетах изначальным большевизмом Войков не мог, а после разгрома в июле 1918 года так называемого левоэсеровского мятежа упоминать о каких-либо былых связях с эсеровской боевой организацией и вовсе

стало опасно. Безопасней было прописать себе в заполняемых документах ранний меньшевизм, но этот же «меньшевизм», выжженный во всех анкетах, намертво блокировал путь вверх по линии партийной. Отсюда и его неустанное стремление любой ценой доказать: да свой я, свой! Именно Войков в Уралсовете яростнее всех требовал казни царской семьи: предлагал расстрелять всех на берегу реки, привязать к ногам гири и утопить. Также он якобы поведал Беседовскому, что напросился на поход в ипатьевский подвал, лелея мысль лично шлепнуть бывшего царя, чтобы уж точно и наверняка войти в историю. Но, по его словам (опять-таки, в изложении Беседовского), все испортил «скотина, мясник, идиот» Юровский, сразу застреливший Николая и превративший «торжественный исторический акт» в мясницкую бойню. И вот Войкову в общей куче расстрельщиков якобы пришлось беспорядочно палить по императрице, детям, прислуге, добивая их выстрелами в голову и докалывая штыками, а потом было разрубание трупов. Войков участием в бойне похвалялся, демонстрируя снятый с пальца императрицы перстень с рубином и пистолет, из которого стрелял. Но это повествование, скорее всего, просто плод буйной фантазии перебежчика Беседовского. Особенно якобы снятый с пальца убитой императрицы перстень: да за такое Юровский его бы самолично на месте пристрелил! Даже столь дотошный следователь, как Николай Соколов, упорно копавший это дело по горячим следам, обнаружил лишь подпись Войкова на требовании о выдаче серной кислоты, которую использовали для уничтожения тел. В хранящихся в архивах воспоминаниях организаторов и непосредственных убийц, в частности, Якова Юровского и Петра Ермакова, никакого упоминания Войкова нет, но его роль в этом деле действительно велика. Именно Войков — автор, организатор и основной исполнитель изощренной чекистской провокации образца июня — июля 1918 года, целью которой было получение «неопровержимых» письменных доказательств подготовки некими монархистами побега царской семьи из Ипатьевского дома в Екатеринбурге. Речь идет о тайно переданных низложенному монарху письмах, написанных по-французски якобы от имени группы офицеров-монархистов, обещавших вызволить Николая и его семью из заточения. Как раз Войков и придумал, а затем вместе с чекистами реализовал эту грязную провокацию, вынудив Николая

вступить в переписку с мнимыми спасителями, он сочинял, а затем и надиктовывал эти письма чекисту с хорошим почерком. Хорошо владея французским, самолично писать их не стал, не желая оставлять каких-либо следов своего непосредственного участия — обстановка была крайне неустойчива и опасна. Вот именно эта переписка с лжезаговорщиками и стала поводом для обоснования убийства...

Но факт, что Войкову действительно хотелось «живого дела», славы, почестей, чинов, а даже и после цареубийства ему — бывшему боевику — еще долго пришлось прозябать по линии... потребкооперации. Впрочем, все «екатеринбургские мясники» тогда тоже оказались не в фаворе — именно из-за этих недоумков, не сумевших сработать тихо и «чисто», кремлевская головка на долгие годы и оказалась невыездной. Мало того, они ведь еще и требовали общественного признания своего «подвига», болтая о нем где ни попадя, невзирая на четкое указание высшей инстанции: сидеть тихо и молчать в тряпочку.

...В 1922 году Войкову удалось перебраться на дипработу, и в конце 1924 года он с большим трудом получил пост советского полпреда в Варшаве. Но и там бывший террорист (если, конечно, террористы бывают *бывшими*) сидеть тихо не собирался. Так жаждал высунуться и рвался к «живой» (т. е. боевой) работе, что проявлял гиперактивность даже на работе вовсе не дипломатического свойства, лично участвуя в вывозе провалившихся агентов и боевиков, организации тайных вечерь с местными подпольщиками или в «утилизации» ненужного, но опасного «специмущества» — например, лично топил бомбы в Висле. Когда же утопил, загорелся очередной идеей фикс: а не замахнуться ли нам на Юзефа нашего Пилсудского? И, к вящему ужасу польской контрразведки, вроде бы даже занялся подготовкой его убийства на полном серьезе — на свой страх и риск, самодеятельно, без санкции Кремля!

При этом, давая выход своему неумному темпераменту, советский полпред, пристрастившийся к бутылке и даже наркотикам, якобы повадился снимать девиц нетяжелого поведения в самых значных углах Варшавы, шастая там даже по ночам — в одиночку, но с пистолетом... Это, опять-таки, если верить Беседовскому. Трудно сказать, было ли у него время для таких развлечений и стали бы польские власти терпеть дипломата-наркомана, шляющегося по

притонам с пистолетом в кармане. Хотя кто знает: может, для них как раз лучше был именно такой «дипломат», засвеченный и весь как на ладони? Еще существовала версия, что Москва якобы была расстроена растратой Войковым нескольких тысяч казенных долларов, и вопрос о его отзыве — с неизбежным «разбором полетов» по партийной линии и оргвыводами — полагали почти решенным. Более того, можно даже встретить утверждения, что к тому времени Войкова уже исключили из партии и отозвали из Варшавы. Как иронично заметил Беседовский, «выстрел Коверды избавил его от этих неприятностей» — ко всеобщему, мол, удовлетворению. Хотя, разумеется, никто его из рядов ВКП(б) заочно не исключал, да и как бы мог продолжить работу за границей советский полпред, будучи исключенным из партии? Но его дипломатическая карьера, безусловно, подходила к концу и поста в Варшаве он несомненно лишился бы в том же 1927 году. Именно в 1927 году команда Сталина учинила поистине массовую замену советских представителей за рубежом: сменены полпреды во Франции, Латвии, Литве, Эстонии, Швеции, Норвегии, Финляндии, Австрии, Китае, Монголии, Иране, Мексике. А в Японии в 1927 году Кремль и вовсе сменил аж троих советских полпредов. В 1928 году сменились советские представители в Италии, Чехословакии... Из Великобритании советского полпреда, как известно, «попросили» в мае 1927 года. То есть именно тогда шла замена советских полпредов практически во всех странах, с кем тогда СССР имел дипломатические отношения. И никаких шансов пересидеть в Варшаве эту тотальную «чистку послов» у Войкова не было.

Террорист за 200 злотых

Принеся Москве положенные извинения, Варшава быстро учинила процесс над Борисом Ковердой. Его судили 15 июня 1927 года, той же ночью приговорив к бессрочным каторжным работам. Одновременно суд просил президента Польши смягчить наказание до 15 лет. Президент смягчил. В 1937 году, отсидев 10 лет, Коверда вышел на свободу по амнистии. Умер в 1987-м.

В нашей литературе его упрямо величают белоэмигрантом, белогвардейцем, монархистом и даже мстителем за царскую семью. Но

Борис Коверда, родившийся в 1907 году, уж точно не мог быть «белогвардейцем» — хотя бы в силу своего возраста. Да и эмигрантом его назвать сложно: он уроженец города Вильно, который с 1920 года был в составе Польского государства. Сам он на суде заявил, что гражданство его «неопределенное», хотя «отец мой, кажется, является польским подданным». Уточнив, что «вероисповедания православного» и «по национальности русский». Но отец его, Софрон Коверда, на том же суде, подтвердив, что является польским гражданином, вполне недвусмысленно заявил под присягой: «я — белорус, жена моя также». Относительно гражданства Бориса Коверды все точки над «і» расставил главный обвинитель, прокурор Казимир Рудницкий, назвав подсудимого польским гражданином.

На суде Коверда стоял на том, что убил Войкова как «представителя международной банды большевиков», «как представителя банды злодеев, как большевистского комиссара»: «Часть прессы считает меня монархистом, но я не монархист. ...Я демократ и хотел, чтобы в России было какое-нибудь правительство, но только не большевики, не коммунисты, только не банда злодеев, которая уничтожила массу людей». Уже в 1984 году Коверда написал, что, мол, читая про зверства большевиков, кипел его разум возмущенный, а тут еще «на должность советского посла в Варшаве был назначен Войков, известный большевик, проехавший в свое время через Германию в запломбированном вагоне, вместе с Лениным, и роль которого в убийстве царской семьи... была известна...». Царская семья — это, конечно, ужасно, но в Польше 1927 года этот тренд, как известно, не был популярен, да и сам Коверда на суде ни о какой «мести за царя» даже не заикался.

А самое пикантное, что «монархист» Коверда, как оказалось, потомственный... эсер! Его отец, Софрон Коверда — член партии социалистов-революционеров, да еще и с дореволюционным, «довоенным» стажем нелегальной работы. Участник Первой мировой, он успел повоевать и против большевиков на улицах Москвы в октябре 1917-го, но потом попал в... Красную армию, откуда сбежал лишь в 1921 году, вернувшись к семье в Вильно. По возвращении Коверда-старший тут же примкнул к Савинкову. И, как он сам показал в суде, издавал газету «Крестьянская Русь» — орган организации Савинкова.

Сам же Борис Коверда подрабатывал в газете «Беларускае Слова» — это тоже было эсеровское издание, хозяин которого — Арсений Павлюкевич, сподвижник Булак-Балаховича — союзника Савинкова по борьбе с большевиками. Вот именно этот Павлюкевич, как признал Коверда уже на склоне лет, и сыграл роль змия-искусителя. Еще одним своим пастырем Коверда назвал есаула Михаила Яковлева — бывшего командира «Волчанского партизанского отряда», «партизаны» которого сильно отличились не столько в борьбе с красными, сколько по части еврейских погромов и насилий над мирным населением. Есаул, кстати, тоже оказался... издателем — газеты «Новая Россия», тоже эсеровско-савинковского оттенка. Кстати, интересный вопрос: на какие шиши издавалось сразу столько газеток узкой направленности, ориентированных на предельно узкую аудиторию? Ведь численность и уровень материального благосостояния русских эмигрантов в Польше были таковы, что ни о какой самоокупаемости этих изданий, не говоря уже о прибыльности, можно было не заикаться. Не говоря уж о том, что в условиях польского авторитарного режима санации — с его жесткой полициейщиной и суровыми ограничениями свободы печати — такие издания должны были демонстрировать предельную лояльность властям, да и вообще могли существовать лишь с одобрения соответствующих служб.

Вот эти-то матерые «газетчики» и поймали в свои сети «юношу бледного со взором горящим»: «Мысль о возможности покушения на Войкова, — писал Коверда в 1984 году, — поднималась в моих беседах с Павлюкевичем и Яковлевым все чаще и чаще, и в конце концов, к началу 1927 года, я выразил желание совершить это покушение. Павлюкевич согласился предоставить необходимые средства, а Яковлев должен был оказать содействие в организации покушения». Средства — 200 злотых, содействие — врученный есаулом пистолет с десятком патронов. Итак, за выстрелами Коверды стояли конкретные люди, но не монархисты: гимназист-недоучка стал орудием в руках ошметков савинковской организации, оставшейся без покровителя, организатора и финансиста, которой это убийство было насущно необходимо, дабы доказать свою полезность и нужность потенциальным работодателям — мы тоже что-то можем!

Из обвинительного акта: «...*Посланник СССР Петр Войков... прибыл на главный вокзал для встречи возвращавшегося из Лондона*

через Берлин полномочного представителя правительства СССР в Лондоне Аркадия Розенгольца. ...Оба вышли на перрон к скорому поезду, отходящему из Варшавы... В тот момент, когда посланник Войков с Розенгольцем находился около спального вагона этого поезда, раздался револьверный выстрел, направленный в посланника Войкова. Стрелял неизвестный мужчина. Войков отскочил, бросился бежать; нападающий стрелял ему вслед, в ответ на что Войков вынул из кармана револьвер, обернулся и несколько раз выстрелил в нападавшего, затем стал падать... Нападавший, увидев приближающуюся полицию, по требованию которой он поднял руки вверх и бросил револьвер на землю, отдался добровольно в руки полиции, заявляя, что он — Борис Коверда и что стрелял, желая убить Войкова в качестве посланника СССР, дабы отомстить за Россию, за миллионы людей».

Итак, исполнителя обеспечили оружием, базой, явками, сведениями об объекте. Сам он — под предлогом получения визы в СССР — посетил советское представительство, на месте оценил его систему безопасности и, главное, вблизи присмотрелся к своей «мишени» — Войкову. Теперь не спутает...

Вывод Коверды в точку исполнения поражает своей четкостью: приобретя перронный билет, экс-гимназист возник на перроне день в день, час в час и минута в минуту с объектом. Поразительная проницательность! Ведь о том, что Войков непременно прибудет на вокзал для встречи с коллегой, в Варшаве знали только очень компетентные граждане — по долгу службы. Телеграмма, извещающая о проезде Розенгольца через Варшаву, была получена в советском полпредстве лишь накануне вечером, в 22 часа, о ее получении, как следует из документов, «знали только ближайшие помощники покойного посла». Потому «представляется возможным констатировать, — заявили представители советского полпредства, — что за послом Войковым или было устроено специальное организованное наблюдение, или же что убийца был заранее уведомлен какими-то посторонними источниками о предстоящем проезде Розенгольца».

Необычно и поведение стрелка. Перед ним сразу две значимые мишени — еще и Розенголец! Но он, не соблазняясь возможностью смахнуть с доски сразу две фигуры, дисциплинированно валит лишь

заданную. А ведь для любого борца с большевизмом Розенгольц куда «вкуснее» Войкова: он много выше него в большевистской иерархии, поскольку не только полпред в Лондоне, но и еще руководитель тамошней резидентуры Разведупра РККА, бывший член Реввоенсовета республики и РВС ряда фронтов и армий, бывший начальник Главного управления Рабоче-Крестьянского Красного Военно-воздушного флота, просто мечта террориста! Но — не поляков... Полякам смерть столь значимой фигуры на их территории совершенно не нужна — уж за Розенгольца Советы точно рассчитались бы предельно жестко. И потому Коверда дисциплинированно держится в рамках изначального задания? К слову, «юноша бледный...», впервые в жизни взявший в руки оружие (если верить его словам, конечно), впервые в жизни и стреляет — и сразу же в живого человека, причем не на войне, а в мирной обстановке, но стреляет совершенно хладнокровно и метко. Тоже интересно, но что-то тут не сходится...

Арест и вовсе происходит так, словно Коверда многожды отрепетировал его. Ни малейшего волнения и попыток скрыться, строго выверенные жесты, ни одного лишнего движения: руки — на виду, пистолет — на земле, четкое следование всем приказам полиции, заранее заготовленная реплика-пояснение. Поведение на суде — та же железная линия: ни одного лишнего слова, все берет на себя, никаких подельников и, упаси боже! — никаких эсеров и савинковцев. Смутный намек на монархизм и, как бальзам для польских властей, слова-извинения, как бы снимающие даже намек на их возможную ответственность за своего гражданина: «Мне жаль, что я причинил столько неприятностей моей второй родине — Польше!» Но какая у него тогда «первая родина», если он родился в Вильно, прожив там 14 из своих 19 лет?!

Вопросов осталась масса. Кто нашел Коверде сразу четырех адвокатов — самых блестящих и дорогих? Кто оплатил их гонорар? Как вышло, что своим выстрелом Коверда оказал комплексную услугу польскому государству, дав «асимметричный» ответ на кремлевскую «активную разведку»? И по ходу, как бы сделав лично одолжение Пилсудскому — устранен чрезмерно инициативный товарищ, помышлявший о ликвидации польского диктатора.

В сухом остатке выходит, что никакая это не импровизация кустарей-одиночек — чистой воды спецоперация. Планирование, финансирование и столь выверенная реализация которой по зубам лишь службам государственным. Похоже, убийство Войкова — искусная, тонкая и подлая акция, проведенная под «чужим флагом» польскими спецслужбами, если и не напрямую, то уж точно не без участия их сотрудников. В общем, сошлось у всех: у «юноши бледного» кипел его разум возмущенный, бандиты-«газетчики» просто очень хотели кушать, а чинам польской тайной полиции нужен был служебный рост. Не исключено, что кураторам акции представилась возможность доложить об успешной реализации агентурных материалов, со всей непреложностью доказывающих террористические намерения советского полпреда в отношении первого лица государства! А такие вещи всегда и везде ценят по высочайшей категории и высшими наградами. Ну, а тов. Войкову и вовсе пенять не на кого — он всегда так жаждал высунуться, что не заметил, как оказался жертвой политической целесообразности — это он-то, привыкший выбирать себе жертв сам!

И уж точно больше всех от этой многоходовки получил, разумеется, сам товарищ Сталин. Пальба на варшавском вокзале дала ему идеальный повод предельно закрутить гайки в стране, тут же аукнувшись расстрельными залпами в СССР и развертыванием первой серии масштабных репрессий. Сталин решал тогда самую кардинальную из своих задач: как сохранить власть, не дав другим «товарищам по стае» шанса перехватить ее. Чему весьма поспособствовало и убийство Войкова. Вот какой удобный оказался так удачно подвернувшийся этот «монархист» Коверда, якобы случайно, но как-то очень кстати и своевременно забредший в самое нужное место: всего пара выстрелов, зато столько зайцев сразу убито, сработано чисто по-сталински...

Глава 5. «Революционный палец, запущенный в Китай»

В ночь 17 ноября 1929 года в завершающую фазу вступил советско-китайский вооруженный конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Внезапно перейдя замерзшую пограничную реку Аргунь, части Красной армии при поддержке артиллерии и авиации атаковали позиции китайской армии в районе Чжайланора. Одновременно советские войска перешли советско-китайскую границу и в Приморье — возле города Мишаньфу.

К 20 ноября боевые действия завершились безусловной победой красных сил, хотя формально считается, что вооруженный конфликт, начавшийся еще 12 октября, был окончательно урегулирован 22 декабря 1929 года. Оценки потерь сторон противоречивы. По отчетным документам советская войска тогда потеряла убитыми 211 бойцов. Но спустя 60 лет вдруг установили, тоже документально, что погибших было никак не меньше 281. Раненых официально насчитали 729, хотя позже выяснилось: через госпитали Дальнего Востока тогда прошло свыше 1400 раненых. Без вести пропавших оказалось 32. Потери китайцев много выше: только в плен Красная армия взяла чуть не 10 тысяч человек, а убитых перестали считать, когда их цифра дошла до двух тысяч.

С чего все началось-то? История этого конфликта крайне неоднозначна. Советские, а ныне уже и российские историки казенной выделки традиционно твердят, что во всем виноваты исключительно «китайские милитаристы», пытавшиеся прибрать к рукам принадлежавшую нам КВЖД. Эти же самые «милитаристы» учиняли и многочисленные вооруженные провокации на советско-китайской границе, обстреливая пограничников, засылая на советскую территорию белогвардейские отряды. По версии же китайской стороны, конфликтную ситуацию своей политикой спровоцировала именно советская сторона, постоянно нарушавшая соглашение 1924 года о совместном управлении — реально на КВЖД царил советский диктат.

На деле все куда более запущено. КВЖД строили в 1897–1903 годах как южную ветку Транссибирской магистрали — от Читы до Владивостока, с ответвлением на Порт-Артур. Значение дороги было прежде всего военно-стратегическое: она должна была обеспечить более скорую переброску войск из России на Дальний Восток, тем самым усилив и влияние Российской империи в Китае. Магистраль принадлежала России, ее администрация была чисто российской, работали на ней российские железнодорожники, а охраняла дорогу специальная Охранная стража, де-факто сформированная из действующих российских военнослужащих. Китайцам такое положение, вестимо, не нравилось, но у них, как говорится, не спросили. Что не раз и приводило к жестоким конфликтам. В июне 1900 года, в разгар Боксерского восстания, китайцы в районе Мукдена атаковали партию строителей КВЖД. Почти все строители были убиты, а захваченного в плен инженера Верховского обезглавили. После поражения в русско-японской войне практически вся южная ветка КВЖД попала к японцам. До марта 1920 года дорогой управлял генерал-лейтенант российской императорской армии Дмитрий Хорват. Затем полосу отчуждения магистрали оккупировали китайские войска, но ее администрация осталась русской.

Длань советской власти сумела дотянуться до КВЖД лишь после заключения в 1924 году соглашения с Китаем, по которому Москва формально отказалось от специальных прав и привилегий, ликвидировав российские концессии в Харбине, Тяньцзине и Ханькоу. Но тут же начались и конфликты. Сначала из-за увольнения новой администрацией всех русских служащих КВЖД, не принявших советское или китайское гражданство. Понятно, что такое решение никак не могло понравиться, в первую очередь, многочисленным русским эмигрантам. При этом прибыли дорога не приносила, оставаясь предприятием глубоко убыточным.

Свои виды на стратегическую магистраль были и у китайских генералов. Фактический хозяин Маньчжурии генералиссимус Чжан Цзолинь, воевавший за контроль над Пекином, остро нуждался в провозе своих войск по КВЖД, но платить за это не желал, да и не мог — просто было нечем. Но когда советская администрация КВЖД попыталась пресечь провоз эшелонов с вооруженными «зайцами», китайские военные стали отправлять поезда, угрожая расстрелом.

Затем Чжан Цзолинь и вовсе приступил к планомерному захвату магистрали, арестовав советского управляющего КВЖД, А. Н. Иванова. Впрочем, ситуация тогда накалилась вокруг всех советских учреждений в Маньчжурии: харбинские власти производили массовые аресты советских граждан, захватили флотилию КВЖД. Да и в иных местах Китая советским пришлось несладко. В апреле 1927 года китайские войска вторглись в советское полпредство в Пекине, было осаждено советское консульство в Шанхае. В декабре 1927 года было разгромлено советское консульство в Кантоне (Гуанчжоу), его сотрудники арестованы, а пять советских дипломатов после измывательств были расстреляны.

Помимо этого в регионе фактически продолжалась российская гражданская «мини-война»: вооруженные белоэмигрантские отряды оперировали на советской границе. Чего уж скрывать, у людей, насильно лишенных родины, были основания взять в руки оружие. Китайские же власти, вопреки утверждениям московских пропагандистов, далеко не всегда могли контролировать эти формирования. И уж точно не имели возможность распустить или изгнать эти отряды, как того требовал Кремль.

Вот так КВЖД и жила: от обстрела до налета, от налета до погрома, от погрома до захватов и расстрелов. Так что к 1929 году дорога стала фактически недееспособной, а уж предотвратить ее ползучий захват китайскими генералами было практически невозможно. Было очевидно, что дорогу не удержать, рентабельной она в советских руках никогда не будет, да и ее стратегическое значение во враждебном окружении практически было уже нулевым. Впрочем, Москва это поняла раньше: еще в 1926 году Лев Троцкий предложил *«разделаться с КВЖД из-за трудностей и провокаций»*. Другие трезвомыслящие партийные товарищи тоже говорили, что *«нам нужно поскорее разделаться с КВЖД, сдать ее, что это есть „мозоль“ на нашей ноге...»*. Да ведь и сам Иосиф Сталин, как свидетельствовал дипломат Григорий Беседовский (в 1929 году стал невозвращенцем), вовсе не горел желанием во чтобы то ни стало удержать КВЖД. Во время встречи с Беседовским (согласно журналам записи лиц, принятых И. В. Сталиным, она состоялась 23 октября 1927 года) *«Сталин сказал совершенно спокойно, что он учитывает возможность потери дороги и не очень этим взволнован»*. После чего

заметил, что «если уж искать выхода из создавшегося положения, то лучшие всего не создавать никаких акционерных обществ с нашим участием, а просто продать кому-нибудь дорогу. И продать ее так, чтобы сохранить лицо и заострить антагонизмы между отдельными капиталистическими державами на Дальнем Востоке. Не забывайте, что наше пребывание на КВЖД искривляет основные линии нашей восточной политики. Если мы уйдем, сохранив лицо, заработаем при этом достаточную сумму денег и, кстати, заострим японо-американские антагонизмы, то это будет наилучшим выходом из положения. Каковы доводы за продолжение нашего пребывания на КВЖД? Это — доход от КВЖД и сохранение там базы своего влияния в Северной Маньчжурии, благодаря советским служащим на КВЖД. Конечно, последнее обстоятельство представляет для нас еще большую ценность, ибо, в случае нового подъема революционной волны в Китае, мы сможем через советскую Северную Маньчжурию установить контакт с революционным Пекином. Но, продавая дорогу, мы получаем достаточную сумму, могущую заменить нашу ежегодную прибыль от КВЖД. А в случае появления революционного правительства в Пекине можно будет легко установить связь с ним через Северную Маньчжурию, даже и в случае отсутствия на КВЖД. Надо только решить, кому выгоднее всего можно продать КВЖД. Я думаю, что дорогу надо продать японцам...». Правда, эту здравую мысль Сталин предпочитал озвучивать и обкатывать в крайне узком кругу, дабы конкуренты в схватке за власть не получили повод обвинить его в предательстве дела мировой революции. Ведь, скажем, член Политбюро ЦК ВКП(б) пламенный Николай Бухарин категорически выступал против такой продажи, пафосно заявив в июле 1926 года на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), что «у нас был вопрос о КВЖД, о железнодорожной линии, которая является главной стратегической жилой, которая является нашим революционным пальцем, запущенным в Китай».

Так все и тянулось до лета 1929 года, пока не начался очередной цикл обострения: китайцы пачками стали арестовывать и депортировать советских служащих КВЖД, затем снова пошла пальба на границе. По советской версии, китайские военные обстреливали советских пограничников из стрелкового оружия и местами вели артиллерийский огонь, а китайские кавалеристы и отряды белых

эмигрантов — вместе или порознь — совершали налеты на советскую территорию. Советские пограничники, в свою очередь, давали им отпор. Если верить советским официальным описаниям, столкновения эти всегда выглядели как-то странно: первыми нападали и открывали огонь всегда китайцы или белогвардейцы, но и потери несли в основном они, а вовсе не пограничники! Причем даже огромный численный перевес или внезапность китайцам якобы не помогали: судя по официальным рапортам, то два пограничника успешно обращали в бегство восемь китайских солдат, то 70 красноармейцев умудрялись полностью разгромить «белогвардейскую банду» в 170 штыков и сабель, покروшив 90 «белобандитов» и 20 китайских солдат, хотя сами потеряли при этом убитыми лишь троих! Или какой-то пограничный наряд — опять два пограничника — вступал в перестрелку с 16 китайцами и выходил из нее победителем, то группа вообще никому не известных «местных красных партизан» вдруг переходит границу и громит в Китае «белогвардейскую банду». При этом, не потеряв ни одного человека, «красные партизаны» уничтожили аж 114 «белобандитов»... Судя по всему, всласть оторвались обе стороны.

6 августа 1929 года Москва занялась проблемой КВЖД основательно: была создана Особая Дальневосточная армия (ОДВА), командовать которой назначили Василия Блюхера. К границе подтянули артиллерию, кавалерию, пехотные части, авиацию. Первую большую операцию провели 12 октября: захватили город Лахасусу (ныне Тунцзян) и разгромили китайскую Сунгарийскую флотилию. В ноябре пришел черед Маньчжуро-Чжалайнорской и Мишаньфуской операций... В районе Чжалайнора боевое крещение получили танки советской разработки — девять Т-18 (МС-1). Правда, из описания боя ясно, что подготовка к нему со стороны РККА «была традиционно бестолковой»: за три месяца противостояния и подготовки операции толком не провели даже разведки позиций противника... Впрочем, невзирая на трех-пятикратный численный перевес китайцев, исход операции решил военно-технический перевес красных частей. Да и собственно боевая подготовка у тогдашних красноармейцев была лучше, чем у китайских солдат. Хотя последние, как подтверждают отечественные источники, даже в окружении сражались ожесточенно, отчаянно, до последнего.

Затем заключили новое соглашение, и на КВЖД опять воцарилось совместное управление — формально. Только вот в 1935 году «наш революционный палец, запущенный в Китай», все равно пришлось отдать — оккупировавшим Маньчжурию японцам, как это и предлагал Сталин еще в 1927 году...

Глава 6. Март 1930-го: запах Кронштадта

2 марта 1930 года Реввоенсовет (РВС) СССР, высший коллегиальный орган управления и политического руководства Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), издал совместно с ОГПУ директиву, категорически запрещающую привлекать части РККА к так называемым «операциям по изъятию контрреволюционных элементов» (т. е. массовым акциям по выселению «раскулаченных»), фильтрации спецпереселенцев, арестам, облавам, обыскам. Запрет также распространялся на привлечение РККА к так называемым чекистско-войсковым операциям: прочесыванию местности, блокированию населенных пунктов, выставлению постов и проверке документов на железнодорожных станциях и в поездах.

Ровно через три года, 2 марта 1933 года, распоряжение пришлось повторить уже в форме совершенно секретного приказа РВС СССР № 004. Приказ жестко подтверждал все положения директивы от 2 марта 1930 года, из чего следует лишь один вывод: раз спустя три года Ворошилову пришлось директиву вновь повторять и подтверждать, значит, невзирая на запреты, части Красной армии к карательным операциям на селе все же привлекались.

В свою очередь, руководство ОГПУ также регулярно выпускало столь грозные приказы, категорически запрещающие привлекать РККА к решению «крестьянского вопроса». *«Части Красной армии к операции ни в коем случае привлекать. Использование их допускать только в крайних случаях, при возникновении восстания»,* — говорилось в приказе ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 года. Под «операцией» имелась в виду депортация порядка 170 тысяч «кулацких» семей, 500–700 тысяч человек, в отдаленные районы Севера, Сибири, Урала, Казахстана...

Невзирая на запреты сверху, чекисты на местах буквально ринулись выклянчивать у военных подмогу с 1928 года, когда Сталин начал ломать деревню «по-настоящему». Деревня, доведенная до отчаяния насильственными хлебозаготовками, разорением и массовыми арестами, тогда забурлила. Вспыхнули мятежи, а на Кавказе и в Средней Азии вообще натурально полыхала война. Как

справедливо считает историк Олег Хлевнюк, именно курс на форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию «фактически вверг страну в состояние гражданской войны».

Весной 1930 года ОГПУ официально зафиксировало почти 1700 массовых крестьянских выступлений в Поволжье, Сибири, на Урале, на Северном Кавказе, центральной России, Средней Азии, в Крыму, Белоруссии, волнениями было охвачено свыше тысячи населенных пунктов Украины...

И в управлениях ОГПУ на местах, что называется, забздели. Дело даже не в том, что катастрофически стало не хватать милиции и войск ОГПУ. В первую очередь, чекисты в морально-психологическом плане оказались не подготовлены к оказываемому порой вооруженному сопротивлению. Лишь считанные единицы из массы чекистов конца 1920-х — начала 1930-х годов некогда прошли горнило настоящей войны. Подавляющее же большинство чекистов, включая даже ветеранов «дзержинского призыва», имели опыт вовсе не боевой, военный, а лишь «классовой борьбы» — карательных акций против противника заведомо слабого и безоружного — населения. Но на селе эти товарищи в кожаных тужурках, нюхавшие порох лишь на расстрельных полигонах, встретились не только с беззащитными женщинами или с карикатурными «кулаками» — с матерыми мужиками, чуть ли не все из которых поголовно прошли целую череду войн. В селе, как оказалось, полным-полно было бывших красных партизан и красноармейцев, в том числе и недавно демобилизованных из РККА, которые вовсе не горели желанием задарма сдавать хлеб, записываться в колхозы и вместе с семьями подыхать с голодухи. И зачастую, когда во время волнений милиция и чекисты пытались применить силу, селянам было достаточно сделать несколько неприцельных выстрелов, чтобы «дзержинцы» драпали быстрее зайца. А уж оружия на селе после гражданской было хоть отбавляй. Понятно, затем в дело вступали уже войска ОГПУ, но их же на все и всех поначалу не хватало. Так что потерпевшие фиаско чекисты шли на поклон к местным воинским начальникам. Однако «существующее распоряжение частям РККА часто исключает возможность своевременной ликвидации выступлений» — жаловался своему

руководству Николай Алексеев, полпред ОГПУ по Центрально-Черноземной области.

Нарком же Ворошилов принцип неучастия РККА в карательных акциях на селе отстаивал ревностно, принципиально держась этой позиции как на заседаниях Реввоенсовета, так и при обсуждении в Политбюро. Но не стоит подозревать Клина Ефремовича в гуманизме. Будущий «первый маршал» был реалист и руководствовался соображениями сугубо прагматичными: ввод Красной армии в село грозил обернуться катастрофой. Армия, на 90 процентов крестьянская, запросто могла повернуть оружие против большевиков, соединившись со своими отцами, братьями, сородичами. Сородичами — в прямом смысле: система построения РККА середины 1920-х — конца 1930-х годов была в основном территориально-милиционная. Кадровые части были преимущественно технические (флот, авиация и т. п.), а вот пехота и кавалерия, составлявшие львиную долю Красной армии, — территориальные. И служба там весьма отличалась от образца 1940-х — 1980-х годов. Служили, как правило, в полку на территории своего же района, а после года службы отправлялись в запас, регулярно призываясь в свой же родной полк на военные сборы. Так что в территориальном полку были выходцы из одного района, а уж батальон и вовсе был как филиал родного села.

Историк Нонна Тархова приводит красноречивую сводку Политуправления (ПУ) РККА от 14 февраля 1928 года, в которой говорится, что деревня шокирована действиями властей и бросилась за советом и помощью к своим сыновьям в армии. И «она не просто жалуется своим сыновьям, а просит у них помощи», просит «защиты против действий местных властей» и даже прямого содействия в борьбе против притеснений, а «в отдельных случаях просит вооруженной поддержки». *«Деревня через свои письма усиленно втягивает красноармейцев в деревенские дела, — с тревогой констатирует главный политорган РККА, — и даже требует от своих сыновей в армии помощи и противодействия хлебозаготовительному нажиму».*

Хлебозаготовки вызвали столь большую волну так называемых «крестьянских настроений» в армии, что с июля 1928 года ПУ РККА начало выпуск специальных сводок, которые так и назывались:

«Крестьянские настроения в РККА». Адресаты этих сводок — Сталин, Орджоникидзе, Ягода и другие высшие деятели партийного апарата.

Весьма часто эти сводки составлялись на базе выдержек из писем, адресованных красноармейцам и выуженных бдительными цензорами. Вот, к примеру, выдержка из одного такого письма к солдату: *«Сейчас в г. Балте бабы разбили лавки, а милиция потребовала полк солдат. Солдаты приехали, посмотрели, разобрались с делом, сложили ружья в козлы и сказали: „Дайте им хлеба“»*. Скорее всего, конечно, это сочетание действительности и желаемого. Но настроения уже показательны: красноармейцы действительно не горят желанием наводить порядок на селе и, даже будучи посланными туда, оружие, как правило, не применяют или стреляют поверх голов. Огонь на поражение открывали солдаты войск ОГПУ, комплектовавшихся, как правило, из «настоящих пролетариев».

Письма в армию обильно цитируются и в сводках Особых отделов ОГПУ: *«Советская власть есть бич народа, я бы предложил вам, красноармейцам, поднять вопрос на собрании о том, чтобы не морили людей голодом и не издевались над народом...»*; *«Сообща своим командирам, что они совершенно забыли о крестьянстве. Все красноармейцы — крестьяне, и если крестьянство пойдет против соввласти, то и армия пойдет против нее...»*; *«Если бы была война, все красноармейцы повернут штыки в обратную сторону...»*, *«Соввласть будет существовать только до первой войны...»*.

Стоит ли удивляться, что нарком Ворошилов, вовсе не выступая против «генеральной линии партии» на ускоренную индустриализацию и тотальную коллективизацию, не горел желанием вовлекать во все это армию. Владея информацией о моральном духе красноармейцев (особенно из территориальных частей), Ворошилов четко осознавал: стоит только привлечь РККА к борьбе с народом, это повлечет за собой, по выражению Тарховой, «дестабилизацию армейских рядов».

Любая эскалация антикрестьянской активности тут же отражалась и на армии, и на призывниках. И, как справедливо полагали «аналитики» из Реввоенсовета и Политупра, все это запросто могло спровоцировать взрыв, подобный Кронштадтскому мятежу, а то и еще круче. Оружия, как уже сказано, в стране гуляло предостаточно, винтовок и револьверов тогда только на селе изымали

умопомрачительное количество: каждая деревня запросто могла вооружить от роты до батальона, только вот патронов там, увы, было маловато.

Еще, с точки зрения военных, привлечение армии к карательным операциям подрывало ее боеспособность, отрывало от боевой учебы, да еще в самый разгар опасений, что вот-вот начнется иностранная военная интервенция. Которой тогда, по сути, просто нечего было противопоставить — Красная армия конца 1920-х — начала 1930-х годов была фатально небоеспособна. В Кремле не сомневались: разразись сейчас настоящая война, в тылу несомненно полыхнет пламя крестьянских мятежей, подавить которые одни лишь войска ОГПУ были не в состоянии. А собственно армия, крестьянская по сути, удара на фронте точно не выдержит, зато охотно поднимет на штыки своих командиров, протянув руку мятежному селу, как это уже не раз случалось в нашей истории. И тогда от советской власти остались бы кровавые клочки большевиков, развешанные по деревьям, кустам и фонарям.

Разумеется, свою позицию за пределами узкого круга подельников по Политбюро Ворошилов никогда публично не озвучивал. Однако же народ, как известно, сер, но мудр. Приметив очевидное — нежелание втягивать армию в «классовую борьбу» в деревне, на селе тут же пошли гулять слухи: то ли Ворошилов в Сталина стрелял — ранил или убил его, то ли, наоборот, Сталин ранил Ворошилова. Показателен сам образ Ворошилова, стреляющего в Сталина: село все еще видело в Красной армии свою заступницу, отчаянно надеясь на ее помощь.

И дабы некому было протягивать эту руку, ОГПУ приступило к операции по изъятию «опасного элемента» из села — не только бывших «белогвардейцев», но и красных партизан, и демобилизованных красноармейцев. Одних ставили к стенке, другие ехали в лагеря, третьим предлагали «добровольно» осваивать просторы Сибири и Дальнего Востока. А Особые отделы ОГПУ приступили к зачистке армии от всех, кто был заподозрен в подверженности «крестьянским настроениям». Благо вычислить потенциальных «врагов» было несложно — по тем же самым перехваченным письмам от родных...

Глава 7. Хлеб. Золото. Наган

От семи до девяти миллионов крестьян уморила голодом советская власть в начале 1930-х годов, силой отняв у них весь хлеб, чтобы продать его за рубеж за валюту.

Три колхозницы выдали привезенной в специально отобранный образцово-показательный колхоз Безенчукского района Средневолжского края (ныне Самарская область) делегации чехословацких рабочих самую сокровенную советскую тайну той поры: в стране Советов люди мрут от голода! Об этом страшном ЧП замначальника 5-го отделения Секретно-политического отдела ОГПУ Глаголев доложил самой высшей для него служебной инстанции — заместителям председателя ОГПУ СССР Генриху Ягоде, Якову Агранову и Георгию Прокофьеву. И можно не сомневаться в том, какая именно судьба вскоре постигла колхозниц Лазареву, Силантьеву и Елуферьеву... Это лишь один из документов потрясающей, хотя, если честно, не слишком обширной коллекции архивных документов (в том числе ФСБ) по голоду в СССР 1930-х годов, обнародованной Федеральным архивным агентством. В той подборке сводок ОГПУ есть документы и похлеще: *«зарезала свою племянницу 12 лет, мясо которой употребила в пищу», «зарезала своего ребенка, мясо которого также употребила в пищу»^[7]; «...учтено: трупоедства — 54 случая, людоедства — 69 случаев»^[8]; «не имея совершенно продуктов питания, по уговору со старшей сестрой, 9-летний мальчик убил 3-летнюю девочку (сестру), после чего отрезали у нее голову и в сыром виде ели мясо трупа»^[9]; «11-летний мальчик — ножом вскрыл живот умершего отца, вынул внутренности и приготовил их, чтобы сварить»^[10]; «бедняк... 50 лет, убил своих дочерей 7 и 9 лет, мясо которых употребил для еды. ...При обыске никаких продуктов питания у него не обнаружено»^[11]; «в землянке, в сундуке, обнаружено человеческое мясо без костей около 30 кусков, весом 16 кг, и в чашке суп, сваренный из этого же мяса. ...совершив убийство, Т... мягкие места трупа срезал и засолил, а кости и остальные части в мешке зарыл в снег. Из этого мяса варили суп, который ела вся семья»^[12]; «на почве продзатруднений зарезала*

своего ребенка 3 лет, с целью употребления в пищу», «зарегистрирован факт употребления в пищу умершего грудного ребенка... Умерший ребенок был ею поджарен в печке на лопате и в тот же день съеден, а кости брошены в печь, с целью укрытия следов», «в ведре обнаружено было засоленное человеческое мясо», «при обыске обнаружено в чугунах человеческое мясо, а на столе лежали оглощенные кости. При допросе... признался, заявив, что это мясо употребляли и его жена и двое детей»^[13]; «в станице Ново-Щербиновской, Ейского района, выявлены факты группового людоедства, сопровождавшиеся умышленным убийством малолетних членов семьи и детей-беспризорных», «эта группа зарезала и употребила в пищу 4 детей»; «зарезала и съела двух своих детей», «выявлена семья, систематически занимавшаяся людоедством»; «эта группа зарезала и употребила в пищу 3 детей», «выявлены колхозники... которые убили двух своих малолетних детей и питались их трупами»; «выявлено несколько фактов, когда дети, питавшиеся человеческим мясом и помещенные в интернатах, рассказывали о том, как их родители убивали и ели детей»^[14].

Ели, разумеется, не только это: «Рабочие завода Силикатного кирпича... отрывали тайным образом на скотомогильниках при Ветеринарно-Санитарной Станции Техжиркома вблизи г. Саратова туши сапных лошадей, мясо которых употребляли в пищу»^[15]; «отмечены 50 случаев употребления в пищу павших животных»^[16]; «на Госшвейфабрике, в Оренбурге... отмечены факты употребления в пищу собак», «рабочие уходят в села нищенствовать», «рабочие падают от истощения у своих станков»^[17]. А еще описаны многочисленные случаи, как возле мельниц и элеваторов, где рабочие употребляли в пищу зерно, голодные дети собирали человеческий кал, извлекали из него зерна и ели их^[18]. При этом, как свидетельствует историк Виктор Кондрашин, не установлено ни одного факта смерти от голода коммуниста, председателя колхоза или сельского Совета...^[19]

До краха СССР тема голода начала 1930-х годов была у нас не просто закрыта — под строжайшим запретом. Было наложено жесточайшее табу вообще на какое-либо упоминание о страшном голодоморе, для исследователей были закрыты абсолютно все

архивные фонды, где находились документы о голоде. Любой историк, осмеливавшийся коснуться этой запретной темы, мог запросто поплатиться, по крайней мере, запретом на профессию. Разумеется, это вовсе не означало, что про ужасы голода не знал никто, кроме выживших, но очень молчаливых даже в кругу семьи современников-свидетелей. Хотя подобные документы и находились на закрытом хранении, утечки было не избежать: с ними все равно должны были работать хотя бы те, кто обеспечивал их сохранность — архивисты. Надо же было давать ответы на запросы госорганов, граждан, готовить справки... А еще были студенты-историки, проходившие там архивную практику... Поныне помню шок — свой и однокурсников — от открытия, сделанного во время той практики: документы Куйбышевского областного госархива (ныне Центральный госархив Самарской области) казенным языком всевозможных сводок, отчетов и протоколов свидетельствовали, как свою смертоносную жатву голод 1930-х годов снимал в селах и поселках, откуда родом была половина нашего курса: села обезлюдели на четверть. Но больше всего шокировали документы о людоедстве, причем людоедстве вовсе не единичном, а поистине массовом! Приложенные к документам фотографии были не для слабонервных: расчлененные человеческие тела, отрезанные конечности и головы, объединенные куски тел и обглоданные кости, чугушки и ведра, набитые кусками человечины... Разумеется, никто все это нам, студентам, специально не давал, однако кто-то сунул нос в те фонды из чистого любопытства, замещая сотрудников-хранителей, кому-то просто поручили дежурную работу — привести в порядок описи, картотеку, сверить дела. Так что к концу архивной практики те жуткие фотографии тайком проглядели все. Что, разумеется, не стало секретом ни для самих архивистов, ни для наших преподавателей, так что после завершения практики последовали вполне предметные указания держать язык за зубами...

Массовый голод, начавшийся в 1931 году, поразил Украину, Поволжье, весь Кавказ, особенно Северный, всю черноземную полосу России, Белоруссию, Урал, Сибирь — как Западную, так и Восточную, Казахстан, Киргизию... Голод поразил прежде всего зоны сплошной коллективизации, то есть все основные зерновые районы СССР. По подсчетам историков и демографов, на территории тогдашней РСФСР от голода начала 1930-х годов погибло не менее 2,5 миллионов

человек, еще 1,5–2,5 миллиона человек умерли от голода в Казахстане, а 3–4 миллиона — на территории Украины. Всего же тогда в Советском Союзе погибло от голода от семи до девяти миллионов человек, если не больше.

Но весь ужас не только в том, что это был самый страшный голод за всю историю страны, а еще и в том, что голод тот был рукотворный — целиком и полностью организованный Сталиным и его подручными, прямое следствие сталинской политики сплошной насильственной коллективизации и сталинской же политики принудительного изъятия хлеба у села. Все делалось под дулами чекистских наганов и пулеметов войск ОГПУ — крестьян насильно загоняли в колхозы, отнимая нажитое имущество и скот, выкачивая из села все зерно. Собственно, коллективизация ведь и была начата ради тотального выгребания зерна из села: Сталину позарез был нужен дешевый хлеб для армии, города и, главное, для продажи за границу — за валюту, поскольку кроме зерна поставлять за рубеж было нечего. Валюта же, в свою очередь, была позарез нужна Сталину для обеспечения форсированной индустриализации и милитаризации страны. 6 августа 1930 года Сталин писал Молотову: *«Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, кредиты будут»*^[20]. *«Нам остается еще 1–1½ месяца для экспорта хлеба: с конца октября (а может быть, и раньше) начнет поступать на рынок в массовом масштабе американский хлеб, против которого нам трудно будет устоять. Если за эти 1½ месяца не вывезем 130–150 мил[лионов] пудов хлеба, наше валютное положение может стать потом прямо отчаянным. Еще раз: надо форсировать вывоз хлеба из всех сил»*^[21] — это уже из письма Сталина Молотову от 23 августа 1930 года. На другой день Сталин бьет в ту же точку: *«Микоян сообщает, что заготовки растут и каждый день вывозим хлеба 1–1½ мил[лиона] пудов. Я думаю, что этого мало. Надо бы поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3–4 мил[лионов] пудов минимум. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский завод и пр.) заводов. Найдутся мудрецы, которые предложат подождать с вывозом, пока цены на хлеб на междун[ародном] рынке не подымутся до «высшей точки». Таких мудрецов немало в Наркомторге. Этих мудрецов надо гнать в шею, ибо они тянут нас в капкан. Чтобы ждать, надо иметь*

валютн[ые] резервы. А у нас их нет. Чтобы ждать, надо иметь обеспеченные позиции на междун[ародном] хлебн[ом] рынке. А у нас нет уже там давно никаких позиций, — мы их только завоевываем теперь, пользуясь специфически благоприятными для нас условиями, создавшимися в данный момент. Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба»^[22]. Спустя неделю, 30 августа 1930 года, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «Исходя из необходимости максимально форсировать экспорт хлеба, поручить Наркомторгу обеспечить в течение сентября вывоз хлеба за границу в размере не менее 3–4 млн пудов в день»^[23]. Всего за 1930–1933 годы из Советского Союза в Европу было вывезено не менее 10 млн тонн зерна: в полном смысле слова «экспорт на костях», уничтоживший крестьянство страны. Как подсчитал покойный ныне историк Виктор Данилов, один лишь отказ от хлебного экспорта в 1932 году позволил бы прокормить по нормам благополучных лет примерно семь миллионов — те самые миллионы, которые и сгинули в корчах рукотворного голода. Это был настоящий геноцид, только по признаку не национальному, а классовому: уничтожали крестьянство. Причем крестьян русских (или белорусских, мордовских, татарских...) истребляли точно так же, как и украинских.

Рухнула советская власть, исчезли, казалось бы, запреты, но и в современной России тема фактически осталась закрытой: власти «антисоветской» горькая правда о рукотворном голоде 1930-х годов тоже не нужна — как-то она не очень патриотична. Потому первая настоящая работа по этой теме вышла в нашей стране лишь в 2008 году — спустя 75 лет после голода! В то время как украинское государство опередило российское здесь на целую эпоху: там сразу же открыли госархивы, прежде всего бывшего КГБ и партийные, издано огромное количество сборников документов, фундаментальных исследований, учебников по Голодомору. Ситуация оказалась такова, что даже уважаемый в научном историко-архивном сообществе руководитель Росархива Владимир Козлов вынужден был открыто признать, что российская власть зашевелилась только тогда, когда жареный петух клюнул в темечко: по его словам, лишь «политизация проблемы голода в СССР в 30-х годах и ее сведение на Украине в рамки геноцида украинцев заставила экспертов приступить к масштабной работе по выявлению в архивах России, Белоруссии, Казахстана

документов, связанных с этой историей». И вскоре он был снят с должности. Мы же можем поблагодарить украинские власти хотя бы за то, что именно они разбудили власть российскую, побудив ее приоткрыть хоть какие-то материалы по голоду в СССР.

Глава 8. Мятеж на Сухаревке

В начале 1930-х годов власть Сталина висела на таком волоске, что его мог свергнуть даже один батальон.

По сей день кажется, что в 1930-е годы власть тов. Сталина была крепка, как броня, а все заговоры против него, в изобилии раскрываемые бдительными органами, — липа и мистификации, услужливо сварганенные в угоду «вождю народов», одержимому манией преследования. Это действительно так, но одну попытку военного переворота — в августе 1934 года — чекисты все же проморгали. Только вот об этом ни в одном учебнике и поныне нет ни строки. Да и об этом деле вообще никто и никогда не узнал бы, не будь опубликована переписка Сталина с Кагановичем за 1931–1936 годы.

Дело в том, что Сталин тогда имел обыкновение раз-два в год надолго покидать Москву, выезжая «на юга», — чаще всего с июля по октябрь, иногда и по ноябрь. На время этого «курортного романа» обязанности заместителя Сталина по партии в Москве исполнял особо доверенный член Политбюро ЦК ВКП(б), руководивший в это время повседневной работой Политбюро. До 1930 года таковым был секретарь ЦК ВКП(б) Вячеслав Молотов, но в связи с его перемещением в кресло председателя Совета народных комиссаров СССР Сталин в 1931–1936 годы передал обязанности своего «курортного» зама по партии Лазарю Кагановичу. Для Сталина сей персонаж был хорош прежде всего тем, что при всей своей кипучей энергичности, потрясающей работоспособности и исполнительности он был безмерно предан лично вождю, отличаясь безмерной исполнительностью и... безынициативностью. К тому же он не был слишком любим (если не сказать крепче) остальными членами сталинского синклита. Так что от него точно не приходилось ждать «нездоровой инициативы» — попытки сговориться с другими членами Политбюро за спиной Сталина или, упаси боже, участия в полноценном заговоре против вождя: Верный Лазарь о таком и помыслить не мог. Хотя власть Кагановича во время отсутствия Сталина и была почти безмерна, абсолютно все мало-мальски значимые решения, принимаемые в Политбюро, Каганович всегда

согласовывал со своим хозяином. Поскольку же качество телефонной связи, пусть и правительственной, между Москвой и сочинской дачей Сталина было еще отвратным, общение шло посредством шифротелеграмм и писем, ежедневно отправляемых-доставляемых специальными курьерами НКВД (до 1934 года — ОГПУ). Порой такое эпистолярное общение происходило по несколько раз на дню: отдых — отдыхом, но руку на пульсе «хозяин» предпочитал держать крепко и цепко.

И вот в конце июля 1934 года Иосиф Сталин, как обычно, отправился из душной и жаркой Москвы отдыхать в Сочи, и его пребывание там затянулось до 28 октября. На время же его отсутствия, как и было заведено, «на хозяйстве» в Москве остался Каганович.

Каково же было удивление Сталина, когда 5 августа 1934 года Каганович, информируя «хозяина» о первом заседании Политбюро после его отъезда, как бы между прочим — всего лишь пятым (и последним!) пунктом — сообщил: *«Сегодня произошел очень неприятный случай с артиллерийским дивизионом Осоавиахима. Не буду подробно излагать. Записка об этом случае короткая, и я ее Вам посылаю. Мы поручили Ягоде^[24] и Агранову^[25] лично руководить следствием. Утром были сведения, что Нахаев, начальник штаба дивизиона, невменяем, такие сведения были у т. Ворошилова. Сейчас я говорил с т. Аграновым, он говорит, что из первого допроса у него сложилось впечатление, что он человек нормальный, но с некоторым надрывом. Показания он дает туго. Ночью будет протокол допроса, и я его Вам пошлю. Тут необходимо выяснить, один ли он, нет ли сообщников? Ясно одно, что Осоавиахим прошлятил. В дальнейшем буду информировать Вас о ходе следствия»*. Оценка, мягко скажем, весьма сдержанная, хотя ЧП на самом деле оказалось весьма неординарным.

Восставший дивизион

В 8 часов утра 5 августа 1934 года в Красноперекопские казармы Московской пролетарской стрелковой дивизии на Сухаревской площади пешим ходом прибыл артиллерийский дивизион Московского лагерного сбора Общества содействия обороне, авиационному и

химическому строительству (Осоавиахим, предшественник ДОСААФ) — более 200 бойцов. Впрочем, формально это были граждане, призванные на очередные сборы. Часовой без вопросов пропустил запасников на территорию части. И вот там-то началось! Начальник штаба этого дивизиона, кадровый командир Красной армии и слушатель Военной академии РККА Артем Нахаев, дал команду красноармейцам на построение, а когда дивизион выстроился во дворе казармы, красный командир обратился к ним с пламенной речью. Нахаев призвал бойцов с оружием в руках выступить против... советской власти и лично товарища Сталина, мало того что узурпировавшего власть, так еще и доведшего страну до нищеты. Как утверждали свидетели, Нахаев говорил о том, что основные завоевания Октября утеряны: мы воевали в 1914-м и 1917 годах, мы завоевали фабрики и заводы рабочим, земли — крестьянам, но на самом деле они так ничего и не получили — фабрики и заводы уже не принадлежат рабочим, а земли у крестьян тоже уже нет. Все находится в руках государства, и кучка людей управляет этим государством, государство поработывает рабочих и крестьян, нет свободы слова... *«Товарищи рабочие, — кричал Нахаев, — где ваши фабрики и заводы, которые вам обещали в 1917 году? Товарищи крестьяне, где ваши земли, которые вам обещали?»* Свой спич Нахаев закончил так: *«Долой старое руководство, да здравствует новая революция, да здравствует новое правительство!»* После чего отдал приказ своим бойцам занять караульное помещение и захватить находившееся там оружие. По одной из версий, на этом все и кончилось: приказ никто не стал выполнять, и Нахаева тут же повязали. По другой, часть бойцов вместе с ним сделала попытку захватить караульное помещение и, надо полагать, после двинуться на Кремль. Но, увы, караул от запасников Нахаева отбился, свои винтовки отстоял и самого Нахаева схватил.

Мятежник из Осоавиахима

Собственно о Нахаеве сведений буквально мизер — документы следствия по его делу исследователям все еще недоступны, известны лишь выжимки из допросов, зафиксированные в рассекреченных

документах. Родился в 1903 году, в 1925 году окончил Ленинградскую артиллерийскую школу, но в 1928 году из армии демобилизовался — вроде бы по болезни. Еще известно, что в 1927 году он якобы сам вышел из ВКП(б) в знак протеста против исключения из партии лидеров оппозиции: в 1927 году так называемый «Ноябрьский объединенный пленум ЦК и ЦКК» исключил из партии Троцкого и Зиновьева, а затем, в декабре того же года, уже XV съезд ВКП(б) «в довесок» исключил из партии еще 75 видных оппозиционеров, в том числе Каменева, Радека, Муралова... Трудно сказать, кому именно симпатизировал Нахаев, троцкистам или зиновьевцам, но симпатии к Троцкому — как отцу-основателю Красной армии — в среде армейского комсостава были тогда довольно высоки. По официальной версии, после демобилизации он долго не мог найти работу. В тех клочках материалов следствия, которые ныне доступны, говорится, что Нахаев *«не смог найти работу, которая давала бы ему моральное и материальное удовлетворение»*. Это все сказка для детского сада: если Нахаева выкинули из армии, по сути, с волчьим билетом — как причастного к оппозиции, нелояльного к сталинским аппаратчикам, да еще и «самоисключенца» — сам же, мол, бросил партбилет на стол. Таким кадрам тогда даже грузчиками устроиться было невозможно! Известно, что до конца 1933 года Нахаев работал где придется, в том числе на разных заводах и стройках в Одессе и Москве, затем устроился преподавателем военных дисциплин в Московский институт физкультуры, был начальником штаба дивизиона Осоавиахима, а затем даже принят на вечернее отделение Военной академии РККА. Значит, какие-никакие связи у него сохранились — кто иначе рискнул бы принять экс-оппозиционера в военную академию, пусть и на вечернее отделение? Причем, как можно понять, академию Нахаев успешно окончил. Дальше начинается полоса неизвестности — для исследователей. Следователи, разумеется, знали все, однако материалы этого дела, повторюсь, находятся на закрытом хранении по сей день — незаконно, в нарушение действующего законодательства о порядке рассекречивания...

В тех же документальных огрызках, которые доступны, говорится, что Нахаев якобы надеялся улучшить свое материальное положение после окончания Военной академии — для того, мол, и поступал. Но вместо улучшения — жуткая нищета: Нахаев вместе с женой снимал

угол в селе Жулебино — аж целых четыре квадратных метра! Якобы именно это и подтолкнуло его к протесту против власти. Правда, можно понять, что Нахаева еще не устраивали коллективизация и резкое снижение уровня жизни рабочих. Но на данной теме следователи не заикливались — на то у них были соответствующие указания.

Поначалу Каганович, ссылаясь на Ворошилова, отписывал Сталину, что Нахаев просто психически неуравновешенный человек, действия его бессмысленны, да и вообще, это, мол, болезненный и нелюдимый тридцатилетний человек, «обремененный многочисленными бытовыми проблемами и служебной неустроенностью». По первоначальной версии следствия, Нахаев, мол, уже даже был готов к самоубийству, заранее заготовив бутылку с ядовитой жидкостью, но не успел ею воспользоваться. Но если мятежник изначально хотел покончить с собой при помощи яда, с какого бока тут вообще мятеж?

Приказано уничтожить

Сталина, получившего первые отчеты от Ягоды и Агранова, версия мятежа психически нездорового одиночки тоже совершенно не устраивает, и 8 августа 1934 года он пишет указание Кагановичу: *«Дело Нахаева — сволочное дело. Он, конечно (конечно!), не одинок. Надо его прижать к стенке, заставить сказать — сообщить всю правду и потом наказать по всей строгости. Он, должно быть, агент польско-немецкий (или японский). Чекисты становятся смешными, когда дискусируют с ним об его „политических взглядах“ (это называется допрос!). У продажной шкуры не бывает политвзглядов — иначе он не был бы агентом посторонней силы. Он призывал вооруженных людей к действию против правительства — значит, его надо уничтожить. Видимо, в Осоавиахиме не все обстоит благополучно. Привет! И. Ст.»*.

Установка вождя ясна и недвусмысленна, а нищета комсостава, бытовуха и прочая армейская неустроенность в качестве причин мятежа его не интересуют. Он сразу же диктует следствию свои установки, которые чекисты должны обосновать. А именно: это не

выступление одиночки, а заговор — надо найти всех, кто в нем замешан; Нахаев — агент иностранной разведки. Сталин даже самолично придумал, какой именно — «польско-немецкой» или даже японской — сложно представить себе, как японская разведка могла завербовать слушателя Военной академии, и близко в своей жизни с японцами не сталкивавшегося! Впрочем, с «поляко-немцами» — тоже. Поскольку же никаких «политвзглядов» у Нахаева, по мнению Сталина, быть не может, то чекистам Генриха Ягоды незачем разводить на допросах дискуссии с арестантом на предмет положения в стране и партии. За кадром, правда, остается вопрос, отчего «продажная шкура», якобы кормящаяся из рук сразу нескольких иностранных разведок, живет поистине в ужасающей нищете, голодает и с трудом наскребает средства для съема угла в четыре квадратных метрах — в селе Жулебино?

В письме от 9 августа 1934 года Каганович сообщал Сталину, что *«следствие о Нахаеве разворачивается туго. Он сам заболел, в связи с его попыткой отравления (кто мог пытаться отравить арестанта в чекистской тюрьме, Каганович не поясняет! — Авт.), и трудно поддается допросу. Завтра будут его допрашивать. Остальные показания пока связей не раскрывают»*. После чего информирует Сталина, что уже послал ему «две маленькие записочки» Николая Куйбышева, члена Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и руководителя группы по военно-морским делам, «который по моему поручению занялся проверкой осовиахимовских казарм», и записки эти «подтверждают крупнейшие дефекты» в организации караульной службы.

Но главного курортника страны мало интересуют сложности караульной службы в казармах: заговор налицо, пусть и провалившийся, а заговорщики-то где, где остальные карбонарии и их подельники? Не мог же, размышлял вслух товарищ Сталин, это все учинить сам Нахаев, какой-то слушатель академии... До товарищей в Москве наконец-то дошло, чего именно хочет их «хозяин», и тональность переписки резко меняется. 12 августа 1934 года Каганович сообщает «хозяину»: *«По делу Нахаева Вы совершенно правы в своей оценке и дела по существу и слабостей допроса. Он пока настоящих корней не показывает. Все его поведение — это подтверждение того, что он иностранный агент. Через пару дней*

придется окончательно решить вопрос в духе Ваших указаний». Что за пресловутое «решение вопроса», если человек уже сидит и его интенсивно допрашивают?! Вывод напрашивается лишь один: применение физических мер воздействия, пытки, проще говоря.

В тот же день Сталин ответил Кагановичу: «На счет (так у Сталина. — Авт.) Нахаева — нажимайте дальше. Вызовите Корка^[26] и его помполита и дайте им нагоняй за ротозейство и разгильдяйство в казармах. Наркомат обороны должен дать приказ по всем округам в связи с обнаруженным разгильдяйством. Контроль пусть энергичнее проверяет казармы, склады оружия и т. д.». 14 августа Каганович вновь информирует Сталина о «разборе полетов»: «Заслушали мы сегодня т. Куйбышева Н. о казармах и об Осоавиахиме (т. Ворошилов уже присутствовал). Подробная записка т. Куйбышева Вам посылается, из нее Вы увидите всю расхлябанность с пропусками в казармы. Объяснять это только тем, что-де Моссовет не выселил всех жильцов из дворов, где расположены казармы, нельзя. Конечно, надо выселить, но вина военных тт. несомненна. Завтра мы подработаем предложение, которое Вам пришлем». И, наконец, о главном: «Нахаев пока не признается в своих связях, мы дали указания вести следствие без дискуссий, а по всем правилам».

По всем правилам означало только одно: бить, бить и бить — пока не подпишет все, что от него хотят чекисты. «Как и следовало ожидать, — с чувством глубокого удовлетворения сообщал вождю 28 августа Каганович, — Нахаев сознался в своих связях с генералом Быковым, работавшим в Институте физкультуры. А этот генерал является разведчиком, как пока установлено, эстонским. Надо, конечно, полагать, что не только эстонским. Это пока первые признания. О дальнейшем буду сообщать». Вот! Наконец и первые подельники появились, даже, скорее, организаторы и вдохновители: бывший царский генерал Быков, сослуживец Нахаева по Московскому институту физкультуры. Указание вождя искать в этом деле иностранную разведку тоже выполнено: для зачина нашли пока эстонскую.

Правда, тов. Каганович с информированием Сталина слегка опоздал: еще 26 августа тот получил шифровку от первого замнаркома внутренних дел Якова Агранова: «Сочи. Т. Сталину. Арестованный начальник штаба артиллерийского дивизиона Осоавиахима Нахаев

сознался, что свое выступление в красных перекопских казармах (так в тексте. — Авт.) он сделал по указанию своего бывшего сослуживца по институту физкультуры, бывшего генерала Быкова Леонида Николаевича. Нахаеву было известно о связи Быкова через эстонское посольство в Москве со своим однополчанином по царской армии, ныне работающим в качестве начальника эстонского генерального штаба. Особым отделом Быков разрабатывался по подозрению в шпионаже в пользу Эстонии. Последнее время Быков состоял заведующим сектором личного состава института физкультуры. Сегодня он нами арестован. Показания Нахаева направляю почтой. № 2145/. Агранов».

Тема Нахаева исчезает из «курортной» переписки Сталина с подручными. 15 ноября 1934 года уже сам нарком внутренних дел Ягода извещает Сталина, что «царский генерал» Быков тоже во всем сознался: и что дал указание Нахаеву организовать выступление, и что был связан с эстонской разведкой и эстонскими дипломатами в Москве...

Все, дело сфабриковано, Сталин мог быть удовлетворен, а чекисты — почивать на лаврах. Судьба же самого мятежника была предрешена: 5 декабря 1934 года Политбюро по предложению Ягоды приняло постановление о направлении дела Нахаева для закрытого слушания в Военную коллегия Верховного суда СССР. Разумеется, Военная коллегия под председательством Ульриха могла вынести лишь один приговор: расстрел. Был ли Нахаев расстрелян тогда же или чуть позже, в начале 1935 года, пока неведомо, как неизвестно и то, проходил ли по этому делу еще кто-то, кроме него и пресловутого Быкова^[27].

А в Осоавиахиме и частях Московского военного округа развернулась зачистка от «сомнительных» кадров. Еще 22 августа 1934 года Политбюро приняло специальное постановление «О работе Осоавиахима». В тот же день принято и постановление «О состоянии охраны казарм Московского гарнизона»: взыскания были объявлены командованию Московского военного округа, Московской стрелковой пролетарской дивизии, сотрудникам Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД, началась и чистка командного состава Московского военного округа. Попутно Политбюро приняло еще одно постановление с примечательным заголовком: «О квартирном вопросе начсостава Московского

гарнизона», признав, что с жильем дела у красных командиров обстоят совсем плохо. А 28 августа нарком обороны Ворошилов, как сообщил Сталину Каганович, *«поставил вопрос о снятии Корка. Сейчас т. Корк прислал мне лично письмо с просьбой поддержать его освобождение от поста командующего МВО. Я лично думаю, что вряд ли следует его освобождать. Очень прошу Вас сообщить Ваше мнение»*. Что там «лично думал» Каганович, Сталина совершенно не интересовало, так что спешить он не стал и от командования войсками МВО Корка отстранили позже, уже в 1935 году.

Мятеж не может кончиться удачей?

Так или иначе, но историю Нахаева вождь воспринял более чем серьезно: его шокировало, что при удачном стечении обстоятельств всего лишь один батальон запросто мог совершить переворот. Посему тогда же было решено от греха подальше вывести из Москвы целый ряд армейских частей. Тем паче отчеты Особых отделов гласили: после страшного голода 1933 года и вследствие тяжелейшего положения с продовольствием армия тоже поражена «отрицательными настроениями». Особенно это заметно было в 1932–1933 годах. По данным чекистов, общее количество зафиксированных при помощи стукачей «отрицательных», однозначно «антисоветских» высказываний — антиколхозных, антипартийных и антисталинских — выросло в РККА с 313 762 в 1932 году до 346 711 в 1933 году. Всего же в 1933 году в «отрицательных высказываниях» особистами были замечены 230 080 красноармейцев и краснофлотцев, а также 48 706 лиц младшего начсостава и 55 777 лиц среднего комначполитсостава — свыше 334 тысяч военнослужащих, до 60 % всего личного состава РККА того времени! Только лишь в 1933 году из армии чекистами было изъято 22 308 человек «социально чуждого элемента», тогда же ликвидирована «контрреволюционная группа в МВО» — «Русская фашистская партия», которую якобы создал и возглавлял член ВКП(б) с 1918 года, преподаватель Военной академии РККА В. Н. Ахов^[28]... Так что социальная база у потенциальных военных мятежников была — и еще какая, не говоря уже о том, большой любовью среди красноармейцев и товарищей командиров товарищ Сталин тогда явно

не пользовался. А уж в том, что мятежники получили бы поддержку ряда высокопоставленных чинов Красной армии, Сталин тогда даже и не сомневался...

Глава 9. Горький: смерть по расписанию

18 июня 1936 года на правительственной даче в Горках-10 скончался писатель Максим Горький, он же Алексей Максимович Горький, он же — Алексей Пешков. Обстоятельства его смерти были странны, страшны и загадочны, а официальные сводки о ходе болезни нелепы, путаны, противоречивы, полны недомолвок и откровенной лжи, чтобы принять версию ненасильственной смерти. До сих пор даже нет ясности, от чего именно Горький умер: болячек у него хватало, не секрет, что всю жизнь он страдал от туберкулеза, о следах которого в заключении патологоанатомов — ни слова! Казенное медзаключение, путаясь, говорит то о гриппе, то о непонятной «тяжелой инфекции», а казенный же акт вскрытия — о смерти в связи неким «острым воспалительным процессом в нижней доле левого легкого»...

Официально Алексей Максимович заболел 1 июня 1936 года — вдруг и сразу. И тут же пошли «чудеса», описанные литератором Аркадием Айсбергом: пачками стали звонить анонимы — тоже «вдруг», по кремлевскому телефону (!), — спрашивая, куда доставлять венки и телеграммы соболезнования, пришло и несколько таких телеграмм. В особняке на Малой Никитской — тоже «вдруг» — нарисовались товарищи с ордерами районного архитектора, требуя срочно освободить дом, находившийся, между прочим, на балансе АХУ Кремля! Понятно, что это был спектакль, и режиссер его угадывается. А с 6 июня 1936 года «Правда» — тоже «вдруг» — публикует бюллетени о состоянии здоровья Горького, что поистине уникально: ранее такие бюллетени публиковались лишь однажды — во время предсмертной агонии Ленина. После — тоже лишь раз: во время агонии уже Сталина! Страну и мир явно готовили к уходу Горького.

К тому времени Горький — глыба мировой литературы, ее «живой классик». В 1932 году Страна Советов пышно отметила 40-летие его литературной деятельности: переименовали в честь него Нижний Новгород и главную улицу столицы, столичный же Парк культуры и отдыха, даже Московский художественный театр тогда стал имени Горького. Имя Горького получило множество улиц, театров и парков

культуры в других городах, выпустили несколько марок с его портретом. В том же 1932 году решили построить и самолет-гигант «Максим Горький»... Но купоны с этого спектакля стриг не Горький, а его подлинный режиссер: на вершине (и закате) своей славы «Буревестник революции» отменно послужил не просто «культурной» ширмой режима Сталина, но и славно потрудился, по меткому выражению известного литературоведа Бенедикта Сарнова, для легитимизации всей его политики, «для легитимизации его роли вождя партии и народа, единственного законного преемника Ленина». Именно «великий гуманист Горький» на всю планету восхищался идиллией «трудового перевоспитания» в Соловецком лагере особого назначения ОГПУ и воспел рабский труд заключенных — строителей Беломорско-Балтийского канала, он же подарил Сталину и один из самых страшных лозунгов, оправдывающих любой террор, — «Если враг не сдается, его уничтожают». В его активе публичное оправдание уничтожения крестьянства, коллективизации и раскулачивания. Как один из создателей сталинского имиджа он был незаменим, но до поры: как любил говаривать сам вождь, незаменимых у нас нет.

К 1936 году время живого Горького не просто зримо истекало и вождь перестал нуждаться в его услугах, а много хуже — он становился досадной помехой. Не считая такой «мелочи», что к тому моменту в отношениях Сталина с Горьким уже побиты все горшки. Причин тому немало. Например, писатель так и не стал делать пьесу о «вредителях», хотя товарищ Сталин очень просил. Более того, проигнорировал и официальный заказ на создание художественной биографии вождя, хотя это было предложение не из тех, от которых можно было уклониться. Алексей Максимович в 1931 году все же вынужден был дать согласие на ее написание, даже получил подъемные, а из секретариата вождя — необходимые материалы. Но биографию так и не написал, саботировав заказ Сталина, такого тот не прощал. Хотя, по своему обыкновению, с резкими телодвижениями не спешил. Впрочем, быть может, сталинской «ответкой» стала смерть в мае 1934 года сына Горького, Максима? Но тема ликвидации Максима Пешкова оперативниками Ягоды — отдельная история, уже добротнo проработанная исследователями. Открытым остается лишь вопрос, сделано ли это было с негласно-молчаливой санкции вождя или по его прямому указанию.

Раздражала «Хозяина» и настораживала дружба «Буревестника» с Бухариным и Каменевым. В 1933 году Горький буквально вынудил Сталина вернуть Каменева из ссылки, назначить директором издательства «Academia», да еще и высказал пожелание, чтобы тот стал во главе создаваемого Союза писателей СССР! После ареста Каменева в декабре 1934 года личные отношения Сталина с Горьким были разорваны окончательно, а в 1935 году «Буревестник» демонстративно затребовал заграничный паспорт для выезда в Италию, получив отказ.

Последние два года своей жизни «живой классик» провел фактически под домашним арестом, в изоляции от внешнего мира, окруженный непроницаемым кольцом чекистов и сексотов. Он, конечно, не был опасен вождю, но уже сама ситуация как бы говорила, что и время «Буревестника» вышло, и пора перемещать его Кремлевскую стену. Поскольку мертвые классики всегда удобнее живых: не фрондируют с фигой в кармане и не отказывают товарищу Сталину в его просьбах. Да и никак не мог, не должен был классик дожить до запланированного на август 1936 года Первого Московского процесса — того, на котором, среди прочих, к расстрелу приговорят и столь близкого Горькому Каменева. Мало ли что, вдруг выкинет фортель, найдет способ смачно харкнуть, обгадив постановку...

И вот классик наконец ушел — странно, страшно, в муках, но вовремя и кстати, явно не без помощи специалистов. Но, согласитесь, это куда изящнее и даже гуманнее, нежели, скажем, забивать великого писателя сапогами. Попутно ликвидируя всех его близких и весь сексотный персонал с исполнителями в придачу. Сам Генеральный режиссер трижды приезжал к Горькому во время его агонии: поговорить о... французской литературе и французском же крестьянстве, как гласит официальная версия. Надо же было своими глазами убедиться, что дело сделано и классик реально уходит в вечность.

Глава 10. Ширма

*Золотыми буквами мы пишем
Всенародный Сталинский Закон.*

В. Лебедев-Кумач

5 декабря 1936 года VIII чрезвычайный съезд Советов СССР принимает конституцию СССР. В историю она вошла как «сталинская», а жила с ней страна почти 60 лет — фактически до 1993 года! Поскольку конституция брежневская — калька сталинской.

И ведь, что пикантно, оценка этого события неизменна. Как сказал в день принятия конституции Алексей Толстой, что это, натурально, «хартія вольности, которой не знало человечество», так с тех пор мысль эту и мусолят все 70 лет — самая-самая, демократичней некуда, одних прав только советские граждане получили целый воз и маленькую тележку в придачу. Не зря же газетка «Завтра» регулярно пишет, что «Сталин сделал самые большие шаги по расширению прав человека», а в массе учебников можно прочесть, как «Конституция победившего социализма... содействовала дальнейшему приобщению народов Севера к политической жизни страны». Уж кто бы сомневался — приобщили по полной программе, отправив на Север массу слишком уж политически подкованных граждан!

А в нынешних учебниках и вовсе допишутся до того, что «неправильно было бы отрицательно относиться к Конституции 1936 года, называя ее сталинской, в то время как ее содержание, напротив, антисталинское. В течение десятилетий Конституция 1936 года служила своеобразным маяком для советского общества (и не только для него), определяя пути его демократизации». Умри — лучше не скажешь: сталинская конституция — на деле антисталинская, да еще и светоч демократизации с маяком в придачу — этот курс лекций («История государства и права России, 1917–1999». СПб., 1999) авторства некоего В. И. Хрисанфова, рекомендован ныне в качестве вузовского учебника. Вот она, квинтэссенция представлений: найдём демократичнейший документ и апофеоз расцвета подлинной

демократии, гарантировавший основные социальные и политические права и свободы советских граждан. Остается загадкой, зачем она вообще была нужна тов. Сталину и как столь чудесная конституция успешно сочеталась с волной самых массовых в советской истории репрессий. Каковые, кстати говоря, и учинили аккурат сразу после ее принятия.

Гаечный ключ вождя

Считается, что начало новой конституции было положено 5 февраля 1935 года, когда секретарь ЦИК Амель Енукидзе выступил на VII съезде Советов СССР с докладом «О конституционных вопросах». Могло показаться странным, конечно, что инициатива постановки вопроса столь кардинальной важности исходила не от «всесоюзного старосты», председателя ЦИК СССР Михаила Калинина, а от его формального подчиненного. Однако для посвященных все было понятно: в свободное от церемоний награждения время инициативу Михаил Иванович проявлял исключительно при общении с балеринами, а реальными делами ЦИК ведал именно Амель Енукидзе — не просто доверенное лицо Сталина в этом аппарате, но и член Семьи (в ее тогдашнем понимании) и личного «кабинета» вождя. И предложение то он внес вовсе не в качестве работника ЦИК, а именно как функционер партийного аппарата. Проще говоря, конституции изначально и вполне конкретно инициировалась не какой-то там мифически-призрачной советской властью, а партаппаратом. Так что все, кому положено, прекрасно поняли, что забюрокраченный и безынициативный жуир Амель Енукидзе, ни на какую отсебятину не способный, всего-навсего репродуцирует идею главного автора. Созданная же по ходу Конституционная комиссия вообще без экивоков изначально стала комиссией именно партийной, состоявшей исключительно из партфункционеров же. Во главе с тов. Сталиным, официально никаких государственных постов тогда не занимавшим.

И, разумеется, поскольку конституция изначально должна была ассоциироваться только с именем тов. Сталина, первым со сцены пришлось сойти Енукидзе. Когда Амель сделал свое дело, сначала появится постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 22 февраля 1935

года «О проверке личного состава аппарата ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР» (решение о тотальной зачистке ведомства Енукидзе «ввиду наличия элементов разложения в аппарате»), а 3 марта того же года и самого Енукидзе сняли с поста секретаря ЦИК. Спустя месяц следует очередное постановление Политбюро («Об аппарате ЦИК СССР и тов. Енукидзе»), буквально раздавившее и морально опустившее верного Авеля: мало того, что в аппарате ЦИК свила гнездо целая контрреволюционная организация, так еще и сотрудники туда (не в «контрреволюционную организацию» — в аппарат) принимали «по готовности... сожительствовавшие с тем или иным из ответственных работников секретариата ЦИКа», так что «многих из этих сотрудников тов. Енукидзе лично принял на работу, с некоторыми из них сожительствовавал». И кому отныне пришло бы в голову хоть каким-то краем ассоциировать конституцию с именем «бытового разложенца»?!

Если отмотать клубок нитей назад, можно довольно четко установить, что проект «Конституция-36» плавно вырос из главной сталинской сверхзадачи тех дней — реконструкции, централизации и упорядочивания (в сталинском понимании) механизма карательно-репрессивных органов, действовавших в режиме перманентной чрезвычайщины. Не чрезвычайщина, разумеется, смущала вождя, а лишь то, что нестыковка шестеренок карательной машины сильно осложняла процесс конструирования режима уже исключительно личной власти тов. Сталина. Уже не один год тов. Сталин конструировал машину исключительно для себя и под себя так, чтобы никто не мог перехватить руль управления, однако делалось это в начале 1930-х годов не по четко продуманному и безукоризненному плану, а пока еще интуитивно, методом проб и ошибок. Крайне сложно было держать в одних руках нити тогдашнего управления, контролируя ОГПУ, прокуратуру, судебную механику, систему мест заключения и, разумеется, карательный аппарат собственно внутривластный. Нестыковок же и трений между чекистами, прокуратурой, наркомюстами было хоть отбавляй: каждый стремился утянуть себе пышки, отдав шишки конкуренту.

Начало и первая половина 1930-х годов — эпоха непрерывных реорганизаций репрессивной машины — не только в попытках нащупать оптимальную форму, но и, что немаловажно, зачистки всех карательных структур от «не своих». Не позднее начала 1934 года

Сталин приходит к выводу о необходимости создания новой карательной структуры — союзного НКВД, в состав которого нужно включить реорганизованный ОГПУ (НКВД СССР создан в июле 1934 года). Тогда же встал вопрос о модернизации и механизма внесудебной расправы — печально знаменитых «троек». «Тройки» не отменили, зато учредили еще один карательный инструмент — Особое совещание (ОСО). Параллельно идет реформирование прокурорской системы: 20 июля 1933 года учреждена Прокуратура СССР, которой были подчинены прокуроры республик. Так или иначе, с точки зрения товарища Сталина, в карательных органах царили бардак и расхлябанность. Повторюсь: идея новой конституции как раз и выросла из вполне конкретных сталинских карательных потребностей, в процессе обсуждения их упорядочения. Там уже рукой было подать до гениальной мысли упорядочить и законодательство в целом, дабы зафиксировать новую систему взаимоотношений в этой сфере. Проще говоря, вождь нуждался в качественно новом гаечном ключе для дальнейшего закручивания гаек. И в новом, более оптимальном механизме прикрытия чрезвычайщины (от которой не собирался отказываться) и легализации собственной власти. Сталин не был бы Сталиным, если бы не пришел к мысли, что целесообразнее не размениваться на мелочи, решая проблемы поодиночке и по мере их поступления, а учинить комплексную многоходовку, убивающую сразу кучу зайцев. И, главное, закрепляющую и легитимизирующую, образно говоря, победу банды Сталина — Молотова — Кагановича, над «бандой Троцкого — Зиновьева — Каменева», разумеется. Новая конституция — как качественно новая ширма, прикрывающая механику сталинского единовластия, — чем не гениально?

На краю пропасти

Правда, одно лишь упорядочение само по себе мгновенного результата дать не могло: исходя из причин сугубо внутренних, тов. Сталину позарез нужно было советских людей заговорить, отвлечь их внимание обсуждением, бросить вконец вымотанным и озлобленным «строителям коммунизма» виртуальную конфетку. Проще говоря, поскольку, подобно белке в колесе, невозможно было до

бесконечности стремиться к совершенно далекой и явно несбыточной цели, нужен был промежуточный отчет: фиксация того, что сталинский «социализм победил в основном», необходимо было оформить как восклицательный знак — усилия были не напрасны. И дать людям такие более-менее внушительные слова, чтобы они вновь вызвали чувство столь глубокого удовлетворения, чтобы вся страна предалась глубокому самоудовлетворению — по команде, естественно. В общем, ребята, вы не напрасно трудились и шли на жертвы — вот вам документальное свидетельство достижения промежуточного рубежа. Потому как затягивать с конфеткой было уже просто нельзя: в стране вызревало та-а-кое, что вполне реальным казался шанс, что до 20-летия своего пребывания у власти большевики не доживут. Назревал взрыв, который смел бы прежде всего лично т. Сталина.

Нет, политической оппозиции не было. Но вот почва для нее созревала явно. Это сейчас, после десятилетий умолчания и оболванивания, обывателю всерьез кажется, что к началу 1930-х годов власть Сталина уже прочна и незыблема, а вся страна с энтузиазмом и в едином порыве только и делала, что с песнями весело шла на стройки пятилетки. Реально же все тогда было на краю — и лично тов. Сталин, и большевики вообще. О чем нагляднее всего свидетельствуют хотя бы спецсообщения руководителей ОГПУ (потом — НКВД) на имя высшего партруководства. И это пока еще вовсе не липа. Вот, к примеру, информация ОГПУ о раскрытии «контрреволюционной группы на линкоре „Марат“» (май 1932 года), где взяли нескольких краснофлотцев — членов ВЛКСМ, между прочим, из рабочих и крестьян: *«Группировка ставила своей задачей установление „беспартийной“ советской власти...»*. Почему, скажем, краснофлотец Григорий Бахарев, активист, комсомолец, из семьи рабочего, сам рабочий, да еще и брат красного партизана, вдруг стал «врагом»? Из его показаний: *«...я поехал в кратковременный месячный отпуск домой на родину в Усть-Катаевск... Прожив некоторое время у брата, я увидел, что он живет плохо, имея большую семью. Питание было плохое, дети ходили раздетые, разутые и худые от плохого питания... Я общался с другими рабочими завода и видел сам, слышал от них о плохой жизни, о плохом снабжении продуктами питания и промтоварами. Я увидел при одном посещении завода, как рабочий, стоявший за машиной, упал в обморок... от недоедания. ...*

Рабочие говорили: „А вот мы живем плохо, думали, что при советской власти будет лучше, а пока живем худо“ ... Лебедев мне говорил, что там, где он проводил свой отпуск, население живет так же плохо... Мы пришли к заключению, что это все происходит потому, что линия партии неправильная... Во время большого сбора мы должны были выступить и рассказать, что рабочие живут плохо, что политика партии неправильна и что если здесь не все согласны, то возьмемся за оружие, выкатим пулеметы и поднимем восстание». Вряд ли конкретно это было придумано чекистами-липачами — тогда была бы совершенно иная словесная конструкция, а вместо показаний о плохой жизни рабочих однозначно были бы «признания» в работе на оппозицию и иностранные разведки.

Май 1933 года, Ягода пересылает Сталину сводку «Об отрицательных явлениях в состоянии ОКДВА», содержащие страшные строки: *«Отдельные красноармейцы высказывают нежелание служить и защищать СССР в случае войны»*. Вот красноречивая подборка высказываний красноармейцев. Красноармеец Булахов (колхозник, из бедняков): *«Когда не было колхозов, крестьяне жили много лучше, сейчас при колхозах все голодают. В случае войны никто не пойдет защищать соввласти, а пойдут все против нее»*. Красноармеец Ушаков (тоже колхозник): *«...Дома отобрали весь хлеб, я буду здесь кого-то защищать, а дома будут отбирать последние крохи и оставлять голодными...»*. Красноармеец Марытак: *«...В случае, если что заварится, война весной с японцами, я знаю, что буду делать. Мой легкий способ — оторву петлицу и звездочку, возьму белый платок в руки и к японцам уйду, все равно погибать»*. Курсант учебной роты Захар Конышин: *«Пусть хоть к стенке ставят — служить не буду. Говорят, нет насилия и принуждения в СССР, а на самом деле у крестьян все насильно отбирают и нас насильно служить заставляют, я лучше к японцам уйду»*. И ведь такие настроения повсюду гуляли и среди комсостава. Комвзвода Саньков (из рабочих, член партии): *«Теперь нужно строить у нас новую революцию и бороться против бюрократов»*. Член ВКП(б) комвзвода Митюшин: *«При первой возможности перейду границу»*. Комвзвода Желудев (из рабочих): *«...Вот будет война, возьму и уведу свой взвод к противнику»*.

Если бы то была лишь пустопорожняя болтовня. 5 августа 1934 года начальник штаба артдивизиона Московского городского лагерного сбора Артем Нахаев обратился к своим бойцам с воззванием: завоевания революции преданы, все в руках у государства, которое поработает рабочих и крестьян, свободы в стране нет, даешь новую революцию! После чего с группой бойцов попытался захватить караулку Московской пролетарской стрелковой дивизии на Сухаревской площади...

А ведь настроения в армии лишь отражали существовавшие в обществе. Из спецсообщения ГУГБ НКВД на имя Сталина о настроениях среди селян Грайворонского района Курской области зимой 1935/1936-го: *«Да, сказал Новомлинский, жить стало весело, жить стало лучше, говорит Сталин, а вот у меня зарождается мысль, что так жить больше не следует, а нужно использовать свое ружье (централку) для выхода из этого положения»*. Председатель колхоза «Красный колос» Музалевский *«среди колхозников открыто выражает свое недовольство, заявляя: „...Товарищи, признаюсь Вам всей душой, что я сейчас ненавижу всех руководителей власти и смотреть на них не хочется“»*.

Лучшее свидетельство реальной ситуации — резкий рост количества осужденных именно по политическим статьям (58-я). Например, колхозница-ударница из бедняков получила срок по статье 58–10 за распевание частушки: «Вставай, Ленин, вставай, дедка, нас убила пятилетка». 31 марта 1936 года Крыленко, тогдашний нарком юстиции РСФСР, сообщал Сталину, что с 1935 года *«имеет место постоянный, прогрессирующий рост количества дел и осужденных по статьям о контрреволюционных преступлениях»*. Причем в большинстве своем это дела типа описанного выше — о так называемой «контрреволюционной агитации» (87 % осужденных из общего числа тех, кто попал под политические статьи) — о неосторожных высказываниях, проще говоря: людей брали и сажали за то, что они вслух высказывали нежелание мириться с официально пропагандируемой ложью; 25,4 % из числа этих осужденных — рабочие, 14 % — колхозники, 24,3 % — служащие, проще говоря, две трети осужденных не имели никакого отношения к «эксплуататорским классам».

Вот расклад того, за что люди получали приговоры: 16,7 % — «контрреволюционная агитация» против *«важнейших мероприятий партии и правительства в виде антисоветских высказываний по поводу хлебосдачи, отмены карточной системы, госзаймов и проч.»*; 10,1 % — в связи с колхозным строительством; 7 % — за анекдоты, стихи, песни, частушки; 4,6 % — за *«издевательства над портретами вождей»*; 4,4 % — восхваление вождей *«троцкистско-зиновьевской»* оппозиции; 6,9 % — за «выпады», связанные со всевозможными катастрофами, а также в связи с изданием... учебника ВКП(б); 1,9 % — за религиозную агитацию; 1,9 % был тех, кто обращался «за помощью к заграничным фашистским организациям с сообщением клеветнических сведений об СССР». А 46,55 % из общего числа осужденных по политическим статьям попали на нары в связи со смертью Кирова и Куйбышева — *«установлено одобрение подсудимыми террористического акта... в отношении руководителей партии и правительства»*, проще говоря, сели те, кто в присутствии доносчика неосторожно выразился «туда им и дорога».

Но если непрерывно растет процент и количество репрессируемых по политическим статьям — разве это свидетельство благополучного положения?!

Пятая колонна — в Европе

Внешний фактор никогда не заносился Сталиным в разряд малозначимых. К моменту же явления на свет проекта «Конституция-36» он и вовсе стал актуальным: натурально запахло очередной военной тревогой. Время действительно было страшное: незатихающая напряженность на границе с Польшей; нацисты берут курс на ускоренную милитаризацию, и Германия рвет военные связи с СССР; на Дальнем Востоке — реальная японская угроза, в Маньчжурии создается мощный военный плацдарм, потенциально направленный против Советского Союза. Можно еще вспомнить и итальянские фортели — вторжение в Эфиопию, курс дуче на превращение Средиземноморья в «mare nostrum» («наше море»). В 1935 году Германия и Япония демонстративно покидают Лигу наций, в марте 1936 года Гитлер вводит войска в демилитаризованную

Рейнскую область. Потом — Испания. В ноябре 1936 года, аккурат за 10 дней до принятия сталинской конституции, в Берлине подписан так называемый Антикоминтерновский пакт между Германией и Японией: по сути, военно-политическое соглашение, направленное против Москвы, — замаячила угроза войны на два фронта!

А на государственном уровне союзников, можно сказать, нет (не считая Франции и Чехословакии — с мая 1935 года). Британия на заигрывания Москвы не реагирует, Америка сталинские приставания игнорирует — дипотношения между странами установлены лишь в ноябре 1933 года, так что о серьезных контактах речи пока нет. На кого рассчитывать Сталину, случись война? Ставка на компартии Запада уже бита — Коминтерн к тому времени себя дискредитировал полностью, мало того что показав свою недееспособность, так уже ни у кого и сомнений нет, что это просто филиал ЦК ВКП(б), ОГПУ и Разведупра Красной армии в придачу. Так ставить уже было нужно на реальную силу: на социал-демократов, социалистов, на широкие политические слои — тех, кто действительно мог оказать воздействие на правительства своих стран.

Но чтобы охмурить «широкую общественность», нужно было кардинально обновить фасад, не только сделав его более привлекательным, но и недвусмысленно отмежеваться от замаха на мировую революцию. Чем соблазнять? Да уж не союзной конституцией 1924 года, в которой не только не было даже намека на декларативный демократизм, зато все права и свободы советских граждан исчерпывались главой IX конституции — «Об Объединенном государственном политическом управлении» (ОГПУ)... Конституции же союзных республик, в частности РСФСР, имели *«своей задачей гарантировать диктатуру пролетариата, в целях подавления буржуазии»*. Правда, там скороговоркой и между делом упоминалось, что, типа, есть свобода печати и митингов — но только для «рабочих и крестьян». А в отношении остальных, *«руководствуясь интересами трудящихся, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которыми они пользуются в ущерб интересам социалистической революции»* (ст. 14). И соответствующая, 69-я, статья перечисляла кучу категорий лиц, лишенных всяких гражданских прав. С таким фасадом

и статьей о руководящей роли ОГПУ на мировой арене ехать было некуда.

Первые плоды изменения имиджа СССР (как раз под соусом подготовки новой конституции) Сталин вкусил уже в 1935 году. 2 мая в Париже был подписан советско-французский пакт о взаимопомощи. Для лоббирования проекта руками тамошних левых вовсю был использован, как сказали бы сейчас, активный пиар: советский режим меняется и демократизируется на глазах, на выходе «самая демократическая конституция в мире», а пока она пишется, из действующей убирают главу про страшное ОГПУ, да и вообще само это ОГПУ как бы «ликвидировано» еще в 1934 году! В ортодоксальной советской воениздатской «Истории Второй мировой войны» про то активное мероприятие пишется достаточно откровенно: «В заключении франко-советского договора значительную роль сыграла прогрессивная общественность Франции...».

16 мая того же 1935 года оформлен еще один пакт о взаимопомощи — уже с Чехословакией. И, как снова с удовлетворением подчеркивал тот же официоз, «его подписание явилось крупным успехом Коммунистической партии Чехословакии, постоянно разъяснявшей народу, что действительной гарантией национальной самостоятельности страны может быть только союз с СССР». Сработал-таки сталинский расчет на пятую колонну нового образца!

Но был ли возможен такой прорыв, не реши вовремя тов. Сталин, что фасад нужно кардинально подновить, дабы сподручнее было пускать пыль в глаза мировой общественности? Вряд ли: одно дело идти на союз с «диктатурой пролетариата», декларировавшей, как «мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем», совсем иное — со страной, где вовсю уже идут перемены.

Так или иначе, но гениальный пиар-ход Сталина позволил собрать на западной ниве богатейший урожай. Союзников, попутчиков и подельников можно было брать голыми руками, успешно вербуя не под побитые молью знамена Коминтерна, а потрясая шикарным текстом, из каждой строки которого сочилось: «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»!

На острие превентивного удара

12 июня 1936 года все газеты публикуют проект новой конституции для «всенародного обсуждения». На какое-то время народ купился — столь велико было желание и ожидание перемен. Из письма «колхозницы колхоза имени „Новый путь“» Феклы Васильевны Кобелевой: «...Нас новая Сталинская Конституция ввела в какой-то восторг, при виде которого сердце так радостно бьется и хочет вылететь из пределов своего организма».

Диктатуры пролетариата и декларации «земшарной республики Советов» уже нет — скромно говорится про «социалистическое государство рабочих и крестьян», что «вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни». Прав, как водится, уже хоть отбавляй: и на труд, и на отдых, и на соцобеспечение в старости и по инвалидности, на образование. И даже целая статья (125-я) появилась — про свободу слова, печати, собраний, митингов, шествий и демонстраций. С очень «небольшой» оговоркой, сводившей все на нет: дозволялось это лишь «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя». Из конституции вроде бы исчезли лишенцы (т. е. категории лиц без прав), зато появились «враги народа». В 131-й статье так и говорилось: «Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа». А глубоко запрятанная ст. 126 скромно так обозначала, что «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Вот так самый главный, по сути, пункт оказался скромно примаскирован красивой ширмой словоблудия о правах, советах и выборах — всеобщих, равных, прямых и тайных. В которых мог участвовать вроде бы каждый совершеннолетний гражданин, только вот правом выдвижения кандидатов обладали лишь «общественные организации и общества трудящихся», читай: партийный аппарат. Красиво и удобно.

Сталина действительно можно назвать подлинным творцом конституции. Пока записные партийные демагоги и болтуны — Бухарин, Радек и т. п. — изощрялись по части сочинительства

красивых фраз о благе и правах трудящихся, именно вождь редактировал и шлифовал самое главное — все пометки Сталина касались только конструирования «вертикали власти»! Документ де-факто закреплял унитарный характер государства — декларации о возможности «свободного выхода» республик из СССР не сопровождались никакими указаниями на реальную возможность этого. Выборы изначально превращались в фарс, поскольку и выдвижение кандидатур (один человек на одно место) целиком осталось за партаппаратом. Референдум? Только слова, никакого реального механизма.

А вот предложение о введение поста «президента» (для тов. Сталина, разумеется!) — т. е. официального единоличного правителя — творец конституции отверг в момент: такое может предложить только враг! Потому как весь механизм как раз для того и создавался, чтобы служить ширмой именно личной власти Сталина, которого вполне устраивала иная конструкция: вождь есть, но о нем формально — ни слова. Поскольку именно официальный глава государства, случись что, нес бремя ответственности — а оно нужно было товарищу Сталину?

Когда же в ходе обсуждения наивные граждане пачками понесли предложения об уточнении механизма «народовластия», именно это и было отсеяно в первую очередь. Отсеяли призывы предоставить право выдвигать кандидатуры не только организациям, но и отдельным гражданам, ушли в песок идеи предоставления Верховному суду и судам республик права конституционного надзора, и, разумеется, в момент были похерены все поправки, пытавшиеся оговорить декларируемое право выхода республик из СССР.

«Рядовой колхозник Мельников Василий Ефимович» и вовсе в своем письме в «Крестьянскую газету» договорится до того, что предложит отменить... смертную казнь (!), заменив ее «высылкой за пределы СССР», раздел о свободе печати дополнить предложением, что «всякое ограничение печати следует считать актом тирании» и нужно «предоставить право всем гражданам выражать свое мнение в печати безо всякой цензуры, без препятствий выписывать и получать из-за границы газеты и журналы различных партий и оттенков». Он же предложил «предоставить право всем гражданам Союза свободно выезжать за границу, работать, путешествовать или с научной целью,

во все страны света», да еще попросил «широко ознакомить читателей нашей газеты в ближайшее время с конституциями передовых стран всего земного шара...». Сейчас, разбежались!

Народ, как говорили братья Стругацкие, «сер, но мудр», и довольно быстро раскусил, что ему подсунули. Сарказм и боль буквально сочатся из горьких и неосторожных писем «во власть», поскольку вовсе не у всех «сердце так радостно бьется и хочет вылететь из пределов своего организма»: «...Получился резкий контраст между объявленной у нас Конституцией и проводимым в стране жестоким произволом. При чрезвычайно низкой у нас заработной плате, при отсутствии предметов первой необходимости, никто еще вдобавок не уверен, что он завтра не окажется в тюрьме...». «Сейчас нет в стране почти ни одного дома, откуда кто-нибудь не сидел бы. Получилась в конце концов такая картина, что будто бы вся страна против советской власти. При этом совершаются неслыханные жестокости. Под тяжелыми пытками люди вынуждены „сознаться“ в никогда не деланных преступлениях. Жена арестовывается потому только, что муж сидит. Дети бросаются на произвол судьбы. О сосланных никому из родных ничего не известно».

А вот сводка начальника Секретно-политического отдела НКВД Молчанова на имя Сталина от 25 октября 1936 года: «Повсеместно продолжается обсуждение проекта Советской Конституции при неослабевающем и глубоком интересе колхозников... На собраниях избирателей и пленумах сельсоветов вносится большое количество деловых предложений и дополнений Конституции». Но, как водится, «отдельные колхозники (главным образом под влиянием кулацкого и проч. антисоветского элемента) пытаются в форме „постановки вопросов“ докладчикам протащить рваческие, „уравнительные“, а иногда и прямо антиколхозные требования». И что же это за «рваческие и антисоветские требования»? Вот какие: «Дополнить 119 ст. Конституции следующим: давать колхозникам трудовые отпуска наравне с рабочими и служащими, с сохранением среднего заработка в трудовнях», «Внести в проект Конституции пункт об установке специальных выходных дней для колхозников», «производить государственное обеспечение нетрудоспособных колхозников».

Да еще люди осмеливались нагло интересоваться: *«Почему у нас в СССР работают по-разному: одни 6, другие 7, третьи 8 часов, а колхозники работают больше всех. Нельзя ли приравнять колхозников к рабочим и служащим?»* Мало того, на собрании колхозников сельхоз артели им. Максима Горького были внесены предложения: *«Отменить зерновые, мясные и молочные поставки колхозами государству», «Давать хлеб государству после обеспечения колхозников, и только в том случае, если будут излишки, а то берут хлеб, а колхозники остаются голодными».* В Новоселецком районе на собраниях ставились вопросы: *«Почему государство не откажется брать налоги с колхозников и колхозов?»* А колхозник Колотухин осмелился вступить в пререкания с докладчиком: *«Почему в зерносовхозах, фабриках, заводах получают зарплату, а колхозники работают вслепую, не зная, получают ли что-либо или нет. Я вношу предложение в проект Конституции, чтобы колхозники получали гарантийный минимум».*

Из той же сводки о настроениях: *«Нужно ждать съезда. Как только утвердят новый закон, сейчас же выйдет распоряжение расходиться из колхозов, так как в Конституции прямо сказано: каждый может жить, как хочет», «сейчас везде и всюду распускают колхозы. Власть скрывает от нас, что в Грузии колхозов уже нет. Скоро и к нам придет распоряжение о выходе из колхозов, коммунистам приходит конец».* На собрании избирателей хутора Маковского, Невинномысского района *«разложившийся б. красный партизан Гончаров заявил: „Будь она проклята, Конституция, душат нас, как собак, и живем мы как собаки, хуже, чем при помещике. Спали в навозе и сейчас спим“.* Гончаров арестован».

В другом селе колхозник Колчумов заявил: *«Конституция говорит: „Кто не работает, тот не ест“, но нужно понимать наоборот. У нас на деле — кто работает, как наши колхозники, тот не ест, а руководители жиреют за наш счет».* После чего *«в беседе с колхозниками Колчумов сказал: „Коммунисты выдумывают разные Конституции не для колхозников, а для толстокожих и толстобрюхих“... Колчумов привлечен к ответственности».* И таких сводок — масса! Настроение обозначено вполне конкретно: опять нас всех надули. Колхозница Погребная заявила: *«...Мы работаем по 20 часов, а они по 8 часов в день. Мы имеем общую нужду в одежде и*

обуви, ходим в рваных платьях и рубашках, а они, рабочие, обеспечены всем полностью. Мы не имеем свободных мест на курорты, а они, рабочие, — имеют». Можно подумать, товарищ Сталин конституцию писал для них!

...И ведь масштабные репрессии не прекратились ни во время «всенародного обсуждения», ни с принятием конституции, ни после нее — когда шла подготовка первых выборов по новым правилам. К вопросу, кстати, о «праве на труд». В разгар обсуждения, 24 августа 1936 года, Каганович телеграфирует Сталину, как бы между делом сообщая, что из одной лишь авиационной промышленности в порядке чистки уволено 12 тысяч человек! Это всего лишь из одной и, мягко скажем, не самой обширной в те времена отрасли — что же творилось в других отраслях? А то же самое: шли массовые чистки, счет шел на десятки и сотни тысяч, причем зачищали ведь не «эксплуататоров», а именно трудящихся — рабочих, инженеров, служащих. С точки зрения карательно-репрессивных органов, кстати говоря, ничего не изменилось: они конституцию просто не заметили. И как работали масштабно не по конституции, а по ведомственной инструкции, — так и продолжили работать. Никуда не делась и система внесудебных репрессий, никоим образом в конституции не обозначенная, никуда не исчезли ни «тройки», ни ОСО. А правовой статус огромного количества граждан по-прежнему регулировался не конституцией, а актами текущего законодательства и множеством актов подзаконных, прежде всего инструкциями НКВД. Конституция, по сути, как пишет крупнейший знаток советского госаппарата Татьяна Коржихина, была лишь прикрытием бескомпромиссной реакции и режима личной диктатуры.

А потом был нанесен самый мощный сталинский удар, и, как водится, превентивный: 1937-й прямо вытекал из новой конституции. Ширма была сооружена, механизм личной власти Сталина надежно укрыт от сторонних глаз, фасад подновлен, конфетку трудящиеся скушали. А заодно себя проявили и показали — кого зачищать, было очевидно. Причем операцию по изъятию «врагов народа» было важно провести до запланированных на 12 декабря 1937 года выборов в Верховный Совет СССР: никто из обреченных на заклятие не должен был не только случайно попасть в кандидаты, но даже не должен был испортить «праздник всенародного голосования» в качестве

избирателя — порчей бюллетеня, скажем, заходом в кабинку для голосования или — о ужас! — вычеркиванием кандидата «нерушимого блока коммунистов и беспартийных». Последнее, кстати, тоже сталинское изобретение, надолго пережившее своего создателя, — именно тогда и была введена в оборот эта насквозь фальшивая и лживая формула: «нерушимый блок коммунистов и беспартийных».

Превентивный удар нужен был и для подготовки почвы для выборов, и, опять-таки, чтобы прополоть эту же почву, вычистив всех, без исключения, носителей любого рода протестных настроений, всех тех, кто по наивности (или злему умыслу) мог принять декларацию за действительность и даже руководство к действию. Нужно было превентивно уничтожить огромную массу не оппозиционеров (их уже не было), но тех, кто *потенциально* мог стать таковыми. В общем, нужно было создать такую ситуацию в стране, чтобы без помех раз и навсегда зачистить все потенциальные занозы до нулевого уровня. Поскольку речь шла конкретно о личной власти вождя. Как потом прозорливо заметит Хрущев в своих мемуарах: *«Почему же тогда Сталин их уничтожил? Он их уничтожил потому, что созревали условия для замены Сталина»*.

«Окончательное решение», позже получившее наименование «ежовщины», тщательно и детально отрабатывалось лично Сталиным на протяжении всего 1936/1937 года, документальных свидетельств чему просто масса. Уши именно этого товарища торчат всюду. 2 июля 1937 года Политбюро (читай: Сталин) принимает решение о подготовке и проведении волны массовых арестов. 30 июля 1937 года Сталин утверждает план предстоящей операции и оперативный приказ наркома внутренних дел № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» (на другой день это оформлено соответствующим постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопрос НКВД»). Там же были утверждены и так называемые лимиты на уничтожение. 5 августа 1937 года операция началась. Первоначально рассчитывали на четыре месяца (чтобы завершиться аккурат за неделю до первых выборов), но со сроками не успели. План выполняли и перевыполняли, чекисты валились с ног от усталости, выбивая показания и стреляя в затылки. Так что пришлось продлить операцию до конца следующего 1938 года. А затем

ликвидировать немалую часть ликвидаторов, заменив их подростками поколения ретивых оперов.

Первоначальные лимиты было многократно превышены. А помимо прочего проведена еще и серия национальных операций, когда депортировали, брали и истребляли по национальному признаку — операции карельская, финская, ингерманландская, польская, корейская, немецкая, румынская, латышская, эстонская, литовская, греческая, иранская, китайская, болгарская, македонская, японская и даже турецкая. Еще была харбинская — взяли всех бывших служащих КВЖД, жен и детей «врагов народа». Провели и специальную операцию по изъятию бывших военнопленных — тех, кто в годы Первой мировой войны попал в немецкий или австрийский плен. В одной Новосибирской области таковых оказалось 25 тысяч — практически все сразу были расстреляны.

За полтора года операции лишь органами НКВД (без милиции) было арестовано свыше 1,5 миллиона человек, из которых почти 700 тысяч приговорены к расстрелу. Остальные, кого не забили во время пыток, не отправили в подвалы и на расстрельные поля, больше нескольких месяцев не протянули. Потому как такой роскоши, как реабилитация, сталинская конституция не предусматривала. А указания товарища Сталина, зафиксированные документально, были предельно конкретны: «бить, бить и бить», «избить примерно». А непонятливым товарищ Сталин лично пояснил в специальной телеграмме: *«ЦК санкционирует применение физических методов воздействия в отношении врагов народа и запрещает привлекать к партийной ответственности следственных работников НКВД»*. Позже вождь растолкует еще раз: *«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)»*, потому как это *«правильный и целесообразный метод»*. Точка. Сталинская конституция в действии: *«Уверенной железной поступью идет великая страна социализма к выборам в Советы, — писал некто Савельев, заведомо агитации и пропаганда Красноярского крайкома ВКП(б). — Наш народ, раздавив предателей, шпионов, диверсантов, разоблачает и уничтожает тех, кто еще скрывается, таится в щелях, отравляя воздух своим ядовитым дыханием. Подлинная демократия, которую*

дала советскому народу Сталинская Конституция, приводит в ужас и бешенство всех врагов».

Зато отныне товарищ Сталин за свои тылы мог какое-то время не опасаться. Это все к одному и тому же вопросу, за каким чертом Иосифу Виссарионовичу понадобился проект «Конституция-36»: и ширма сотворена, и создан менее затратный и более управляемый механизм личной власти, и система чрезвычайщины надежно прикрыта, и зачистка произведена, и зарубежные попутчики удовлетворены. Проблемы возникли лишь много позже, когда оказалось, что машина заточена не просто под власть единоличную, а персонально и исключительно под товарища Сталина — и больше ни под кого. Потому и не совладали с ней преемники. Хотя ширму сохранили: для прикрытия власти партаппарата сталинская конституция — самое то.

Глава 11. Операция «Ложный закордон»

Об этой изуверской спецоперации Лубянки — иное определение дать поистине невозможно — операции «ЛЗ» («Ложный закордон») весьма неширокие массы впервые слышали лишь в самом начале 1990-х годов, когда и была предана огласке эта записка Общего отдела ЦК КПСС, ранее закрытая грифом «Совершенно секретно».

Документ, подготовленный 26 сентября 1956 года к заседанию Секретариата ЦК КПСС, сообщал, что в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и Отдел административных органов ЦК КПСС «поступили данные о том, что в Хабаровском управлении НКВД-МГБ на протяжении 1941–1949 годов применялись провокационные методы в агентурно-оперативной работе, повлекшие тяжелые последствия». В частности, «проверкой установлено, что в 1941 году с санкции руководства НКВД СССР Управлением НКВД по Хабаровскому краю в 50 км от гор. Хабаровска, в районе села Казакевичи близ границы с Маньчжурией была создана ложная советская пограничная застава, „Маньчжурский пограничный полицейский пост“ и „Уездная японская военная миссия“, которые работниками органов госбезопасности в переписке именовались „мельницей“. По замыслу работников НКВД, имитация советской пограничной заставы и японских пограничных и разведывательных органов предназначалась для проверки советских граждан, которые органами госбезопасности подозревались во враждебной деятельности». Ничего не скажешь, весьма неординарная, скажем мягко, оригинальная идея — соорудить на собственной же территории липовые вражеские погранзаставы «для проверки» своих же граждан! То есть граждане в теории должны были ломиться через советскую границу — к «врагам» — и, думая, что они уже ее перешли, попадать на эти заставы? Собственно, в этой чекистской провокации ЦК КПСС ничего такого «нехорошего» даже и не видит: проверка, пусть даже и при помощи ложных погранзастав и липовых «вражеских» пограничников и жандармов, дело нужное — ведь советского гражданина надо все время проверять и проверять, разве нет?

Во всяком случае, именно это и следует из текста официальной записки в высшую инстанцию: «Однако на практике, — возмущаются руководители Комитета партконтроля и Отдела административных органов ЦК, — это мероприятие было грубо извращено и направлено не на борьбу с действительными врагами советского государства, а против невинных советских граждан». То есть, замечу, относительно самого факта использования чекистами провокации как таковой, как повседневного инструментария, у чекистов возражений нет, праведный гнев вызвало лишь «извращение» этой «славной методы»?

Но вернемся к «мельнице». Как сообщалось в записке, бывший начальник Хабаровского управления НКВД Гоглидзе и осуществлявший непосредственный контроль за функционированием «мельницы» тогдашний начальник 2-го управления (контрразведки) НКВД Федотов использовали ее «в антигосударственных целях, для фабрикации материалов обвинения на советских людей». В документе дано подробное описание того, как это выглядело на практике: «„Проверка“ на пресловутой „мельнице“ начиналась с того, что лицу, подозревавшемуся в шпионаже, или иной антисоветской деятельности, предлагалось выполнить закордонное задание органов НКВД. После получения от „подозреваемого“ согласия на выполнение задания инсценировалась его заброска на территорию Маньчжурии с пункта ложной советской погранзаставы и задержание японскими пограничными властями. Затем „задержанный“ доставлялся в здание „Японской военной миссии“, где подвергался допросу работниками НКВД, выступавшими в ролях официальных сотрудников японских разведывательных органов и русских белогвардейцев-эмигрантов. Допрос имел своей задачей добиться от „проверяемого“ признания „японским властям“ в связи с „советской разведкой“, для чего создавалась исключительно тяжелая, рассчитанная на моральный надлом человека обстановка допроса, применялись различного рода угрозы и меры физического воздействия». Проще говоря, если перевести с чекистского и цекистского языков, «заброшенного» подвергали жестоким пыткам. Потому «многие лица, искусственно ввергнутые в необычную и тяжелую для них обстановку, полагая, что они действительно находятся в руках врагов и в любое время могут быть физически уничтожены, рассказывали сотрудникам НКВД, выступавшим в качестве японцев, о связях с органами НКВД и о тех

заданиях, которые они получили для работы в Маньчжурии. Некоторые из этих лиц, запуганные нависшей над ними смертельной опасностью, под влиянием мер физического воздействия сообщали отдельные сведения о Советском Союзе». Затем, уже «по окончании допросов, которые иногда длились в течение нескольких дней и даже недель, „задержанный“ перевербовывался представителями „японских разведорганов“ и забрасывался на территорию СССР с разведывательным заданием. Финал этой провокационной игры состоял в том, что „проверяемый“ арестовывался органами НКВД, а затем как изменник Родины осуждался Особым совещанием на длительные сроки лишения свободы или к расстрелу».

Роль начальника «уездной японской военной миссии», сообщается в документе, играл самый настоящий... шпион-японец: некий Томита, «который в 1937 году перешел границу», был задержан, «дал показания о своей принадлежности к японской разведке и что он в Советский Союз прибыл по заданию 2-го отдела штаба Квантунской армии с целью шпионажа». Его сначала приговорили к расстрелу, но затем чекисты решили использовать ценного японца более рационально — и он «был послан на ложный закордон, где учинял допросы советским гражданам». Всего, по версии составителей документа, «установлено, что в период с 1941-го по 1949 год через „мельницу“ было пропущено около 150 человек. За последнее время Военным трибуналом Дальневосточного военного округа проверено 27 судебных дел на 27 человек, прошедших через „ЛЗ“. Все они полностью реабилитированы». Как сухой скороговоркой сообщалось в записке, «...лица, догадывавшиеся о действительном назначении „ЛЗ“, подвергались физическому уничтожению». Находились люди, их было буквально считанные единицы, кто умудрялся выдержать эти пытки, не расколовшись ни на подставной «японской» заставе, ни даже на чекистской — такие подлежали безусловному уничтожению без суда и следствия, дабы операция «Ложный закордон» не подверглась риску расшифровки в лагерях.

«Одним из главных организаторов этой грязной провокации, — сообщает документ, — является генерал-лейтенант Федотов. ... Федотов лично руководил работой „мельницы“, докладывал о ней Берии и Меркулову, выполнял их поручения по применению „ЛЗ“ в отношении ряда советских граждан. ... Федотов лично настаивал перед

бывшим вражеским руководством НКВД СССР о применении расстрела к ряду невинных советских граждан». И не только Федотов: «...Нами установлен документ, свидетельствующий о том, что применение в агентурно-оперативной работе органов госбезопасности „мельницы“, разрешение на ее практическое использование и финансирование санкционировано т. Серовым». На тот момент т. Серов был председателем КГБ при Совете министров СССР.

Авторы записки предлагали «рассмотреть вопрос о партийной ответственности генерала Федотова», ответственности других сотрудников госбезопасности — тоже всего лишь партийной, а Комитету госбезопасности «решить вопрос о целесообразности работы в органах КГБ лиц», причастных к «указанным мероприятиям». В итоге гора родила мышь: Павла Федотова уволили из КГБ, лишив звания генерал-лейтенанта. И все.

На самом же деле вовсе не Федотов был первым автором идеи «ЛЗ»: чекисты всю использовали ее уже с 1920-х годов. Сначала — на границе с Польшей: там были организованы ложные польские заставы и разведпункты, «пляцувки», и чекисты, переодетые в форму стражников польского Корпуса охраны границы, доставляли на эти «пляцувки» задержанных. Далее — см. выше: все было так, как и на хабаровской «мельнице». Затем ложные заставы расплодились в Закавказье — на границе с Турцией и Ираном, в Средней Азии, аналогичные спецоперации велись и на границе с Финляндией — так что число жертв «ЛЗ» явно исчислялось не полутора и даже не несколькими сотнями человек — много больше. Затем этот метод «творчески» был использован и во время войны: в августе 1941 года чекистские агенты-provокаторы под видом немецких парашютистов были заброшены в Автономную Советскую Социалистическую Республику Немцев Поволжья, после чего все немцы Поволжья были обвинены в пособничестве «десяткам тысяч гитлеровских шпионов» и депортированы. Затем была заброска чекистов-provокаторов на Кавказ — к чеченцам, ингушам и балкарцам — тоже под видом немецких парашютистов... Еще одно прямое развитие чекистами идеи «ложного закордона» — создание во время войны разного рода ложных отрядов — якобы карательных немецких, ложных отрядов украинских и белорусских националистов, ложных отрядов польской Армии Крайовой, а после войны — еще и ложных отрядов «лесных братьев»

в Прибалтике... Мало того, операцию «Ложный закордон» продолжили затем на территории оккупированной Восточной Германии и, возможно, Чехословакии. В частности, в 1947 году генерал Евгений Питовранов с санкции высшей инстанции организовал такую лжезаставу в Тюрингии — на стыке советской, английской и американской зон. Как докладывал тогда Питовранов, «обмундирование для личного состава английской заставы имеется в наличии. Для американской заставы будет также подготовлено соответствующее обмундирование...».

Часть вторая

**«Разрешить дополнительно
расстрелять»**

Глава 1. Несовершеннолетних — к стенке!

Считать отпавшими указания, по которым расстрел к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, не применяется.

Были ли в сталинском СССР расстрелы несовершеннолетних? Спор на эту тему однажды даже дошел до суда: Евгений Джугашвили, полагающий себя внуком Иосифа Сталина, некогда подал иск в защиту чести и достоинства Сталина к известной радиостанции, придравшись к словам ведущего, что вождь народов разрешил расстреливать детей с 12-летнего возраста. Суд претензии гр. Джугашвили удовлетворить отказался, зато сам процесс инициировал публикацию целого ряда архивных документов по этой теме. Впрочем, вовсе не все они в свое время были оснащены грифами секретности. Так, постановление Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) СССР от 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» было опубликовано в «Известиях». Первый же пункт постановления гласил: «Несовершеннолетних начиная с **12-летнего возраста**, уличенных в совершении краж, в причинении насилий, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением **всех мер уголовного наказания**». Формулировка «всех мер» двоякому толкованию не подлежала: всех — значит всех, включая высшую меру — расстрел. Попутно это же постановление ЦИК и СНК отменяло статью 8-ю «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик», гласившую о приоритете медико-психологических мер в отношении несовершеннолетних, а другим пунктом рекомендовал привести уголовное законодательство республик «в соответствие с настоящим постановлением»: т. е. изъять все положения, препятствующие применению смертной казни к несовершеннолетним. Хотя это постановление формально ЦИК и СНК, его подлинным автором надо признать Сталина: в архиве сохранился проект документа, испещренный его рукописными пометками, дополнениями и исправлениями.

Советское право представляло крайне сложную конструкцию запутанных и заведомо противоречивых, а то и прямо противоречащих друг другу нормативных актов. По меткому замечанию ряда юристов, это было очень удобным нагромождением «дышл» («закон — что дышло: куда повернешь — туда и вышло»), которые по желанию вождя запросто можно было развернуть в любую сторону. И вовсе не УК был единственным или высшим документом, регламентирующим кары: прямое и безусловное действие имело, прежде всего, любое постановление ЦИК и СНК. Потому, отмечают исследователи советской юриспруденции, кодексы вообще можно было «не портить» поправками «нехорошего», антигуманного свойства: самое существенное регулировалось специальными постановлениями, указами и т. п. Скажем, если за некое преступление по УК полагалось не более пяти, ну, максимум десяти лет заключения, то по специальному постановлению — уже расстрел. Согласно УК, максимальный срок, например, за хищение «социалистической собственности» не мог тогда превышать 10 лет, зато по «закону семь-восемь» (он же «закон о трех колосках») — постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года, которое никто не отменял вплоть до хрущевских времен, запросто можно было «прислонить к стенке» любого! Какими нормами руководствовались исполнители? Риторический вопрос: разумеется, теми, которые определялись именно текущими и сиюминутными постановлениями. Потому если УК как бы воспрещал расстрел малолеток, то постановление (позже роль таких постановлений играли уже указы Президиума Верховного Совета СССР) однозначно гласило: к стенке! Сложно и запутанно? Зато комфортно и очень удобно для реализации высшей политической воли.

Но поскольку таких постановлений и указов принималось несметное множество, перманентно возникал конфликт норм, а не шибко премудрым товарищам карателям на местах порой требовались на пальцах разъяснять: что делать-то, расстреливать или как? Потому уже 20 апреля 1935 года прокурор СССР Андрей Вышинский и председатель Верховного суда СССР Александр Винокуров подписали специальное разъяснение к вышеупомянутому постановлению за № 1/001537 — 30/002517 под грифом «Совершенно секретно. Хранить наравне с шифром», разосланное всем прокурорам и председателям судов: «Ввиду поступающих запросов в связи с постановлением ЦИК

и СНК СССР от 7 апреля с. г. „О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних“ разъясняем:

1. К числу мер уголовного наказания, предусмотренных ст. 1 указанного постановления, относится также и высшая мера уголовного наказания (расстрел).

2. В соответствии с этим надлежит считать отпавшими указание в примечании к ст. 13 „Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик“ и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик (22 ст. УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), **по которым расстрел к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, не применяется**». Правда, при этом тут же было обтекаемо сказано, что «применение высшей меры наказания (расстрел) может иметь место лишь в исключительных случаях», потому «применение этой меры в отношении несовершеннолетних должно быть поставлено под особо тщательный контроль», и всем прокурорским и судебным органам деликатно предлагалось (но не приказывалось!) «предварительно сообщать прокурору Союза и председателю Верховного суда СССР о всех случаях привлечения к уголовному суду несовершеннолетних правонарушителей, в отношении которых возможно применение высшей меры наказания». При всем этом, «при предании уголовному суду несовершеннолетних по статьям закона, предусматривающим применение высшей меры наказания (расстрела), дела о них рассматривать в краевых (областных) судах **в общем порядке**». Проще говоря, расстреливайте хоть 12-летних, лишь не забывайте об этом нас информировать...

Животрепещущий вопрос, стрелять или не стрелять малолеток, еще раз обсудили на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 26 апреля 1935 года. Судя по подписанному Сталиным протоколу заседания, среди прочих тем в повестке дня значится и такая: «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Там же и вполне недвусмысленное пояснение, что к числу мер уголовного наказания, применяемым в отношении малолетних преступников, «относится также и высшая мера (расстрел)». В другом пункте решения Политбюро говорится об отмене положения УК, «по которым расстрел к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, не применяется». Тов. Сталин все разъяснил четко. Точка. Что здесь неясного?

Были ли расстрелы несовершеннолетних в реальности? А как же! Иначе зачем Сталину было весь этот огород городить, он был товарищ практичный, прагматичный и весьма предусмотрительный. Конечно, казни малолеток не носили столь же массовый характер, как расстрелы «взрослых», но они были. Задokumentировано, что на московском Бутовском расстрельном полигоне в 1937–1938 годы расстреливали и 15–17-летних подростков. Подсчитано, что среди тех 20 761 расстрелянных и зарытых на Бутовском полигоне, чьи имена удалось установить, было и 196 несовершеннолетних. Это лишь на одном из сотен (если не тысяч) расстрельных полигонов страны, и всего лишь за год с небольшим — с августа 1937-го по октябрь 1938 года.

В свое время Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) представил справку на одного из таких расстрелянных: Анатолий Дмитриевич Плакущий 16 лет от роду (1921 года рождения) был осужден и расстрелян 16 декабря 1937 года по обвинению в совершении «контрреволюционного преступления»: «из озорных и хулиганских побуждений, наколкой татуировки на левой ноге, выше колена нарисовал одного из вождей Коммунистической партии». Сталина наколол, негодник, как такого не отправить в расстрельный ров?!

Конечно, какая-то часть тех несовершеннолетних получила пулю в затылок за преступления не мифические — «контрреволюционные», а за вполне конкретные, уголовные: по стране бродили миллионы беспризорников, добывавших себе хлеб и пропитание единственно возможным для них путем — преступным. Но тогда надо задаться вопросом: откуда в стране «победившего социализма» вдруг в одночасье взялись миллионы малолетних преступников? Куда делись их родители, счет которых тоже тогда должен был идти на миллионы? Кто, наконец, лишил эти миллионы детей всего — родителей, дома, куска хлеба, — разве не тот же товарищ Сталин, со своей коллективизацией, истребившей крестьянство, индустриализацией, голодомором и «законом о трех колосках»?

Глава 2. «Высказывал анекдоты...»

Не секрет, что последнее десятилетие в некоторых слоях нашего общества, как правило, не обремененных серьезным знанием истории отечества, весьма модно стало утверждать, что товарищ Сталин — эффективный менеджер, а развязанные им массовые репрессии — это такая мифическая страшилка, потому как если даже и сажали, то, мол, исключительно только «за дело», а вовсе не «за три колоска». И уж тем паче такие граждане и гражданки, архивных документов в их подлинном виде в жизни не видевшие, зато обожающие громогласно объявлять «я все архивы изучила!», убеждены: тезис про то, как «при Сталине за анекдоты сажали», и вовсе есть злобная клевета на «отца народов». Что ж, получите тогда документ, можно сказать, юбилейный — ему ровно 80 лет.

21 сентября 1935 года исполняющий обязанности начальника Актюбинского областного управления НКВД Духович направил спецсообщение первому секретарю Актюбинского областного комитета ВКП(б) Абилкайру Досову. Чекист информировал секретаря обкома, что «по имеющимся данным уполком. заг. СНК (уполномоченный Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР. — *Авт.*) Тыщенко Ново-Российского района 16/IX-с/г. на Пленуме Райкома ВКП(б) во время частной беседы — во время перерыва высказывал антисоветские анекдоты дискредитирующие (так в тексте. — *Авт.*) вождей партии и правительства, рассказанный им в то время анекдот сводился к следующему». Далее бдительный чекист приводит полный текст пресловутого «антисоветского» анекдота:

«...Одна студентка гор. Москвы получила при сов. власти воспитание и захотела иметь хорошего, умного ребенка и написала заявление тов. Сталину, с просьбой о том, что он(а) хочет от него ребенка, тов. Сталин это заявление прочел невнимательно — наложил на этом заявлении резолюцию — тов. Молотову, для исполнения, а тов. Молотов тоже это заявление прочел невнимательно, наложил резолюцию — личному секретарю — для исполнения».

Так вот, товарищи из НКВД, оперативно взяв «анекдотчика» Тыщенко в разработку, установили, что тот «этот анекдот рассказывал нач. ПО (начальнику политотдела. — *Авт.*) Кзыл-Каинского совхоза Умутбаеву, пред. РИКа (председателю райисполкома. — *Авт.*) Друмбетову и своему шоферу Богини, последний б/п (беспартийный. — *Авт.*), со слов Умутбаева, что он об этом докладывал секретарю РК ВКП(б) — Смирнову и требовал этот поступок Тыщенко обсудить на Бюро, но Смирнов этому вопросу не придал никакого значения». Тем не менее негодника по партийной линии все же слегка вздрючили: «Тыщенко по требованию членов Пленума признал свою ошибку, что он говорил этот анекдот, и повторил анекдот дословно». Одним словом, товарищ публично покаялся и раскаялся, как в те времена и было положено. Однако члены райкома партии, собравшиеся на тот пленум, выслушали этот анекдот, надо полагать, не без удовольствия, хотя и скрытого: какое-никакое развлечение, да слушать анекдот про товарища Сталина и товарища Молотова куда интереснее, чем часами отсиживать задницу, выслушивая косноязычные речи о выполнении плана хлебозаготовок в свете решений июньского пленума ЦК ВКП(б) об уборке и заготовках сельскохозяйственных продуктов, «решительной борьбе с разбазариванием и расхищением убранного хлеба, представляющего общественную социалистическую собственность» и «мобилизации колхозных масс и совхозных рабочих на это дело». Это уже подлинные цитаты из материалов пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося 5–7 июня 1935 года.

Ошибку публично признал и раскаялся перед лицом товарищей по партии и заготовкам сельхозпродукции, на том все и закончилось? Как же, кончилось! Послушали, посмеялись втихаря, да тут же побежали с доносом в НКВД. В свою очередь, ведь не для того же сотрудники областного управления НКВД целую оперативную разработку провели и кучу оперативно-чекистских часов затратили, чтобы завершить служебный документ — на имя секретаря обком и под грифом «Сов. секретно» — дежурной фразой «Изложенное сообщается для сведения»?! Тыщенко Василий Иванович (правда, в ряде других документах он почему-то иногда значится как «Степанович», хотя все остальные данные совпадают) — уполномоченный Комитета по заготовкам сельхозпродуктов при Совете народных комиссаров СССР, 1884 года рождения, уроженец Хабаровского края, украинец — был

арестован органами госбезопасности 14 октября 1935 года, через месяц после того, как рассказал свой анекдот. Следствие по его делу шло недолго — чего уж там расследовать, и 13 января 1936 года Тыщенко приговорен к лишению свободы в ИТЛ (исправительно-трудовых лагерях) на 1 год. Посадили, одним словом. Правда, «всего лишь» на один год! Но это, скорее всего, опечатка. Дело в том, что обвинение Тыщенко было предъявлено по статье 58–10 УК: если в поздней редакции Уголовного кодекса это «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений», то вот в той редакции УК, что действовала во время описываемого события, это уже... «шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам»! Так что в январе 1936 года полагалось по той статье «лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет» — и до расстрела включительно. Так что получить по 58–10 «всего лишь» год лагерей наш рассказчик анекдотов в январе 1936 года никак не мог, только 10 — нолик «выпал» уже из поздних документов, после реабилитации: как значится в «Книге памяти Алма-Атинской области», согласно закону Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года, Василий Тыщенко реабилитирован прокуратурой Алма-Атинской области 12 июля 1999 года. Кстати, судили Тыщенко в Казахской ССР, но согласно УК РСФСР — к вопросу о «социалистической законности»... Реабилитировали, похоже, посмертно: нет никаких сведений, что Тыщенко выжил в лагерях, будь он жив, точно добился бы прижизненной реабилитации в начале 1960-х годов.

И это вовсе не единичный казус. Из протокола допроса 1938 года работника Кавказской железной дороги Павла Решетникова: **«Вопрос:** Вы признали себя виновным в распространении анекдота контрреволюционного содержания... Следствию хорошо известен ряд фактов вашей антисоветской деятельности. Требую дать исчерпывающие показания... **Ответ:** Я подтверждаю, что, кроме ранее сказанного анекдота, я больше ничего подобного не говорил и антисоветской деятельностью не занимался». Расстрелян.

Другое такое же типовое дело, уже послевоенное. Алешин Петр Кириллович, 1904-го (по другим документам, 1909-го) года рождения, чуваш, беспартийный, но бывший член ВКП(б), директор средней школы в селе Ново-Летники Зиминского района Иркутской области. 27 декабря 1945 года осужден Иркутским облсудом за то, что в присутствии учителей рассказал такой анекдот: «У Сталина была жена, которую звали Советская власть, и дочь, которую звали Пятилетка. Однажды ночью дочь обмаралась, и Сталин стал будить жену: «Вставай, Советская власть, Пятилетка... усралась». Получил семь лет лагерей. В 1969 году реабилитирован.

А вот еще. 14 февраля 1948 года Военный трибунал Кишиневской железной дороги (был и такой!) приговорил Поповича Сергея Ивановича, 1916 года рождения, и Гельфмана Пиня Моисеевича, 1910 года рождения, к 10 годам ИТЛ «с последующим поражением в правах на 3 года». Попович получил «десяточку» за то, что в июне-июле 1947 года рассказал Гельфману шесть антисоветских анекдотов, а тот, в свою очередь, вместо того чтобы тут же мчаться в МГБ с доносом, сам в августе 1947 года пересказал три из этих анекдотов коллегам-железнодорожникам. Анекдоты, кстати, примечательны. Цитирую по материалам дела: «Одна старушка увидела впервые в жизни верблюда и заплакала. Когда ее спросили, чего она плачет, она ответила — посмотрите, до чего довела советская власть лошадь...», «на Ялтинской конференции был дан обед русскими. После обеда иностранцы: англичане и американцы поблагодарили за чай. На вопрос, почему только за чай, иностранцы ответили: потому что все остальные продукты наши...», «одновременно умерли два инженера — один русский, другой американский. Сделали вскрытие трупов и в голове американского инженера нашли планы, а в желудке свиную тушенку, а у русского наоборот — в голове свиную тушенку, а в желудке планы», «один иностранный журналист был в Англии и Америке и видел, что там женщины довольны тем, что у них наряды хорошие, а в Советском Союзе он увидел женщину, которая радовалась тем, что она получила в магазине 1 кг тюльки без очереди и у нее забыли вырезать талоны из карточки», «глава Советского правительства и Молотов, пролетая на самолете над Москвой, увидели у магазинов очередь за мукой и за сахаром. Тов. Молотов сказал тов. Сталину, что если бы он сбросил с самолета мешок муки и мешок

сахару людям, то они его расцелуют от радости. Тогда пилот им сказал: если бы я вас выбросил вниз из самолета, то народ меня поцеловал бы в разные места», «один человек умер, и его провели в одну комнату, красиво и чисто убранную, а потом его привели в другую, темную комнату и стали жарить в котле. Он спросил, почему его раньше провели в такую красивую комнату, а потом перевели в грязную, где его жарят. Ему ответили, что та комната только агитпункт». Как не поленился дотошно зафиксировать следовательно, смысл этого анекдота, что «там где хорошо и приятно, где все показное — это агитпункт, а действительность в этой темной комнате...». И ведь счет таких посадок за анекдоты шел на тысячи...

Глава 3. Двадцать семь тысяч резидентов Ежова

23 января 1935 года Николай Ежов направил Сталину памятную записку, в которой представил вождю «ряд своих соображений о недостатках работы ЧК». (Документ впервые опубликован исследователем «Мемориала» Никитой Петровым.)

Ее предыстория такова. После убийства 1 декабря 1934 года руководителя ленинградской парторганизации Сергея Кирова именно Ежову Сталин поручил наблюдать за расследованием этого дела, де-факто назначив своим личным представителем в НКВД. Именно тогда, по словам тогдашнего наркома внутренних дел Генриха Ягоды, «начинается систематическое и настойчивое вползание в дела НКВД Ежова»: тот, пользуясь своими неформальными и необъятными полномочиями, «влезал сам во все дела» через голову наркома, не согласовывая с ним абсолютно ничего. «Вмешиваясь во все детали расследования, — пишет в своем исследовании Никита Петров, — Ежов придал ему именно то направление, которое хотел Сталин». Попытавшийся было чинить препятствия Ягода нарвался на грозный рык вождя: «Смотрите, морду набьем...».

Стукач третьего разряда

Записка от 23 января 1935 года стала своего рода отчетом посланца Сталина об итогах «внедрения» в «Ленинградскую ЧК» (как Ежов называл Ленинградское управление НКВД). Документ интересен прежде всего тем, что изнутри, глазами сталинского представителя, рисует портрет типового чекиста того времени. А еще именно из этого письма можно получить уникальные сведения, как в НКВД тогда была поставлена работа с осведомителями.

С этого и начнем. По словам Ежова, на тот момент существовало три круга агентурных сетей: агентура общего осведомления («осведомители»), агентура специального осведомления («спецосведомители») и «основная агентура» («агенты»). «Сеть

осведомителей очень велика, — докладывал Ежов. — Она по каждой области в отдельности насчитывает десятки тысяч человек. Никакого централизованного регулирования размерами осведомительной сети нет». На тот момент по всей стране НКВД имел 270 777 осведомителей «общего осведомления». В это число не входили осведомители *«по неорганизованному населению, так называемое дворовое осведомление; затем специальная сеть осведомителей по армии и транспорту»*. Поскольку централизованного учета осведомителей этой категории также не велось, оценить их количество оказалось затруднительно. По сведениям Ежова, примерное количество осведомителей можно было оценить в 500 тысяч человек. Причем речь шла только о тех осведомителях «общего назначения», которые работали на подразделения Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД. Но, помимо ГУГБ, своими агентурными сетями располагали: милиция, подразделения пограничной и внутренней охраны, Главное управление лагерей. Но до их подсчета у Ежова руки не дошли, да и не входило это в его задачи. Ежова больше заботит, что «в этом деле господствует самотек»: почему в Саратовском крае 1200 осведомителей, а в Северном крае их аж 11 942?!

Осведомители, как сообщает Ежов, *«никакого заработка от Наркомвнудела не имеют, работают бесплатно»*, и задачи их предельно просты: *«осведомление обо всем, что он заметит ненормального»*. Проще говоря, стучать всегда, везде, на всех и обо всем.

Сотрудники НКВД непосредственно с этими стукачами не работали: *«Из числа наиболее активных осведомителей выделяются так называемые резиденты. Резиденту подчиняют в среднем 10 чел. осведомителей. Резиденты тоже работают бесплатно, совмещая работу в ЧК со своей основной работой <...> Всего по учтенным данным по Союзу имеется 27 650 чел. резидентов»*, в число осведомителей общего и «дворового» осведомления не входивших.

Следующий агентурный круг заметно качественнее, поскольку *«в задачу специального осведомителя входит освещение только специальных вопросов»*. И работают они уже на конкретные отделы ГУГБ: одни специализируются на «освещении» духовенства изнутри, работая внутри церковной среды, другие — в *«среде писателей,*

художников, инженеров и т. п.». Потому осведомитель должен быть «более квалифицированным человеком, ориентирующимся в специальных вопросах». Эта категория также, по словам Ежова, за редчайшим исключением, работает бесплатно. И уже без промежуточных прокладок в виде «резидентов».

Сколько таких «спецосведомителей» у НКВД, Ежов, как ни старался, дознаться так и не смог, поскольку, опять-таки, «в деле установления количества спецосведомителей господствует такой же самотек», никакого централизованного учета не ведется. Единственное, что сумел установить Ежов, что стукачей этой категории тоже очень много: в одном лишь Ленинграде их было не менее 2000 человек.

И наконец, высший уровень стукачества — **«сеть основной агентуры ЧК»**: «Это так называемые агенты. Эта сеть агентуры оплачивается. Помимо оплаты за работу они получают и специальные суммы, необходимые по ходу разработок (организация пьянки и т. п.). Сеть этой активной агентуры, работающей по определенным заданиям значительно меньшая, однако и она по отдельным областям насчитывает иногда сотни людей».

Помимо отсутствия «учета и контроля», сталинского ревизора возмутил еще и порядок вербовки. В общей сети сотрудники НКВД вообще свою агентуру не знают, а через «резидентов» невозможно, мол, эффективно руководить работой стукачей, давая ей «повседневное направление».

В сети «специального осведомления» — свои проблемы: вся вербовка там передоверена практикантам, которые в этом ничего не понимают. В кругу третьем, самом элитном, «господствует сплошной самотек», вербовка вообще «передоверена второстепенным людям», да еще и процветает сплошное липачество. Например, порой устанавливают контрольные цифры вербовки, спуская план по вербовке каждому работнику. В одном случае начальник обязал своих подчиненных вербовать ежедневно не менее 10 агентов. Так ведь иные умудрялись и этот план перевыполнять, «давая в день по 15 и 20 агентов»!

«Нам позарез нужны Спиридовичи!»

Осторожно сетуя на отсутствие в НКВД «специального следственного аппарата», Ежов столь же деликатно прощается по чекистской практике розыска и следствия. Последствием этого стало *«то, что следователь часто дает много „дутых“ дел <...> Таких „дутых“ дел в чекистской практике очень много».*

Да и вообще следователи в НКВД никудышные. В оценке профессиональных, моральных и политических качеств основной массы чекистских кадров Ежов особо не стесняется: следствие вести не умеют в принципе, *«крайне низкая квалификация и общая грамотность чекистов», «кадры чекистских следователей совершенно не знают законов»,* все допросы проводятся под копирку, *«друг у друга списывают вопросы и часто требуют аналогичных ответов от допрашиваемого».* «Словом, — вздыхает Ежов, — у нас нет своих спиридовичей (Ежов имеет в виду А. И. Спиридовича, генерал-майора Отдельного корпуса жандармов, одного из виднейших деятелей политического сыска Российской империи. — Авт.), которые нам позарез нужны».

После чего плавно переходит к главному: прозрачно намекает на желательность хорошенько почистить чекистский аппарат по всей стране. Репетицию такой чистки он уже провел в Ленинграде: по данным Никиты Петрова, Ежов успел там проверить 2747 сотрудников НКВД, после чего 298 чекистов были сняты с работы, а 21 из них попал в заключение. Попутно Ежов проверил и 3050 сотрудников милиции, из которых 590 было уволено, а семь — посажено. *«Лично я думаю, — самокритично сокрушался эмиссар Сталина, — что я вычистил мало <...> Можно будет через некоторое время продолжить чистку и остального состава чекистов».* Тем паче, *«что собой представляет оставшийся состав чекистов? В большинстве случаев это мало культурные люди».* И первое, негодует Ежов, *«что бросается в глаза среди чекистов, это пренебрежительное отношение к чтению, к культуре, к знаниям».* Завершая свое послание к Сталину, Ежов, опять-таки слегка завуалированно, подводит своего читателя к мысли о скорой необходимости чистки аппарата НКВД: *«В подавляющем своем большинстве чекисты — это замкнутая среда, и в быту их имеются массовые случаи „буржуазности“.* Достаточно сказать, что жены чекистов стали буквально нарицательным

именем». Такой вот обобщенный портрет чекистов середины 1930-х годов пера Николая Ежова.

Нет сомнения, свою роль в дальнейшей карьере Ежова эти его «тезисы об НКВД» сыграли. Но уж точно не решающую, хотя бы потому, что ни в чьих советах по реорганизации карательного аппарата Сталин, разумеется, не нуждался. Да и карьерный путь Ежова на ближайшую перспективу к тому времени был вождем наверняка выверен, поскольку виды на этого товарища Сталин имел самые серьезные. Тем не менее Хозяину важно было получить сигнал-подтверждение, что он не ошибся в выборе не просто кадра надежного и лично преданного, но главное, хорошо понимающего то, что не высказано вслух.

Зримым подтверждением того, что взлелеянный Сталиным кадр понял все абсолютно точно и, не задавая лишних вопросов, двинулся в нужном направлении, стала целая череда карьерных вознесений Ежова: 1 февраля 1935 года его делают секретарем ЦК, 6 февраля — членом ЦИК СССР. Но главный в том году «приз» Ежов получил 28 февраля, когда на пленуме ЦК его сделали председателем Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) — это был один из самых острых карательных инструментов вождя, предназначение которого было лишь одно — проведение внутрипартийных зачисток. По сути, та же ЧК, только внутри партии и для партийцев.

На этом процедура вручения дрессированному карлику вождя карательного инструментария не завершилась: 10 марта 1935 года Ежова назначили заведующим Отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б), в ведении которого был подбор и расстановка всех номенклатурных кадров. Так он стал еще и главным (после Сталина, разумеется) кадровиком партии. По совокупной же значимости всех врученных Ежову постов это фактически означало возведение его в ранг если не второго, то уж точно третьего человека в партии (и стране) после Сталина. Отныне в его руках были сосредоточены поистине колоссальные полномочия: надзор за НКВД, контроль над кадровой политикой партии и руководство внутрипартийной ЧК. До апогея своей карьеры Николаю Ежову оставалось чуть больше года.

Глава 4. «Тов. Микоян просит разрешить дополнительно расстрелять»

25 ноября 2015 года исполнилось 120 лет со дня рождения Анастаса Микояна, одного из «железных сталинских наркомов», сумевшего удержаться в высшем руководстве страны до середины 1960-х годов, а в составе ЦК он и вовсе был с 1923-го по 1976 год. По поводу чего даже ходила такая шутка: «От Ильича до Ильича, без инфаркта и паралича». Микояну вообще крупно везло: хотя он и был одним из печально знаменитых бакинских комиссаров, которых в сентябре 1918 года вывезли из Баку в Красноводск и расстреляли, но, в отличие от 26 других своих коллег-товарищей в этот расстрельный список не попал. Сумел он увернуться от и молоха сталинских репрессий, а на фоне своих коллег по кремлевскому ареопагу он даже считался умеренным и едва ли не добрячком. Но это далеко не так: хотя и записным злодеем он, конечно, не был, однако и сторонним наблюдателем с чистыми руками его назвать никак нельзя, крови на его руках было много. О чем свидетельствуют так называемые сталинские расстрельные списки, по крайней мере на восьми из которых сохранился утвердительный автограф Микояна, множество других завизировано им не собственноручно, а, как тогда практиковалось, «дистанционным» опросом вкруговую.

Как гласит датированная 22 декабря 1988 года записка Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов, «прямую ответственность за участие в массовых репрессиях несет **А. И. Микоян**. С его санкции были арестованы сотни работников системы Наркомпищепрома, Наркомвнешторга СССР. Микоян не только давал санкции на арест, но и сам выступал инициатором арестов. Так, в письме на имя Ежова от 15 июля 1937 года он предлагал осуществить репрессии в отношении ряда работников Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии Наркомпищепрома СССР. Аналогичные представления делались Микояном и в отношении работников ряда организаций Внешторга СССР. Осенью 1937 года

Микоян выезжал в Армению для проведения чистки партийных и государственных органов этой республики от «врагов народа». В результате этой кампании погибли сотни и тысячи кадров партийных, советских работников. Микояна в этой поездке сопровождал Маленков и группа работников НКВД. Результатом непосредственной деятельности Микояна и Маленкова был арест 1365 коммунистов.

Микоян возглавлял комиссию по обвинению в контрреволюционной деятельности видных членов партии. Он, в частности, вместе с Ежовым был докладчиком на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) по делу Бухарина (1937 г.). Именно Микоян выступал от имени Политбюро ЦК ВКП(б) на торжественном активе НКВД, посвященном 20-летию органов ВЧК-ГПУ-НКВД. После восхваления деятельности Ежова, оправдания массовых незаконных репрессий Микоян закончил свой доклад словами: „Славно поработало НКВД за это время!“ — имея в виду 1937 год...».

Собственно, это и подтверждает документ за № 60349, подписанный 22 сентября 1937 года наркомом внутренних дел СССР Генеральным комиссаром государственной безопасности Николаем Ежовым и адресованный «секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину»:

«Тов. Микоян просит, в целях очистки Армении от антисоветских элементов, разрешить дополнительно расстрелять 700 человек из дашнаков и прочих антисоветских элементов.

Предлагаю расстрелять дополнительно 1500 человек, а всего с ранее утвержденной цифрой 2000 человек».

Судя по размашисто поставленной наискосок одобрительной сталинской загогулине — «За» — и его же подписи, у вождя возражений просьба т. Микояна не встретила. Равно как и у таких товарищей, как члены Политбюро Вячеслав Молотов (председатель Совета народных комиссаров СССР), Лазарь Каганович (секретарь ЦК и нарком путей сообщения СССР), Михаил Калинин (председатель ЦИК СССР) и Влас Чубарь (нарком финансов СССР). Их подписей нет, но, как следует из секретарской приписки слева от текста «прошения», они опрошены, скорее всего, по телефону, и единодушно выразили свое согласие.

Хотя, конечно, документ выглядит несколько небрежно. Так, его текст напечатан на оборотной стороне классического бланка шифровки ЦК ВКП(б), словно в НКВД СССР своих бланков не было, и на этом

основании радители сталинизма уже пытались объявить документ фальшивкой. Однако этот номер не проходит — его архивная атрибутика вполне конкретна, подлинник находится на хранении в бывшем Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ныне это Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ): фонд 17, опись 166, дело 580, лист 10.

Что же касательно «небрежности» и «неправильной» бумаги, то исследователи уже давно отметили, что это весьма характерно для Ежова: целый ряд его сопроводительных записок Сталину составлен небрежно, наспех, подчас даже на клочках бумаги, и носил не слишком официальный характер. Использование же Ежовым порой для такого рода документов оборотной стороны шифровок имело свой смысл. Если мы взглянем на лицевую сторону любого такого типового бланка, то увидим там не только гриф «Строго секретно. Снятие копий воспрещается», но и предельно жесткое «Подлежит возврату в 48 час.», рядом — ссылка на соответствующее решение Политбюро — еще от 6 мая 1927 года. Так что для Ежова не было никакого криминала в том, чтобы напечатать свое послание вождю на оборотной стороне бумаги, которая все равно подлежала срочному возврату в аппарат Сталина. Схема отлаженная и привычная, хотя детально реконструировать саму внутреннюю процедуру рассмотрения и утверждения этих расстрельных списков и бумаг членами Политбюро, как полагают исследователи «Мемориала», сегодня практически невозможно. Очевидно лишь то, что делалось это келейно, в неформальной обстановке. Но всегда соблюдался режим строжайшей секретности, так что никаких случайных свидетелей этой «тонкой» работы не было, да и быть не могло. Рассмотрение и утверждение таких списков в протоколах заседаний Политбюро не фиксировалось и в виде решений не оформлялось, а в делопроизводство Политбюро они и вовсе не попадали, поскольку их возвращали в НКВД. Обычно Сталин первый ставил свою подпись, а уже вслед за ним подписывались остальные. В том числе и Анастас Микоян. Как честно признал его сын, летчик-испытатель Степан Микоян, лично для него, как для сына, самым тяжелым испытанием оказалось узнавание про такое вскрытое злодеяние, как «расстрел НКВД нескольких тысяч пленных польских офицеров перед войной. Решение Политбюро

подписали шесть человек — Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Калинин... и — мой отец. Но не подписать, если он в то время был там, он не мог — можно представить ту ситуацию». Конечно, можно: все «соратники» Сталина должны были быть повязаны кровью, круговой порукой — или ты участвуешь в этой кровавой вакханалии, или в этих списках будет твое имя. Правда, на деле это участие никому и ничего не гарантировало, имена многих из тех, кто визировал расстрельные списки в 1937-м, оказались в тех же списках в 1938-м, 1939-м...

В общем-то Микоян был не самым худшим из сталинских наркомов и уж явно не принадлежал к числу самых инициативных по части репрессий, на финише правления Сталина сам попал в опалу, а после его смерти был среди тех, кто ратовал за освобождение от сталинщины. Но все могло быть иначе: в конце того же 1937 года «Сталин предложил моему отцу стать наркомом НКВД, — пишет Степан Микоян, — но он категорически отказался». Насколько категоричен был тот отказ на деле, нам пока не дано знать, но остается фактом: прими тогда Микоян это предложение, его земной путь оказался бы много короче. Да и память о нем была бы совершенно иной. Степан Микоян ссылается на такой примечательный эпизод: на одной из встреч со старыми товарищами Анастас Микоян резко отреагировал недовольство некоторых тем, что разговор зашел про реабилитацию репрессированных: «Да, мы действительно растянули реабилитацию на многие годы, вместо того чтобы, раз признавшись в своей ошибке, реабилитировать всех сразу. Почему же мы этого не сделали? Я говорю „мы“, имея в виду и лично себя... Так почему мы разыгрывали акты „реабилитации“, вместо того чтобы оправдать всех сразу? Почему устраивали видимость судебного разбирательства при оправдании? Потому что, если бы мы поступили иначе, если бы поступили по совести, наш народ окончательно уверился бы, что мы — мерзавцы! Мерзавцы!.. То есть те, кем и были мы на самом деле!» Пронзительная исповедь, но хотя бы в попытке честно взглянуть на себя и свой путь Анастасу Ивановичу не откажешь...

Глава 5. «Участвовал в расстрелах неоднократно с 1918 года»: Большой Соловецкий расстрел 1937-го

16 августа 1937 года нарком внутренних дел СССР Генеральный комиссар государственной безопасности Николай Ежов подписал приказ № 59190 «О завершении операции по репрессированию наиболее активных контрреволюционных элементов из числа содержащихся в тюрьмах ГУГБ». 3-й пункт этого приказа особо оговаривал судьбу тех, кто томился в Соловецкой тюрьме особого назначения: «Вам для Соловецкой тюрьмы утверждается для репрессирования 1200 человек». Операцию по истреблению заключенных было предписано начать 25 августа 1937 года, завершив ее в двухмесячный срок строго согласно четко прописанной процедуре. Сначала начальники тюрем Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД должны были составить «на каждого подлежащего репрессированию подробную справку с указанием в ней: фамилии, имени, отчества, за какие преступления, на какой срок и кем осужден, преступная деятельность (подлежащего репрессированию) в тюрьме, в том числе побег, к.-р. выпады и злостные нарушения режима». Затем эти справки подписывали сам начальник тюрьмы и его помощник по оперативной работе, после чего справки вместе с делом направлялись «на рассмотрение соответствующей республиканской, краевой или областной тройки», «тройка» же, рассмотрев материалы, выносила приговор — исключительно смертный, выписка из протокола приобщалась к делу, после чего «дела и протоколы возвращаются начальнику тюрьмы для приведения приговора в исполнение». «Приговора (так в оригинале. — *Авт.*) приводятся в исполнение, — гласил приказ Ежова, — специально отобранным начальствующим и надзорсоставом тюрьмы ГУГБ под личным руководством начальника тюрьмы или его помощника по оперативной части».

Самый большой расстрельный этап, так называемый «первый соловецкий этап» — по спискам 1116 человек, среди которых выдающиеся деятели культуры, священнослужители — отправился с

Соловков в октябре 1937 года: его погрузили на баржи. А затем он бесследно исчез, породив легенду: узников, мол, затопили в Белом море — вместе с баржами. Но в середине 1990-х годов исследователи Санкт-Петербургского научно-исследовательского центра «Мемориал» сумели обнаружить в архивах ФСБ комплекс документов, проливших свет на это дело. Опираясь на сведения, извлеченные из этих документов, летом 1997 года поисковая группа Петербургского «Мемориала» с помощью приданной им армейской роты приступила к исследованию лесного урочища Сандармох (Сандормох), что в 16 км от Медвежьегорска. Там и были обнаружены расстрельные ямы, а в них — скелеты, у всех — пулевые отверстия в затылочной части черепа. Всего там установлено 236 таких расстрельных ям. Согласно обнаруженным в архивах документам, с 11 августа 1937 года по 24 декабря 1938 года на этом месте было расстреляно и захоронено свыше 9500 человек. В том числе и тот самый «пропавший» соловецкий этап — 1111 заключенных, известны все, поименно. Особо много среди расстрелянных того этапа оказалось деятелей культуры с Украины. Как горько заметил один из исследователей, расстрелянных украинских интеллигентов в Сандармохе закопано больше, чем в окрестностях Киева или Львова. Примерно половина расстрелянных — обычные питерские рабочие...

Указание Ежова, как мы помним, было: расстрелять 1200 узников Соловков, но ленинградская «тройка», трудясь в поте лица своего днем и ночью, успела оформить приговоры «всего лишь» на 1116 заключенных. Из которых один умер, не дождавшись расстрела, а четверо, как оказалось, уже этапированы в другие города. 16 октября 1937 года начальник Управления НКВД по Ленинградской области Заковский направил начальнику Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР старшему майору госбезопасности Ивану Апетеру секретное распоряжение: «Немедленно выдайте всех 1116 человек, приговоренных к расстрелу, — командированному для приведения в исполнение приговоров зам. нач-ка АХУ УНКВД ЛО — капитану гос. безопасности т. Матвееву М. Р. Исполнение сообщите». В примечании — указание при выдаче осужденных тщательно проверить каждого «с целью сверки установочных данных, используя имеющиеся на них в личных делах фотокарточки».

Той же датой, 16 октября 1937 года, датировано и выданное капитану госбезопасности Михаилу Матвееву предписание: «Предлагается осужденных Особой тройкой УНКВД ЛО... всего в количестве 1116 человек, содержащихся в Соловецкой тюрьме ГУГБ НКВД СССР — расстрелять». Посему «для этой цели вам надлежит немедленно выехать в г. Кемь и, связавшись с начальником Соловецкой тюрьмы ГУГБ — ст. майором госбезопасности т. Апетер, которому одновременно с этим даются указания о выдаче осужденных, — привести приговора в исполнение согласно данных вам лично указаний».

10 ноября 1937 года капитан госбезопасности Матвеев отрапортовал: «Доношу, что на основании предписания начальника Управления НКВД — комиссара госбезопасности 1-го ранга тов. Заковского от 16-го октября 1937 года за № 189852 — приговор в отношении осужденных к В. М. Н. — согласно протоколам Особой тройки УНКВД ЛО за № 81, 82, 83, 84 и 85 всего на 1116 человек — мною приведен в исполнение на 1111 человек:

по прот. № 81, всего 209 чел., выполн. 208 чел. невыполн. 1 чел.

Родионов Ф. И. умер в б-це, акт № 27 от 8/X-37 г.

по прот. № 82, всего 182 чел., выполн. 180 чел., невыполн. 2 чел.

Вишняк С. Д. направлен в Л-д, справка от 28/X-37 г.

Ликворник Е. Я. — »— в Одессу, справка от 28/X-37 г.

по прот. № 83, всего 266 чел., выполн. 265 чел. невыполн. 1 чел.

Зозуляк И. М., напр. в Киев, справка от 28/X-37 г.

по прот. № 84, всего 249 чел., выполн. 248 чел. невыполн. 1 чел.

Пероцкий Б. В. напр. в Киев, справка от 2/XI-37 г.

по прот. № 85, всего 210 чел., выполн. 210 чел. невыполн...

Общее количест. 1116 ч: выполн. 1111 чел. невыполн. 5 чел».

Установлено, что соловецкие заключенные были этапированы на баржах партиями по 200–250 человек с Соловецких островов по морю: сначала в Кемь, а уже оттуда по железной дороге в Медвежьегорск, где их размещали в деревянном здании следственного изолятора Белбалтлага. В день расстрела приговоренных раздевали до нижнего белья, связывали веревками руки и ноги, затыкали рты кляпом и складывали штабелями в кузова грузовиков, отвозивших их к месту казни. Там смертников ставили на колени на краю ямы и стреляли из револьвера — в одних случаях в затылок, в других — в лоб, дабы приговоренный, опережая выстрел, не попытался прыгнуть в яму. Практически всех из этих 1111 человек из своего табельного нагана лично расстрелял капитан госбезопасности Михаил Родионович Матвеев. Иногда ему помогал младший лейтенант госбезопасности Георгий Леонгардович Алафер, помощник коменданта Ленинградского УНКВД. За один день Матвеев умудрялся «исполнить» от 180 до 265 человек. К месту казни конвоировали заключенных Гинцов, Лариошин, Васильев, Дервянко, Кузнецов и Твердохлеб, шофер Воскресенский, как записано в документах, «работал на грузовой машине по доставке арестованных, шофер Федотов работал на легковой машине, а Ершов занимался хозяйственными вопросами...». Расстрел этапа длился с 27 октября по 4 ноября 1937 года, хотя после первого пришлось сделать трехдневный перерыв, чтобы изменить процедуру транспортировки приговоренных: во время перевозки из СИЗО к расстрельной площадке несколько заключенных, сумев развязать руки, попытались бежать, выпрыгнув из грузовика. К сожалению, эта попытка оказалась неудачной...

Непосредственное начальство высоко оценило труды своего киллера: в «день чекиста», 20 декабря 1937 года приказом УНКВД СССР по Ленинградской области № 308 «капитан государственной безопасности тов. Матвеев Михаил Родионович за успешную борьбу с контрреволюцией награжден ценным подарком». Впрочем, партия и правительство отметило этого матерого и опытного расстрельщика-рекордсмена много раньше: еще 28 ноября 1936 года постановлением ЦИК СССР «за особые заслуги в борьбе за упрочение социалистического строя» тов. Матвеев Михаил Родионович был награжден орденом Красной Звезды. В том же списке награжденных имена таких признанных кровавых палачей, как Василий Блохин, Петр

Магго, Василий и Иван Шигалевы, и тот же Алафер, помогавший Матвееву в Сандармохе. Наградили Матвеева в 1936 году вовсе не авансом: на ниве исполнения смертных приговоров он «трудился» в органах ЧК-ОГПУ-НКВД аж с 1918 года. Правда, когда в 1938 году Берия стал зачищать Лубянку от ежовцев, попал в опалу и Матвеев: ему вlepили 10 лет ИТЛ «за превышение служебных полномочий». Когда на суде его спросили, принимал ли он «участие в операциях по приведению приговоров в исполнение над осужденными к ВМН», последовал ответ: «Да, в таких операциях я участие принимал неоднократно, начиная с 1918 года...». Впрочем, с того 1918 года Матвеев вообще ничем, кроме расстрелов, уже не занимался, хотя на пике своей карьеры формально числился заместителем начальника Административно-хозяйственного управления Ленинградского УНКВД. Получив довольно мягкий по тому времени приговор «за превышение», стахановец от расстрельных ям уже в 1941 году очутился на свободе — как «ценный кадр», успешно продолжив работу по своей основной специальности в качестве чекистского палача-расстрельщика, поскольку единственное, что он умел делать, — лишь убивать беззащитных и безоружных людей выстрелом в затылок. В таких кадрах отечественная госбезопасность всегда нуждалась, так что к ордену Красной Звезды прибавился еще и орден Ленина. Да ведь и помогавший ему расстреливать соловецкий этап Георгий Алафер тоже оказался востребован в том же качестве — служил комендантом особого отдела НКВД Лужской армейской группы войск Ленинградского фронта и даже был представлен к ордену Красного Знамени — за то, что «выполняя особые оперативные задания... беспощадно уничтожал фашистских лазутчиков, шпионов и диверсантов». Если кто не знает, комендант особого отдела — это именно тот, кто и расстреливал, только не шпионов, а своих же бойцов... А «наш» же палач-стахановец Матвеев, благополучно дожив до 79 лет, скончался в Ленинграде в 1971 году, окруженный почетом и уважением — как же, ветеран Великой Отечественной войны...

Глава 6. «Израсходовано револьверных патронов в количестве...»

Казалось бы, перед нами обычный хозяйственный акт о списании расходных материалов Ульяновского горотдела НКВД, датированный 15 мая 1938 года. Составили документ те, кому и было положено печься о казенном имуществе, — секретарь и комендант горотдела, Филатов и Романов, а утвердил его исполняющий должность начальника горотдела НКВД, лейтенант государственной безопасности Андронов. Вот только имущество списывалось не совсем обычное — пистолетные патроны: «По проведении операции с августа м-ца 1937 года по февраль м-ц 1938 года израсходовано револьверных патронов в количестве:

- а) патроны револьвера „наган“ — 1401 штук;
- б) патрон пистолета калиб. 7,65 — 127 —”—;
- в) патрон пистолета кал. 6,35 — 185 —”—.

А всего тысяча семьсот тринадцать».

Операция, о которой шла речь, началась согласно оперативному приказу наркома внутренних дел Николая Ежова № 00447 от 30 июля 1937 года. Приказ предписывал органам госбезопасности начать во всех республиках, краях и областях 5 августа 1937 года «операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников» и в четырехмесячный срок «самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства». Каждой республике, области, краю были выделены так называемые лимиты — квоты на количество репресслируемых по двум категориям: отнесенные к первой категории, цитирую пресловутый приказ № 0047, «подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках — расстрелу». Прочие же «враждебные элементы», отнесенные ко второй категории, «подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет». Ориентировочно предполагалось произвести арест почти 260 тысяч человек, 66 тысяч из которых надлежало пустить «по первой категории» — немедленно

расстрелять, еще 10 тысяч человек согласно этому же приказу должны были быть расстреляны в лагерях НКВД: всего на первом этапе операции было запланировано 76 тысяч расстрелов. Но затем операцию предписали завершить уже не за четыре месяца, а к марту 1938 года, также к этой акции присоединились и «национальные» операции, были резко увеличены и квоты на подлежащих аресту и расстрелу. В общей сложности в 1937-м и 1938 году НКВД арестовало 1 575 000 человек, 681 692 человека из них были расстреляны. Приказ предписывал производить расстрелы «с обязательным полным сохранением в тайне времени и места приведения приговора в исполнение». Ульяновск тогда входил в состав Куйбышевской области, и Ульяновский горотдел НКВД подчинялся непосредственно областному Управлению НКВД, которому была выделена квота на арест 5000 человек, из которых 1000 подлежала расстрелу. Как уже сказано выше, затем лимиты были во много крат повышены...

Как следует из постановления, подписанного 11 мая 1933 года следователем по особо важным делам прокуратуры Ульяновской области советником юстиции И. М. Шлейкиным, 4 августа 1937 года в Ульяновский горотдел НКВД поступил совершенно секретный приказ, в соответствии с которым «надлежало немедленно приспособить соответствующее помещение в здании НКВД (желательно подвальное), пригодное под спецкамеру для выполнения приговоров о расстреле, и их исполнение производить ночью; трупы должны быть вывезены к заранее приготовленной яме, тщательно зарыты и замаскированы; обеспечить полную конспирацию места, времени и технику исполнения расстрела».

Как установило следствие, расстрелы производились в подвалах зданий НКВД и внутренней тюрьмы, а также и в бывшей бане. «Для перевозки трупов на кладбище» начальник горотдела Коробицын попросил на время машину у куйбышевских чекистов, поскольку было сочтено, что брать машину «на месте в хозорганах неудобно». Но когда расстрелы стали массовыми, перевозить трупы стали без затей — на обычных телегах, а зимой — на санях. Исполнителей не хватало, потому к участию в расстрелах был привлечен весь оперсостав, а также часть обслуживающего персонала и фельдъегери. Расстрелы производились по ночам, перед казнью руки осужденным связывали сзади веревкой или проволокой, рот обязательно затыкался кляпом,

выстрел производились в висок... После ночных расстрелов — обязательная пьянка. Позже процесс «оптимизировали»: расстреливать стали прямо у ям, канав или рвов, где затем и захоранивали. Ямы рыли сами приговоренные. Все ценные вещи арестованных забирали чекисты, которые вели допросы и расстреливали.

Как сказано в документе Ульяновской прокуратуры, «проводили расстрелы следующие оперативные работники: Андронов, Балашов, Бочаров, Буранов, Вертянкин, Гринберг, Зотов, Иванов, Иудин, Капочкин, Коробицын, Краснов, Красиков, Кузнецов, Либкнехт, Миронычев, Монин, Молодоженов, Новичков, Осипов, Подольский, Пономарев, Рогов, Родионов, Романов, Семенов, Тарасов, Украдыго, Фадеев, Филатов, Филихин, Хазов, Царьков, Щиганов, Яковлев».

Как видим, в этом списке палачей-расстрельщиков значится и вся «наша» троица составителей приведенного выше акта о списании — Андронов, Филатов и Романов. Именно это «расходное имущество» и пошло на расстрелы — 1713 патрончиков... Этот акт добавляет нам кое-что и о технике расстрела, точнее, оружии, применявшемся чекистами для казней. Больше всего израсходовано патронов для 7,62-мм револьвера системы Нагана — это штатное оружие чекистов, именно оно и служило основным «инструментом» расстрелов. А вот остальные 312 патронов, калибра 7,65 мм и 6,35 мм — это пистолетные патроны Браунинга: оба этих боеприпаса применялись в малогабаритных, полицейских или карманных пистолетах иностранных систем, обычно того же Браунинга или Маузера. Такие пистолеты, чаще всего наградные, были и у многих чекистских начальников. Еще под браунинговский патрон 6,35 мм, выпускавшийся с 1934 года (кстати, в том же Ульяновске), был рассчитан пистолет Коровина (ТК), которым тоже оснащали начальствующий состав НКВД. Вряд ли в городотделе НКВД глухо-провинциального Ульяновска, где и начсостава всего — ничего, могло быть много лиц, обладавших иностранными пистолетами или тем же ТК, скорее всего, лишь два и было. Даже можно предположить, у кого именно: у сменявших друг друга начальников горотдела НКВД Коробицына и Андропова. Значит, они тоже самолично расстреливали, немало потрудившись на этой ниве. Сделаем, конечно, поправку на возможные отдельные промахи, осечки, «контрольные выстрелы» для добивания недострелянных, только все равно выходит, что с августа 1937 года по

февраль 1938 года, всего за семь месяцев и в одном лишь Ульяновске было расстреляно свыше полутора тысяч человек...

Глава 7. Палач в кожаном фартуке

Даже по сей день нередко можно встретить утверждения, что 22 тысячи поляков — тех, что в 1939 году были взяты в плен Красной армией, переданы НКВД и исчезли, — расстреляли якобы не чекисты, а немцы. Мародеры истории объявляют «подтасовкой» и «фальсификацией» даже архивные документы, наглядно свидетельствующие, что этих пленных в 1940 году уничтожили по решению Сталина и Политбюро ЦК ВКП(б).

Грядка чекиста

...В селе Медном (если уж точнее, это место, что в 35 км от Твери, скорее ближе к селу Ямок) я побывал зимой, и поначалу могло показаться, что попал в сказку — столь изумительно красив этот заснеженный сосновый лесок на высоком берегу реки Тверца. Только вот лес оказался не сказочным, а усеянным высокими могильными крестами. На некоторых из них и на деревьях видны привязанные фотографии людей в польской военной форме. На красной стене мемориала высечены 6311 польских имен и фамилий. Прохожу дальше — уже иные фотографии на деревьях, их много меньше. Вот человек в облачении православного священника — Константин Августович Кунстман, год смерти — 1937-й. На другом дереве эмалевая табличка: красивое лицо, шикарные «чапаевские» усы — Петр Сергеевич Черных, дата смерти — 28 марта 1938 года. Позже нашел это имя в списках жертв Большого террора: столяр из Завидово, жил там в доме № 9, что по 2-й Рабочей улице. В могильных ямах под одними и теми же деревьями лежат и расстрелянные поляки, и наши соотечественники. Наших — свыше пяти тысяч, только имен их нет... «Наших соотечественников, расстрелянных чекистами, — поясняет Елена Образцова, заместитель директора Мемориального комплекса „Медное“ по научной работе, — тайно привозили сюда для захоронения до 1953 года».

Иван Цыков, научный сотрудник мемориала «Медное», подводит к висящей на ограде облупленной табличке: «Внимание! Вход, въезд

на территорию комплекса строго запрещен! Территория охраняется служебными собаками». «Она еще с тех времен, когда тут были дачи КГБ», — говорит Иван. Это место чекисты облюбовали давно: сначала тут были домики отдыха шишек центрального аппарата НКВД, затем дачи управления НКВД по Калининской области. Место, как оказалось, удобное во всех отношениях — и для отдохновения, и для тайного погребения расстрелянных. Еще и для грядок: как вспоминают бывшие обитатели дач, клубника тут была знатная.

Лагерь для польских пленных в Калининской области расположили удачно: вдали от сторонних глаз — на Селигере, в Ниловой Пустыни — бывшем мужском монастыре. Там содержали в основном бывших польских полицейских, жандармов, пограничников. А в марте из Москвы поступили приказ и детальные инструкции о проведении операции по «разгрузке» лагеря. И с апреля по май 1940 года поляков партиями стали вывозить из Осташкова. «Путь этих польских пленных четко вычисляется по документам Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД и Главного управления конвойных войск НКВД, — рассказывает Елена Образцова. — Из лагеря гнали в Осташков на станцию, оттуда по железной дороге в Калинин. Там конвой сдавал свой „груз“ УНКВД, где все следы пленных из Осташковского лагеря обрываются, живыми их больше не видели...».

Когда в конце 1980-х годов Медное зазвучало в связке с Катынью, товарищи из КГБ заталдычили: там, мол, захоронены советские солдаты, умершие в полевом госпитале. Но в августе 1991 года следственная группа Главной военной прокуратуры (ГВП) СССР провела на территории дач КГБ частичную эксгумацию. Первая же вскрытая яма принесла страшный «улов»: человеческие кости, фрагменты польских мундиров, форменные пуговицы и головные уборы польской тюремной стражи и горных стрелков, медальоны-«смертники» служащих пограничной охраны, военной жандармерии. Нашли также документы, письма, личные вещи...

«Когда вскрыли, там был жуткий трупный запах, словно лежали тела совсем „свежие“, только начавшие разлагаться, — рассказывал мне полковник Анатолий Яблоков, один из тогдашних руководителей следственной группы ГВП. — Многие тела сохранились столь прекрасно, будто их закопали буквально накануне. Мы так

пропитались трупным запахом, что от нас несло несколько месяцев, когда мы ехали в электричках, люди в ужасе шарахались от нас и выбегали из вагонов. Зато все сомнения отпали сразу: обрывки польской формы, пуговицы с польским орлом, медальоны... И у всех пулевые отверстия в затылочной части черепов».

Смоленская «Маньчжурия»

17 сентября 1939 года Красная армия ударила в спину польской армии, сражавшейся с вермахтом. «Стремительным натиском части Красной армии разгромили польские войска», — гласил приказ наркома обороны СССР Ворошилова. В советский плен попало свыше 250 тысяч польских военнослужащих, а всего, как подтверждено документально, органы НКВД «выкачали» с захваченных территорий свыше полумиллиона человек. Сразу пошли и расстрелы: лишь за первые недели «освобождения» Западной Белоруссии и Западной Украины чекисты ликвидировали несколько тысяч человек.

Как бесстрастно зафиксировали документы, 5 марта 1940 года Политбюро ЦК ВКП(б) поручило НКВД СССР расстрелять 14 700 «бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков», содержащихся в трех спецлагерях, да еще 11 000 польских «фабрикантов» и чиновников, которые сидели в тюрьмах западных областей Белоруссии и Украины. Сталин лично завизировал палаческую директиву, скрепив ее своей подписью. Там же зафиксированы и подписи Ворошилова, Молотова, Микояна, свое согласие телефонировали Калинин и Каганович.

НКВД директиву высшей инстанции исполнил, хотя цифры несколько скорректировал. И в мае 1940 года следы 21 857 пленных, содержавшихся в Осташковском (Калининская область), Козельском (Смоленская область), Старобельском (Харьковская область) лагерях и тюрьмах, потерялись навсегда. От них перестали приходить письма, всякое упоминание о них исчезло из документов. Когда в декабре 1941 года глава польского правительства генерал Сикорский на встрече со Сталиным спросил, куда делись тысячи пленных, то услышал в ответ:

«Они убежали». — «Куда?!» — «Ну, в Маньчжурию», — пожал плечами Сталин.

13 апреля 1943 года эта самая «Маньчжурия» обнаружилась — в Катынском лесу: германское радио сообщило о находке там останков польских офицеров, расстрелянных НКВД. Под присмотром немцев 4143 тел эксгумировала комиссия польского Красного Креста. Большинство найденных было убито пистолетным выстрелом в затылок, у некоторых были раны от советских четырехгранных штыков. 2815 человек удалось идентифицировать: все оказались из Козельского лагеря, внезапно опустевшего в апреле-мае 1940 года.

В этот момент и была зачата сталинская контрверсия: злодеяние — дело рук самих гитлеровцев, к которым «бывшие польские военнопленные» якобы попали после отступления советских войск. Зыбкость этого «предположения» просматривалась изначально: не могли же немцы захватить поляков сразу всех трех лагерей, «исчезнувших» в 1940 году! Неужели конвоиры из НКВД сдавали немцам пленных поляков с рук на руки, по приемо-сдаточной ведомости? В Козельск части вермахта вошли 8 октября 1941 года, Старобельск пал лишь 12 июля 1942 года, а до Ниловой Пустыни, где был Осташковский лагерь, немцы и вовсе не дошли. Да и можно ли поверить, что лагеря с пленными держали буквально в двух шагах от линии фронта: в одном случае почти четыре месяца, в другом — свыше года?

«Никаких документов вы не видели...»

В январе 1944 года так называемая «Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров» (комиссия Н. Бурденко) опубликовала свой вывод: поляки расстреляны немцами. Эта версия почти на полвека и стала официальной.

Один из бывших сотрудников Центрального государственного архива Советской армии (ЦГАСА, ныне — Российский государственный военный архив) поведал такую историю. В середине 1987 года по указанию Главного архивного управления при Совмине

СССР и во исполнение директивы ЦК КПСС от архивистов ЦГАСА потребовали провести широкомасштабное выявление всех документов по истории советско-польских отношений. Особое внимание было предписано уделить «освободительному походу в Западную Белоруссию и Западную Украину» 1939 года и его последствиям. За предельно короткий срок лишь в нескольких из фондов ЦГАСА (секретариат наркома обороны, Главного политуправления РККА, Генштаба и др.) был обнаружен колоссальный объем документов, зафиксировавший фактическую сторону событий. В том числе нашли документы, адресованные наркому обороны Ворошилову, освещавшие судьбу военнопленных польской армии — захваченных частями РККА и переданных затем в ведение НКВД. Там были, например, копии записок Берии на имя Сталина, переписка между учреждениями Наркомата обороны и НКВД, выписки из решений Политбюро, шифротелеграммы ЦК, отчеты разных инстанций, включая начальника специально созданного тогда управления по делам военнопленных НКВД, масса других документов.

Все это абсолютно точно указывало: сколько и где содержалось под стражей пленных. И какую судьбу уготовило им сталинское Политбюро: рядовых из числа этнических украинцев и белорусов было предложено распустить по домам, предварительно используя под надзором НКВД на дорожных работах. Весь поток информации обрывался сверхсекретным сообщением, предназначенным только лично Ворошилову, как члену Политбюро. Шифротелеграмма из Особого сектора ЦК извещала о принятом «решении Политбюро ЦК ВКП(б)» (читай: Сталина) «по предложению наркома НКВД» (т. е. Л. Берии) распределить по трем специальным лагерям оставшуюся часть военнопленных — особо злостных врагов советской власти: офицеров и генералов, жандармов, капелланов, попутно прихваченных «гражданских» ксендзов, а также бывших военнослужащих польской армии (так называемых осадников) и всех сколь-нибудь причастных к разведке и контрразведке. На этом все обрывалась: о поляках больше ничего, словно они сгинули.

Найденные в ЦГАСА сведения обобщили в пространном отчете, который отправили заказчику спецпочтой. Несколько месяцев спустя мой собеседник, который возглавлял группу исполнителей задания и был автором-составителем отчета, поинтересовался судьбой

материалов у одного из руководителей Главархива. В ответ услышал резкое: «Для вас лично лучше будет считать, что не только никакого письма не было, но и документов никаких вы никогда не видели». Какое-то время спустя мой собеседник узнал: именно тогда на одном из заседаний Политбюро Валентин Фалин, высокопоставленный чиновник ЦК КПСС, доложил, что проверка в государственных и ведомственных архивах якобы не выявила каких-либо новых сведений по польским военнопленным...

Но в апреле 1990 года под давлением обстоятельств президент СССР Михаил Горбачев был вынужден сообщить президенту Польши Войцеху Ярузельскому: обнаружилось доказательства, что «расправа с польскими офицерами в Катыни была осуществлена тогдашними руководителями НКВД». Правда, улики те поспешили окрестить «косвенными». С подачи Валентина Фалина полякам откровенно солгут, что материалы обнаружены «вне пределов ведомственных архивов. В последних, к сожалению, никаких документов не сохранилось».

Но вскоре выяснилось, что все прекрасно сохранилось, и высшее руководство КПСС об этом было прекрасно осведомлено. О чем свидетельствовали материалы «Пакета № 1», в прочтении которых расписались все генсеки от Хрущева до Горбачева. В пакете были подлинники докладной записки Берии — предложение о ликвидации польских пленных, выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) — та самая директива о расстреле; записка председателя КГБ при Совете министров СССР А. Н. Шелепина от 3 марта 1959 года — сведения о расстреле по решению Политбюро 21 857 польских граждан и предложение: уничтожить материалы по операции, поскольку они «не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности»...

Пуля в затылок — труп на транспортер

Один из ярых поборников сталинской версии, польский публицист Ромуальд Свiateк, писал: «Я поверю, что ответственность за Катынь должен нести Сталин, а не Гитлер, только в том случае, если могилы польских заключенных из Осташкова и Старобельска будут

найлены в окрестностях Калинина или Харькова». Как раз там расстрелянных пленных и нашли — близ тверского села Медное и в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова. Когда расследованием занялась Главная военная прокуратура, нашли даже исполнителей-палачей, давших показания. Каратели-ветераны показали и места захоронения расстрелянных.

«В 1990 году прокуратура Харьковской области возбудила уголовное дело по факту обнаружения массовых захоронений советских граждан в дачном поселке Управления КГБ, — рассказывал Анатолий Яблоков. — А прокуратура Калининской области возбудила дело по факту исчезновения в мае 1940 года польских военнопленных из Осташковского лагеря НКВД. Генеральная прокуратура СССР объединила оба этих дела, поручив их Главной военной прокуратуре (ГВП). Я тогда служил в Управлении по реабилитации жертв политических репрессий ГВП СССР и, пока меня не включили в следственную группу, о расстреле поляков вообще не знал. Поручение было четким: установить, что именно случилось, выявив лиц, причастных к этому. Начали мы с работы в архивах. Собственно, на основе архивных материалов и выяснили главное: что предшествовало исчезновению поляков, откуда, как и куда их везли, кому передавали. По документам установили и причастных, выявили и допросили некоторых из них. К 1991 году мы уже имели представление, что, собственно, произошло в 1940-м. Затем провели частичные эксгумации. Одновременно наша группа провела экспертизу материалов расследования в Катынском лесу — и международной комиссии, работавшей в 1943 году под присмотром немцев, и советской комиссии Бурденко. Мы пришли к выводу, что обе они были несвободны от политических установок. Работе же комиссии Бурденко и вовсе предшествовала настоящая спецоперация по фальсификации улик. Сразу после освобождения Смоленска там работала спецгруппа генерала госбезопасности Леонида Райхмана. Его люди несколько месяцев готовили лжесвидетелей и фабриковали улики, которые должны были доказать, что польских пленных уничтожили немцы. На огромном массиве документов мы абсолютно точно установили: польские пленные, обнаруженные в Катынском лесу, возле Харькова и близ Медного, расстреляны весной 1940 года сотрудниками НКВД. Выявили имена-должности организаторов и исполнителей,

установили, как это происходило технически. Все это не было самодеятельностью: пленных уничтожили по приказу высшей инстанции. Какой? Помню, как ответил на этот вопрос бывший начальник Калининского УНКВД Токарев: „Выше Политбюро у нас не имеется никаких инстанций. Только седьмое небо“».

Генерал-майор Дмитрий Токарев (ему на момент допроса было почти 90 лет), как вспоминает Анатолий Яблоков, показания дал исчерпывающие: «Говорил просто артистично, память изумительна. И в словах его сквозило явное сожаление, переживание и, быть может, даже раскаяние о содеянном, хотя лично он в расстрелах, видимо, не участвовал. Но точно понимал, что совершается преступление».

В марте 1940 года Токарева неожиданно вызвали в Москву вместе с заместителем и комендантом, по поводу чего они даже шутили: вот, едем, мол, со своим комендантом — именно коменданты ведь исполняли смертные приговоры. Поведал Токарев, как на совещании у Кобулова, одного из самых доверенных сотрудников Бериин, представители трех областных УНКВД получили инструктаж о расстреле. Как почти месяц готовились к приему пленных, как в Калинин из Москвы для прибыла группа высоких чинов: начальник Главного транспортного управления НКВД комиссар госбезопасности 3-го ранга С. Р. Мильштейн, его заместитель — старший майор госбезопасности Н. И. Синегубов, начальник штаба конвойных войск комбриг М. С. Кривенко и начальник комендантского отдела Административно-хозяйственного управления НКВД майор госбезопасности В. М. Блохин. Василий Блохин — главный палач НКВД, «рекордсмен»: считают, что за годы своей «работы» он лично расстрелял от 10 000 до 50 000 человек! Мог самолично «исполнить» 200 человек за день...

Пленных доставляли в Калинин из Осташкова по железной дороге партиями. «Строго по именному списку, — уточняла в Медном Елена Образцова. — Не по головам, абстрактные 100–200 или 300 человек, а конкретных людей, сверяя все по документам». Размещали в камерах внутренней тюрьмы УНКВД. Которую, как показал Токарев, специально под эту операцию освободили от своих арестованных, перебросив их в другую тюрьму. Процедура была такой: поляков поодиночке вели в «красный уголок», сверяли фамилию, имя, год рождения, надевали наручники. Затем, показал Токарев, «вводили в

камеру и стреляли в затылок. Вот и все». В подвале установили транспортер, на который сбрасывали убитого. Транспортер подавал тело в окно, во двор, там расстрелянных грузили в машины, кузова накрывали брезентом и везли трупы в Медное. Там уже ждал ров, выкопанный экскаваторами. Тела сваливали в ямы и засыпали. Кузова от крови отмывали ежедневно, брезентовые полотнища после завершения операции Блохин приказал водителям сжечь. После каждой ночи Токарев сообщал заместителю наркома Меркулову: по такому-то наряду исполнено (т. е. расстреляно) столько-то.

Токарев вспомнил, как в первый день расстрелов к нему в кабинет зашел Блохин и сказал: «Ну, пойдем». «Мы пошли. И тут я увидел весь этот ужас... Блохин натянул свою специальную одежду: коричневую кожаную кепку, длинный кожаный коричневый фартук, кожаные коричневые перчатки с крагами выше локтей. На меня это произвело огромное впечатление — я увидел палача!» Токаревское описание Блохина детально соответствует тому, которое со ссылкой на ветеранов НКВД привел в своей книге Теодор Гладков: «В швейной мастерской административно-хозяйственного управления НКВД Блохину сшили по его заказу длинный, до самого пола, широкий кожаный фартук, кожаный картуз и кожаные перчатки с раструбами — чтобы не забрызгивать кровью одежду». В первую ночь расстреляли 343 человека, заканчивали при восходе солнца, торопились. И Блохин приказал больше 250 не привозить. «Как же вы справились?» — изумился военный прокурор. «Да вот так и справились», — вздохнул Токарев. Для облегчения трудоемкого процесса московские товарищи привезли с собой в чемоданах партию немецких 7,65-мм пистолетов марки «вальтер».

Сталинский «вальтер»

Главный аргумент ревнителей замшелой сталинской версии — немецкое оружие. В Катынском рву действительно найдены гильзы немецкого производства, под «браунинговские» пистолетные патроны калибра 7,65 мм, реже — 6,35 мм. Тут и восклицают: чекисты не могли использовать иностранные оружие и патроны, у них были табельные револьверы «наган» и пистолеты «ТТ»! Импортное оружие в СССР

тогда якобы было редчайшей экзотикой. Утверждающие так — дремучие дилетанты или откровенные лжецы. Полковник юстиции Анатолий Яблоков вспоминает: «Когда мы изучали архивные материалы, то часто натыкались на документы: у того сотрудника НКВД „вальтер“, у этого, другого. У самого Токарева, кстати, тоже был „вальтер“».

Итак, об «экзотике». Начну с того, что еще до 1917 года на руках у населения в России скопилось сотни тысяч иностранных пистолетов, и в основном как раз под пресловутый «браунинговский» патрон калибра 7,65 мм: под него вообще сконструировано 80 процентов всех пистолетов в мире. А уж во время Первой мировой войны «стволов», в том числе и под этот патрон, и вовсе было ввезено в страну немерено. Из одной лишь Испании, например, российское военное ведомство тогда получило сто тысяч пистолетов системы Браунинга. И к 1920-м годам количество бродящих по стране иностранных пистолетов разных марок шло на миллионы. Самым же ходовым (после «наганов») было оружие именно под патроны Браунинга. Вплоть до начала 1930-х годов эти «шпалеры» были на руках у огромного количества «ответработников»: военных, чекистов, партийных, комсомольских, советских, хозяйственных деятелей. Даже у кассиров и бухгалтеров! Такими пистолетами еще и награждали нередко. Да и вообще в той номенклатурной среде было столь же престижно иметь «браунинг», «вальтер» или карманную модель «маузера», как ныне — раскатывать на «БМВ» или «Мерседесе». Что далеко ходить за примерами: Сталин постоянно носил «маузер» (модель 1910 года), помимо которого у него было еще не менее шести «вальтеров» и пара «браунингов». Импортное оружие предпочитал и нарком внутренних дел Николай Ежов — у него при обыске нашли два «вальтера» и два «браунинга». Лаврентий Берия предпочитал «браунинги», Мехлис пользовался немецким пистолетом «Ортгис» калибра 7,65 мм, Буденный — «вальтером». Из подаренного «вальтера» застрелилась и жена Сталина, Надежда Аллилуева. Из «карманного» 7,65-мм «маузера» выстрелил себе в сердце Владимир Маяковский (а еще у него были 7,65-мм «браунинг» и «байярд»)...

С середины 1930-х годов оружие стали изымать, пошли конфискации во время арестов — все эти тысячи изъятых «стволов» концентрировались в НКВД. Хотя и своих у чекистов хватало: их

закупали за рубежом не только для начальства, но и для оперативных нужд. Особенно пришелся по душе чекистам именно 7,65-мм «вальтер», модели РР и РРК. В специализированной оружейной литературе на сей счет есть конкретные ремарки. Вот цитата из справочника А. Потапова «Приемы стрельбы из пистолета. Практика СМЕРШа»: «В середине 30-х годов в большом количестве „вальтер“ РРК калибра 7,65 мм был закуплен в Германии для советских спецслужб. На одной из первых инструкций по его применению стояла резолюция одного из высокопоставленных руководителей НКВД: „Очень хорошая машина“».

Так что в СССР тогда это немецкое изделие имелось — и в «товарных» объемах. А патроны, нелегальное производство которых наладить не удалось, регулярно закупали большими партиями за границей, прежде всего в Германии, у фирмы «Геко», напрямую и через подставные фирмы. Даже после прихода Гитлера к власти.

Можно лишь усмехнуться, слыша «аргумент»: поставки патронов из Германии в Советский Союз не подтверждаются документами. А какие вообще документы тех лет по советским закупкам и поставкам военного имущества доступны?! Вся эта документация намертво закрыта и по сей день. И, видимо, лишь по недогляду просочился документ, из которого следует: лишь на одном из складов Главного артиллерийского управления тогда лежало свыше 11 тысяч пистолетов под тот самый 7,65-мм патрон Браунинга.

Использовалось ли импортное оружие для расстрелов? А как же: во время Большого террора в ход шло абсолютно все. Следы использования чекистами при расстрелах иностранного оружия обнаруживаются по всей стране! Есть и документы. Например, из архива Управления ФСБ по Ульяновской области: акт об израсходовании с августа 1937-го по февраль 1938 года 1713 патронов, в том числе 127 пистолетных калибра 7,65 мм и 185 — калибра 6,35 мм. Так что ничего экзотического в применении импортной техники и боеприпасов не было.

Напомню: немецкие гильзы в Катыни нашли сами немцы, а уж им точно ничто не мешало накидать в те рвы советские гильзы хоть мешками. Не накидали, а нудно и педантично стали выяснять, откуда что взялось. Маркировка на донышке гильз «Geco 7,65 D.» позволила установить: патроны сделаны на заводе Gustav Genschow & Co. AG в

Дурлахе с 1922-го по 1931 год. Так ведь и в Медном поляки, как показала экспертиза, тоже застрелены из пистолетов калибра 7,65 мм. Найдены там и гильзы, аналогичные катынским.

Отчего импортное оружие предпочли отечественному? «Палач имеет право выбора инструмента по руке», — горько шутил Анатолий Яблоков. Но все проще: выбор был продиктован обстоятельствами — огромными масштабами операции и жесткими сроками. Ведь за месяц-полтора предстояло ликвидировать 14 700 военнопленных из трех лагерей, причем с соблюдением строжайшей конспирации. Если бы поляков «шлепали» по — старинке, из «наганов», с «разгрузкой» того же Осташковского лагеря едва управились бы за год! Предельная же конспиративность операции делала невозможным использование и больших расстрельных команд, а контингент палачей был невелик: всего за расстрел пленных впоследствии поощрили 125 сотрудников НКВД, включая машинисток и водителей. Выходит, в среднем на каждого палача пришлось до 600 человек.

Сделать такое только лишь «наганами» было бы затруднительно. Может, оперативники НКВД и любили точный бой «нагана», но уж точно не расстрельщики: от него после сотен еженощных выстрелов могла и отняться «рабочая» рука палача, а у признанных «мастеров» этого дела и вовсе развивался букет профессиональных заболеваний. Да и не столь уж хорош сей «инструмент»: безотказны были «наганы», сделанные до революции, качество же «наганов» советского производства порой было ужасающим. По рассказам тех, кто по роду службы в конце 1920-х — середине 1930-х годов отстреливал на испытательных полигонах образцы самого разнообразного стрелкового оружия, стреляные гильзы из барабанов «наганов» приходилось выколачивать при помощи выколотики, молотка и мата. Да и качество советских патронов было то еще: частые осечки, гильзу при выстреле могло раскрыть «тюльпаном». У советских «наганов» тех лет от удара нередко деформировалась рама, ломался механизм. Во время массовых расстрелов 1937–1938 годов выход из строя «орудия труда» к концу «рабочей смены» был обычным делом. Чекистов это мало заботило, пока это не грозило срывом расстрельных планов: в пик террора типовое областное управление НКВД в среднем уничтожало от 200 до 500 человек в месяц. Но тут УНКВД по Калининской области силами 30 палачей надлежало скрытно «исполнить» аж 6300 поляков за пять-

шесть недель. С «наганами» в заданные сроки уложиться было просто нереально: не заряжать же для безостановочности сразу 60–70 наганов, держа всю эту кучу железа под рукой! Потом все это надо было перезарядить, по одной выколачивая стреляные гильзы, почистить оружие и снова зарядить — по одному патрону... А времени-то в обрез.

Десяток-другой пистолетов и полсотни снаряженных обойм явно оптимален. Но и «ТТ» для столь напряженной и скоростной спецоперации, как выяснилось, не годился. И патрон слишком убойный — пуля, прошив тело, запросто могла срикошетить от стены, нередко она раскалывала голову, как орех, и во все стороны разлетались кровь, мозг... К тому же эта «машинка» безнадежно устарела фактически еще при принятии на вооружение. Обычным делом было самопроизвольное выпадение магазина из его рукоятки, низкая живучесть деталей, быстрое изнашивание ударно-спускового механизма. При интенсивном его использовании отказы, задержки, осечки и т. п. порой шли после 40, а то и после 15–20 выстрелов. При непрерывной стрельбе могло и ствол разорвать (тем паче на его производство обычно шли бракованные винтовочные стволы). Недовольство «ТТ» было столь велико, что уже в 1938 году объявили конкурс на его замену, а в 1941-м приняли решение о снятии его с вооружения, вот только исполнить не успели. В общем, беспрецедентная спецоперация требовала и спецоружия. Каковым и стал пресловутый «вальтер» — как «очень хорошая машина»: меньше отдача, не так сильно нагревался при непрерывной стрельбе, да и его калибр позволял расстреливать «аккуратно», проделывая небольшие дыры в черепе, а не разнося его. Что, кстати, показала и экспертиза черепов, найденных в Медном. Такой вот оружейный экскурс.

Мародеры истории

Тверь, Советская улица, 4, — красивое четырехэтажное здание, где располагалось калининское УНКВД; ныне тут Тверская государственная медицинская академия. Изначально это была мужская гимназия, в которой учился будущий авиаконструктор Андрей Туполев. О чем и напоминает мемориальная доска. Другая табличка —

«польская», еще одна — в память людей, замученных здесь чекистами в 1930–1950-е годы. Побродил по коридорам академии. Камеры были здесь под чердаком и в полуподвале. Но попасть в подвал не удалось, хотя мое издание, газета «Совершенно секретно», и направило официальную просьбу ректору академии Михаилу Калинин. Прежний ректор журналистов в эти подвалы допускал. Калинин отказал: нечего, мол, там смотреть. Ректор, видимо, хорошо чувствует дуновения политических ветров, гибко следуя линии партии и правительства, согласно которой даже упоминания о репрессиях при сталинизме излишни. Да в Твери о них ничего и не напоминает, даже в музеях. Тверской государственный объединенный музей — прямо напротив бывшего здания УНКВД. Но какие уж там поляки, пленные — в экспозиции нет и намека, что вообще был такой Большой террор, во время которого чекисты истребили тысячи тверичей. А зачем, сказали мне в музее, что это вообще такое и для чего нам об этом знать...

ГВП расследование «польского дела» неожиданно прекратила в 2004 году, а 116 из 183 его томов объявлены содержащими гостайну, засекречено даже постановление о завершении дела. Видимо, не хочет государство оглашать имена палачей, стукачей и, главное, организаторов преступления. Ведь тогда придется сказать, что главную ответственность несет Политбюро ЦК ВКП(б) и лично «эффективный менеджер» — Сталин.

Не иначе как «по случайности» это совпало и с неприкрытым реваншем сталинизма на государственном уровне. Жест государства был столь откровенен и на телеканалах — словно по команде незримого кукловода — замелькали передачи, утверждающие, что Сталин тут ни при чем. «Мародерам истории» предоставили свои полосы даже некогда приличные издания, а их опусами ныне забиты книжные полки магазинов.

И в Медном это видно невооруженным глазом, достаточно лишь из польской части мемориала (где действительно никто не забыт) шагнуть в нашу — просто ужас. Никаких имен — кроме нескольких самопальных табличек, прикрученных родственниками, на глазах разрушающийся мемориальный комплекс, финансирование которого прекращено аккурат в 2004 году. Все держится лишь на поистине героическом энтузиазме работников мемориала. Директор комплекса

«Медное» Наталья Александровна Жарова демонстрирует документ, адресованный вышестоящей инстанции. Это просто крик души: «... Течет крыша сервисного блока... начала отваливаться внутренняя штукатурка, отрывается от стен внутренняя электропроводка, гниют деревянные оконные блоки... по стенам и потолку пошла плесень...». На ремонт крыши срочно нужно 5 млн рублей, на достройку — 87,77 млн рублей...

Но тратиться на память о своих гражданах государство не желает, не забывая при этом восславить «эффективного менеджера» — палача. Да и не в деньгах лишь дело: как установить, кто и где упокоился, если управление ФСБ по Тверской области напрочь закрыло доступ к материалам о репрессиях. В соответствии с ведомственной инструкцией и в рамках современных веяний.

Р. С. Смерть за смерть?

Примечательны судьбы некоторых палачей. Застрелился «исполнявший» пленных водитель Калининского УНКВД Н. И. Сухарев, вроде бы покончил с собой и выслужившийся до генерал-майора В. И. Павлов — бывший заместитель начальника этого же УНКВД. Спился и сошел с ума, а затем тоже вроде бы застрелился комендант управления А. М. Рубанов. Комендант дач госбезопасности в Козьих Горах (Катынский лес) П. М. Карцев, по свидетельству его дочери, после войны показал ей место захоронения расстрелянных, лег на него и долго рыдал, а 18 января 1948 года покончил с собой. Главный палач Советского Союза Василий Блохин очень гордился тем, что лично расстреливал самых известных людей страны, в том числе военачальников Якира, Тухачевского, Уборевича, своего бывшего наркома Ежова, писателя Бабея, журналиста Кольцова, режиссера Мейерхольда. Палач выслужил генеральские погоны, но после смерти Сталина его уволили «по болезни», вскоре лишили генеральского звания «как дискредитировавшего себя за время работы в органах», и 3 февраля 1955 года Блохин умер: от инфаркта миокарда, по официальной версии, но долго ходили слухи, что на самом деле он застрелился. Похоронили его на Донском кладбище, там же, где сбрасывали прах его жертв. Относительно недавно ему поставили

шикарное новое надгробие, но на памятнике все равно постоянно появляются надписи: «палач», «убийца»...

Плохо кончили и многие высокие организаторы массового расстрела: в 1953 году расстреляны Лаврентий Берия, Богдан Кобулов, Всеволод Меркулов, в 1955-м расстрелян генерал Соломон Мильштейн.

Бывший начальник УПВИ НКВД СССР Петр Сопруненко успел дать показания следователям ГВП и спокойно умер на 85-м году жизни. Генерал Дмитрий Токарев умер на 91-м году жизни, а его портрет и поныне висит в галерее самых почетных чекистов в здании Тверского управления ФСБ.

Глава 8. Катынский расстрел: все дела — уничтожить

В датированной 3 марта 1959 года записке, исполненной от руки каллиграфическим почерком, председатель КГБ Шелепин сообщает «товарищу Хрущеву Н. С.», что в Комитете госбезопасности хранятся «учетные дела и другие материалы» на расстрелянных в 1940 году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков «и т. п. лиц бывшей буржуазной Польши». Всего тогда было расстреляно 21 857 человек, и председатель КГБ полагал, что «для советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей». Однако «какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями» — ведь существует же официальная версия: все эти поляки, ликвидированные НКВД в 1940 году, «считаются уничтоженными немецкими оккупантами». Потому руководство КГБ и полагает «целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции», а для «исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу, и акты о приведении в исполнение решений троек. По объему эти документы незначительны, и хранить их можно в особой папке». К записке приложен проект соответствующего постановления Президиума ЦК КПСС.

История обнаружения записки известна: вместе с другими документами по Катынскому делу она хранилась в номерных запечатанных пакетах — в «пакете № 1» — в архиве Политбюро ЦК КПСС, откуда впоследствии все плавно перекочевало в сейфы аппарата президента СССР, а после краха СССР — в Архив президента РФ. Так что источник происхождения этих документов и их подлинность у профессиональных историков и архивистов вопросов и сомнений не вызывают. Впервые документ опубликован

еще в 1993 году в журнале «Вопросы истории», а электронный образ подлинника вместе с другими документами из «пакета № 1» в 2010 году размещен на официальном портале Росархива по решению президента РФ Дмитрия Медведева. Однако и поныне не утихают споры по вопросу подлинности документа, но — лишь в среде сугубо непрофессиональной и страшно далекой от работы с реальными документами в архивах, зато тщившейся доказать, что плененных Красной армией в 1939 году поляков расстреляли не советские чекисты, а немцы...

В документе, на первый взгляд, есть к чему придраться: и не на бланке КГБ исполнен, а на линованном листе, не напечатан, а написан от руки; применительно к 1940 году говорится о ЦК КПСС, но тогда это, мол, было ЦК ВКП(б); упоминаются расстрелы в Старобельском и Осташковском лагерях, хотя расстрелы заключенных этих лагерей проводились во внутренней тюрьме Харьковского УНКВД и в подвалах Калининского УНКВД соответственно, а главное, в тексте есть грамматические ошибки и знаки препинания не всегда верно расставлены. Ну да, знаки препинания! Нашли где искать грамотеев — в секретариате КГБ конца 1950-х годов, — вы их и в секретариате ведомства-преемника даже ныне не густо сыщете.

Насчет того, почему не на бланке и от руки, давно выяснено следователями Главной военной прокуратуры, в начале 1990-х годов расследовавшими уголовное дело № 159 «О расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле — мае 1940 года». В частности, товарищи из вполне компетентных органов, подтвердив подлинность документа, поведали следствию, что в практике КГБ «существовал порядок изготовления особо важных документов в единственном экземпляре, рукописным способом и особо доверенными людьми». Потому документ готовил Шелепину человек «из группы особо доверенных сотрудников секретариата председателя КГБ, которых знал только строго ограниченный круг высших должностных лиц КГБ». Машинистки в КГБ, конечно, были, но у них не было той формы допуска, что позволяла бы работать с документом столь высочайшей степени секретности. В данном же случае ни малейшей возможности утечки допустить было нельзя: на момент написания записки именно сведения о расстреле польских военнопленных чекистами были, без

преувеличения, тайной № 1 советского государства, раскрытие которой грозило по — меньшей мере взрывом ситуации в Польше. Потому документ и рукописный, и в единственном экземпляре, и не регистрировался, как обычно, — в сейф, да поглубже! Тоже ничего сверхординарного: как установило следствие, «такое положение имело место с многими другими документами аналогичного значения». Отсутствие на документе резолюций, как официально показали на допросе бывшие председатели КГБ Александр Шелепин и Владимир Семичастный, полностью соответствовало существовавшей в то время практике дачи устных санкций, кои никоим образом не фиксировались.

Документ готовился по указанию высшей инстанции: только в феврале 1959 года Катынская тема дважды поднималась во время встреч с Хрущевым первого секретаря ЦК ПОРП Владислава Гомулки, который был сначала гостем XXI съезда КПСС (27 января — 5 февраля 1959 года), а затем еще раз прибыл в Москву 15 февраля 1959 года. Задача была поставлена, и председатель КГБ предлагал вариант ее решения, не упоминая, разумеется, что инициатива исходит от главы государства. Такая справка для первого лица не может превышать двух страниц, и там не до красочного выписывания деталей, тем паче Никита Сергеевич и так в курсе дела. В отличие, кстати, от Шелепина: он на момент составления документа пребывал в кресле председателя КГБ всего лишь два месяца и ранее в этой системе не служил. Как ему подчиненные представили, так и зафиксировано: где были лагеря, там, мол, и расстреливали. Да, в общем, ему, как и Хрущеву, все это было до лампочки: перед всеми ними стояла лишь задача выкрутиться. А уж то, что «ЦК ВКП(б)» образца 1940 года вдруг назвали «ЦК КПСС», так такие ляпы тогда случались сплошь и рядом. Считалось же нормальным тогда даже в официальных документах писать, например, что Ворошилов — «член КПСС с 1903 года» и «член ЦК КПСС с 1921 года». Уж если бы лепили фальшивку — для номерного пакета с грифом «особая папка»! — все было бы по-аптекаарски точно и смачно. Сам Шелепин, будучи допрошенным, показал, что «лично завизировал проект постановления Президиума ЦК КПСС от 1959 года об уничтожении документов по Катынскому делу».

Так ведь и документы эти убийственны не сами по себе, а в сочетании с фактами. В свое время поборники версии, что поляков расстреляли не советские чекисты, а немцы, уперто твердили: поверят,

что ответственность за Катынь несет Сталин, а не Гитлер, лишь тогда, когда могилы польских заключенных из лагеря НКВД в Осташково будут найдены в окрестностях Твери (Калинина), а из Старобельского лагеря — в Харькове. Так ведь именно там их и нашли: в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова и близ тверского села Медное. Возле Медного были дачи Калининского областного управления НКВД, а затем и КГБ. Место удобное во всех отношениях: и тайну можно соблюсти, и отдохнуть душой и телом. Автор этих строк в Медном был, место массового захоронения расстрелянных поляков и советских граждан видел своими глазами. Особо запомнились слова местных старожилов, что на тех чекистских дачах клубника всегда была знатная. Но, главное, там никаких немцев не было, и на них это злодеяние свалить уж точно нельзя.

Глава 9. Гарантированная «дезинфекция»

Как уничтожали следы захоронения польских военнопленных, расстрелянных чекистами в 1940 году

Советский школьник — существо любознательное и разрушительное, при желании он мог запросто докопаться до чего угодно, например, даже до самой тщательно охраняемой государственной тайны. Причем докопаться — в самом прямом смысле слова, что по окончании учебного года и не замедлили сделать ученики 5-го и 6-го классов средней школы поселка Пятихатки (севернее Харькова) Дима Степин, Сережа Пешков и Витя Круглых. Эти школьники-кладоискатели, — как гласит подписанная 7 июня 1969 года председателем КГБ при Совете министров УССР генерал-полковником Виталием Никитченко совершенно секретная справка за № 297/н, направленная первому секретарю ЦК Компартии Украины Петру Шелесту и председателю КГБ СССР Юрию Андропову, — учинив самостоятельные раскопки какой-то таинственной ямы в лесу возле своего поселка, неожиданно обнаружили там целое массовое захоронение. О чем еще 2 июня 1969 года УКГБ по Харьковской области и получило «сигнал» своих стукачей. Проверив его, харьковские чекисты зафиксировали в лесу близ шоссе Харьков — Белгород множественные провалы почвы прямоугольной формы размером три на шесть «и более метров», в одном из которых виднелись кости и черепа людей, а также «остатки обуви иностранного производства». Пацанов, разумеется, вычислили в момент, отобрав у них выкопанные обручальное кольцо, золотые зубные коронки, металлические пуговицы с польским гербовым орлом и металлические пластинки с выгравированными надписями — того типа, что крепили в советские времена на наградные пистолеты, револьверы и... портфели. На одной из них была гравировка: «тов. Пташинскому И. И. за борьбу с контрреволюцией от коллегии ГПУ».

«Установлено, — сообщал генерал Никитченко, — что в указанном месте в 1940 году УНКВД по Харьковской области было захоронено значительное количество (несколько тысяч) расстрелянных

офицеров и генералов буржуазной буржуазной Польши, останки которых и обнаружены детьми при случайных обстоятельствах». Так вот до чего докопалась ушлая школотка — до места тайного погребения почти четырех тысяч польских военнопленных из Старобельского лагеря (Луганская область), вывезенных оттуда и расстрелянных чекистами в Харькове в апреле-мае 1940 года. Как установлено по архивным документам, польских пленных под усиленным конвоем приводили на железнодорожную станцию Старобельска, где распределяли по вагонам — по 79 человек в каждый. Вагоны цепляли к паровозу, который отправлялся в Харьков, на Южный вокзал. Оттуда поляков «черными воронами» отвозили на улицу Дзержинского, где и расстреливали в подвальных помещениях внутренней тюрьмы НКВД. Процедура этого убийства хорошо известна, поскольку многократно описана: после установления личности пленному связывали руки за спиной, выводили в комнату и стреляли в затылок. Затем тела расстрелянных вывозили на грузовиках и доставляли в 6-й район лесопарковой зоны Харькова, на территорию санатория НКВД, в полутора километрах от села Пятихатки. Там их и закапывали близ дач УНКВД — вперемешку с могилами ранее расстрелянных советских граждан. Оперативно проведя дознание, украинские чекисты в момент выявили пенсионера КГБ Галицына, работавшего в 1940 году шофером в Харьковском УНКВД, — он и поведал в деталях и о технологии расстрелов, свидетелем которых был, и как участвовал в перевозке тел расстрелянных поляков, их захоронении. Сообщил также, «что на этом месте могли быть захоронены и советские граждане, а также при эвакуации УНКВД были зарыты различные предметы личного обихода, конфискованные при арестах в 1937–1938 годах». В документе названы и имена некоторых из тех непосредственных палачей-исполнителей, находившихся на тот момент в здравии: бывший начальник УНКВД Сафонов П. С., его заместитель Тихонов П. П., комендант УНКВД (т. е. главный расстрельщик) Куприй Т. Ф., бывшие работники комендатуры УНКВД Кубарев, Виговский, Карманов, а также Мельник и Скакун...

Итак, ужасающая тайна приоткрылась на миг благодаря школьникам, что дальше? Да все то же самое: уничтожение улики с целью дальнейшего ее сокрытия и охранения. «Считаем целесообразным разъяснить населению в окружении, — писал

председатель украинского КГБ, — что в период оккупации немцами Харькова карательные органы Германии в указанном месте производили захоронения без почести расстрелянных за дезертирство и другие преступления солдат и офицеров немецкой и союзных с ними армий. Одновременно в этом же месте захоронены умирающие от различных опасных инфекционных заболеваний (тиф, холера, сифилитики и т. п.), а поэтому указанное захоронение должно быть признано органами здравоохранения опасным для поселения. Это место будет обработано хлорной известью, взято на карантин и в последующем засыпано грунтом». Далее следует просьба санкционировать эти мероприятия.

Разумеется, санкционировали, решив этот животрепещущий для КГБ вопрос без проволочек, срочно и оперативно. Для его решения и согласования проблем, «связанных с ликвидацией спецобъекта», в Москву откомандировали начальника УКГБ по Харьковской области генерал-майора Петра Фещенко. Который целых три дня, с 16-го по 18 июня 1969 года, и консультировался на этот предмет непосредственно с председателем КГБ Юрием Андроповым и его замом, генералом Семеном Цвигуном. По итогам этого междусобойчика и «было принято решение о ликвидации спецобъекта путем применения химикатов — чешуйчатого технического едкого натрия», раствора щелочи, которая должна была сжечь все — и костные останки, и материю, и остатки кожаной обуви, и даже металл. Чтобы гарантированно не осталось уже ничего. Саму ликвидацию решили замаскировать одновременно и под дезинфекцию «опасной» зоны, и под строительство специального объекта КГБ. «По принятому решению, — сообщал своему непосредственному начальству генерал Фещенко, — объект будет огражден забором из колючей проволоки и на его территории возведены два строения: одно — для персонала охраны, другое — для хранения химикатов». А «до полной ликвидации объекта (не менее 4 лет) он будет охраняться двумя постами надзирательского состава следственного изолятора», эти же надзиратели и «будут непосредственно осуществлять основные работы по ликвидации объекта», для чего приказом председателя КГБ СССР в УКГБ по Харьковской области создали специальный следственный изолятор со штатом в 21 единицу, а по указанию генерала Цвигуна для реализации этой «темы» харьковским чекистам выделили самосвал,

грузовую автомашину с бурильной установкой, автоцистерну и легковушку ГАЗ-69, выделено и целевое финансирование — 10 тысяч рублей. Сказано — сделано: обнесли высоким зеленым забором с колючей проволокой, а рядом соорудили домик комнат на 15 — базу отдыха для сотрудников Харьковского КГБ: места же очень красивые и живописные, лесопарковая зона, при этом и до Харькова рукой подать, чего добру пропадать...

Только ведь потом все равно все вскрылось: и свидетели заговорили, и палачи живые обнаружили, и документы нашлись, а там уже дошло и до эксгумации, начавшейся летом 1991 года. За пять лет раскопок «спецобъекта КГБ» были извлечены останки 4302 польских военнослужащих — имена 3820 из которых удалось установить, — огромное количество личных вещей, наград и документов: все сохранилось, невзирая даже на «чешуйчатый едкий натрий», чекистская «дезинфекция» удалась не очень. Там же, возле дач НКВД-КГБ, обнаружили еще около 60 захоронений периода 1937–1939 годов, где нашли останки уже 2098 расстрелянных чекистами советских граждан... Даже гестаповцы не строили своих дач и вилл возле могил расстрелянных ими жертв! Иногда задумываешься: а как им, чекистам, отдыхалось на могилах убиенных ими или их коллегами-предшественниками, как пилаась там водочка и хорошая ли росла клубника, или товарищи предпочитали выращивать огурчики?..

Глава 10. Реабилитация без компенсации

Как государство ограбило незаконно репрессированных

К середине 1950-х годов на свободе оказались миллионы бывших узников сталинских концлагерей: одних были освобождены по амнистии, другие — по отбытии срока заключения. Позже сотни тысяч из них были реабилитированы уже как незаконно репрессированные: в годы правления Хрущева официально было реабилитировано, по разным оценкам, от 800 тысяч до двух миллионов человек. Вот только ни освобождение, ни даже справка о пресловутой реабилитации (которую еще надо было умудриться получить, преодолев множество канцелярско-бюрократических барьеров) вовсе не означали получения компенсации за перенесенные невзгоды. Например, жилье бывшим репрессированным не возвращали, если, конечно, в прошлом они не были знатными большевиками, за которых было кому замолвить словечко. Компенсаций за конфискованное имущество и денежные вклады реабилитированным тоже не полагалось... Пока, наконец, 12 ноября 1956 года Министерство финансов СССР совместно с Комитетом государственной безопасности при Совете министров СССР не выпустили совместный приказ-инструкцию № 31-1283/3с/№ 137с «О порядке расчетов по возмещению реабилитированным гражданам стоимости изъятого у них имущества». Примечательно, что документ, непосредственно затрагивавший интересы сотни тысяч (с учетом членов семей — и миллионов) людей, весьма предусмотрительно оснастили грифом «Секретно»: дабы те, кому эта компенсация и полагалась, во-первых, не прознали бы, что она им положена, и, во-вторых, не вникли бы в механизм ее начисления и выплаты.

Возмещение стоимости изъятого или конфискованного имущества и ценностей предлагалось производить в порядке, предусмотренном инструкцией Минфина № 35 от 30 января 1956 года, а также секретным письмом Минфина СССР. Причем раздел о возврате имущества — откровенное шулерство, иначе его трудно назвать. В частности, ст. 64 пресловутой инструкции гласила, что возврат

конфискованных денежных сумм, облигаций и вкладов производится в следующем порядке: «наличных денег — из расчета одной десятой части суммы, подлежащей возврату», а вместо ранее конфискованных облигаций госзаймов должны были выдавать облигации государственного двухпроцентного займа 1948 года «из расчета три рубля прежних займов за один рубль займа 1948 года». С облигациями других займов и вовсе полная махинация! Что же относительно денежных вкладов, то, если он не превышал 3000 рублей, рубль за рубль, до 10 тысяч рублей — в части, превышавшей 3-тысячерублевый лимит, «за три рубля старых денег два рубля новых денег», а если вклад больше 10 тысяч рублей, то превышение возвращалось по курсу новый рубль за два старых. Причем ведь еще надо было доказать, что у тебя эти деньги, облигации и вклады были, но их официально изъяли при аресте. Вот только зачастую это ни в какие описи изъятого вообще не вносилось, испаряясь в «неизвестном» направлении — сразу по попадании в здание НКВД. Сберкнижки же вовсе просто уничтожали, так что бывшим арестантам доказать наличие у них вкладов оказывалось практически невозможно. Возврат же стоимости конфискованного имущества, согласно все той же инструкции, должен был производиться «в размере сумм, фактически полученных от реализации этого имущества». Поскольку то конфискованное имущество, которое не разворовывалось самими чекистами, реализовали в комиссионках фактически за бесценок, получается, что вместо полноценной компенсации предлагалось сунуть «реабилитантам» в зубы пару грошей. Если же, как гласит уже совместный циркуляр Минфина и КГБ, «реабилитированные граждане или их наследники обращаются с заявлениями о низкой оценке принадлежащего ранее им имущества», то финорганы должны «непосредственно, на основании документов о первоначальной оценке изъятого или конфискованного имущества, полученных от райгорфинотделов или органов Комитета госбезопасности, произвести совместно с представителями соответствующих органов Министерства торговли тщательную проверку обоснованности поступившего заявления». Хорошее уточнение: товарищи из КГБ документы о конфискации, как правило, не выдавали, ссылаясь либо на их отсутствие, либо на секретность дела, в котором находился этот документ. Если же какой-то счастливчик умудрялся добыть заветную

справку об изъятии у него, а комиссия представителей КГБ, Минфина и Минторга все же производила «тщательную проверку», в результате которой устанавливала, что «имущество оценено по явно заниженным ценам», то разрешалось «*в виде исключения* произвести переоценку этого имущества применительно к уровню действующих государственных розничных цен *с учетом износа имущества*».

И ведь все это делалось не в обязательном режиме, не автоматом — только лишь тогда, когда сами реабилитированный или их родственники успевали своевременно подать заявления. Нет заявления — нет и компенсации, точнее, той комиссии, которая еще должна была решить, заслуживает ли имярек эту самую компенсацию. Причем, как гласит инструктивное письмо, именно органы КГБ определяли «характер (наименование, количество, состояние) имущества, сумму денежных средств и стоимость облигаций государственных займов, ранее изъятых у реабилитированных граждан». Как именно определяют? Да как хотят, так и определяют, как бог на душу положит, относя затем пресловутое «определение» в комиссию, которая еще будет судить-рядить, стоит ли платить и сколько именно.

Компенсация за конфискованные часы и драгоценности — отдельная песня: производить ее предлагалось «применительно к действующим продажным (розничным) ценам», причем обязательно «со скидкой 25 % на износ». Вот только доказать, что у тебя некогда конфисковали изделия из золота-платины-серебра с бриллиантами-жемчугами-рубинами-изумрудами, было практически невозможно: ушлые чекисты, составляя опись изъятых, как правило, вместо «кольцо золотое (серебряное, платиновое)» писали «кольцо из желтого (белого) металла». Аналогичным образом оформлялись и драгоценные камни: изделие из желтого металла с белым (красным, зеленым и т. п.) камнем — и точка! Часы и вовсе записывали без затей и марок, например, часы импортные из желтого металла... Их Минфин с КГБ предлагал оценивать «применительно к стоимости часов отечественного производства», с учетом, разумеется, пресловутого 25-процентного износа: изъяли, скажем, у красного командира привезенный им из испанской военной командировки новенький золотой «Лонжин» — получи, товарищ, «взад» стоимость бэушного будильника Кировского завода. Если же, паче чаяния, изъятые драгоценности вдруг были оформлены именно как драгоценности, то

строго-настрого указано было не возвращать их, а оплачивать «по ценам, применяемым Госбанком и госторговлей при покупке этих ценностей у населения» — проще говоря, по грошовым закупочным госценам на лом. Но все это касалось лишь тех реабилитированных, у кого конфискация — имущества, ценностей и вкладов — была оформлена, так сказать, официально. Тем же реабилитированным, кто был осужден без конфискации имущества, «возмещение стоимости незаконно изъятого у них имущества и ценностей, а также возврат денежных сумм и облигаций» было разрешено производить лишь «при условии подачи заявления о возмещении в течение шести месяцев с момента объявления им (или их родственникам) определения о реабилитации». Если это не откровенное издевательство власти над своими гражданами, то что?! Человек еще черт знает сколько должен был побегать, добиваясь официальной реабилитации и преодолев кучу инстанций и барьеров, чтобы затем успеть уложиться в отведенные шесть месяцев с подачей заявления о компенсации, при том что он вообще ни сном ни духом понятия не имел, что ему в теории положена компенсация за разграбленное чекистами имущество: как он мог узнать, что должен подать заявление, и сделать это вовремя, если само инструктивное письмо об этих компенсациях — секретное?!

Реабилитированным — уже в соответствии с другими нормативными актами — за незаконное репрессирование также полагалась и денежная компенсация, которая выплачивалась лишь единожды: в размере двухмесячного должностного оклада на момент первого ареста! Причем эта выплата должна была производиться не за счет государства, а исключительно за счет того предприятия (организации), где реабилитированный трудился на момент ареста — если оно к тому времени вообще существовало. Реабилитированному требовалось не только успеть уложиться в жесткие сроки подачи заявления, но и приложить к нему официальную справку с прежнего места работы, где должен был быть указан общий трудовой стаж, занимаемая должность и размер должностного оклада на момент ареста. И все это — чтобы получить двухмесячный оклад образца 1937 года! Причем многим издевательски объявили, что им не положена и такая компенсация, поскольку на момент ареста они якобы не работали: после ареста сотрудника ретивое начальство нередко оформляло его увольнение задним числом. Такая вот вышла от

советского государства компенсация тем, кто, как тогда официально писали, был «необоснованно осужден».

Глава 11. «Причины смерти — вымышленные»

Государственная ложь в особо крупных размерах: как чекисты десятилетиями маскировали массовые расстрелы эпохи «Большого террора»

Когда после разоблачения «культа личности» в советских больших и малых энциклопедиях, справочниках и газетах время от времени стали публиковаться сведения о людях, ставших жертвами сталинского террора, внимательный глаз порой замечал много нестыковок и расхождений — когда речь шла о датах, местах и причинах их смерти. Но в этом не было вины редакторов, то была целенаправленная государственная политика лжи. О чем и свидетельствует данная служебная записка в ЦК КПСС председателя КГБ Владимира Семичастного № 3265-с от 25 декабря 1962 года.

Из документа следует, что еще в 1955 году «с ведома инстанций» КГБ издал указание, «определяющее порядок рассмотрения заявлений граждан, интересующихся судьбой лиц, расстрелянных по решениям несудебных органов (б. Коллегией ОГПУ, тройками ПП [полномочное представительство. — Авт.] ОГПУ-НКВД-УНКВД и Комиссией НКВД СССР и Прокурора СССР)». В соответствии с этими указаниями органы госбезопасности сообщали членам семей осужденных, «что их родственники были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах лишения свободы, а в необходимых случаях при разрешении имущественных или иных правовых вопросов регистрируют в загсах смерть расстрелянных с выдачей заявителям свидетельств, в которых даты смерти указываются в пределах 10 лет со дня ареста, а причины смерти — вымышленные».

Как пояснял Семичастный, «установление в 1955 году указанного порядка мотивировалось тем, что в период массовых репрессий было необоснованно осуждено большое количество лиц, поэтому сообщение о действительной судьбе репрессированных могло отрицательно влиять на положение их семей», а также «могло быть

использовано в то время отдельными враждебными элементами в ущерб интересам советского государства».

Данная «проблема» возникла у чекистов задолго до 1955 года: сокрытие самого факта массовых казней своих сограждан стало их головной болью еще в разгар «Большого террора». Лишь с октября 1936 года по ноябрь 1939 года, как следует из документов, и лишь по делам, которые вели органы госбезопасности, было расстреляно не менее 724 тысяч человек, к 1950-м годам счет казненных шел уже на миллионы. При этом родственников подавляющей массы расстрелянных о казни их близких не извещали никогда: даже тоталитарное общество сталинской поры могло бы не выдержать шока от информации про расстрел столь колоссального количества, в общем-то, обычных обывателей. Потому для сокрытия и была первоначально придумана гениальная формулировка про «10 лет без права переписки». Но когда пресловутые 10 лет кончились, но люди так и не вернулись, у их близких возникли вполне логичные вопросы: где?! И, как законопослушные граждане, они стали бомбардировать своими запросами все инстанции. Для «компетентных органов» это стало проблемой: что отвечать?

Выход нашли в сентябре 1945 года: Лаврентий Павлович Берия велел своим подчиненным на такие запросы отвечать, что их осужденные родственники умерли, отбывая наказание в местах заключения. Причем сообщать это велено было только устно.

Однако это распоряжение Берии выполнялось, видимо, лишь по линии НКВД-МВД, но не НКГБ-МГБ. О чем свидетельствует служебная записка в Политбюро ЦК ВКП(б) министра госбезопасности Семена Игнатьева № 837/и от 30 октября 1951 года «О порядке ответов родственникам лиц, осужденных к высшей мере наказания». До сведения высшей инстанции (читай: Сталина) доводится, что «согласно существующему в МГБ СССР порядку, на заявления лиц, осужденных к ВМН: Коллегией ОГПУ — до 1934 года, тройками ПП ОГПУ в 1931–1933 гг., Особой комиссией НКВД СССР и Прокуратуры СССР и тройками НКВД республик, УНКВД краев и областей в 1937–1938 гг., Особым совещанием при НКВД СССР в 1941–1942 гг. и Военной коллегией Верховного суда СССР с применением закона от 1 декабря 1934 года, — даются ответы, что эти лица осуждены к 10 годам лишения свободы и направлены для

отбытия наказания в лагеря с особым режимом без права переписки и передач». Только вот «в связи с тем, что со времени осуждения большинства указанных выше лиц прошло уже больше 10 лет, такого рода ответы органов МГБ не удовлетворяют родственников осужденных... В связи с этим родственники осужденных обращаются с многочисленными жалобами в центральные партийные и правительственные органы, к руководителям партии и правительства, настойчиво добиваясь получения исчерпывающего ответа о судьбе осужденных». В связи с чем министр госбезопасности полагает целесообразным изменить существующий порядок информирования и «родственникам лиц, осужденных к ВМН, со дня ареста которых прошло свыше 10 лет, объявлять устно, что осужденные умерли в местах заключения». Причем такие ответы давать только самым близким членам семьи: родителям, жене, мужу, детям. «В целях сохранения строгой конспирации в этой работе, — предлагал Игнатьев, — составление справок о смерти осужденных... возложить на центральный аппарат МГБ СССР, а объявление этих справок — на ответственных работников органов МГБ на местах». Но Сталин это предложение не поддержал, на документе есть помета: «Подождать».

Изменения наступили уже после смерти Сталина, но не кардинальные. 24 августа 1955 года председатель КГБ при Совете министров СССР генерал армии Иван Серов подписал директивное указание № 108сс, устанавливающее новый порядок извещения родственников расстрелянных — точь-в-точь такой, какой и предлагал четырем годами ранее Игнатьев: на все запросы отвечать (только устно!), что «осужденные были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах заключения», ответы давать «только членам семьи осужденного: родителям, жене-мужу, детям, братьям-сестрам». Справку о смерти оформлять только в исключительных случаях — при решении родственниками имущественных и правовых вопросов. Причину смерти в таких случаях приказано было сообщать приблизительно: какую угодно, только не подлинную, чаще всего писали «сердечная недостаточность». Дату смерти, согласно той же инструкции, надо было указывать «в пределах десяти лет со дня его ареста»: их брали с потолка, чаще всего стараясь впихнуть в «удобный» военный промежуток 1941–1945 годов.

Прошло еще семь лет, пока на Лубянке не дошли, что все надо менять уже кардинально: «Существующий порядок сообщения вымышленных данных, — информировал инстанцию Семичастный, — касается в основном невинно пострадавших советских граждан, которые были расстреляны по решениям несудебных органов в период массовых репрессий». К тому же уже реабилитирована почти половина тех расстрелянных, сталинские беззакония разоблачены, потому «существующий порядок рассмотрения заявлений граждан с запросами о судьбе их родственников считаем необходимым отменить». Аргументирует это председатель КГБ тем, что сообщение гражданам вымышленных дат и обстоятельств смерти близких им лиц «ставит органы госбезопасности в ложное положение, особенно при опубликовании в печати дат смерти лиц, имевших в прошлом заслуги перед партией и государством». Тем паче скрывать, собственно, уже больше нечего, «советские люди о массовых нарушениях социалистической законности осведомлены». Разумеется, председатель КГБ не собирается идти на полную «сознанку», потому, хотя и предлагает реальные обстоятельства смерти сообщать родственникам, но опять-таки лишь устно! Документы же оформлять в загсах с подлинной датой расстрела, но — без указания причины смерти, «при этом имеется в виду, что данный порядок не будет распространяться на лиц, в отношении которых ответы давались в соответствии с ранее установленными и действующим в настоящее время порядками рассмотрения заявлений». Проще говоря, тем, кому уже соврали, правду сообщать не собирались. Большая государственная ложь продолжала жить своей жизнью.

Часть третья

**«Гремя огнем, сверкая блеском
стали...»**

Глава 1. Операция «Х»: как вмешаться, не вмешиваясь

Вечером 17 июля 1936 года в Испанском Марокко вспыхнул военный мятеж, 18 июля восстание перекинулось уже собственно в Испанию: военные выступили против левого правительства, к тому времени развязавшего настоящий террор против своих оппонентов. Началась гражданская война, открывшая новые горизонты и для Кремля: аппетитная возможность скорой «большевизации» Пиренейского полуострова руками испанских леваков позволяла бы Сталину зажать Европу в свои ежовые рукавицы с двух сторон. Потому СССР уже на всех парах активно влезал в гражданскую войну в Испании в качестве одного из ее главных участников и, в какой-то степени, выгодоприобретателя-бенефициара. Однако действовать слишком уж явно — открытой посылкой вооружений и тем паче войск — Сталин пока не решался, справедливо полагая, что это грозит серией осложнений и неизбежной международной изоляции. Например, это могло привести к исключению из Лиги наций, а членства в этой организации Москва с превеликим трудом добилась лишь к сентябрю 1934 года. Еще открытое вмешательство могло резко изменить политическую ситуацию в соседней Франции, приведя к разрыву заключенного в мае 1935 года военного пакта с этой страной. Но едва ли не больше всего в Москве опасались резкого усиления традиционной конфронтации с Великобританией, которая явно не восприняла бы под своим боком «красную» Испанию, если бы там открыто стали бы хозяйничать советские эмиссары. Опасались в Кремле и немцев. Как писал первому заместителю наркома иностранных дел Николаю Крестинскому советский полпред в Германии Яков Суриц, «наша открытая помощь мадридскому правительству может вызвать не только усиление германской помощи мятежникам, но не исключает при известных условиях и возможность открытого столкновения между немцами и нами». Потому поначалу действовать надлежало без шума и пыли, под дымовой завесой дезинформации. Одним из элементов которой стало даже как бы секретное решение Политбюро ЦК ВКП(б).

29 августа 1936 года Политбюро ЦК ВКП(б), обсудив вопрос № 395 «Об Испании», обязало Наркомат внешней торговли «издать немедленно распоряжение о запрещении вывоза амуниции и самолетов в Испанию, огласив его в печати». Вторым пунктом было решено согласиться на участие советского полпреда в Лондоне в Комитете послов «для координации действий, вытекающих из декларации о невмешательстве в испанские дела» (речь шла о так называемом Комитете по невмешательству в испанские дела, создать который 26 августа 1936 года предложило французское правительство). Завизированное подписью секретаря ЦК ВКП(б) Лазаря Кагановича решение Политбюро приняли заочным опросом его членов, поскольку тов. Сталин весь август, сентябрь и октябрь 1936 года расслаблялся в неге вне Москвы — партией и страной он рулил со своей дачи близ Сочи.

Удивительно, но заместитель наркома внешней торговли Сергей Судьин, исполнявший тогда обязанности наркома, приказ о запрещении экспорта, реэкспорта и транзита в Испанию и ее владения оружия, боеприпасов, военных материалов, кораблей и самолетов молниеносно оформил аж... 28 августа — еще за сутки до оформления соответствующего решения Политбюро: каков провидец! Разумеется, все это было не более чем заранее согласованной игрой на международную публику — для ее дезинформации и для прикрытия настоящей операции. Потому как реальные указания Сталина тому же Наркомату внешней торговли были совершенно иными и предельно недвусмысленными: немедленно поставить Мадриду все, что там запросят. Мадрид же в первые недели войны запрашивал даже не столько оружие и боеприпасы (там полагали, что этого добра у них пока достаточно), а топливо — его не хватало катастрофически. Потому уже через пять дней после начала войны в Испании, 22 июля 1936 года, Политбюро на своем заседании обязало Наркомат внешней торговли СССР «немедленно продать испанцам мазут по пониженной цене, в необходимых количествах на самых льготных условиях». Тогда же начал решаться вопрос о поставках оружия и боеприпасов. По линии Коминтерна (но по негласному указанию Кремля) в Испанию потекли иностранные добровольцы, из которых с сентября 1936 года стали формировать отдельные интернациональные бригады, фактически находившиеся под контролем эмиссаров Москвы. В

сентябре же 1936 года в Испанию прибыли и первые советские авиаторы — кадровые военнослужащие ВВС Красной армии, в октябре прибыла первая группа советских танкистов... Впрочем, есть сведения, что первые советские военные специалисты появились в Испании в августе 1936 года — еще до формального принятия Политбюро ЦК ВКП(б) секретного решения о проведении операции «Х». В частности, уже 9 августа 1936 года нарком обороны маршал Советского Союза Клим Ворошилов направил письмо Сталину, в котором предлагал назначить военным советником к испанским «друзьям» комбрига Владимира Горева-Высокогорца, командира механизированной бригады Ленинградского военного округа.

29 сентября 1936 на заседании Политбюро, проведенном опять-таки лишь с виртуальным присутствием отдохавшего в Сочи вождя, наконец было принято решение о проведении операции «Х» — «оказании активной военной помощи республиканской Испании». Пункт «а» этого решения гласил: «Утвердить план операции по доставке личного состава и специальных машин в „Х“, возложив полное осуществление всей операции на тт. Урицкого^[29] и Судьина». Пункт «б»: «На проведение специальной операции отпустить Разведупру 1 910 000 советских рублей и 190 000 американских долларов». Формально это было решение Политбюро, реально — лишь оформление распоряжения Сталина, отданного еще 26 сентября 1936 года. Известно, что в тот день Сталин позвонил Ворошилову из Сочи, предложив наркому решить вопрос о поставке испанцам «восемидесяти — ста танков системы „Виккерс“ (Т-26) с посылкой необходимого количества обслуживающего персонала. На танках не должно быть никаких признаков советских заводов». Также было приказано продать через Мексику 50–60 бомбардировщиков СБ, «вооружив их иностранными пулеметами». На следующий же день Ворошилов отрапортовал Сталину, что уже (!) «подготовлены к отправке сто танков, 387 специалистов»; «посылаем тридцать самолетов без пулеметов, на пятнадцать самолетов полностью экипажи, бомбы». Правда, ряд историков утверждает, что эти сообщения датируются лишь концом октября 1936 года, однако факты свидетельствуют, что уже в начале октября советское оружие потоком шло в Испанию, в начале же октября Сталин дал Ворошилову очередное конкретное указание: «срочно подготовить пятьдесят штук

автоброневиков: тридцать больших трехосных, вооруженных двумя пулеметами, и двадцать малых, вооруженных одним пулеметом, и отправить по известному адресу». 1 ноября 1936 года советские броневики БА-3, БА-6 и ФАИ — с советскими экипажами — уже воевали на подступах к испанской столице. Операция «Х» только начиналась...

Глава 2. «Запретить выезд в Испанию...»

Как советские военные «добровольно» воевали в Испании

По сей день бытует представление, внушенное еще советской литературой, что в Испании воевали добровольцы чуть ли не в классическом смысле этого слова: сами попросились, сами написали заявление, а потом чуть ли не сами взяли да и поехали. Военный летчик Иван Федоров на голубом глазу именно такой сказ и сочинил: подошел, мол, на первомайском параде 1937 года к Ворошилову с просьбой отправить в Испанию и уже через пару дней вовсю резвился себе в испанском небе, сбивая немецкие «хейнкели» и итальянские «фиаты». Вот прямо так взял и свободно подошел к целому наркому, поднявшись сквозь строй кремлевских охранников на трибуну мавзолея, где тот принимал военный парад вместе со Сталиным и прочими партийными бонзами?! Главный маршал артиллерии Николай Воронов в своих мемуарах писал более обтекаемо: «Я тоже решил во что бы то ни стало попасть в Испанию.хлопоты были длительными, но наконец они увенчались успехом. Я получил заграничный паспорт и соответствующие визы». Одним словом, захотели, взяли и поехали?

В реальности все было совершенно иначе, и в данном случае инициатива была наказуема, причем нередко довольно жестко. Испанская операция считалась строго засекреченной: по военной линии за нее отвечало Разведуправление РККА и персонально его тогдашний начальник, комкор Семен Урицкий, а по линии чекистской операцию курировал начальник Иностранного отдела Главного управления государственной безопасности НКВД комиссар государственной безопасности 2-го ранга Абрам Слуцкий. Для тех военных, кто был причастен к испанской операции или знал о каких-то ее деталях по долгу службы, даже мимолетное упоминание о советских «добровольцах» в Испании было чревато вызовом в особый отдел. Более того, когда начались испанские события, в армии уже разворачивалась волна чисток и арестов, вскоре достигшая своего апогея. Потому любой кадровый военный служащий, «вдруг» инициативно попросившийся в Испанию — за границу (!), да еще и в

разгар великого очищения РККА от «военно-фашистского заговора», незамедлительно вызывал обоснованное подозрение бдительных органов: уж не хочет ли сей товарищ столь оригинальным и хитрым образом соскочить с чекистского крючка, не потому ли он рвется за границу, что надеется избежать расследования своих связей с «бандой Тухачевского»? Так что вслед за рапортом об отправке добровольцем в Испанию неизбежно следовала проверка особистами инициативника, которая в тех условиях ни к чему хорошему привести не могла. Тем паче первым делом чекисты вопрошали «собеседника», как и откуда он вообще прознал про советских военных в Испании.

Илья Старинов, «дедушка советского спецназа», вспоминал, как мудрое начальство пыталось учить его уму-разуму: «Ну, чего же, голуба моя? ...Тоже в Испанию рветесь? Так вы не маленький, сами знаете: если понадобится — позовут. А коли не зовут...» Когда же Старинов все же «после долгих раздумий написал рапорт народному комиссару обороны с просьбой направить в Испанию», его «стали вызывать в различные инстанции. Но дальше расспросов о то, откуда мне известно, что в Испанию едут добровольцы из СССР, дело не шло». Эвфемизмом «различные инстанции» Старинов деликатно обозначил особые отделы НКВД...

Конечно, всю эту секретность соблюсти в полном объеме было нереально — в чужой войне непосредственно участвовали тысячи военнослужащих, гражданских специалистов и чекистов. Опять же, трудно было не понять, где именно были заработаны новенькие ордена, вдруг заблиставшие на груди многих дочерна загорелых военных, вернувшихся из таинственной командировки. Сами они, конечно, отмалчивались, но земля всегда полнится слухами. Всегда хватало и инициативных энтузиастов, которые, начитавшись передовиц «Правды», бомбардировали наркома обороны рапортами. Были и случаи, когда ретивые краснофлотцы пытались записаться в республиканские волонтеры, сойдя (или сбежав!) на берег в испанском порту — когда туда с «визитом дружбы» заходил советский военный корабль! Все это безобразие надо было пресечь. Потому 21 февраля 1937 года и появился соответствующий приказ наркома обороны СССР за № 27, гласивший:

«Во исполнение постановления Совета народных комиссаров Союза ССР от 20 февраля 1937 года „о запрещении выезда и вербовки

добровольцев в Испанию “ приказываю:

1. Всем состоящим в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии военнослужащим рядового, командного и начальствующего состава запретить выезд в Испанию для участия в происходящих в Испании военных действиях.

2. В случае посещения испанских портов военными кораблями Союза ССР командиры этих кораблей могут разрешить сход на берег только лицам командного состава и команды, в строгих пределах, вызываемых необходимостью обеспечить нормальное плавание...».

Формально сей документ предназначался еще как бы и для мировой общественности: нет нас, мол, в Испании, сам Ворошилов запретил записываться в добровольцы. В реальности это был вполне недвусмысленный окрик своим: всем сидеть тихо, инициативы не проявлять, рапортами наркома не грузить и работе кадровых органов наркомата не мешать! Кого надо сами вспомним — когда надо. Так оно и было. Сначала тщательный отбор кандидатов в «добровольцы» кадровыми органами Народного комиссариата обороны СССР, тщательнейшая же проверка их компетентными органами на предмет наличия компрометирующих материалов, связей — служебных, личных, родственных. Столь же тщательной проверке подвергались ближайшие родственники кандидатов в «добровольцы» — родители, жены (или мужья, если речь шла о командировании в Испанию женщин-переводчиц), братья и сестры. Анкета должна была быть идеальной: правильное рабоче-крестьянское происхождение, никаких родственников за границей, никакой судимости и, упаси боже, даже намек на возможное участие в разного рода внутривластной оппозиции 1920-х годов. От уровня советника дивизии и выше кандидатуры в обязательном порядке утверждались ЦК ВКП(б). Сохранилась масса свидетельств, что всех отъезжающих военнослужащих лично инструктировал сам начальник Разведупра комкор Урицкий. Вот как вспоминал об этом Валентин Богденко, впоследствии вице-адмирал: «14 апреля 1937 года. Неожиданный вызов в Москву. 15–18 апреля 1937 года. Москва. Встреча с начальником Морских сил Орловым и комкором Урицким. Спецзадание. Инструктаж. Гражданский костюм. Я — доброволец». При этом никаких рапортов об отправке в Испанию Богденко не писал, так что до своего внезапного вызова к самым высоким военным чинам

ни сном ни духом не знал ни о спецзадании, ни о том, что он, оказывается, доброволец — в «гражданском костюме».

То же самое пишет и будущий командующий советским ВМФ Николай Кузнецов: в 1936 году он служит на Черном море, командует крейсером «Червона Украина», никого и ни о чем не просил, никаких рапортов не писал, и вдруг срочная телеграмма аж командующего флотом — о немедленном выезде в Москву, да еще и затейливая: «Вам разрешается сегодня же выехать в Москву». «Зачем в Москву? — недоумевает Кузнецов. — И еще так срочно. Почему комфлот телеграфирует непосредственно мне, минуя мое начальство? И наконец, что значит „разрешается“? Ни о каком разрешении я не просил, ничего подобного даже в мыслях не было...» Явился к начальнику Морских сил РККА Орлову — тот отправил его к Ворошилову, из приемной которого Кузнецова перенаправили в Разведупр, к Урицкому. Беседа была краткой: «Известно ли вам, какие события происходят в Испании?» — задал вопрос в лоб Урицкий. После чего тут же поставил вопрос ребром: «А хотели бы вы отправиться туда?» При этом начальник военной разведки предложил подумать, прежде чем говорить «да» или «нет»: «Все зависит от вашего желания...». «У меня не было особой нужды раздумывать, — вспоминал Кузнецов. — Я сказал, что согласен». Еще бы он не согласился: партия и правительство, понимаешь, оказала ему высокую честь, доверив секретнейшее задание, а он... Стоит ли добавлять, что беспрепятственно выйти из кабинета Урицкого товарищ мог лишь в случае, если без малейших колебаний тут же давал ответ безусловно положительный. Если же гражданин вдруг давал ответ отрицательный, что тоже бывало, то отправлялся, так сказать, «в распоряжение НКВД», поскольку уже по самому факту такой беседы автоматически становился носителем секрета особой важности. О чем после этой беседы комкор Урицкий честно и поведал Кузнецову: «Я был обязан предупредить вас и доложить начальству, если замечу, что вы колеблетесь...».

Примерно по той же схеме «добровольцем» стал и будущий герой Сталинграда Александр Родимцев. Неожиданный вызов к тому же Урицкому в сентябре 1936 года: «Поедете в Испанию. Там позарез нужны пулеметчики...». Сутки на сборы: «Завтра в 12 часов приходите сюда. Переоденетесь в гражданскую одежду, получите паспорт и в

21 час с Белорусского вокзала отправитесь в путь. ...Вам, товарищ Родимцев, ничего и никому не нужно сдавать и докладывать. И жене как можно меньше говорите. После отъезда мы сами сообщим в полк».

В чекистском ведомстве было точно так же: никакой инициативы, только предложение, от которого нельзя отказаться. «...В 1937 году меня неожиданно спросили, поехал ли бы я в Испанию, — писал в своих мемуарах Станислав Ваупшасов. — Решение созрело мгновенно. Я только уточнил, в качестве кого. „По своему профилю“, — ответил товарищ ...И я стал готовиться в дальний путь...». Уточню лишь, что «своим профилем» для профессионального головореза Ваупшасова были закордонные террористические операции.

Еще одной обязательной «изюминкой» было то, что родные тех, кого отправляли в Испанию, фактически становились заложниками: всех «добровольцев» откровенно предупреждали, что если они изменят или попадут в плен, то их родственники обязательно пойдут по этапу. «Провожавшие нас товарищи держались как чуткие, заботливые родственники. Одно было неприятно: нас слишком энергично уговаривали не беспокоиться об остающихся семьях, намекали, что в случае чего наших близких не забудут...» — эзоповым языком обмолвился в своих мемуарах Илья Старинов.

Глава 3. Ноябрьский дебют 1936-го: советские авиаторы в Испании

Первые советские самолеты прибыли в разодранную гражданской войной Испанию в октябре 1936 года: истребители И-15 и И-16, бомбардировщики СБ и штурмовики Р-5ССС. Первый свой боевой вылет советские бомбардировщики, пилотируемые советскими экипажами, совершили 28 октября 1936 года. Но 2 ноября 1936 года, как бесстрастно зафиксировали авиационные хроники, под Талаверой был сбит первый СБ, пилотируемый советскими авиаторами, погиб весь экипаж: пилот — лейтенант Павел Петров, штурман — старший лейтенант Аким Власов и стрелок-радист Николай Цигулев. По каким-то причинам официально датой их смерти записано 3 ноября 1936 года — видимо, надо было точно удостовериться в их гибели. Именно они и стали первыми советскими авиаторами, погибшими в Испании. 4 ноября 1936 года свой первый воздушный бой приняли в Испании советские истребители И-15. Но уже 5 ноября 1936 года в небе Мадрида сбит и первый И-15, пилотируемый лейтенантом Петром Митрофановым — его сбил 30-летний испанский летчик, капитан Ангел Салас Ларразабал (Angel Salas Larrazabal), воевавший на Fiat CR.32. Советский пилот выпрыгнул с парашютом, но тот не раскрылся, Митрофанову — это был его первый боевой вылет — суждено было стать и первым погибшим в Испании советским летчиком-истребителем. Но свои первые потери истребители И-15 понесли за день до того и не в бою: вечером 3 ноября 1936 года летчики лейтенанты Николай Зверев и Владимир Кондратьев, пилотировавшие пару И-15, вылетели из Алкантерильи на аэродром Сото под Мадридом, но потеряли ориентировку и сели на аэродром противника в Сеговии, где и были взяты в плен. Судя по всему, именно они и стали первыми советскими пленными той войны. Формально с ними могли сделать что угодно — с точки зрения международного права военнопленными они считаться не могли: Советский Союз в этой войне формально не участвовал и категорически отрицал, что в Испании воюют советские военнослужащие. Но Звереву и

Кондратьеву повезло: в мае 1937 года их обменяли на пленных немецких пилотов.

9 ноября 1936 года (по другим данным, 16 ноября) в небе Мадрида появились уже первые истребители И-16. И уже 17 ноября 1936 года И-16 понесли первые потери: по иронии судьбы, первый И-16 тоже сбил уже известный нам Ангел Салас Ларразабал. Но другие источники утверждают, что первый И-16, пилотируемый старшим лейтенантом Владимиром Бочаровым, был сбит еще 13 ноября 1936 года немецкими пилотами, а сам Бочаров попал в плен тяжело раненным. Согласно одной из версий, он на другой день умер от ран, по другой — зверски убит, а его изрубленные останки 15 ноября 1936 года сбросили в ящике или брезентовом мешке на парашюте над мадридским аэродромом Барахас. Однако, как написал пытавшийся изучить этот вопрос известный летчик-испытатель Марк Галлай, кто именно был в том ящике или мешке, достоверно и документально установить невозможно — с 10-го по 13 ноября 1936 года над территорией противника погибли или пропали без вести не менее десяти советских авиаторов, сбросить могли любого.

Так или иначе, но всех командированных в Испанию всегда «деликатно» предупреждали: если они попадут в плен или тем паче перейдут к противнику, пострадают их родственники, фактически становившиеся заложниками. И ведь кто-то действительно пострадал, чаще всего родня пропавших без вести, хотя, как известно, войн без пленных не бывает. Достоверно известно, что во время войны 1936–1939 годов в Испании плен пережили и были обменяны не менее 11 советских авиаторов. По возвращению домой судьбы у всех сложились по-разному. Поначалу всех ждала обязательная проверка: как и почему попали в плен, как вели себя там. Николая Зверева и Владимира Кондратьева не репрессировали и в вину им пребывание в плену не вменили. Впрочем, первоначально их (как и нескольких других попавших в плен летчиков), видимо, сочли погибшими. Потому еще 2 января 1937 года оба незадачливых истребителя постановлением ЦИК СССР были награждены орденами Красного Знамени — в одном списке с группой погибших в Испании, хотя, согласно принятым тогда в СССР нормам, военнослужащих, пока они находились в плену, не награждали. Оба затем служили в Киевском военном округе в своих прежних частях, но карьеры не сделали. Зверев дослужился до майора,

участвовал в войне с немцами — на его личном счету три сбитых самолета противника. Кондратьев дорос до капитана и командира эскадрильи, в 1940 году был направлен на учебу в академию. Но тут-то ему испанский плен и аукнулся: в 1941 году арестован, осужден и до 1946 года сидел в лагере, был лишен ордена. Правда, в 1958 году его реабилитировали и награду вернули. Евгений Степанов, совершивший 25 октября 1937 года над Барселоной первый ночной таран, в январе 1938 года был сбит, попал в плен, и через Красный Крест его обменяли на немецкого пилота. В 1939 году воевал на Халхин-Голе и 29 августа 1939 года ему присвоено звание Героя Советского Союза. Потом воевал в финскую кампанию, во время Великой Отечественной уже не воевал. Георгий Тупиков, командир отряда штурмовиков Р-5ССС, сбит 6 декабря 1936 года, провел в плену полгода и тоже был обменен на немецкого пилота. Но после возвращения домой целый год, как деликатно пишут источники, находился в «подвешенном положении» — был лишен звания, наград и уволен из армии. Возвращен в строй лишь после вмешательства боевого друга — Героя Советского Союза Виктора Хользунова, дослужился до звания генерал-полковника авиации. Штурман Р-5ССС Александр Шукаев, сбитый на два дня раньше Тупикова и сидевший вместе с ним в тюрьмах Толедо и Талаверо, воевал во время Великой Отечественной, после — старший преподаватель Военной академии имени Фрунзе, вышел в отставку полковником. О судьбах остальных авиаторов, вызволенных из испанского плена, к сожалению, достоверно неизвестно.

Глава 4. Тайные тропы Халхин-Гола

Почему упорные и кровопролитные бои развернулись именно на этом, казалось бы, совершенно никому не нужном клочке пустыни?

11 мая 1939 года датируется как начало советско-японского конфликта на Халхин-Голе. Согласно канонической советской версии, в тот день отряд баргутской кавалерии совершил налет на монгольскую пограничную заставу в районе Номон-Хан-Бурд-Обо. Баргуты — монголоязычная народность, близкая по культуре бурятам, проживающая во Внутренней Монголии. Баргутские территории тогда входили в состав двух созданных японцами марионеточных государств: Маньчжоу-го и Мэнцзян. Из баргутов комплектовалась кавалерийские подразделения армий этих псевдогосударств, командовали которыми японские офицеры. Фактически это были вспомогательные части японской Квантунской армии.

Со времен тех боев прошло много-много десятилетий, но до сих пор ни один историк так и не удосужился внятно ответить на вопрос: почему столь упорные и кровопролитные бои развернулись именно на том, казалось бы, совершенно никому не нужном клочке пустыни? Отечественные учебники до сих пор твердят, что это была целенаправленно спланированная японцами агрессия, имевшая своей целью захват Монголии, выход к озеру Байкал и на Транссибирскую магистраль, а затем и захват советской территории от Иркутска до Владивостока. В агрессивности японцев можно не сомневаться, но невозможно предположить, чтобы японские генералы могли планировать реализацию столь грандиозных замыслов именно там — это самый неподходящий плацдарм для развития какого-либо наступления. Неужели на всем протяжении границ с Монголией или СССР японцы не могли выбрать местечка в тактическом, оперативном и стратегическом плане получше? Ну как могли японские войска наступать через Халхин-Гол на Улан-Батор, до которого почти тысяча километров безводных, безлюдных степей и полного бездорожья? А уж Забайкалье тем паче отпадает.

Да и с боевой мощью у них было как-то не очень: даже 28 мая, когда на Халхин-Голе вовсю полыхали настоящие бои, в японской группировке там было 1680 штыков и 900 баргутских кавалеристов. А из относительно серьезного вооружения — 18 орудий, шесть бронемашин и один танк. С такими силами — завоевывать Монголию и громить СССР?! К тому же это были подразделения охраны железных дорог, которые сложно считать полноценной боевой единицей. Даже если учесть находившиеся поблизости части усиления, все равно получится никак не более 10 тысяч человек, что явно недостаточно для реализации приписываемых японцам замыслов. В ходе эскалации конфликта силы, конечно, основательно нарастили, но даже на пике боевых действия в районе Халхин-Гола их у японцев было недостаточно для проведения наступательных операций.

Есть еще версия, что причиной конфликта стало строительство японцами железнодорожной ветки Солунь — Халун-Аршан — Хайлар, которая позволила бы перебрасывать войска прямо к советской границе. Но трасса проходила в нескольких километрах от границы, могла быть накрыта артиллерийским огнем, потому, мол, японцы и замыслили отодвинуть границу хотя бы на 20 километров. Концепция интересная, но, опять-таки, уж точно не с теми микроскопическими силами было отодвигать границу и держать новые рубежи!

Советскому руководству военный конфликт на монгольских рубежах тогда был абсолютно не нужен. О чем красноречиво свидетельствует хотя бы боевой состав советского 57-го Особого корпуса, развернутого в Монголии. Для наступательных операций этот корпус явно не предназначался, хотя бы в силу своей малочисленности: по одним источникам, к маю 1939 года там было 5544 человека, по другим, около 30 тысяч — тоже не ахти как много. Столь большое расхождение в оценке, похоже, связано с тем, что одни исследователи исходят из формального штатного расписания, не учитывая некомплект личного состава, другие, видимо, считают только тех, кто был в боевых порядках.

К началу конфликта в 57-м Особом корпусе числились три мотоброневые бригады и одна танковая, одна моторизованная дивизия и отдельная кавалерийская бригада: 284 танка, 370 броневых автомобилей и около 200 орудий. Но самая удивительная компонента этого

воинского контингента — автомобильные батальоны, точнее, их количество. По данным военного историка Максима Коломийца, в составе корпуса было целых 16 автомобильных батальонов и четыре отдельные автороты. На 1 февраля 1939 года в этих автобатах числилось 5208 грузовых машин, 631 автоцистерна, 679 специальных машин и 245 автомастерских. К июню 1939 года Коломиец насчитал 4342 грузовых автомашины: 3622 бортовых грузовика и 720 цистерн. Так или иначе, но в одном месте сконцентрировали просто немыслимое для РККА образца 1939 года количество автомобильных батальонов, ни в какие существовавшие тогда штатные нормы и расписания не укладывавшееся! Явно столь избыточное — для корпуса, что возникает мысль: а может, не автобаты были приданы Особому корпусу, а именно его и развернули в МНР для прикрытия и обеспечения этой автомобильной армады? Точнее, стратегической коммуникации, на которой и были задействованы эти автобаты. Это подтверждает хотя бы такая цитата из документа: «7, 8 и 9-я мотоброневые бригады, по существу, являются бронированной кавалерией, более подходящей для охраны границ и поддержания внутреннего порядка. Пехотный бой вести не умеют». Но если исходить из того, что задачей корпуса было прикрытие деятельности всей этой автомобильной армады, все становится на свои места. Правда, возникают вопросы: чем занимались эти автобаты, что и для кого они возили?

С 1937 года на территории Китая развернулась масштабная Японо-китайская война, и в советских интересах было, чтобы Китай сражался, сковывая японскую армию. Об этом, как писал в своих воспоминаниях маршал Василий Чуйков, Сталин и сказал отрывком текстом, напутствуя военачальника перед командировкой в Китай: «Ваша задача, товарищ Чуйков, — продолжал Сталин, — не только помочь Чан Кайши и его генералам с умением воспользоваться оружием, которое мы им посылаем, но и внушить Чан Кайши уверенность в победе над японскими захватчиками. При уверенности в победе Чан Кайши не пойдет на соглашение с агрессором, ибо он боится потерять поддержку американцев и англичан и свои капиталы, вложенные в их банки... Ваша задача, товарищ Чуйков, задача всех наших людей в Китае — крепко связать руки японскому агрессору. Только тогда, когда будут связаны руки японскому агрессору, мы

сможем избежать войны на два фронта, если немецкие агрессоры нападут на нашу страну...». Потому СССР и оказал тогда Китаю масштабную и интенсивную военную помощь, поставив огромное количество оружия, боеприпасов, боевой техники, топлива и т. п. Но отечественные историки отчего-то пишут лишь про два пути этих поставок: морской — из советских портов через Гонконг, Бирму или Вьетнам, и сухопутно-воздушный — от Алма-Аты до Синьцзяна. А вот про еще один путь наши историки глухо молчат, хотя в литературе есть упоминания о перегонке самолетов для китайских ВВС также и через Монголию. Монгольская территория была удобна и для организации линии наземных поставок: с китайской стороны граница там была практически не прикрыта.

«Удобства» же района, где развернулся конфликт, тоже были существенны: там сходились границы МНР с марионеточными государствами Маньчжоу-го и Мэнцзян, войска же последнего границу с Монголией вообще не контролировали. Единственно оптимальное место для прохода автомобильных колонн-конвоев со снаряжением для армии Чан Кайши! Трудно предположить, что эту возможность не использовали — иначе зачем вообще тогда были нужны в монгольской степи пресловутые 16 автомобильных батальонов с их почти шестью тысячами грузовиков?!

А вот японской армии, погрязшей в трясине войны в Китае, жизненно важно было перерезать все эти артерии подпитки китайского сопротивления. Морской путь им к тому времени удалось практически блокировать, дотянуться до Синьцзяна они не могли. Но можно было перекрыть путь в Китай советским автобатам, закупорив монгольский тракт ударом по его самой уязвимой точке. Это японцы, видимо, и попытались сделать поначалу руками баргутов, решив, что Москва не станет проливать кровь за этот клочок пустыни. Кремль решил иначе, и в данном случае Сталин был прав: показательный разгром японских войск на Халхин-Голе впоследствии уберег СССР от вполне реальной угрозы войны на два фронта. По всей видимости, сохранив один из важнейших каналов советской военной помощи Чан Кайши. Относительно последней уже упомянутый Василий Чуйков спустя десятилетия написал: «Скажут: вот, дескать, благодетель. Разве не в интересах Советского Союза было вести войну с Японией руками китайцев? Это приходилось мне слышать и в те годы, и позже. Но

против Советского Союза Япония так и не выступила даже в самые трудные для нас годы войны...». Пожалуй, сам же маршал и ответил: именно потому и не выступила, что руки у нее оказались связаны в Китае, к чему были приложены усилия явно немалые. Частью которых стало и сражение за этот, казалось бы, «никому не нужный клочок пустыни»...

Глава 5. «Подлинники хранятся в условиях особо строгого режима»

Секретные протоколы: тайна «закрытого пакета» № 34

Едва ли не самым тщательно охраняемым секретом советского государства до самого последнего момента его существования — в буквальном смысле слова — была тайна «закрытого пакета» № 34, хранившегося в святой святых — Архиве Политбюро ЦК КПСС. Правда, к моменту краха Советского Союза это формально был уже Архив президента СССР, но суть от этого не меняется. «Закрытый пакет» — не вольное словосочетание, а вполне официальное обозначение существовавшей степени секретности документов ЦК КПСС. Таких степеней было несколько: самый низший уровень обозначался грифом «секретно», следующий за ним — «совершенно секретно» (в документах более раннего времени — «строго секретно»), еще более высокий уровень секретности обозначался грифом «особой важности», затем ОП — «особая папка». Но самая высшая степень секретности — «закрытый пакет»: это действительно был большой пакет с номером, проставляемым от руки. В Общем отделе ЦК КПСС, ведавшем, среди прочего, и секретным делопроизводством (первоначально это подразделение вообще именовалось Секретно-оперативным отделом ЦК), «закрытый пакет» опечатывался тремя или пятью печатями и обозначался буквой «К» — «конфиденциально». Даже о самом существовании такой высочайшей степени секретности знало буквально считанное количество сотрудников аппарата ЦК. А уж о содержимом «закрытых пакетов» могли не знать даже генеральные секретари ЦК КПСС — если, конечно, они их специально не запрашивали. Документы из «закрытого пакета» № 34, хранившегося в VI секторе Общего отдела ЦК КПСС — это и был Архив Политбюро, — запрашивали, мягко говоря, нечасто. Именно в «закрытом пакете» № 34, как выяснилось в 1992 году, и хранилась документация, связанная с заключенными в 1939–1941 годы советско-германскими соглашениями: секретный дополнительный протокол «о

границах сферы интересов» от 23 августа 1939 года, разъяснение к нему, доверительный протокол от 28 сентября того же года — о переселении польского населения, секретный протокол «об изменении сфер интересов» — тоже от 28 сентября, секретный протокол «о недопущении польской агитации» от 28 сентября 1939 года, протокол об отказе Германии «от притязаний на часть территории Литвы» от 10 января 1941 года, заявление о взаимной консультации от 28 сентября 1939 года и обмен письмами об экономических отношениях — тоже от 28 сентября. Был еще и пакет № 35 — с крупномасштабными картами раздела Польши между СССР и Германией.

Как гласит справка № 20–06/197, датированная 10 июля 1987 года и подписанная Лолием Мошковым, заведующим VI сектором Общего отдела ЦК КПСС, *«Советско-германские секретные соглашения 1939–1941 гг. (перечень прилагается) поступили в архив ЦК КПСС 30 октября 1952 года из секретариата В. М. Молотова»*. Почему именно тогда, понять несложно: незадолго до того состоялся закрытый Пленум ЦК КПСС, на котором Иосиф Сталин подверг Вячеслава Молотова столь уничтожающей критике, что стало очевидно: звезда «каменной задницы», так соратники по партии именовали Молотова, закатилась. И секретнейшие документы перекочевали из его сейфов в Общий отдел ЦК, где целые десятилетия к ним вообще никто не прикасался.

Разве лишь, как свидетельствует справка, дважды копии секретных советско-германских соглашений посылались в МИД СССР. Первый раз — 8 июля 1975 года: «на имя зам. министра И. Н. Земскова для ознакомления А. А. Громыко». 4 марта 1977 года, сразу по возвращении этих копий в ЦК, они были уничтожены. Второй раз копии этих документов были истребованы и отправлены 21 ноября 1979 года «в адрес И. Н. Земскова лично». Затем возвращены и тоже уничтожены 1 февраля 1980 года. Игорь Земсков ведал в МИДе архивами и, насколько известно, пытался тогда убедить своего босса, Андрея Громыко, в желательности признать сам факт существования секретных протоколов о разделе Польши между нацистской Германией и сталинским СССР. Но в ответ Громыко выдал своему заму: «Нас никто уличить не сможет».

«Никому другому, — извещает справка, — эти документы для ознакомления не посылались. В справочной работе они не использовались. Касательство к ним имели только работники,

осуществляющие обработку и хранение документов архива ЦК КПСС. Подлинники хранятся в условиях особо строгого режима». При этом главный архивист Политбюро откровенно признал, что для остального мира все эти протоколы давно уже вовсе не секрет, поскольку «в 1948 году большая часть указанных документов была опубликована (на английском языке) в изданной Государственным департаментом США книге „Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг. Документы из архива германского министерства иностранных дел“».

10 июля 1987 года «закрытый пакет» № 34 с оригиналами секретных протоколов был вскрыт Валерием Болдиным, незадолго до того назначенного заведующим Общим отделом ЦК КПСС. Как известно, Кремль тогда категорически отрицал сам факт существования этих документов, «но секретные протоколы, угодно это было кому-то или не угодно, существовали», — писал в своих мемуарах Валерий Болдин. «Причем оказалось, что они не законвертированы, не имеют особых грифов и штампов, а потому могли быть доступны многим работникам ЦК». Попросив, чтобы ему показали документы, Болдин, по его словам, немедленно пошел на доклад к Михаилу Горбачеву. «М. С. Горбачев внимательно прочитал протокол и развернул на столе карту со старой и новой советской границей на Западе. Это была крупномасштабная карта ... Все надписи на ней были сделаны на немецком языке. Генсек изучал линию согласованной границы, разделившей полвека назад две могущественные державы, и комментировал свои наблюдения, изредка задавая мне вопросы. Он не удивился наличию таких документов, скорее в его интонации было раздражение, что пришлось прикоснуться к прошлому». Резюме генсека было кратким, но емким: «Убери подальше!»

Позже, когда интерес к секретным протоколам в стране и за рубежом возрос и их стали искать зав Международным отделом ЦК КПСС Валентин Фалин и член Политбюро Александр Яковлев, Болдин доложил об этом Горбачеву, который коротко приказал: «Никому ничего показывать не надо. Кому следует — скажу сам». Когда же на Съезде народных депутатов СССР возник вопрос об этих протоколах, Михаил Горбачев «неожиданно для меня сказал, что все попытки найти этот подлинник секретного договора не увенчались успехом. Зачем понадобилось ему говорить неправду на весь мир, сказать

достоверно не могу», однако ситуацию своей откровенной ложью он явно не улучшил, а лишь усугубил. Вскоре после этого Горбачев, пишет Болдин, «спросил меня как бы между прочим, уничтожил ли я протоколы. Я ответил, что сделать это без специального решения не могу». И услышал в ответ резкое: «Ты понимаешь, что представляют сейчас эти документы?!» Намек был вполне очевиден: документы необходимо уничтожить. Судя по воспоминаниям работников VI сектора Общего отдела ЦК, Мошков тогда вызвал к себе подчиненных, сообщив, что положение очень серьезное и «руководство запрашивает наше мнение о возможности уничтожения этих документов». После короткого обсуждения архивисты ЦК пришли к решению доложить Болдину, что этого делать нельзя. Как пишет сам Болдин, «добровольцев уничтожить подобные документы не было, а принять самому такое решение архитектор перестройки и автор теоретического опуса о новом мышлении опасался. Совершить же это тайно возможности не имелось. Документы были, как я знал, многократно зарегистрированы в различных книгах и картотеках. Чтобы замести следы, требовалось уничтожить эти книги, ибо переписать регистрационные книги довоенных лет заново — нереально. Да об этом узнал бы широкий круг людей, которые никогда не пошли бы на такую авантюру». В октябре 1992 года пакет № 34 с советскими оригиналами советско-германских документов был обнаружен в ходе изучения секретных фондов бывших архивов ЦК КПСС, и на состоявшейся 27 октября того же года пресс-конференции эти оригиналы представлены всему миру.

Глава 6. «Финский рабочий» для 7-й армии

«Принимай нас, Суоми-красавица», или Как Политуправление РККА готовило информационное обеспечение захвата советскими войсками Финляндии, Латвии, Литвы и Эстонии

18 ноября 1939 года вышел совершенно секретный приказ наркома обороны за № 0061 (два нуля перед номером приказа обозначают гриф «совершенно секретно»), которым предписано организовать в 7-й и 8-й армиях издание газет... на финском языке. Причем газете 7-й армии было присвоено наименование, ну, совсем «типичное» для армейских изданий — «Финский рабочий». Не менее «поэтично» назвали и газету 8-й армии — «Власть народа», и тоже финскоязычная. Приказ завизировал тот, кому это и было положено по должности: заместитель наркома обороны и начальник Политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии армейский комиссар 1-го ранга Лев Мехлис.

Справка. Названная в приказе 7-я армия была сформирована 14 сентября 1939 года в Ленинградском военном округе (ЛВО), в ее составе было два стрелковых корпуса: девять стрелковых дивизий, три танковые бригады, шесть артиллерийских полков Резерва Главного командования (РГК), три отдельных артдивизиона большой мощности РГК, четыре авиационные дивизии. Также этой армии был придан и танковый корпус. Всего в составе 7-й армии было порядка 170 тысяч бойцов, 1286 артиллерийских орудий, 1490 танков и 644 самолета. В составе 8-й армии, сформированной в октябре 1939 года, тоже два корпуса: шесть стрелковых дивизий, танковая бригада и два авиаполка, всего порядка 71 тысячи человек.

И вот в этих оперативных объединениях вдруг спешно создают газеты на финском языке, которые если и нужны были красноармейцам, то лишь для использования по известному прямому назначению: где в Красной армии — после «национальных» операций НКВД — можно было тогда в принципе сыскать хотя бы одного бойца, умевшего читать по-фински, пусть даже и по слогам?!

Пресловутые «красноармейские» таблоиды предназначались не для личного состава этих армий — уж в этом-то точно можно не сомневаться. Это были пропагандистские листки для обывателей Финляндии, доставлять которые «подписчикам» планировалось при помощи почтальонов в буденовках — на штыках. Как весело исполнял Ансамбль красноармейской песни и пляски ЛВО под управлением А. Анисимова на пластинке, выпущенной Ленинградской фабрикой граммофонных пластинок еще в августе 1939 года:

...Принимай нас, Суоми-красавица
В ожерелье прозрачных озер!
Ломят танки широкие просеки,
Самолеты кружат в облаках,
Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках...

Это к вопросу о «давнем споре славян». Казенная пропаганда десятки лет талдычила, что в 1939 году на нас напали «белофинские агрессоры», а вот он, заблаговременно изданный сверхсекретный приказ наркома обороны о выпуске прессы, так сказать, на экспорт. Впрочем, чтобы насладиться содержанием пресловутых изданий Наркомата обороны СССР, финский потребитель как раз должен был стать «внутренним»: уникальную возможность читать «Финского рабочего» на родном языке он получал только в одном случае — оккупации Финляндии Красной армией.

Но с этим, как известно, вышел облом. Хотя уж Политуправление РККА к операции по «освобождению» Суоми-красавицы подготовилось по полной. Судя по другому документу, приказу № 0012 от 19 марта 1940 года, помимо пресловутой газеты 7-й армии «Финский рабочий» выпускались и другие финско-язычные «красноармейские» таблоиды: в 9-й армии — «Голос финского народа», в 13-й армии — уже просто «Голос народа», а в 14-й армии — «Народная правда». Зато вот газету 8-й армии на финском языке переименовали: в приказе от 19 марта 1940 года она значится уже как «Народное слово». Видимо, употреблять словосочетания «Власть народа», даже и на финском, в Политупре сочли неразумным: а ну как

суровые финны всерьез воспримут и попросят предъявить им эту самую власть народа... Но это еще не все. Как следует из того же приказа № 0012, всю советско-финскую войну в 14-й армии выпускали, оказывается, еще и газету «Солдатская правда» на... английском языке! Вот вам и «от тайги до британских морей», так сказать, на практике. Любопытно, конечно, как пуровцы представляли себе целевую аудиторию этой «Солдатской правды», но вот вопросов, как они собирались доносить ее до этой самой аудитории, отчего-то не возникает...

Началась же эта история много раньше. Еще 10 июля 1939 года нарком обороны Ворошилов издал приказ № 0033 о создании редакций и типографий газет на иностранных языках «в целях непрерывной подготовки кадров газетных и литературных работников, владеющих языками стран сопредельных с Союзом ССР, а также наших вероятных противников». 11 сентября 1939 года приказом НКО № 0050 «в связи с большими учебными сборами» Политуправлению Белорусского Особого военного округа (БОВО) приказано сформировать редакцию и походную типографию газеты Московской армейской группы на белорусском языке — «Свободный труд», а Политуправлению Харьковского военного округа — на украинском языке. «Большие учебные сборы», как известно, начались в ночь на 17 сентября 1939 года, когда Красная армия ударила в спину польской армии, сражавшейся против вермахта. Тогда-то и пригодились газеты на белорусском и украинском языках, раздаваемые населению Западной Белоруссии и Западной Украины.

Потом пришел черед и других газет. Приказом НКО № 0054 от 28 сентября 1939 года Политуправлению ЛВО было предписано сформировать в Новгородской армейской группе редакции и типографии газет на эстонском языке — «Свободная Эстония» и на латышском языке — «Мысли народа». А в Мурманской армейской группе (будущая 14-я армия) должны были быть выпущены газеты на финском и английском языках — «Народная правда» и «Солдатская правда» соответственно. Политуправлению Калининского военного округа приказали издавать газету на латышском языке — «За счастье народа». Самое, пожалуй, пикантное, что газеты на эстонском, финском, латышском и английском языках было приказано выпускать пока как... «учебные газеты» тиражом 20 экземпляров, храня их «как

сов. секретные материалы». По 10 экземпляров каждой газеты высылать в Политуправление РККА, но выпуск массовым тиражом «производить лишь с разрешения ПУ РККА». 29 сентября 1939 года аналогичного типа приказом № 0055 Политуправлению ЛВО предписано сформировать «временные редакции и типографии» газеты 7-й армии еще и на литовском языке — «За свободную Литву»: ее тоже надо было выпускать пока лишь как «учебную», храня «как совершенно секретные материалы» — дабы выдать массовым тиражом «после специального приказа ПУ РККА».

Впрочем, запускать в массовый тираж все эти «Мысли народа» так и не потребовалось: к тому времени власти Эстонии, Латвии и Литвы, уступив давлению Москвы, согласились на ввод советских войск. Посему 2 декабря 1939 года издание газет на эстонском и латышском языках было приказано прекратить. Про газету на литовском языке не сказано ничего, а вот в Среднеазиатском военном округе (САВО) приказали организовать издание газет уже «на английском и индийском языках», а в Одесском военном округе (ОдВО) — на румынском. Само собой, продолжился выпуск «красноармейских» газет и на финском языке.

Вот только, как известно, финские солдаты и рабочие все эти издания Наркомата обороны СССР читать почему-то отказывались категорически, всеми доступными им способами, потому «концепция поменялась». 19 марта 1940 года редакции и типографии всех этих «голосов финского народа» Наркомат обороны приказал расформировать. Попутно, уже приказом № 0014 от 27 марта 1940 года, «в связи с окончанием военных действий» расформированы и «русскоязычные» армейские газеты 7-й и 13-й армий. Две недели спустя той же участи подверглась еще одно издание 9-й армии: «в связи с расформированием 9-й армии, — гласил приказ наркома обороны № 0016 от 10 апреля 1940 года, — выпуск газеты „Героический поход“ прекратить».

Поход прекратили, но не совсем. Еще 15 марта 1940 года, буквально на третий день после окончания боевых действий на советско-финском фронте, нарком обороны Ворошилов подписал приказ № 0010, которым утверждались «штаты редакций и типографий газет на иностранных языках на мирное и военное время». В частности, в ЛВО приказано было содержать редакции и типографии

газет на финском, шведском и английском языках; в БОВО — на немецком и польском языках; в Киевском особом военном округе — на немецком, польском и румынском языках; в ОдВО — на румынском языке; в Закавказском военном округе — на турецком, иранском и английском языках; в САВО — на иранском, афганском, индийском — урду, индийском — панджаби и английском языках; в Забайкальском военном округе — на китайском и японском языках; в 1-й Армейской группе — на японском, китайском и монгольском языках; во 1-й Отдельной Краснознаменной армии — на японском, китайском и корейском языках, во 2-й Отдельной Краснознаменной армии — на японском и китайском языках. 31 мая 1940 года «в целях своевременного выпуска литературы на иностранных языках для нужд Красной армии» Наркомат обороны приказал в месячный срок «оборудовать в 3-й (секретной) типографии Воениздата цех с необходимыми иностранными шрифтами для выпуска литературы на иностранных языках»: английском, немецком, французском, шведском, финском, эстонском, латвийском, литовском, польском, венгерском, румынском, турецком, иранском, афганском, индийском (так значитесь в оригинальном тексте приказа!), китайском, монгольском, корейском, японском. «Героический поход» продолжался...

Глава 7. «Много было дезертиров?» — «Много, товарищ Сталин!»

Заградотряды НКВД на финской войне

Выпуск совместных приказов глав военного и чекистского ведомств с грифом «совершенно секретно» — вещь предельно редкая и чрезвычайная. Например, в 1937–1939 годах таких приказов не было вовсе, зато во время 105-дневной войны против Финляндии (30 ноября 1939 года — 13 марта 1940 года) нарком обороны СССР маршал Советского Союза Клим Ворошилов и нарком внутренних дел Союза ССР комиссар государственной безопасности 1-го ранга Лаврентий Берия подписали аж два таких документа. Оба с разрывом всего в три дня. Приказ № 002/0083 (первая цифра — нумерация по линии Наркомата обороны, вторая — по линии НКВД) от 21 января 1940 года начинается примечательно: «Для обеспечения борьбы с возможными случаями дезертирства из действующих частей Красной армии, а также частей РККА, следующих в действующие армии...». Далее собственно приказ о выделении в распоряжение особистов каждой из воюющих дивизий по взводу красноармейцев — «для организации заслонов на коммуникации каждой дивизии <...> с задачей задержания дезертиров путем проверки документов у одиночно и неорганизованно следующих военнослужащих и граждан». Особистам приказано «организовать заслоны на дорогах, в местах расположения гарнизонов оперативных полков НКВД для проверки у всех одиночно и неорганизованно следующих военнослужащих и граждан документов, задержания дезертиров и направления их в особые отделы соответствующих соединений». В свою очередь, начальникам особых отделов действующих частей должны были немедленно сообщать о каждом случае дезертирства начальнику Управления НКВД «по месту постоянного жительства дезертира» — дабы те могли «немедленно организовать их розыск — арест и привлечение к уголовной ответственности» по месту прописки. Указания по отлову дезертиров

на железных дорогах получило и руководство Главного транспортного управления НКВД...

Из-за единичных дезертиров столь грозные приказы на уровне наркомов, да еще и совместные, не издают, как не создают и группы по их перехвату в каждой воюющей дивизии. Если на 53-й день «победоносной» войны пришлось выдать на-гора такую бумагу, значит, речь шла уже о целом явлении, и неслабом: похоже, люди бежали с финского фронта пачками?!

Не успели обсохнуть чернила на этом приказе, как через три дня, 24 января 1940 года, наркомы издают еще один — по этой же, так сказать, тематике — № 003/0093. Если предыдущий документ говорит про борьбу с «возможными случаями» дезертирства, то на сей раз формулировки суровее: о дезертирстве с фронта говорится уже как о серьезной проблеме — приказ издан «для пресечения случаев дезертирства и в целях очищения тыла действующих армий от вражеского элемента». Посему и приказано создать уже целые «контрольно-заградительные отряды, подчинив их особым отделам», причем сформировать их «из состава оперативных полков НКВД».

Похоже, первоначальную идею формирования «антидезертирных» заслонов из числа самих же красноармейцев быстро признали порочной: вспомнив, видать, уроки Первой мировой, сообразили, что ни к чему хорошему это не приведет — красноармейцы скорее уж особиста сами на штыки поднимут, нежели своего однополчанина задержат! Столь деликатное дело следовало целиком отдать в мозолистые руки опытных мастеров карательного дела — потому и приказано формировать заградотряды только из бойцов войск НКВД.

Задачу этим «контрольно-заградительным отрядам» поставили «простую»: пресечь бегство с фронта — путем организации заслонов и застав, проведения «облав в тылу действующих частей», тотальной проверки документов у всех «одиночно и неорганизованно» следующих в тыл военнослужащих и граждан. Всего приказано было организовать 27 таких заградотрядов: два — на участке 14-й армии, пять — на участке 9-й армии, пять — на участке 13-й армии, семь — на участке 7-й армии, но больше всего чекистских заградотрядов — аж восемь! — получила 8-я армия. Сами заградотряды были сформированы из состава восьми полков НКВД, численность каждого такого спецотряда — по 100 человек в составе трех стрелковых

взводов, да еще в каждой оперативная группа особого отдела из трех-пяти человек.

Приказ грозно требовал от особистов «поставить в центре внимания работу по быстрейшему и полному очищению тылов действующих армий от вражеского и сомнительного элемента, развернуть действенную борьбу по пресечению дезертирства», «в отношении дезертиров — предателей Родины применять самые крутые и жесткие меры», дезертиров приказано немедленно предавать суду военного трибунала «с разбором дела в течение суток», а приговоры трибуналов тут же «доводить до сведения личного состава частей». Начальникам погранвойск НКВД трех пограничных округов, Ленинградского, Карельского и Мурманского, предписано дать указания своим подчиненным «об оказании всяческого содействия особым отделам в деле наведения порядка в тылу», в частности, выделить в помощь заградотрядам «специальные виды нарядов из пограничников для проверки документов и задержания дезертиров». «О выполнении настоящего приказа» Военным советам армий и особым отделам было предписано «ежедневно доносить НКО и НКВД».

Война закончилась, и 4 апреля 1940 года Ворошилов с Берией издадут новый совместный приказ № 0018/00550: заградотряды — расформировать. Потрудились они, надо полагать, изрядно, что и было отмечено: 4-й, 5-й и 6-й полки войск НКВД, из состава которых как раз и формировались те заградотряды (один лишь 6-й полк НКВД дал на-гора 12 заградотрядов!), были удостоены орденов Красного Знамени.

Почему люди бежали с финского фронта, не горя особым желанием бить «белофинские банды» и умирать в снегах Карельского перешейка, — особая тема. Но факт, что таких беглецов было, мягко скажем, немало. Скорее всего, в основе массового дезертирства прежде всего воистину ужасающие условия пребывания красноармейцев на фронте: их бросали на убой голодных и разутых, количество умерших не от боевых ран, а от голода и обморожения исчислялось десятками тысяч. На совещании начальствующего состава «по сбору опыта боевых действий против Финляндии», состоявшемся 14–17 апреля 1940 года в Кремле, замкомандующего 8-й армией Курдюмов едва ли не кричал: «На финском театре в первый период войны было много обмороженных, потому что люди прибывали в холодной обуви, в

ботинках даже, а не в сапогах, причем часть ботинок была рваной. <...> Я здесь докладываю с полной ответственностью о том, что воевать при 40-градусном морозе в ботинках, даже не в рваных, и в хороших сапогах, нельзя, потому, что через несколько дней будет 50 % обмороженных». Вот характерная выдержка из сводки опергруппы ленинградского управления НКВД: «Из Ленинграда на фронт, в течение 15–16/ХІІ-39 г., проходили значительные группы бойцов (до 4 тыс.) совершенно без командиров и без снабжения, естественно, занимаясь мародерством по пути, вплоть до того, что в районе г. Териок разграбили 2 машины с хлебом, идущие на фронт». А вот уже из другой сводки: «Красноармеец 1-й караульной роты ЗКС-1 — Андреев в разговоре с бойцами той же роты, 14-го декабря с/г., во время ужина, заявил: „за эту кормежку перестрелял бы все начальство в первом бою“». Именно за эти «разговорчики в строю», как следует из ныне рассекреченных документов НКВД, — «за высказывания с осуждением войны, а также направленные против правительства и руководства Красной армии, было привлечено к суду военного трибунала 843 военнослужащих».

«У нас в 13-й армии, — докладывал на том же кремлевском совещании член Военного совета 13-й армии армейский комиссар 2-го ранга Запорожец, — долго продолжалось такое положение, когда убитых бойцов и командиров хоронили не очень хорошо — просто в штабеля складывали, и они лежали...»

«Много было самострелов и дезертирства, — продолжал тот же Запорожец.

Сталин. Были дезертиры?

Запорожец. Много.

Сталин. К себе в деревню уходили или в тылу сидели?

Запорожец. Было две категории. Одна — бежала в деревню, потом оттуда письма писала. Я считаю, что здесь местные органы плохо боролись. Вторая — бежали не дальше обоза, землянок, до кухни. Таких несколько человек расстреляли. Сидят в землянке 3–5 человек, к обеду выходят на дорогу, видят — идет кухня, возьмут обед и опять в землянку. Когда появился заградительный отряд НКВД, он нам очень помог навести порядок в тылу, до этого с тылом было тяжелое положение. Вот был такой случай в 143-м полку. В течение

дня полк вел бой, а к вечеру в этом полку оказалось 105 самострелов. В одном полку 105 человек самострелов.

Сталин. В левую руку стреляют?

Запорожец. Стреляют или в левую руку, или в палец, или в мякоть ноги, и ни один себя не изувечит.

Сталин. Дураков нет. *(Смех.)*»

Очень смешно: 105 самострелов в одном полку — всего за один день?! Это к вопросу о реальном боевом духе если и не основной массы красноармейцев, то все же немалой их части — и столь немалой, что без нацеленных им в затылок стволов чекистских заградотрядов было, видимо, никак не обойтись...

Глава 8. Линия Маннергейма

Зачем Сталину понадобился миф о неприступной крепости?

13 марта 1940 года прогремели последние залпы Советско-финской войны, в которой Красная армия потеряла убитыми, умершими от ран и обморожений, пропавшими без вести (те же погибшие, поскольку практически всех пленных вернули) от 127 до 150 тысяч бойцов. Санитарные потери и вовсе ужасающи — от 325 до 400 тысяч. Реальные масштабы, конечно, сокрыли, но и известного хватало, чтобы задаться вопросом: столь ли хороша Красная армия, как ее расписывают, и не прямое ли это последствие кровавых чисток? «Вождю народов» нужно было как-то обозначить причины потерь и того, что могучая Красная армия 3,5 месяца топталась на каком-то пяточке. Валить все на происки «врагов народа», учиняя очередной цикл массовых репрессий, было уже не с руки, надо было выдумать что-то посвежее. И в речах советских вождей вдруг возникла «линия Маннергейма»: грандиозная, почти неприступная крепость, которой не было равных в мире. «Сталин — умный, способный человек, — написал уже в своих мемуарах Анастас Микоян, — в оправдание неудач в ходе войны с Финляндией выдумал причину, что мы „вдруг“ обнаружили хорошо оборудованную линию Маннергейма. Была выпущена специально кинокартина с показом этих сооружений для оправдания, что против такой линии было трудно воевать и быстро одержать победу. Но только наивный человек не задал себе вопроса: почему же Советская армия и наша разведка не знали о такой мощной оборонительной линии под самым своим носом?»

Сагу о неприступности «линии Маннергейма» обкатали на совещании командного состава в Кремле 14–17 апреля 1940 года. Свое неведение об этой «внезапно» и «ниоткуда» взявшейся оборонительной линии, да и вообще все свои провалы в войне, высшее командование РККА свалило, разумеется, только на промахи разведки. Нарком обороны Клим Ворошилов так прямо и ляпнул: «Ни я, нарком обороны, ни Генштаб, ни командование Ленинградского военного округа вначале совершенно не представляли себе всех особенностей и

трудностей, связанных с этой войной. Объясняется это прежде всего тем, что военвед не имел хорошо организованной разведки, а следовательно, и необходимых данных о противнике». Правда, какие-то сведения о финских вооруженных силах и укрепленных районах все же были, но, по версии Ворошилова, совершенно «скудные», да и те «не были достаточно изучены и обработаны и не могли быть использованы для дела». Затем, ритуально посыпая голову пеплом, Ворошилов отрапортовал, что советские войска ринулись воевать, «не зная как следует противника и театра военных действий». Но, опять же, совсем уж ничего не знать — это как-то уж слишком, потому нарком вновь выдал легенду, что «о строительстве финнами на Карельском перешейке укрепленного района военное ведомство знало», но вот что именно «в действительности представляет этот укрепленный район, мы, к сожалению, узнали только после того, как наши героические войска его прорвали и заняли Выборг». В общем, то ли знали, то ли нет, то ли знали, но не то, то ли знали то, но не так, — как тот танцор, которому всегда что-то мешает...

Картину штурма «линии Маннергейма» Ворошилов нарисовал эпическую и едва ли не апокалиптическую: оказывается, это была «сильнейшая, современная крепость», практически неприступная, которую иноземные специалисты ставили в ряд с линиями Зигфрида и Мажино. Сплошная железобетонная полоса, со рвами, надолбами, проволокой, минами, насквозь простреливаемая артиллерийским и пулеметным огнем. Даже ее предполье, как оказалось, «поле, сплошь изрытое окопами и противотанковыми рвами с эскарпами, с множеством блиндажей и других полевых сооружений, утыканное гранитными и железобетонными надолбами, на больших пространствах по фронту и в глубину, переплетенное вдоль и поперек проволочными заграждениями, с большим количеством специально оборудованных пулеметных и артиллерийских гнезд и площадок». А еще мины, фугасы и все такое прочее. Странно, а чего еще ожидали советские военачальники, усыпанной цветами ковровой дорожки? Но, как говорил тов. Сталин, «нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять», потому «впервые в военной истории <...> была разгромлена и уничтожена первоклассная, построенная по последнему слову инженерной техники, долговременная и оборонительная система».

Наркому вторил командующий войсками Ленинградского военного округа командарм 2-го ранга Кирилл Мерецков: во всем виновата разведка — «мы не имели полного представления о том, что впоследствии встретили в обороне у противника». Оказывается, «мы, — по версии Мерецкова, — представляли себе заблаговременно подготовленную оборонительную полосу как совокупность нескольких (двух-трех) укрепленных линий с ярко выраженным передним краем». То есть, по логике командарма, у финнов все должно было быть только так, как прописано в школьном букваре, и никак иначе, а потому разделать их под орех, казалось, никакого труда не должно было представлять: «Мы после преодоления заграждений и разведки подходим вплотную и после артиллерийской подготовки атакуем». Да вот на деле все, мол, оказалось совсем не так: противник отчего-то не пожелал действовать по столь любезным для РККА шаблонам, да еще у него, чуть не рыдал Мерецков, вдруг везде и всюду оказался сплошной железобетон, все было прикрыто «сильными противотанковыми препятствиями в виде бетонных и гранитных надолб, эскарпов разных видов и рвов <...> различными проволочными заграждениями, большими участками засек, завалов и минных полей». Ну, не знали мы, не думали, что «это будут глубокие оборонительные полосы с наличием бетона и других технических средств современной обороны», что обороняющиеся «оставались в бетоне и пулеметным огнем отрезали пехоту, наступающую за танками». Но самое ужасное, поведал Мерецков, что «вся 90-километровая глубина обороны от границы и до Выборга включительно была покрыта минными полями большого протяжения, прикрывавшими основные направления по всей глубине обороны». Да вот и «к борьбе с минными полями такого большого масштаба мы не были подготовлены, что вызвало вначале в войсках некоторую растерянность». Хотя, конечно, «мы готовились к тому, что будут разрушаться дороги и мосты, но считали, что будет разрушен только определенный процент, а фактически все мосты разрушались полностью», да еще противник все это разрушал «путем подрыва для того, чтобы усложнить восстановление». Ах, какой нехороший противник! Короче, «если сравним линию Мажино с линией Маннергейма, то мы, — утверждал Мерецков, — встретим небольшую

разницу», да что там, «линия Маннергейма не хуже, а может быть, и лучше»!

Правда, тут тов. Мерецков «слегка» загнул: на сплошное минирование в указанных им масштабах потребовалось бы поистине фантастическое количество взрывчатки, какового не было не только у финнов — у всех тогдашних воюющих держав вместе взятых. Да и действительно мощных железобетонных дотов, так называемых «миллионников», у финнов было не так уж и много. Но кого на том совещании интересовали реальные факты?

«Таких укрепленных линий не знала мировая война... — божился начальник Генштаба Шапошников. — ...Нужно со всей ясностью сказать, что это был первый опыт атаки сильной бетонной обороны». Ну, если первый, если это круче линии Мажино с линией Зигфрида впридачу...

А что, скажут, разве не так? Ведь и сейчас на Карельском перешейке кое-где можно видеть остатки былых сооружений, посему шастающие там грибники любят утверждать: «я сам видел, я там лазил, я там грибы собирал, я штурмовал...». Но только все эти доты, дзоты, казематы и прочие руины — кроме, быть может, руин одного-единственного дота-«миллионника», что возле Выборга, — принимаемые дилетантами, неучами и любителями грибных походов за остатки легендарной линии Маннергейма, вообще никакого отношения не имеют к Зимней войне и пресловутой линии: то, что невежи истово принимают за нее, построено финнами уже в ходе «Войны-продолжения» 1941–1944 годов, точнее — в 1943/1944 году. Реальные же укрепления настоящей линии Маннергейма были подчистую уничтожены: советские саперные команды взрывали их чуть ли не сразу после захвата. Приказы на этот счет были отданы вполне конкретные, исполнили их безукоризненно, так что уже летом-осенью 1940 года от пресловутой линии вообще и следа не осталось.

«Утверждали, — писал Маннергейм, — что наша оборона на Карельском перешейке опиралась на необыкновенно прочный и выстроенный по последнему слову техники железобетонный оборонительный вал, который можно сравнить с линиями Мажино и Зигфрида и который никакая армия никогда не прорывала. Прорыв русских войск явился „подвигом, равного которому не было в истории всех войн“, как было сказано в одном из официальных заявлений

русской стороны». «Все это чушь!» — эмоционально восклицает Маннергейм, в действительности оборонительную линию «образовывали только редкие долговременные пулеметные гнезда да два десятка выстроенных по моему предложению новых дотов, между которыми были проложены траншеи». На всю оборонительную линию протяженностью около 140 километров, писал Маннергейм, было всего 66 бетонных дотов, из которых 44 построены в 1920-е годы и уже безнадежно устарели, а «многие из них отличались неудачной конструкцией, их размещение оставляло желать лучшего». Остальные доты были современными, по словам Маннергейма, «слишком слабыми для огня тяжелой артиллерии».

Это подтверждается и документальным описанием одного из важнейших участков финской обороны — укрепрайона Тайпале, представленным историком Кириллом Якимовичем: несколько «бетонных строений, представляющих собой тонкостенные пулеметные укрепления фронтального огня, расположенные в наиболее критических узлах». И — никаких противотанковых надолбов, а лишь небольшие цепи камней и бревенчатые завалы, не представлявшие практически никакого препятствия даже для танков тех времен. Ну, еще ров, выкопанный резервистами, колючая проволока, да еще порядка 70 деревоземляных огневых точек (дзотов) на участке от Кивиниеми до Тайпале. Были и такие опорные пункты, «основу которых составляли вырытые в податливом песке пулеметные гнезда». «Захваченные доты, — цитирует историк документ, — не имеют технического оборудования, нет ФВО (фильтровентиляционное оборудование. — *Авт.*), нет бронезаслонок в амбразурах, закрепленных пулеметных станков, освещения (подземная связь пока не обнаружена). Входные двери с толщиной брони 10–12 мм. Толщина перекрытия 1,2–1,5 м, напольной стены толщиной 1,0–1,2 м, арматурное железо 10–12 мм. Промежуточные стены толщиной 0,8 м. Убежище имеет на потолочном перекрытии швеллера, на убежище броневой щит на 36 бойниц». В общем, «ни о какой мощи, ни о каких сравнениях с линией Мажино здесь не могло быть и речи».

Зато, как вспоминал уже Маннергейм, «наши войска досконально были знакомы с приграничной зоной», а сама «местность на Карельском перешейке содействовала ведению сдерживающих боев». На руку финнам, разумеется, было и то, что командование РККА

действовало абсолютно безграмотно: «противник, как мы и ожидали, двигался плотными массами...». И трудно не согласиться со словами Маннергейма, что прочность этой линии «явилась результатом стойкости и мужества наших солдат, а никак не результатом крепости сооружений»...

«Как могло случиться, что это оказалось для нас неожиданным, — риторически вопрошал на том кремлевском совещании Мерецков, — что мы не имели ни практического, ни теоретического представления о возможности построения таких полос?» Сам же и ответил: это результат провала советской разведки, якобы не предоставившей никаких данных о финской линии обороны. Но так ли это? Начальник 5-го (Разведывательного) управления Наркомата обороны комдив Иван Проскуров это категорически отрицал, уверяя, что «для общих расчетов сил подавления противника разведка имела необходимые отправные данные», которые разведка Генштабу и доложила. В том числе представила достаточные точные сведения и о выявленных оборонительных рубежах, и о том, что финские укрепления — вовсе никакая не неприступная крепость типа линии Мажино: это обычные сооружений полевого типа — окопы стрелковые, пулеметные, артиллерийские. Что же касается долговременных огневых точек в предполье — железобетонных, каменных и деревоземляных, — то их количество было небольшим, около 50. Эта цифра Проскурова почти совпадает с теми данными, которые привел в своих мемуарах Маннергейм! Собственно на главной линии обороны разведка установила наличие до 210 огневых точек, но лишь часть из них была железобетонными. По версии Проскурова, «эти точки нанесены на схемы, был альбом, который, как говорил сам тов. Мерецков, все время лежал у него на столе...». Мерецков действительно имел неосторожность проговориться, что «у нас, например, был альбом УР противника, по нему мы и ориентировались».

Но речь Проскурова стала гласом вопиющего в пустыне: его ведомство уже решили сделать козлом отпущения, обвинив во всех грехах и провалах армейских командиров и высшего руководства страны. На совещании в Кремле Ворошилов «железобетонно» уверял, что не располагал «сколько-нибудь точными данными о силах и средствах противника», поскольку у него не было «хорошо организованной разведки», и о том, что реально представлял собой

укрепрайон, мы «узнали только после того, как наши героические войска его прорвали...». Проскуров, не снимая с себя вины, упорствовал, утверждая, что немалый объем сведений об огневых точках его ведомство все же добыло и представило тому же Мерецкову. Но дальше, как недвусмысленно следовало из слов Проскурова, Мерецков полученные данные просто проигнорировал, банально погнав вверенные ему войска в лоб, на убой. Столь увесистой оплеухи командарм спустить никак не мог:

— Но ни одна не соответствовала, — немедленно парировал Мерецков.

— Ничего подобного, — парировал Проскуров. — Донесения командиров частей и разведки показывали, что большинство этих точек находится там, где указаны на схеме.

— Это ложь, — снова вскинулся Мерецков.

— Ничего подобного, — вновь отвечал Проскуров.

Такое вот вышло конструктивное обсуждение... В данном случае, скорее всего, ближе к истине слова Проскурова, а не Мерецкова. Что в своих мемуарах подтвердил и Микоян, заметив, что «за границей эта линия была полностью описана, чертежи ее были даже у нас в Генштабе, доставленные своевременно разведкой. Но тот, кто знал обо всем этом, был ликвидирован».

В 1995 году генерал-полковник Анатолий Павлов (бывший первый заместитель начальника ГРУ Генштаба ВС СССР, председатель Совета ветеранов военной разведки) опубликовал в журнале «Новая и новейшая история» докладную записку начальника Разведупра РККА генерал-лейтенанта Ивана Проскурова наркому обороны, датированную 25 мая 1940 года: «Последние два года были периодом чистки агентурных управлений и разведорганов от чуждых и враждебных элементов. За эти годы органами НКВД арестовано свыше 200 человек, заменен весь руководящий состав до начальников отделов включительно. За время моего командования только из центрального аппарата и подчиненных ему частей отчислено по различным политическим причинам и деловым соображениям 365 человек. Принято вновь 326 человек, абсолютное большинство из которых без разведывательной подготовки». ...И вполне возможно, что на финской войне военная разведка действительно показала себя не на должной

высоте. Только разве не сам товарищ Сталин аккурат раз перед этим истребил и кадры военной разведки, и, по сути, ее саму?

Глава 9. «Утонули со своим скарбом»

Первые советские жертвы Второй мировой

Небольшой уездный городок Молога стоял некогда в 30 верстах от Рыбинска, при слиянии рек Молога и Волга. В апреле 1941 года он был в прямом смысле слова затоплен «по решению партии и правительства» — во исполнение совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 14 сентября 1935 года о сооружении Рыбинского, Угличского, Шекснинского гидроузлов, а также Рыбинской и Угличской ГЭС. Считается, что город затонул 14 апреля 1941 года — после того, как 13 апреля строители забетонировали последний проем Рыбинской плотины и паводковые воды Волги, Мологи и Шексны вышли из берегов, залив Молого-Шекснинское междуречье. Разумеется, случилось это не в один момент, но именно 14 апреля 1941 года считается последним днем существования города. Впрочем, формально город вместе с одноименным районом упразднили еще 20 декабря 1940 года. Вместе с Мологой под воду тогда ушло свыше 700 деревень, сел, хуторов, на дне рукотворного моря оказалось свыше 27 тысяч хозяйств, еще четыре тысячи попали в зону подтопления. Ушли под воду 140 церквей и храмов, три монастыря — Югская Дорофеева пустынь, Леушинский Иоанно-Предтеченский женский монастырь, Афанасьевский женский монастырь. Были затоплены старинные родовые имения и усадьбы родов Волконских, Куракиных, Мусиных-Пушкиных...

Если верить официальным данным, за четыре предшествующих года с затопляемых территорий было принудительно выселено 150 тысяч человек. Об успешном завершении отселения всех жителей из зоны затопления Ярославский обком ВКП(б) и исполком облсовета отчитались перед Москвой еще в 1940 году, они же это самое переселение и организовывали, они и должны были обеспечить вынужденных переселенцев жильем, работой, пособием и компенсациями. Именно работники соответствующих советских органов вместе с сотрудниками милиции и должны были в буквальном смысле обходить каждое строение. Задача оперативных чекистских

групп, к слову, весьма немногочисленных, была иной, да и осуществляли ее уже не территориальные органы: с момента ликвидации Мологского района его территория считалась зоной водохранилища, потому ее чекистское «обслуживание» перешло к соответствующим структурам и подразделениям уже Волгостроя НКВД и Волголага НКВД.

Волгострой — строительно-монтажное управление НКВД, строившее все эти гидроузлы, Волголаг — Волжский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ), созданный приказом НКВД № 0156 от 7 декабря 1935 года для обслуживания работ Волгостроя НКВД — строили гидроузлы заключенные. Опергруппы Волголага и прочесывали местность перед ее затоплением, и, если верить рапорту лейтенанта госбезопасности из Волголага, его подчиненные обнаружили почти три сотни жителей, категорически отказавшихся покидать свои жилища. Цитирую этот документ полностью, в том виде, в каком он был написан:

*«Начальнику Волгостроя Волголага НКВД СССР
майору госбезопасности тов. Журину*

Рапорт

В дополнение к ранее поданного мною рапорта докладываю, что граждан добровольно пожелавших уйти из жизни со своим скарбом при наполнении водохранилища составляет 294 человека.

Эти люди абсолютно все ранее страдали нервным расстройством здоровья, таким образом общее количество погибших граждан при затоплении города Молога и селений одноименного района осталось прежним 294 человека.

Среди них были те, кто накрепко прикрепляли себя замками предварительно обмотав себя к глухим предметам.

К некоторым из них были применены методы силового воздействия, согласно инструкции НКВД СССР.

*Начальник Мологского отделения лагпункта
Волголага*

лейтенант госбезопасности Скляр».

По поводу этого документа сломано немало копий: якобы не совсем ясно его происхождение, отсутствует архивная атрибуция, напечатан не на бланке, опечатки — и т. д., и т. п. По своему личному опыту работы с документами 1930–1940-х годов ряда центральных, областных, а также ведомственных архивов, в том числе и с документами НКВД, могу сказать: там встречается еще и не такое! Особенно когда речь идет о внутренней документации местного, низового уровня: в них просто не счесть ляпов, помарок, ошибок, административно-географических казусов и топографического кретинизма, не говоря уж про банальные опечатки. Не говоря уж о том, что ведомственные инструкции по документообороту и секретному делопроизводству менялись тогда часто. Радетели «девственности» госбезопасности пытались уверить, что это, мол, фальшивка, но их можно разочаровать: никаких вопросов по части подлинности документа нет даже у его, так сказать, «правообладателей» — архивистов ФСБ. Не говоря уж о том, что в свое время официальный печатный орган правительства РФ процитировал сей рапорт лишь после соответствующих консультаций с компетентными органами.

Да и ничего фантастического ни в бумаге, ни в самой ситуации нет, и запросто можно представить, как опергруппы натыкались на дома, не оставленные жителями. Никакого злого или «антисоветского» умысла в этом не было: людям просто некуда было идти! Как водится, «заботливые» советские власти, организовав принудительное переселение, так и не предоставили жилья огромному количеству людей — им некуда было ехать, и не на что. Приходит опергруппа — и что, она должна хватать их под белы ручки и силком тащить? В чистое поле? Или ставить бедолаг к стенке? На каком, спрашивается, основании: это свободные советские граждане, не подследственные, не арестованные, не осужденные, в правах не пораженные. А уж применение оружия «при исполнении» и тогда было процедурой жутко забюрократизированной. Как вспоминали местные жители, товарищи из НКВД принуждали их к выезду жестко, но просто: забирались на крыши домов и разбирали печные трубы. Без печи же, как известно, ни еды приготовить и хлеба испечь, ни избу протопить. Возможно, именно об этих «методах силового воздействия» и шла речь в

документе. К тому же, не будем забывать, это чекисты Волголага — формально их права распространялись лишь на заключенных. Да ведь и основной задачей тех спецгрупп явно было не выявление местного населения, а розыск беглых заключенных — зэки Волголага тогда привлекались к разборке домов в зоне затопления, и, как свидетельствуют документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), побегі были массовыми и групповыми: лишь в январе — апреле 1941 года бежало не менее 106 заключенных, причем пик побегов пришелся именно на апрель.

Обозначенный в документе майор госбезопасности Журин — личность реальная. До 1930 года Владимир Дмитриевич Журин — инженер-гидротехник, никакого отношения к НКВД не имевший. Но в декабре того года он был арестован ОГПУ по обвинению во «вредительстве» и получил десятилетний срок, однако отправили его не в лагерь, а в чекистскую «шарагу» — конструкторское бюро ОГПУ, проектировавшее Беломорско-Балтийский канал. Весь состав этого КБ чекисты набрали из таких «вредителей»-инженеров, а сам канал, как известно, строили тоже заключенные, почти 13 тысяч из которых погибло. Журин на той стройке весьма выдвинулся, став один из главных ее технических руководителей, и в 1932 году был досрочно освобожден, а после открытия канала награжден орденом Трудового Красного Знамени, повышен в должности. Но из системы НКВД он уже не ушел и был командирован в Дмитлаг — на строительство канала Москва — Волга. На той стройке сгинуло свыше 22 тысяч заключенных, но сам Журин получил уже орден Ленина и очередное повышение — назначен заместителем главного инженера строительства Угличской и Рыбинской ГЭС. 11 сентября 1940 года приказом НКВД № 1270 Владимиру Журину присвоено звание майора государственной безопасности, что соответствовало тогда армейскому званию «комбриг» (после войны он — генерал-майор инженерно-технической службы). 13 сентября 1940 года свежее испеченный майор госбезопасности Журин назначен начальником Волгостроя — Волголага НКВД, а по совместительству еще и главным инженером Волгостроя НКВД. Его и считают одним из «крестных отцов» Рыбинского и Угличского водохранилищ, а в экспозиции Угличского музея гидроэнергетики можно видеть подписанные им приговоры о расстреле «саботажников» — не считая тех тысяч и тысяч зэков,

сгинувших там на стройке. В документах ГАРФ отложилось немало документов за подписью майора государственной безопасности Журина на имя начальника Главгидростроя НКВД СССР и начальника Оперативного отдела ГУЛАГа НКВД, в которых тов. майор госбезопасности постоянно отбивается от лавины обвинений в «грубых нарушениях содержания заключенных и злоупотреблениях администрации лагеря», в большой смертности заключенных — 20–30 человек в день, в том, что начсостав лагеря — натуральные «бывшие царские палачи, требующие немедленного расстрела»... Так что для деятеля такого масштаба, как майор госбезопасности тов. Жури́н, эти 294 «добровольных» утопленника — тьфу, песчинка!

Но это лишь одна грань истории. На другой — для чего это все вообще делалось? Казенные версии лепечут, что страна позарез нуждалась в киловаттах — и все такое прочее. Но вчитаемся в строки постановления СНК № 2074 от 14 сентября 1935 года, где говорится: строительство Рыбинского и Угличского гидроузлов начато «для обеспечения необходимого судоходного подхода к каналу Москва — Волга со стороны р. Волга... и для создания водохранилища в районе Молого-Шекснинского междуречья».

Если кто не сразу понял, речь шла о судоходстве исключительно военном: о создании сети каналов и водохранилищ, позволяющей перебрасывать по ним военные корабли. Сначала с Балтики в Белое море, затем — по Волге на Каспий. В перспективе планировалось, что эта водная сеть позволит оперативно перебрасывать корабли Дунайской, Днепровской, Каспийской флотий, даже Черного и Балтийского флотов, хоть куда — на Север и обратно, на Балтику, на Каспий... У Рыбинского водохранилища на этом Волго-Балтийском пути — роль особая и ключевая. Не говоря уже о той «мелочи», что судостроительные верфи Рыбинска и Горьковской области получали возможность перегонять свою продукцию потребителям из Наркомата ВМФ СССР напрямую — на Балтийский и Северный флоты. С осени 1939 года интенсивность этих «канальных» работ увеличилась многократно: шла Вторая мировая война, в которой Советский Союз по факту уже участвовал — Волго-Балтийскому пути в той войне роль отводилась немалая. Сделать все, как хотели, не успели, но достаточно вспомнить, что корабли Онежской военной флотилии в кампании 1941, 1942 и 1943 годов после окончания навигации по системе озер и

каналов уходили на зимовку и ремонт в Рыбинск и Горький... Выходит, эти сгинувшие 294 жителя Мологи, даже имен которых история не сохранила, по сути, наши первые жертвы Второй мировой? Если, конечно, не считать тех, кто сгинул в «освободительном походе» сентября-октября 1939-го и на финской войне...

Глава 10. Большой блеф, или Самый загадочный день 1941-го

Кто прилетал к Сталину за 38 дней до войны?

10 июня 1941 года, менее чем за две недели до войны, советское высшее военное руководство издало документ о ЧП, имевшем место за 26 дней до этого: приказ № 0035 «О факте беспрепятственного пропуска через границу самолета Ю-52 15 мая 1941 года».

Документ прикрытия

Приказ заслуживает полного цитирования — это единственное документальное свидетельство самого факта. Впервые он стал известным лишь в 1994 году, поскольку изначально снабжен грифом совершенной секретности. Документ этот поистине уникальный, а вовсе не «один из» совсекретных приказов. В общей массе которых он не без умысла и был схоронен, да так основательно, что не привлек внимания и после обнаружения. К слову, иные сочинители, используя сей документ, и поныне пребывают в неведении относительно его реального местонахождения. Точности ради замечу: документ входит в уникальный комплект подлинников приказов наркома обороны СССР, находящийся на особом хранении в одном из закрытых фондов Российского государственного военного архива. Архив этот до недавнего времени был, мягко говоря, на периферии внимания исследователей Великой Отечественной войны. Но даже это обстоятельство никак не объясняет, почему документ, сыграв какую-то свою роль, сразу был предан забвению.

«Приказ о факте беспрепятственного пропуска через границу самолета Ю-52 15 мая 1941 г.

№ 0035, 10 июня 1941 г.

15 мая 1941 г. германский внерейсовый самолет Ю-52 совершенно беспрепятственно был пропущен через государственную границу и совершил перелет по советской территории через Белосток, Минск, Смоленск в Москву. Никаких мер к прекращению его полета со стороны органов ПВО принято не было.

Посты ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи. — *Авт.*) 4-й отд. бригады ПВО Западного особого военного округа, вследствие плохой организации службы ВНОС, обнаружили нарушивший границу самолет лишь тогда, когда он углубился на советскую территорию на 29 км, но, не зная силуэтов германских самолетов, приняли его за рейсовый самолет ДС-3 и никого о появлении внерейсового Ю-52 не оповестили (так в документе. — *Авт.*).

Белостокский аэропорт, имея телеграмму о вылете самолета Ю-52, также не поставил в известность командиров 4-й бригады ПВО и 9-й смешанной авиадивизии, так как связь с ними с 9 мая была порвана военными. Командование 9-й смешанной авиадивизии никаких мер к немедленному восстановлению связи не приняло, а вместо этого сутяжничало с Белостокским аэропортом о том, кому надлежит восстановить нарушенную связь.

В результате командир западной зоны ПВО генерал-майор артиллерии Сазонов и начальник штаба 4-й отд. бригады ПВО майор Автономов никаких данных о полете Ю-52 до извещения из Москвы не имели.

В свою очередь, вследствие плохой организации службы в штабе 1-го корпуса ПВО г. Москвы командир 1-го корпуса ПВО генерал-майор артиллерии Тихонов и зам. начальника Главного управления ПВО генерал-майор артиллерии Осипов до 17 мая ничего не знали о самовольном перелете границы самолетом Ю-52, хотя дежурный 1-го корпуса ПВО 15 мая получил извещение от диспетчера Гражданского воздушного флота, что внерейсовый самолет пролетел Белосток.

Никаких мер к прекращению полета внерейсового Ю-52 не было принято и по линии Главного управления ВВС КА. Более того, начальник штаба ВВС КА генерал-майор авиации Володин и заместитель начальника 1-го отдела штаба ВВС (разведотдел. — *Авт.*) генерал-майор авиации Грендаль, зная о том, что самолет Ю-52 самовольно перелетел границу, не только не приняли мер к

задержанию его, но и содействовали его полету в Москву разрешением посадки на Московском аэродроме и дачей указания службе ПВО обеспечить перелет.

Все эти факты говорят о неблагоприятном состоянии службы ПВО Западного особого военного округа, о плохой ее организации, слабой подготовленности личного состава ВНОС ПВО, потере бдительности в 4-й отд. бригаде ПВО и отсутствии должной требовательности со стороны командующих военными округами и высшего начсостава ПВО и ВВС к четкости несения службы ПВО.

Приказываю:

1. Военному совету Западного особого военного округа тщательно расследовать факт самовольного пролета самолета Ю-52 через территорию округа, выявить всех виновных и наложить на них взыскания своей властью. Немедленно восстановить телефонную связь Белостокского аэропорта с 9-й смешанной авиадивизией и штабом 4-й бригады ПВО и в пятидневный срок проверить состояние связи аэропортов со штабами ПВО. Исполнение донести к 20.6.41.

2. Военным советам округов (ДВФ) назначить авторитетные комиссии, которые обязать к 1.7.41 обследовать всю систему ПВО на территории округов, обратив особое внимание на ее боеготовность, состояние службы наблюдения, оповещения, связи и подготовку постов ВНОС.

Все недочеты, вскрытые комиссиями, устранить на месте в процессе их работы.

Результаты обследования и о принятых мерах донести мне к 5.7.41.

3. Начальнику Главного управления ПВО до 1.7.41 обследовать состояние ПВО в Западном особом и Московском военных округах и результаты обследования доложить мне лично.

Его же распоряжением обеспечить к 1.7.41 все посты ВНОС силуэтами самолетов и организовать проверку знаний постами ВНОС силуэтов и умения определять по ним принадлежность самолетов.

4. За плохую организацию службы ВНОС, отсутствие должного воинского порядка в частях ПВО и слабую подготовку личного состава постов ВНОС командующему Западной зоной ПВО генерал-майору артиллерии Сазонову, начальнику штаба 4-й бригады ПВО майору Автономову объявить выговор.

5. За самовольное разрешение пролета и посадки Ю-52 на московском аэродроме без проверки прав на полет к Москве начальнику штаба ВВС генерал-майору авиации Володину и заместителю начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майору авиации Грендалю объявить замечание.

6. Командиру 1-го корпуса ПВО генерал-майору артиллерии Тихонову и заместителю начальника Главного управления ПВО генерал-майору артиллерии Осипову обратить особое внимание на слабую организацию системы наблюдения и оповещения.

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза

С. Тимошенко

Начальник Генерального штаба

Красной армии генерал армии

Г. Жуков».

Итак, 15 мая 1941 года германский «Юнкерс-52» беспрепятственно был пропущен через госграницу и, совершив перелет, совершил посадку на Центральном аэродроме столицы — на Ходынском поле.

Обратите внимание на датировку: факт вроде вопиющий, что как бы и подтверждает грозный рык высших столпов Красной армии, так ведь случился он задолго до рыка. Судя по тональности приказа и его фактуре, налицо ЧП государственного масштаба. Виноваты, конечно, «утратившие бдительность» разгильдяи из ПВО, но куда сами «столпы» смотрели: все произошло у них буквально под носом, а информация, выходит, шла от Ходынки до Арбата аж целых 26 дней?! Однако не будем приписывать бравым конникам Тимошенко и Жукову этих черепаших темпов, попытаемся разобраться.

Приказ — единственное документальное свидетельство, что ЧП вообще имело место: никаких иных его следов не обнаружено больше нигде. И, пожалуй, лишь один мемуарист обмолвился о нем —

небезызвестный Павел Судоплатов, один из тогдашних руководителей чекистской разведки. У него можно прочесть: «В мае 1941 года немецкий „Юнкерс-52“ вторгся в советское воздушное пространство и, незамеченный, благополучно приземлился на центральном аэродроме в Москве возле стадиона „Динамо“. Это вызвало переполох в Кремле и привело к волне репрессий в среде военного командования». «Это феерическое приземление в центре Москвы, — уверял чекист, — показало Гитлеру, насколько слаба боеготовность советских вооруженных сил».

Главное, в чем сходятся документ и мемуарист, — факт прилета был! В остальном знатный чекист «правдоподобен, как очевидец»: не было ни вторжения в советское воздушное пространство — в смысле незаконного нарушения границы, ни «незамеченного» полета, ни приземления в центре Москвы — аэродром на Ходынском поле и близко не считался центром Москвы, да и вовсе он не возле стадиона «Динамо». Да и переполоха в Кремле, судя по всему, тоже не было, что как раз несложно установить документально. Чистка военных действительно шла, но вне всякой связи с «Юнкерсом»: и началась раньше, и затронула большей частью ответственных за аварийность в авиации, подготовку кадров, а также за разработку, испытание и внедрение нового артиллерийского вооружения и авиационной техники. Сколь же беспрецедентны оказались меры секретности, если даже до одного из руководителей чекистской разведки дошли лишь коридорные слухи о ЧП, да и те искаженные!

Полет вне расписания

Вчитаемся в канцеляризмы документа: черным по белому сказано, что посты ВНОС засекли самолет. Но, мол, «лишь тогда, когда он углубился на советскую территорию на 29 км». Пусть нас это не обманет, «лишь тогда, когда» — пустая фигура речи: 29 км — значит, служба ВНОС (так как радиолокаторов у РККА тогда не было, обнаружение велось при помощи «слухачей» — звукометрической аппаратуры, и визуально — через бинокль) засекла Ю-52 там и тогда, где и когда позволяли технические возможности того времени. То есть практически немедленно: примерно через 7 минут после его появления

в советском небе — это легко рассчитать, исходя из известных тактико-технических характеристик различных модификаций Ю-52.

Фигуру речи о «незнании» постами ВНОС силуэтов германских самолетов и что Ю-52 приняли за рейсовый ДС-3, даже не рассматриваем: спутать характерный силуэт трехмоторного Ю-52 и столь же характерный звук его моторов с двухмоторным ДС-3 просто нереально. И как могли не узнать «старого знакомого», если с января 1940 года по март 1941 года включительно именно над этими постами и проходила воздушная трасса, по которой сновали Ю-52 регулярной линии Берлин — Данциг — Кенигсберг — Белосток — Минск — Москва?!

Белостокский же аэропорт, оказывается, и вовсе был предупрежден, «имея телеграмму о **вылете** (!) самолета Ю-52». Более того, дежурный столичного 1-го корпуса ПВО тоже «получил извещение от диспетчера Гражданского воздушного флота, что внерейсовый самолет пролетел Белосток». Так что Москва знала о «внерейсовике» по крайней мере за 4½ часа до его подлета. Следовательно, разъяренное руководство Наркомата обороны имело все основания гневаться по факту недонесения, несвоевременного доклада — или чего там еще полагалось по тогдашним уставным требованиям. И приказ должен был метать гром и молнии в адрес преступно-халатных недонесенцев в центральном аппарате, прошляпивших важнейшую информацию.

Но он гласил нечто принципиально иное: штаб ВВС Красной армии и его разведотдел, оказывается, «содействовали его полету в Москву — разрешением посадки на Московском аэродроме и дачей указания службе ПВО обеспечить перелет». Несложно подсчитать, что «внерейсовик», вылетевший из Кенигсберга, провел в советском воздушном пространстве около пяти часов, пролетев там порядка 1100 км. И на всем протяжении его полета все службы, военные и гражданские, целенаправленно обеспечивали ему «зеленый коридор»! Но если в разгар очередного витка репрессий начальник штаба ВВС Красной армии и заместитель начальника разведки ВВС смело отдают распоряжение об обеспечении такого коридора, никаким нарушителем границы этот «Юнкерс» явно не был.

Потому, вопреки утверждениям чекиста-мемуариста, головы и не полетели: зенитчикам вlepили два выговора, авиаторам — два

замечания. И все! Но ведь из числа названных в приказе репрессирован генерал Володин, начальник штаба ВВС?! Да, но только его арестовали 27 июня 1941 года, а это уже совсем другая история — развернулся поиск козлов отпущения уже за разгром авиации в первые дни войны. Специально проверил других «героев» приказа: кроме майора Автономова из 4-й бригады ПВО, пропавшего без вести в июле 1941 года, все прочие благополучно дослужили до конца войны, своевременно получая повышения и награды.

Так что же получается: самолет прилетел, приказ издали, никого не наказали... Самолет улетел? А чего прилетал? Точнее — кого или что привозил? И увозил? Повторюсь: прилетал 15 мая, улетал — неизвестно когда, а приказ издан спустя 26 дней — не многовато ли для разбора полетов и определения санкций по факту, оказавшемуся достойным внимания высшего командования?

Вероятнее всего, если мы и узнаем исчерпывающие и достоверные ответы на эти вопросы, то явно нескоро. А может — никогда: судя по всему, слишком узок был изначально круг посвященных лиц. С германской стороны — гадать не приходится: ни в одном из многочисленных мемуаров, показаний на Нюрнбергском процессе, в сборниках исторических документов на сей счет вообще ни слова. Нетрудно предположить, что и в Третьем рейхе этот, несомненно, скандальный перелет могли верно истолковать буквально единицы — из числа особо приближенных. Короче, все проходит по разряду «тайна сия велика есть».

Обратимся к известным на сегодня документам партийно-государственного ареопага СССР — Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с лично тов. Сталиным. Повестки дня заседаний Политбюро за май-июнь 1941 года со всей определенностью свидетельствуют, во-первых, что нет никаких, даже косвенных, упоминаний о столь вопиющем факте преступно-халатного пренебрежения требованиями бдительности. И, во-вторых, именно с середины мая и вплоть до 21 июня 1941 года включительно Политбюро во главе с тов. Сталиным на своих заседаниях начало коллективно демонстрировать поистине олимпийское спокойствие относительно вовсе уже шедшей Второй мировой войны. А равно относительно позиции своего заклятого союзничка (с 23 августа 1939 года) — нацистской Германии во главе с лично партайгеноссе Гитлером. Буквально считанные вопросы из

вынесенных на Политбюро — связанные главным образом с принятием на вооружение и производством новой авиатехники — хотя бы с натяжкой можно отнести к «военной тревоге». А в основном — рутина: кадровые перестановки в партаппарате, выполнение сельхозплана, семенной фонд, предоставление отпусков членам Политбюро и т. п.

За эти дни не обсуждено ни одного вопроса по сухопутным войскам — артиллерии, танкам, стрелковым частям; ни одного вопроса о подготовке военных кадров; ни одного организационно-мобилизационного, ни одного — о пополнении мобзапасов! При том что с 1940 года интенсивно шло развертывание новых войсковых объединений и соединений, военных учебных заведений РККА, строительство укрепрайонов. И соответствующие вопросы столь же интенсивно регулярно докладывались и рассматривались на Политбюро. А со второй половины мая 1941 года — как обрезало. То же относительно внешнеполитической активности: единственный «международный» вопрос, вынесенный за это время на Политбюро, — назначение полпреда... в Таиланд.

«Разведка доложила точно...»

А ведь до середины мая никакой умиротворенностью в Москве и близко не пахло. 21 апреля 1941 года в Наркомат иностранных дел вызвали временного поверенного в делах Германии в СССР, потребовав «безотлагательно принять меры против продолжающихся нарушений границы СССР германскими самолетами». Без дипломатических изысков напомнив: рейхсмаршала Геринга уже предупреждали, что приказ не открывать огонь по его соколам действует лишь «до тех пор, пока эти перелеты не станут происходить слишком часто».

24 апреля немецкий военно-морской атташе рапортует: в Москве повсюду циркулируют слухи о скором начале германо-советской войны, и только ленивый уже не говорит, что война начнется 20 мая. 2 мая тревогу бьет уже посол Германии Шуленбург: слухи о неминуемой немецко-русской войне уже беспрестанны, они «создают препятствия

для <...> германо-советских отношений», а все «попытки опровергнуть эти слухи здесь, в Москве, остаются неэффективными».

Да и как опровергать, если колоссальную концентрацию германских войск у границ СССР уже не скрыть? Вот и в спецсообщении Разведуправления Генштаба Красной армии от 5 мая, легшей на стол Сталина, подсчитано: на границах с СССР сосредоточено уже 103–107 немецких дивизий.

По линии чекистской вести тоже шли не мажорные. Например, от агента берлинской резидентуры НКГБ «Старшины» (обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен, служил в штабе Люфтваффе) как раз тогда косяком пошли донесения со ссылкой чуть ли не на самого Геринга: вопрос о нападении на СССР «решен окончательно», его «следует ожидать со дня на день», «среди офицеров штаба часто называется дата 20 мая как дата начала войны».

Факты свидетельствуют: Кремль встревожен. 5 мая 1941 года Сталин выступил перед выпускниками военных академий с речью явно антигерманской направленности. А на другой день он уже возглавил Совнаркоме СССР, сосредоточив в своих руках всю полноту власти еще и формальной: отныне Сталин — как и Гитлер — и руководитель партии, и «вождь» народа, и глава правительства.

10-го и 12 мая 1941 года Сталин, вызывая к себе наркома обороны Тимошенко и начальника Генерального штаба Жукова, в крайне узком кругу «ближних» решал дела серьезные. 13 мая Генштаб издал директиву о выдвижении на запад ряда армий внутренних округов, о ходе исполнения которой уже 14 мая Тимошенко и Жуков явно и докладывали Сталину — наедине и почти два часа. После их ухода Сталин до третьего часа ночи совещался с «узким» составом Политбюро, а 15 мая — с еще более узким. Примечательно присутствие 14-го и 15 мая на этих совещаниях специально вызванного из Ленинграда Жданова: хотя он и входил в самый «ближний круг», но, как показывают записи посетителей, гость нечастый. При этом он неприменный участник едва ли не всех бдений у Сталина именно по «германским делам»... К слову, 15 мая в очередной сводке, направленной Сталину, Разведупр доложил: за истекшие 10 дней немцы довели свою группировку на советской границе уже до 114–119 дивизий.

Именно к 15 мая 1941 года фюрер и повелел закончить приготовления к нападению на СССР в рамках директивы № 21 (план «Барбаросса»). «Решающее значение, — гласило распоряжение фюрера, — должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны». Еще 15 февраля 1941 года во исполнение воли фюрера начальник Верховного главнокомандования вермахта Кейтель подписал специальную директиву о мероприятиях по дезинформированию советского командования. 12 мая 1941 года Кейтель отдает указания о мероприятиях уже второй фазы дезинформации советского военного командования, последний пункт которых педантично фиксирует: «Политические меры дезинформации противника уже проведены и планируются новые».

14 мая чекистский агент в штабе Геринга доносит Центру: «Планы в отношении Советского Союза откладываются», всем немецким военным атташе за границей и послам «дано указание опровергать слухи о военном столкновении между Германией и СССР». В штабе люфтваффе опубликован (!) приказ Верховного командования вермахта, в котором сказано, что «германские стратегические планы и предварительные разведывательные мероприятия стали известны врагу». И уже на следующий день, 15 мая, в Москву прилетел тот самый «Юнкерс»...

Фигура без лица

Как раз в промежуток между 15-м и 17 мая в Москве и происходило нечто неординарное. Обычно заседания Политбюро проводились регулярно, паузы запланированные. Кроме одной: 16 мая заседаний не было. На тот же день приходится и необычная пауза в деловой активности самого Сталина: журнал записи посещений его кабинета на этот день совершенно пуст. То есть, можно полагать, вождь, что называется, «работал с документами». Во всяком случае, никого не вызывал (или никого к нему не пускали). Может, товарищу Сталину именно в этот день необходимо было основательно обдумать нечто, приняв решение? И оно, видимо, было принято.

Ныне известно, что 15 мая 1941 года датирован так называемый «план Жукова»: предложение упредить противника, атаковав

германскую армию, пока она еще в стадии развертывания. Как видно по журналу посетителей Сталина, Тимошенко с Жуковым доложили ему эти соображения не ранее 19 мая. Получив, что называется, по сусалам: Сталин, услышав об идее превентивного удара по немцам, по словам Жукова, «прямо-таки закипел». Потому-то 24 мая к Сталину и вызвали основную военную головку, Тимошенко, Жукова, начальника управления ВВС Жигарева и командование пяти западных военных округов (собственно командующих вместе с членами их военных советов и командующими ВВС), чтобы дать установку: «Сидеть тихо! Не рыпаться! Немцев не провоцировать!»

К слову, с середины мая по 20 июня молчит как рыба и политическая разведка, прекратив подачу наверх сводок о германских приготовлениях. Берия, безусловно, бывший в курсе новых веяний, явно дол понять своему «подопечному», свежеиспеченному наркому госбезопасности Меркулову, что с этим к Хозяину лучше не соваться. А вот до начальника Разведупра Голикова дошло не сразу: не случайно тем периодом датированы издевательские резолюции Сталина на тревожных сводках военной разведки. Жуков в своих мемуарах скупно заметил, что, когда он и Тимошенко якобы рискнули «серьезно поговорить» на эту тему со Сталиным, тот «с присущим ему лаконизмом» отрезал: «То, что вам следует знать, вам будет сообщено».

Иначе говоря, ровно в середине мая 1941 года Сталин — максимально информированный в СССР человек — явно успокоился относительно своего союзника. Это факт! Который трудно объяснить лишь имеющимися документами. Так не связано ли это с загадочным прилетом самолета?

Вспомним: незадолго до этого, 10 мая, в Великобританию улетел заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс. Как известно, — так 14 мая сказал сам Гитлер своему главнокомандующему сухопутными войсками фон Браухичу, — это была попытка рейха «объединить германскую расу». Так отчего не предположить, что вскоре после этой провалившейся, а потому и дезавуированной фюрером попытки протянуть лапу «братьям по расе» не была предпринята аналогичная попытка восстановить доверие уже «братьев по классу» (ведь НСДАП — партия хоть и национал-социалистическая, но все ж таки рабочая!).

Тогда все встает на свои места: прилет санкционирован на самом высоком уровне; доставленное лицо имеет такое лицо, которое нельзя показывать никому; доставленная им информация адресована исключительно Самому; ответ Самого дается не впопыхах, а по зрелому размышлению — и с благодарностью возвращается тем же бортом к Самому по другую сторону границы.

«Сами» — договорились? Похоже на то, что один успокоил другого. Да так основательно, что когда неосновательность успокоения выявилась «22 июня, ровно в четыре утра, Киев бомбили, нам объявили, что началась война», наш Сам, придя в себя, обоснованно заявил о вероломном нападении.

Но давайте посмотрим, кто полетел в Англию — второе лицо в партии. Кто мог доставить утешительные вести нашему Самому — уж не меньше, чем второе лицо в государстве (на первое мы не претендуем). А кто тогда был в рейхе вторым лицом по государственной табели о ранге? Ну, это как раз не тайна за семью печатями... Ведь никакое самое-самое личное послание фюрера, отправленное просто с почтальоном, вождя не успокоило бы: не будем клеветать на товарища Сталина, от избытка доверчивости он вовсе не страдал и обмануть его было нельзя. Но его можно было успокоить. Чем именно фюрер Германии сумел успокоить «вождя народов»? И, главное, отвлечь внимание, выиграв драгоценное время для завершения развертывания? Одно уже очевидно: не будь 15 мая 1941 года — не было бы и 22 июня. Именно тот день и был переломной точкой. Но вот цена 15 мая 1941 года чрезмерна: 27 миллионов погибших — только по официальным данным и только с нашей стороны...

Глава 11. «Упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию»

Планировал ли Сталин в мае 1941 года превентивное

нападение на Германию?

Как только этот документ мая 1941 года не именовали за последние два десятилетия: то «планом Жукова», то «запиской Василевского», то «планом превентивного нападения на Германию». Впервые его опубликовали в 1992 году, но со значительными купюрами — лишь несколько страниц. Позже документ издали вроде бы полностью. В той части общественности, что по жизни страшно далека от исторической науки, страсти вокруг него кипели нешуточные. Спорили о том, подлинный документ или подложный, почему он вдруг написан от руки и исчеркан пометами, почему на нем нет ни подписей, ни исходящих-входящих номеров... Но все вертелось вокруг того, что дружно сочли главным: оказывается, еще в мае 1941 года высшие военачальники Советского Союза, нарком обороны маршал Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА генерал армии Жуков, предложили *«атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания...»*. Мало того, там обнаружили даже такие страшные слова, как *«нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле»*.

Документ приводит данные о составе дивизий, развернутых Германией и ее вероятными союзниками, — *«может развернуть против СССР до 240 дивизий»*; высказано предположение о месте сосредоточения главных сил немецкой армии *«для нанесения удара в направлении — Ковель, Ровно, Киев»*, обозначены возможные направления вспомогательных ударов. Также документ содержит и один из возможных вариантов действий уже войск Красной армии:

«Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар», потому, дабы *«предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».* Далее предлагается варианты нанесения ударов, а в качестве стратегической цели действий РККА обозначен выход к 30-му дню операции на линию Остроленка — река Нарев — Лович — Лодзь — Крейцбург — Оппельн — Оломоуц. То есть операция была рассчитана на месяц, боевые же действия предполагалось вести на территории Польши и отчасти на востоке Чехии.

И вот мы наконец-то дождались, знаем ныне, как это выглядит почти «вживую»: Министерство обороны РФ вывесило на своем сайте «зрительный образ» искомого документа. Это рукопись на 15 листах, первый из которых заделан на бланке наркома обороны СССР и датирован маем 1941 года — без обозначения конкретного дня этого месяца. Адресат обозначен четко: «Председателю Совета народных комиссаров СССР тов. Сталину». Документ снабжен грифом **«Совершенно секретно. Особой важности»** и пометкой: **«Только лично. Экземпляр единств.»**. Вот только тип документа на сайте Минобороны с точки зрения документоведения (или, если хотите, военной канцеляристики) обозначен предельно безграмотно: там сказано, что это «проект документа». Да вот только никакой это не проект или черновик, не план и не записка. Тип документа предельно четко зафиксирован первой же его фразой: *«Докладываю на Ваше рассмотрение соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками».*

Так что это доклад наркома обороны и начальника Генштаба (а вовсе не одного лишь Жукова, как это утверждалось ранее!) строго по инстанции — главе правительства. Многочисленные утверждения, что инициатива разработки данного документа якобы могла исходить снизу, сразу отменяем как дилетантский бред. В этой плоскости вопрос

не может не только стоять, но даже элегантно висеть: соображения по плану стратегического развертывания военачальники высказывают лишь тогда, когда их об этом спрашивают. Ни о какой самостоятельности в этой сфере не может быть и речи: подобные документы создаются лишь согласно директиве, дать которую мог исключительно Сталин. Тимошенко и Жуков — хотя и высшее звено военной иерархической пирамиды, но звено лишь промежуточное и передаточное — между высшим руководством страны и военной машиной. Не в их компетенции принимать решения, с кем именно воевать и в какие сроки, нападать сразу или повременив.

Вспомним, какие события предшествовали созданию этого документа: в апреле 1941 год германская армия, разгромив Югославию и взяв Афины, закрепились на Балканах, продолжив сосредоточение своих войск на границах с СССР. Обстановка накалялась ощутимо, а тут еще 10 мая 1941 года заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс, второе лицо Рейха, тайно перелетел в Великобританию. Последнее было воспринято Сталиным как попытка Гитлера договориться с англичанами — например, о совместном выступлении против Советского Союза, отчего нет? Собственно, Гесс за этим и полетел. Как свидетельствуют записи в журнале приемов у Сталина, Тимошенко с Жуковым вызывались к Сталину 10 мая, 12 мая и 14 мая. Судя по всему, именно тогда они и получили его директиву: подготовить соображения по плану стратегического развертывания на случай войны с Германией. Судя по меткам на картах, доклад был готов к 15 мая, но доложен Сталину явно не ранее вечера 19 мая 1941 года — именно этот единственный и рукописный материал. Пометки же, сделанные, видимо, рукой Жукова, как раз и продиктованы Сталиным. Правда, после прилета 15 мая 1941 года из Берлина в Москву «Юнкерса-52» с неким высокопоставленным пассажиром на борту ситуация изменилась, и сей документ развития не получил.

Исполнен он в единственном экземпляре рукой генерал-майора Александра Василевского, первого заместителя начальника Оперативного управления Генерального штаба РККА. Ничего необычного тут тоже нет: это вполне себе традиционная советская форма подачи документов особой важности. Более того, в строгом соответствии с принятыми тогда нормами секретного делопроизводства документы такой степени важности и такого

содержания как раз и должны были оформляться строго в одном экземпляре, автором-исполнителем и собственноручно. Точно так же — от руки, тем же Василевским, в единственном экземпляре, с грифами «особой важности» и «совершенно секретно», «только лично», теми же типовыми формулировками исполнены и предшествующие доклады с соображениями **«Об основах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР»**: от 16 августа, 18 сентября и 5 октября 1940 года, а также от 11 марта 1941 года — везде рукописный текст на бланке наркома обороны, почерк Василевского, единственный экземпляр, «только лично», грифы «особо важно» и «совершенно секретно»... (И везде утверждающие подписи отсутствуют!) Сомневающиеся, что имели место быть рукописные документы особой важности, могут быть свободны.

В этом ряду доклад от мая 1941 года вовсе не выглядит чем-то экстраординарным: отражая эволюцию настроений и намерений высшего руководства страны, он как бы завершает серию аналогичных документов с соображениями о стратегическом развертывании, направленных наркомом обороны на имя Сталина. Причем вся цепочка обусловлена конкретными изменениями международной обстановки вообще, на границах СССР — в частности. Назвать этот доклад документом, специально нацеленным на развязывание превентивной войны, очень сложно. Пусть нас не соблазняют такие термины, как «упредить», «атаковать», «нанесение внезапного удара»: все эти фразы полностью проистекают из боевых уставов Красной армии! Достаточно открыть «Полевой устав РККА» (ПУ-39): *«Наступательный бой есть основной вид действий РККА», «Противник должен быть смело и стремительно атакован всюду, где он будет обнаружен», «Внезапность действует ошеломляюще»* — и т. д., и т. п. В общем, ничего экстраординарного, азы боевых действий, оформленные языком военно-штабной работы.

Но главное, кто даст себе труд прочесть документ от и до, увидит: в нем нет абсолютно никаких отсылок к системе военных сообщений. Равным образом нет ни слова об инженерном обеспечении предстоящей операции. Но документ, в котором нет ничего о военных коммуникациях и инженерной составляющей, уж точно не может быть никаким планом нападения в принципе — сравните хотя бы с детально проработанными в этом смысле материалами плана «Барбаросса»! И

уж совсем камня на камне от идеи «превентивной войны» не оставил пункт VIII доклада. Первый этап операции рассчитан на 30 дней, но, как докладывают военачальники, боеприпасами войска обеспечены, мягко скажем, не очень: снарядами одних калибров — на **три недели**, других — на **месяц**, третьих — на **11 дней**, четвертых — на **5 дней**, а минами для минометов всего на **полмесяца**. Авиабомбами — тоже на **10–30** дней. Столь же плоха ситуация с горюче-смазочными материалами: в среднем их должно хватить на **10 дней** — **месяц**. Все расчеты убивает заключительная фраза пункта: *«запасы горючего, предназначенные для западных округов, эшелонированы в значительном количестве (из-за недостатка емкости на их территории) во внутренних округах»*. Мало того, что горючего недостаточно, так оно еще все в глубоком тылу, да «потребителю» его и хранить-то негде. О какой превентивной войне можно говорить, если через 30 дней боев будут израсходованы все боеприпасы и кончится горючее?! Причем авторы доклада прекрасно понимали, что в реальности все кончится много раньше. Лишь один этот скромный пункт уже полностью обрушивал планов громадьи: «мы, товарищ Сталин, выполним любой Ваш приказ, вот только патроны-снаряды-бомбы и горючее у нас закончатся через 30 дней...»

Глава 12. Парашютная паника 1941-го

За немецких парашютистов принимали сбитых летчиков

Уже в первые часы после нападения Германии в штабы Красной армии пошли тревожные сводки о выброске многочисленных немецких десантов. 23 июня 1941 года в 2 часа 50 минут штаб 6-й армии направил за подписью Веялко^[30] донесение штабу Юго-Западного фронта: возле городов Ходоров, Жидачув (ныне Жидачов) и Гнездычув (ныне Гнездычев) — это важные железнодорожные узлы в 50 км южнее Львова — противник высадил большой десант. При этом штаб армии отчего-то ссылался не на свой разведотдел, а на донесения «гражданских органов».

В свою очередь, в разведсводке № 1 штаба Юго-Западного фронта от 22 июня 1941 года говорилось о высадке парашютного десанта в 15 км северо-западнее Дубно и выброске 100 парашютистов в районе аэродрома Черновицы. Уже оперсводка штаба того же фронта № 01 сообщает о высадке десанта противника с 18 самолетов в районе Ковеля и выброске парашютных десантов в районе Жычки и Монастыр — численностью до 30 человек каждый, о высадке парашютистов еще в нескольких точках. В оперативной сводке № 02 9:00 23.6.41 штаба Юго-Западного фронта, направленной начальнику Генштаба, также утверждалось, что в течение ночи и утра «*противник высадил десанты: Ходоров (не проверено), Дрогобыч, Борислав (оба уничтожены), Коськов (20 км южнее Шепетовка)...*». Однако сегодня можно предположить, что по крайней мере в Дрогобычской, Львовской, да и других западноукраинских областях за немецких десантников, скорее всего, поначалу могли принять приступившие к боевым действиям отряды ОУН — выбросить такое количество тактических десантов немцы явно были не в состоянии.

Работая с документами начала войны в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО), тоже находил подобные сводки. Так, в боевых донесениях 11-й смешанной авиационной дивизии (входила в состав ВВС Западного Особого военного округа, штаб в г. Лида)

обнаружил такую вот запись: «22.6.41 г. 18:20 <...> имею данные, что в районе 35 км северо-западнее Лида выброшен авиадесант противника около тысячи человек <...>»^[31].

Еще через несколько листов снова о том же: «22.6.41 г. 18:08 <...> У аппарата майор Виноградов. Прошу к аппарату ОД (оперативный дежурный. — Авт.). — ОД у аппарата. — В районе Нача 35 км северо-западнее Лида высадился парашютный десант около тысячи человек. Примите все меры обороне Лида. Поставьте в известность гарнизон наземных войск и партийные и советские организации. Второе: 128 СБП (скоростной бомбардировочный полк. — Авт.) получил приказ действовать по этому десанту <...>»^[32]. Затем на листе 25 того же дела — это рапорт командира 16-го скоростного бомбардировочного полка майора Скворцова от 27 июня 1941 года — вижу, как красным карандашом слева на полях приписано: «относительно выброски». Справа тем же карандашом дописано: «парашютисты». В реальности никакого «тысячного десанта» в том районе не было, однако непроверенное сообщение о нем сыграло свою роль, усилив панику, хаос и развал управления.

Таких сводок, сообщений, рапортов о немецких десантах и диверсантах было великое множество. В частности, в опубликованных выдержках из журнала записи боевых донесений Главного управления войск НКВД СССР об обстановке на участках гарнизонов 10-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений в первый день войны можно найти следующее: «22.6.41 9:20 <...> В р[айо]не р. Буг — десант в форме погр[аничных] и внутр[енних] войск НКВД. <...> 22.6.41 10:30 <...> По сообщ[ению] политрука Волкова, по их данным, [в районе] Городок — Каменоброд — Цунеув высажен авиадесант [противника]. <...> 22.6.41 11:55 Сообщение капитана Ромодина: Дрогобыч — высадился десант, Лисячичи — то же, <...> Каменка — Голянка — десант 10 чел[овек]...».

О том, сколь серьезно опасались немецких десантов, говорит хотя бы огромный массив известных ныне директив, постановлений и приказов по борьбе с парашютистами, принятых в первые дни войны самыми высокими инстанциями — Политбюро ЦК ВКП(б), НКВД, НКГБ — не менее десятка лишь за первые 20 дней войны.

Однако в реальности германское верховное командование на тот момент не имело возможности организации масштабных воздушно-

десантных операций на Восточном фронте — хотя бы из-за огромных потерь, понесенных немецкими парашютистами и транспортной авиацией во время высадки на Крит в мае 1941 года. Потому зачастую за немецких десантников принимали приземлявшихся с парашютами летчиков, как немецких, так и советских, самолеты которых были сбиты в воздушных боях. Нередко за десантников принимали стремительно прорвавшиеся в глубь советской территории подразделения вермахта или даже отряды той же ОУН. В исторической литературе ныне даже бытует мнение, что «парашютная тревога» июня 1941 года — или чистой воды выдумка советской пропаганды, или, на худой конец, лишь производное от паники тех дней. Действительно, воздушных десантов как таковых немцы на Восточном фронте не выбрасывали. Но это совершенно не отменяет неоспоримости факта выброски тактических десантов и заброски диверсионных групп, причем не только по воздуху. Если таких диверсантов не было, кто же тогда буквально перед самым нападением перерезал огромное количество линий проводной связи в приграничных округах? Кто в первые часы и дни войны захватил ряд ключевых мостов и переправ, не дав бойцам Красной армии или пограничникам взорвать их? С одной из таких групп на рассвете 22 июня 1941 года как раз и пришлось иметь дело подчиненным моего деда, Павла Воронова, на тот момент полковника, начальника 14-го района авиационного базирования.

Глава 13. Первый день войны. Воспоминания генерала Павла Воронова

*Из бомбардировщика бомба несет
Смерть аэродрому,
А кажется, стабилизатор поет:
«Мир вашему дому!»*

В. С. Высоцкий

...Катастрофа разразилась внезапно: враг вероломно напал на рассвете, уничтожив нашу авиацию на аэродромах, застав Красную армию врасплох. Воцарились растерянность, паника... Это расхожее представление о 22 июня 1941 года культивируют вот уже многие десятилетия.

Может, в Кремле или где еще так и было — растерялись, запаниковали. Только ведь война полыхнула от моря Баренцева до Черного, но везде все было по-разному.

«...Немцы первый раз бомбили наш аэродром в 3 часа 14 минут, но полки были уже в воздухе. Все части находились в готовности № 1, которая, согласно вторичной телеграмме сверху, должна была быть отменена. Но у нас она не отменялась. Приказ о подъеме по тревоге в воздух был дан командующим 3-й армии генералом Кузнецовым В. И. Таким образом, первый налет нам не причинил почти никакого урона...» Это из записей моего деда, которые я обнаружил и прочел уже много лет спустя после его смерти. Людям военным некогда было паниковать, они сражались. Оба моих деда — кадровые военные, авиатор и сапер. И оба встретили 22 июня на западной границе. Сапер-лейтенант — в Бессарабии, где он тогда проходил службу заместителем командира саперной роты танковой дивизии, да вот только никаких записок он не оставил, сгорев со своей дивизией в пекле сражений адского лета 1941-го. Другой дед, полковник-авиатор, принял удар в Западной Белоруссии и прошел всю войну.

Не помню, чтобы дед выступал перед школьниками: лишь однажды, поддавшись на уговоры, пришел в мой 10-й «А», так и не надев, к моему огорчению, мундира и орденов. Зато заворожил всех рассказом вовсе не о подвигах, а о том, сколь тяжело было строить аэродромы в Заполярье, принимать западные конвои и отражать воздушные налеты. Помню, что он не слишком любил фильмы о войне, говоря, что все было совсем не так. Как именно — особенно про первые дни войны — порой говорил не только с друзьями и сослуживцами, но и с внуком. Ныне очень жалею, что по молодости лет не додумался делать записи этих рассказов — по-военному четких, лаконичных и в то же время живых и сочных на детали.

В памяти осталось много, вот только повествование деда не укладывалось в прокрустово ложе официоза: нет там ничего ни про внезапность, ни про неожиданность. Да и началась для него эта война — уже третья по счету, в которой он участвовал, — не на рассвете, а глубокой ночью: посыльный из штаба пришел за ним около двух часов. Первые выстрелы, по его словам, прозвучали уже спустя час, а спустя десять минут первые бомбы посыпались на его аэродром...

22 июня 1941 года полковник Павел Петрович Воронов был начальником 14-го района авиационного базирования: Западный особый военный округ, Западная Белоруссия, Гродненская область, город Лида. Дед родился 22 сентября 1900 года в семье потомственного военного, офицера императорской армии. Поступил в 1911 году в Суворовский (Варшавский) кадетский корпус, закончив его в 1918 году уже в Москве, куда корпус перевели в 1914 году после начала войны. С июня 1918 года в Красной армии, в 1929 году из стрелковых частей переведен в авиацию. Участвовал в гражданской войне, «Освободительном походе» в Западную Белоруссию, финской кампании. Потом было 22 июня и прорыв из немецкого кольца, Западный, Брянский, Юго-Западный, Калининский, Воронежский фронты, 2-я воздушная армия, Заполярье... Затем служба в Беломорском и Приволжском военных округах. С 1959 года в отставке. В партии не состоял. Скончался 6 мая 1989 года.

На эти 13 тетрадных листков в клеточку, убористо исписанных с обеих сторон знакомым почерком, я наткнулся, разбирая привезенные отцом дедовы бумаги. И глаз сразу зацепил до боли памятное еще с детства «...после первой бомбардировки аэродрома...». Оказалось, это черновики письма деда к своему старинному другу и сослуживцу, полковнику Василию Васильевичу Смышляеву: тот в 1941-м тоже возглавлял район авиационного базирования, только соседний — 16-й. Предназначалось письмо, разумеется, не для публикации: дед просто отвечал на вопросы своего товарища, просившего уточнить какие-то детали тех дней. Но отвечал обстоятельно, сделав несколько вариантов. А написанное едва ли не в мельчайших деталях совпало с тем, что уже слышал от него: даты, хронология, имена, географические названия. И факты, только факты — от оценок событий старый военный предпочел воздержаться, написав другу: «Не буду распространяться о целесообразности... Об этом поговорим при встрече».

Уже в Центральном архиве министерства обороны (ЦАМО) я сверил эти записи с документами, найдя подтверждения в личном деле деда, в материалах частей и соединений, где он служил. Ряд деталей, имен и фактов уточнил у белорусского историка Дмитрия Киенко — автора хороших работ об 11-й смешанной авиационной дивизии (САД). В состав 11-й САД входили два истребительных авиаполка (ИАП) — 122-й и 127-й, 16-й скоростной бомбардировочный полк (СБП), в стадии формирования был еще штурмовой авиаполк. В первый день войны истребительные полки 11-й САД вели ожесточенные воздушные бои с немецкой авиацией. Так вот, боевую работу именно этой дивизии и обеспечивал 14-й район авиационного базирования.

Необходимое пояснение. В апреле 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о реорганизации системы тыла ВВС, в соответствии с которым территориальными органами тыла ВВС становились создаваемые районы авиационного базирования (РАБ) и батальоны аэродромного обслуживания (БАО).

РАБ отвечал за снабжение боевых частей боеприпасами, горюче-смазочными материалами (ГСМ), за управление аэродромами, БАО, техническими аэродромными службами, подразделениями связи и

автотранспортными. Упрощенно говоря, делали то, без чего невозможна была боевая работа: заправка самолетов горючим, смазочными средствами, снаряжение боеприпасами, подготовка к вылету, обслуживание после вылета, ремонт самолетов и вооружения, эвакуация поврежденных самолетов, их ремонт и восстановление. Помимо этого — обслуживание и эксплуатация аэродромов, организация питания и быта летного состава, медслужба, обеспечение полетными метеоданными. И, разумеется, оборона аэродромов и охрана складов. Последнее в 1941 году было особо актуальным...

В историческом формуляре 14-го РАБ записано: управление района «сформировано согласно директиве Командующего ЗапОВО в г. Лида» 13 мая 1941 года^[33]. В составе 14-го РАБ должно было быть четыре авиабазы, 16 батальонов аэродромного обслуживания, шесть автотранспортных рот, пять рот связи, четыре зенитные батареи^[34]. Подчинялся РАБ непосредственно штабу ВВС округа.

Фактически же к 22 июня 1941 года в наличии было четыре авиабазы, но лишь восемь батальонов. Обслуживал 14-й РАБ тогда четыре авиаполка (один из которых был еще на стадии формирования) 11-й смешанной авиадивизии, а также, если подсчитать по документам, не менее восьми аэродромов: Лида, Желудок, Щучин, Лунна (Черлена), Скидель, Новый Двор, Лесице, Россь... В качестве средств ПВО — комплексно-зенитные установки системы Токарева — счетверенные пулеметы «максим», да и тех много меньше, чем было положено.

Диверсанты. 22 июня 1941 года

«...Почти одновременно с первым налетом, на десять минут раньше, на аэродром Лида был произведен налет диверсионной группы немцев в количестве 39 человек, одетых сверху в нашу форму, а под ней — в немецкую. В это время у нас в учебном батальоне при 288-й авиабазе как раз проходили ночные занятия по теме „Взвод в сторожевом охранении“. Часовой полевого караула заметил движение людей на опушке березовой рощи, расположенной за границей юго-восточной окраины аэродрома, и сообщил об этом подчаску

(помощник часового в карауле. — *Авт.*). Последний побежал доложить командиру поста, а тот, соответственно, послал посыльного к командиру взвода...

Командир взвода в бинокль рассмотрел, что по направлению на аэродром двигаются несколько десятков солдат, одетых в нашу форму. Только они как-то странно держат оружие, причем не наше. Дальше все было строго по уставам. Взводный через начальника полкового караула — командира отделения — приказал произвести выстрел (предупредительный), предварительно крикнув из укрытия: „Стой, кто идет!“. В ответ неизвестные открыли огонь, продолжив выдвижение к аэродрому. А по моему приказу на все такие занятия подразделения ходили, имея при себе, помимо учебных и холостых патронов, боекомплекты. И после обстрела диверсантами, когда стало ясно, что это немцы, в пулемет заправили ленту и открыли из него огонь. Наступающие частично попадали, частично залегли. Тогда командир взвода поднял взвод в атаку и ударом в штыки полностью уничтожил нападавшую группу. Все 39 человек нападавших были убиты. (Пленных не было: красноармейцев подразделений аэродромного обеспечения на защиту вверенных им объектов аэродромной инфраструктуры натаскивали отменно; взятие же пленных — с последующим их допросом или передачей в распоряжение «компетентных органов» — в уставные задачи охраны аэродрома никогда не входило, огонь вели только на поражение. Когда после скоротечной схватки бойцы боевого охранения осмотрели убитых, обнаружилось, что под гимнастерками у них немецкая форма. Подобное использование формы противника — грубое нарушение 23-й статьи Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны. — *Авт.*) После этого случая командир дивизии отдал приказ всему командному составу выдать винтовки и патроны, организовав на подступах к аэродрому сторожевое охранение, что и было выполнено. В такой обстановке и начался первый день войны...»

Авторская ремарка. В достоверности этого рассказа не дает усомниться приказ начальника штаба группы армий «В» (перед началом русской кампании переименована в группу армий «Центр») вооруженных сил Германии генерал-майора Ганса фон Грейфенберга от 20 мая 1941 года: об использовании диверсантов при нападении на Советский Союз. В приказе говорилось, что «для вывода из строя

намеченных командованием 4-й армии объектов» выделяется «одна рота 800-го учебного полка особого назначения». 800-й учебный полк особого назначения — это подчиненный абверу полк специального назначения «Бранденбург». Читаем дальше: «Данные объекты могут быть захвачены и обезврежены силами роты 800-го учебного полка особого назначения (на каждый объект по 30 человек *при полной маскировке, то есть в форме русских солдат*) накануне или непосредственно перед началом наступления. Данная операция целесообразна и осуществима. <...> В случае если эти объекты будут захвачены силами роты 800-го учебного полка особого назначения (при полной маскировке или при частичной маскировке, когда *поверх немецкой формы надевается гражданская одежда*) перед началом наступления и удерживаться до подхода наших войск, то для осуществления этой операции им следует назначить *ночь накануне дня наступления*». К слову, 4-я армия генерал-фельдмаршала Ганса Гюнтера фон Клюге наносила главный удар на белорусском направлении: похоже, именно в ее интересах и действовали диверсанты, пытавшиеся напасть на аэродром 11-й смешанной авиадивизии в районе города Лида...

Авторская ремарка. В июне 1941 года в войска ушла печально известная директива, обязавшая военных «не поддаваться на провокации». Фактически это был прямой приказ Сталина, за нарушение которого — расстрел. Генерал армии Павлов этот приказ Сталина послушно выполнил. И его расстреляли. А вот полковник Воронов — до него эту высочайшую установку, разумеется, тоже довели — взял на себя смелость ее проигнорировать. И потому на том участке, за который он и отвечал, не допустил нападения на аэродром вражеских диверсантов. Чем, несомненно, спас немало жизней. Вот и вам и разница подходов: один слепо выполнил фактически преступный приказ Сталина, а ценой этой тупой исполнительности стал разгром целого фронта и сотни тысяч погибших уже в первые дни войны. Другой же, прекрасно понимая, что рискует жизнью уже не только своей, но и всей своей семьи — жены и пятерых детей, все равно поступил не согласно преступно-идиотской «указивке» сверху, а так, как и положено настоящему военному, как того требуют воинские уставы, каждая строка которых прописана кровью: сделал то, что нужно и должно.

«Мессеры» прилетели

«Связь со своими частями была нарушена, но ее быстро восстановили — проводную. Радиосвязь еще накануне была запрещена, и нам не было дано документов для ведения зашифрованного радиообмена. А вот со штабом ВВС округа связь прекратилась. В первый день войны я был вызван в Минск, в штаб ВВС округа, и улетел туда на У-2 после первой бомбардировки аэродрома. После возвращения из Минска, где я ничего путевого не получил, явился к Ганичеву^[35], доложил ему минскую обстановку и „установки“ начальства. В это время в Лиду из-под Гродно, с аэродрома Новый Двор, прибыл 122-й истребительный полк, который уже вел бои с немцами под Гродно — его аэродром находился в нескольких километрах от переднего края обороны стрелковой дивизии, которая через шесть часов боя пала смертью храбрых... Там наносился гл[авный] удар на Минск...

Когда 122-й ИАП произвел посадку и заправился, Ганичев приказал мне и командиру эскадрильи этого полка слетать на оперативный аэродром Чеховщина^[36] на самолете У-2 — с целью ознакомиться с аэродромом. Командир эскадрильи направил со мной своего заместителя, Лохматова^[37].

Мы должны были вылететь на том же У-2, на котором я прилетел из Минска. Сели в кабину, начали запуск мотора, но он не запускался, так как был еще очень горячий. В это время т. Лохматов мне крикнул: „Вот они, мессеры!“ И я увидел девятку Ме-109, которые заходили со стороны солнца. Это было 12 часов дня, в это время Молотов выступал по радио. На юго-восточной окраине аэродрома 3000 заключенных работали на строительстве бетонных полос, рулежных дорожек, мест стоянок и других сооружений. „Мессеры“ сделали правый разворот с резким снижением, затем — левый. И с пикирования открыли огонь по работающим [людям], которые падали как снопы. Мне из кабины самолета хорошо была видна эта страшная картина — сильная пыль и смерть беззащитных людей. Затем „мессеры“ перешли в горизонтальный полет на высоте 100–50 метров — с курсом на стоянку дивизионного звена — СБ^[38] замкомандира дивизии, И-16

Ганичева и У-2, стоявший между этими самолетами, — в котором и сидели мы с т. Лохматовым.

С первого захода загорелся СБ и был поврежден наш У-2 — перебиты расчалки, разбита лопасть винта и 20-мм эрликоновскими снарядами^[39] был пробит мой планшет с картой и двумя пакетами.

После прохождения линии стоянок самолетов „мессеры“ стали резко набирать высоту и на северной окраине аэродрома были обстреляны зенитным огнем 223-го ОЗАд^[40]. Они сразу же снизились, развернулись на 180 градусов и начали повторять свой первый заход, но уже не девяткой, а звеньями. Мы выскочили из самолета и заметили, что течет масло и бензин. Самолет был дозаправлен, баки были полными, и, видимо, пули прошли где-то в средней части баков. Хорошо, что не в верхней, иначе бы загорелись (пары бензина). Рядом щелей не было, и в течение нескольких заходов мы оказывались под сильным пулеметно-пушечным огнем. Одно звено, отстрелявшись, набирало высоту и разворачивалось за ангарами, на стрельбу заходило второе, за ним третье, и так далее. Земля вокруг нас была вспахана пулями и снарядами.

Я крикнул Лохматову: „Бежим за ангар!“ Мы вскочили и пробежали примерно метров 200. За линией ангар — их было два — один большой, современный, с каменными стенами и металлоконструкциями, второй старинный — „мессершмитты“ разворачивались на малой высоте, боясь зенитного артогня. Как я в этот момент досадовал, что там нет наших зенитных пулеметов! Во время разворота хорошо видны были их хищные рожи.

Сделав еще пару заходов, они ушли. А И-16 122-го ИАП продолжали заправляться. Мы с Лохматовым побежали к самолетам. Наш У-2 стоял с разбитым винтом и повисшими расчалками, из него лилось масло и бензин. Моторист, который до штурмовки дергал за винт (заводя мотор), лежал раненный в живот, но, видимо, легко: сам поднялся и ушел в ангарный домик (его вылечили в нашем лазарете, и примерно через месяц он уже был в строю).

Смерть комдива

«Но тут меня позвали механики полка, я подбежал и увидел лежащим с закрытыми глазами П. И. Ганичева. Проверил у него пульс: сердце работало. Я расстегнул реглан и обнаружил ранение в верхнюю часть правого легкого. Пуля прошла навылет. Я подозвал двух летчиков и санитаря, и мы его понесли: летчики по бокам, за полы реглана, санитар за ноги, а я одной рукой держал между лопаток, другой поддерживал голову. В это время зашли 14 „Мессершмиттов-110“. Стали в круг и с пикирования начали обстреливать стоянку самолетов. Перед выводом из пикирования сбрасывали бомбы-лягушки SD-2^[41]. Огонь был очень мощный, бомбы рвались с черным дымом и пылью, наши стоянки сплошь покрылись разрывами. А при выводе из пикирования стрелок еще и обстреливал аэродром из крупнокалиберного пулемета. Летчики, которые вместе с нами несли Ганичева, попадали, и я не понял, что с ними произошло. Я крикнул санитарю, чтобы он не...»^[42]

Из другой записи

«Командир 11-й САД полковник Ганичев в первый день войны был тяжело ранен часов в 12 дня, а вечером после операции умер. Похоронить его не удалось, так как на второй день войны немцы разбомбили военный госпиталь, и там, под развалинами каменных сооружений, погибли все — раненые, больные, а также весь медперсонал».

23–27 июня 1941 года

«...Оставался за него начальник штаба полковник Воробьев. В период переброски дивизии и РАБа (комдивом) был назначен „на бумаге“ командир 127-го ИАП (подполковник Гордиенко). Фактически все части, входившие в состав этих соединений, вывел я. Сначала в район Молодечно, но ввиду того, что немцы уже пересекли дорогу Молодечно — Минск, пришлось вернуться всей громадой обратно почти до Лиды — до впадения реки Гавья в Неман в 20 километрах восточнее Лиды. Мост в этом районе через Неман был разрушен, и я

организовал переправу на пароме и вывел части на дорогу местечко Мир — станция Столбцы.

Такую большую колонну немецкая воздушная разведка не могла не заметить, поэтому я старался совершать марш ночью, причем вел накануне и в движении тщательную разведку. Только в одном месте, исходя из общей обстановки, я вынужден был продолжить марш в светлое время. Несмотря на высокую дисциплину марша и очень хорошую маскировку, немецкий разведчик, „рама“, все же начал кружить в районе движения колонны. На это время колонна остановилась, все машины были рассредоточены по обочинам дороги, и каждая — после маскировки — представляла собой очень большой куст. Но я понял, что он нас разгадал: видимо, выдала пыль — дорога была проселочная, без покрытия. Я произвел расчет по времени: передача (сводки) с самолета по радио, прием радиотелеграммы, доклад начальнику, подъем бомбардировщиков, полет по маршруту до цели — и определил, что успею втянуть колонну в лес. И продолжил уже ускоренное движение колонны, как только разведчик отвалил и ушел.

Лес был лиственный, дорога по нему проходила километров 15–17. По уставу положено при остановках колонны принимать вправо и освобождать проезжую часть. Поэтому после втягивания колонны в лес я решил разместить ее, как только позволит местность, **влево**. Таким образом, нам удалось продвинуть машины и личный состав метров на 200–300 (от дороги). Не более пяти минут спустя после занятия этого положения пришла девятка Ю-88. Прошла эта девятка строго над дорогой и вышла за пределы леса, где была чистая степь. Не обнаружив нас на дороге за лесом, девятка развернулась, зашла на боевой курс и отбомбила вдоль дороги (как раз) по правую сторону нашего движения.

Мы же в это время уже успели отрыть щели и приготовились к приему пищи. Последующий бомбовый удар немцы провели точно так же, как и первый. С наступлением темноты мы двинулись дальше. Я спешил вторично миновать переправу через Неман в районе Столбцы, где был мост. Разведка, высланная на мотоциклах, наши безлошадные летчики^[43], доложила, что мост цел, но что противник в этом районе уже был.

Достигнув исходного положения до переправы через мост и лично ознакомившись с обстановкой, отдал приказание: на предельно большой скорости проезжать по одной машине на дистанции 200 метров друг от друга, а сосредоточиваться в семи километрах (от переправы) — в глубине леса восточнее моста.

Как только прошли первые пять машин, по дороге и по мосту был открыт артиллерийско-минометный огонь. Разрывы ложились в стороне дороги — то влево, то вправо, по дороге попадали редко. И мы проскочили, из всей колонны была подбита лишь одна машина — автостартер.

Вышли мы за старую границу и углубились в дремучий, прекрасный сосновый лес. Гул артиллерийской стрельбы стих, решил сделать большой привал. Хорошо замаскировавшись, покушали, и, выставив охранение и организовав наблюдение за воздухом, я разрешил всем отдыхать. Люди были очень утомлены, так как с начала войны все спали очень мало. Особенно я беспокоился за шоферов.

Поспали часа два, и среди жаркого ясного дня вдруг зашли черные грозовые тучи, началась гроза с проливным дождем. Решил использовать нелетную погоду и среди дня двинул колонну на Минск. Так мы достигли аэродрома Мачулище, что в 14 километрах южнее Минска. Колонну к вечеру я укрыл в лесу, а сам поехал на аэродром. Моим глазам представилась неприглядная картина...

На этом аэродроме строили ВПП с бетонным покрытием, и там работали три тысячи заключенных. Ни одного живого человека я не обнаружил — видимо, после воздушного налета все (выжившие) ушли. Валялись сотни уже разлагающихся трупов. В ангаре стояли, видимо, неисправные самолеты И-16. Склад ГСМ был цел. Склад боеприпасов взорван — то ли преднамеренно, то ли от бомбежки. Остальные склады были целы, и я приказал пополнить запасы продовольствия, обмундирования и белья».

Брошенный город

«Поехал в Минск и по дороге встретил там знакомого заместителя командира танковой бригады, который вел разведку насчет ГСМ. Я его

со всей колонной БТ привел на аэродром и официально, под расписку, сдал ему склад ГСМ.

После этого уехал в Минск вместе с заместителем начальника особого отдела дивизии Ляшенко. Он за несколько дней до этого отправил семью в Минск и просил меня подвезти его до квартиры в городе. Въехали мы в Минск. Город имел значительные разрушения. Выехали на Советскую улицу: многие дома были разрушены, электропроводка нарушена, провода упали где на дорогу, где — на разбитые дома. Дом правительства БССР был цел, студенческий городок недалеко от него — тоже.

Из населения, милиции и военных в городе не было видно никого, кроме заключенных, вероятно, из Мачулища: они парами тащили на перекладинах окорока, ящики с вином и уходили на восточную окраину города. Их было много.

И вот заехали мы на квартиру Ляшенко. Дом был поврежден разрывами авиабомб. Мы зашли на третий этаж по поврежденной лестничной клетке и вошли в квартиру: дверь была вырвана, окна — тоже, потолок и пол пробиты, на стенах кровь. И на одной из них прилепился подбородок — детский. Он опознал подбородок своей дочери. Ему стало плохо, и я приказал командиру отделения вынести его в машину — нас сопровождало легко-пулеметное отделение, три человека. После этого я проехал в штаб ВВС Белорусского особого военного округа.

Там тоже не оказалось ни души. В здании обнаружил всего одну пробоину авиабомбы, которая прошла через все перекрытия и взорвалась в подвальном помещении. На полу валялись личные дела командиров, причем очень много! Мы нашли наши дела и сожгли их, а заодно также и много разной переписки. Оттуда я уехал разведать автостраду Минск — Орша — Москва. Проехав через Красное Урочище^[44] километров 10, встретил нашу небольшую танковую группу. Танкисты сказали мне, что немецкие части уже пересекли автостраду в районе западнее Жодино. После тщательной разведки установил, что автострада Минск — Москва действительно уже перерезана.

Я развернулся в обратную сторону и поехал в Мачулище. Доложил обстановку комиссару дивизии Соколову^[45] и врио командира дивизии подполковнику Гордиенко. Затем доложил свое

решение: двигаться на Могилев через Березино. Надо сказать, что все эти дороги как в Западной, так и в Восточной Белоруссии я знал отлично. Со мной согласились, и ночью я повел колонну по маршруту: Мачулище — южная окраина Минска — шоссе Минск — Бобруйск, и далее до населенного пункта Обчак, что в 18 километрах от Минска, повернул на шоссе Березино — Могилев.

Березино мы достигли ночью, к рассвету. Двигались без огней, довольно медленно. Переправляться на восточный берег реки Березина в светлое время я не решился: на западном берегу был хороший лес, а на восточном — голое место. А ехать днем до Могилева, безусловно, было бы не только рискованно, но и глупо. Расположив колонну в лесу, я пошел на восточный берег и там, недалеко от моста, обнаружил наших военных, среди них одного генерала, сообщившего мне, что он является начальником обороны на данном участке и что ему приказано взорвать мост. В свою очередь, я сообщил ему свои цели и задачи и, исходя из обстановки, просил до наступления темноты мост не взрывать — с тем, чтобы с наступлением темноты повести колонну на Могилев. Он согласился с моим решением и обещал до вечера моста не взрывать.

Оставив на месте т. Гордиенко и Соколова, вместе с Воробьевым^[46] я уехал на его легковой машине в Могилев. Всю дорогу мне пришлось стоять на подножке, наблюдая за „воздухом“. Через каждые две-три минуты над шоссе на бреющем полете проходили пары немецких самолетов и сбрасывали бомбы, чтобы разрушить линии связи. Каждый раз, заметив на горизонте две точки, мы выскакивали из машины, отбегали за дорогу и падали в углубление, местами даже быстро откапывали такое углубление и ложились. После пролета пары самолетов вскакивали и продолжали движение. Тренировка получилась богатая!

Не доезжая километров двадцати, мы заметили, что немецкие самолеты разворачиваются влево, уходя в западном направлении через реку Березина. И тут же заметили наши истребители МиГ-3, которые прикрывали район Могилева. Так мы доехали до города. Заметив парикмахерскую, остановились, решили привести себя в порядок. Сняли комбинезоны, помылись, подстриглись, побрились. Вышли из парикмахерской, и я решил зайти к коменданту гарнизона Могилева, предварительно узнав в парикмахерской дорогу и адрес. Машину пока

оставил у парикмахерской. Пройдя метров 300, встретил майора, спросил его, как найти коменданта. Он спросил меня, кто я такой и зачем мне это мне нужно. Предъявил ему удостоверение личности и, в свою очередь, предложил ему показать документы. Он оказался помощником коменданта города и сообщил, что штаб ВВС находится на аэродроме.

Отправился на аэродром и, прибыв туда, явился к генералу Таюрскому и полковнику Худякову^[47]. Таюрский был очень мрачен, Худяков расспросил меня о состоянии авиабаз и о дивизии. После моего доклада он позвонил командующему войсками на Главный командный пункт, после чего приказал ехать с ним туда.

Главный командный пункт находился в лесу, восточнее Могилева километрах в пятнадцати. Там были построены хорошо оборудованные землянки, в которых располагалось оперативное и разведывательное управления штаба Западного фронта, узел связи. Под соснами были поставлены столики со скамейками. Оставив меня на одной из них, Худяков ушел к начальству. Через некоторое время ко мне подошли два полковника из оперативного управления Генштаба и объявили мне, чтобы я подробно доложил всю нашу „эпопею“, от первого момента до настоящего времени.

Я открыл свою карту и подробно доложил обстановку от самого начала боевых действий, а также по всему нашему маршруту. В некоторых местах они меня останавливали, просили пояснить подробнее. Этот допрос-информация длился два часа. Потом они ушли, через какое-то время вернулись и сообщили, что моим докладом остался доволен Климент Ефремович Ворошилов^[48] и через них передает мне благодарность. Одновременно они передали, чтобы по получении приказа от Худякова я приступил к выполнению поставленных им задач.

Мы вошли в подчинение ВВС Западного фронта^[49]. Прибыли в район базирования Гановка — станция Коммунарка — Кричев, к нам был назначен новый комдив — дважды Герой Советского Союза Кравченко...»

На этом записки деда обрываются. Но из документов ЦАМО ясно видно: именно по выходе 14-го РАБ к своим 11-я смешанная авиадивизия, получившая новые самолеты, смогла возобновить боевую работу.

Личное дело полковника Воронова

К исходу 23 июня 1941 года почти весь уцелевший летный состав 11-й САД был отправлен в тыл: часть летчиков перелетела на запасные аэродромы на своих самолетах. Отправили и «безлошадных» — в Минск и Москву — получать новую матчасть: кого по воздуху, кого поездами и на автомобилях. Затем по приказу штаба ВВС Западного фронта начался отвод и собственно 14-го РАБ и остатков наземных подразделений 11-й авиадивизии. Но еще до выхода из Лиды колонны 14-го РАБ и остатков 11-й авиадивизии, к вечеру 23 июня, невзирая на бомбежки аэродрома и города, дед организовал эвакуацию в тыл из военного городка женщин и детей, выделив полуторки и автобусы. Затем вместе с подчиненными занялся уничтожения имущества, которое невозможно было вывезти: горюче-смазочных материалов, боеприпасов, вооружения, вещевого имущества, стационарных мастерских. Вывели из строя и оставленные самолеты. Что не смогли вывезти или уничтожить, как рассказывал дед, чтобы не оставлять немцам, постарались раздать населению. Позаботились и об уничтожении всей секретной документации. И в ночь на 24 июня выдвинулись сами.

Только вот, увы, далеко не все: немало бойцов и командиров 286-й авиабазы и 165-го БАО пало в бою, защищая аэродром Новый Двор от прорывавшихся к нему немецких частей — они дали возможность летчикам 122-го истребительного авиаполка уйти из-под удара. При обороне этого аэродрома погиб почти весь командный состав 165-го БАО: в списках безвозвратных потерь насчитал девять человек только командного состава. В их числе и командир батальона, капитан Михаил Безруков...

Под командованием полковника Павла Воронова из кольца было выведено порядка 2000 человек и 250 единиц техники: весь автопарк своего района и дивизии, который сумел собрать. И, главное, топливо — и маслоснабженники, машины для заправки водой, сжатым воздухом, автостартеры, кислородные станции, подвижные авиаремонтные мастерские, тягачи, технику для чистки летного поля от снега, подвижные радиостанции, загрузил и увез аппараты для подогрева зимой моторов... Под завязку залили в цистерны топливо и масло, да еще вывезли немало боеприпасов и вооружения. Как рассказывал дед,

когда увидел, что соседние, пехотные, склады забиты новейшими самозарядными винтовками Токарева (СВТ-40), душа не выдержала — сколько могли, «позаимствовали».

Дед рассказывал, как шли по проселочным дорогам, обходя немецкие дозоры и заслоны, порой двигались параллельно несущимся по шоссе немецким колоннам: «Всю Белоруссию за 20 лет службы буквально пешком прошагал и на самолетах облетал, знал все тропы и броды, на картах не отмеченные. Там и шел, где на картах ничего не было...». Как-то спросил его: вас было так много, почему же не вступали в бой, почему не били по немецким колоннам, не атаковали... Дед, сдерживая резкие слова, после паузы ответил романтическому мальчишке: «С авиатехниками, мотористами, связистами, инженерами, вооруженцами, интендантами, поварами, шоферами, фельдшерами и летчиками — против строевых частей?! С винтовками, считанным количеством пулеметов, без противотанковых средств, без тяжелого вооружения — против полевых полноценных войск? С машинами, до отказа забитыми авиабомбами, боеприпасами, с цистернами горючего, когда хватило бы одной пули, чтобы все это взлетело на воздух — в бой? Может, кого-нибудь из засады и потрепали бы, на этом все тут же и закончилось бы. И наша дивизия лишилась не только техники, без которой она просто не могла воевать, но и нескольких сотен подготовленных специалистов, заменить которых было некому...». Всю справедливость этих горьких слов смог осознать много позже — когда сам побывал на войнах...

А еще, взяв карту, подсчитал: выходя из кольца, колонна деда прошла — в основном ночью, нередко под бомбежками и артобстрелами — свыше 550 километров. Много это или мало, судить не мне.

Из служебной характеристики на начальника 14-го района авиационного базирования полковника Воронова Павла Петровича, подписанной 28 сентября 1941 года командиром 11-й САД генерал-лейтенантом авиации, дважды Героем Советского Союза Кравченко:

«С начала военных действий с немецким фашизмом полковник Воронов бесперебойно обеспечивает боевую работу авиаполков дивизии. Благодаря его упорной работе авиаполки не чувствовали

недостатка в снабжении боеприпасами, горючим и всеми остальными видами снабжения и довольствия. Инициатива, которую проявляет полковник Воронов, позволяла своевременно маневрировать батальонами и выводить из-под ударов противника. С 22 июня по 20 сентября район вместе с 11-й САД сменили 7 аэродромных узлов. Передовые аэродромы находились в 8–12 километрах от противника, но благодаря хорошей маскировке аэродромов не было ни одного случая бомбардировки и штурмовки их самолетами противника. Наши авиаполки на аэродромах не потеряли ни одного своего самолета.

Товарищ Воронов лично руководил обороной города Погар, где задержал противника силами бойцов своих батальонов, чем обеспечил отход частей 13-й армии, за что получил благодарность от командующего Брянского фронта. <...> В работе не один раз подвергался опасностям, выводя батальоны из-под огня противника. Трудлюбив, вынослив и дисциплинированный командир. Заслуженно пользуется авторитетом. <...> Представлен к правительственной награде...» Ниже виза командующего ВВС 13-й армии генерал-майора авиации Емельянова: «С данной характеристикой <...> вполне согласен, тов. Воронов со своей задачей справлялся отлично, <...> сам является неутомимым инициативным командиром...»^[50].

Глава 14. «Арестовать и судить как труса и предателя...»

В июле 1941 года по приказу Сталина было расстреляно командование Западного фронта

8 июля 1941 года начальник 4-го отдела 3-го Управления Наркомата обороны^[51] бригадный комиссар Болотин направил спецсообщение № 37030 двум членам Государственного комитета обороны (ГКО) — Георгию Маленкову и Лаврентию Берии, а также начальнику Генерального штаба РККА Георгию Жукову. Особист информировал, что командующий 4-й армией Западного фронта генерал-майор Александр Коробков «проявил трусость и не организовал оборону частей армии». По версии чекистов, «23 июня 1941 года он, вместе со своим штабом, уехал в Пинск, где областному военкому майору Емельянову сказал, что „нас окружают войска противника“, и, не отдав никаких приказаний о подготовке частей к бою, уехал в Минск». После чего майор Емельянов, будучи по должности еще и начальником Пинского гарнизона, «собрал командиров частей и отдал приказание — подготовить части к эвакуации, а Пинскому военгоспиталю эвакуироваться немедленно. Одновременно приказал начальнику окружного склада № 847, воентехнику 1-го ранга Разумовскому, взорвать склад». Разумовский приказ вышестоящего начальства «выполнил 24 июня». Взрывом склада, говорилось в спецсообщении, уничтожено около 300–400 вагонов с артиллерийскими снарядами разных калибров, винтовочными патронами и другими боеприпасами, «в то время, как части 4-й армии, находившиеся за 70 км от Пинска, оставались без боеприпасов». Также, по утверждению чекистов, «взрыв склада осложнил военные операции частей Красной армии, действовавших на фронте», «вызвал панику среди жителей г. Пинска», в результате чего «призванные по мобилизации, находившиеся в военном городке, после взрыва склада разбежались. Емельянов и Разумовский арестованы».

Далее в спецсообщении утверждалось, что «после бегства командования 4-й армии на Пинском направлении из остатком 4-й армии был сформирован ряд частей, которые единого руководства не имеют и бои ведут самостоятельно», а действующие в составе 4-й армии части 47-го стрелкового корпуса «вооружением обеспечены недостаточно. Всего имеется: пушек 45-мм — 4 и пушек 122-мм — 12. Боеприпасов не хватает даже и на эти огневые средства». Потому «28–29 июня при форсировании противником реки Березина части корпуса из-за остатков снарядов вынуждены были вести огонь по противнику одиночными выстрелами». При этом «29 июня во время артобстрела наших частей со стороны противника с линии фронта бежало около 500 человек. Все они задержаны».

Судьбу командарма стая товарищей по партии решила быстро, споро и заочно, пустив бумагу вкруговую. Задав тон «дискуссии», свое веское мнение первым на полях документа начертал Лаврентий Берия: «т. Маленкову. Мое мнение: Коробкова нужно арестовать и судить как труса и предателя». Маленков не возражал, подмахнув ниже: «За». Дописав рядом: «Арестовать после замены Коробкова Рокоссовским. Маленков». Рядом значится и характерная виза Вячеслава Молотова, заместителя председателя ГКО и наркома иностранных дел, формально не значившегося в списке тех, кому документ ушел по рассылке: «Согласен». Итог подвел, разумеется, Берия, отдав распоряжение заместителю начальника 3-го управления дивизионному комиссару Федору Тутушкину: «т. Тутушкину. Исполнить как указано т. Маленковым и т. Молотовым», — хотя указано ведь, на самом деле, самим же Берией. Ниже отчет об исполнении: «Коробков арестован. Тутушкин».

Так стремительно и решилась судьба командарма: генерал-майора Александра Коробкова сняли с должности и арестовали 8 июля 1941 года, так и не став дожидаться Рокоссовского, прибывшего к армии лишь 11 июля. Затем вместе с группой других генералов Западного фронта Коробков был предан суду военного трибунала. Разумеется, ни трусом, ни предателем генерал Коробков вовсе не был. Его армия, располагавшаяся в районе Бреста, 22 июня 1941 года подверглась мощному удару двух моторизованных и одного армейского корпусов из состава 2-й танковой группы Гудериана и понесла огромные потери, затем в дело вступил еще один, свежий моторизованный корпус

противника. Тем не менее, хотя в районе Бреста армия Коробкова и потерпела поражение, она все же сумела избежать полного окружения, ее остатки отходили, продолжали сражаться, оставаясь организованной оперативной единицей, да и связи со штабом Западного фронта Коробков вовсе не терял.

Пытаясь снять с себя вину за развал управления, бывший командующий войсками Западного фронта генерал армии Павлов на своем первом допросе 7 июля показал: «Потеря управления штабом 4-й армии Коробковым и Сандаловым^[52] своими частями способствовала быстрому продвижению противника в Бобруйском направлении». Генерал Коробков на суде все это категорически отрицал: «Виновным себя не признаю. Я могу признать себя виновным только лишь в том, что не мог определить точного начала военных действий. Приказ народного комиссара обороны мы получили в 4:00, когда противник начал нас бомбить... События развернулись молниеносно. Наши части подвергались непрерывным атакам крупных авиационных и танковых соединений противника. С теми силами, которые я имел, я не мог обеспечить отпор противнику. Причинами поражения моих частей я считаю огромное превосходство противника в авиации и танках». Когда председательствующий огласил выдержки из показаний Павлова, то Коробков возмутился: «Показания Павлова я категорически отрицаю. Как может он утверждать это, если он в течение 10 дней не был у меня на командном пункте. У меня была связь со всеми частями, за исключением 46-й стрелковой дивизии, которая подчинялась мехкорпусу. На предварительном следствии меня обвиняли в трусости. Это неверно. Я день и ночь был на своем посту. Все время был на фронте и лично руководил частями. Наоборот, меня все время обвиняло 3-е управление в том, что штаб армии был очень близок к фронту». Когда же зачили показания Павлова, что командование 4-й армии «не выполнило моих приказов о заблаговременном выводе частей из Бреста», Коробков резко заметил, что «приказ о выводе частей из Бреста никем не отдавался. Я лично такого приказа не видел». В своем последнем слове Павлов все же признал, что «Коробков удара трех механизированных дивизий (на самом деле не дивизий, а корпусов. — *Авт.*) противника выдержать не мог, так как ему было нечем бороться с ними». Генерал Коробков своей вины не признал, сказав в последнем слове, что его 4-я армия, «по

сути, не являлась армией, так как она состояла из четырех дивизий и вновь сформированного корпуса. Мои дивизии были растянуты на расстояние 50 км. Сдержать наступление 3 мехдивизий (правильнее — корпусов. — *Авт.*) противника я не мог, так как мои силы были незначительными и пополнение ко мне не поступало. Первые два дня начала военных действий моим частям двигаться нельзя было из-за огромного количества самолетов противника. Буквально каждая наша автомашина расстреливалась противником. Силы были неравные. Враг превосходил нас во всех отношениях». Однако 22 июля 1941 года генерал Коробков вместе с другими обвиняемыми — генералами Павловым, Климовских и Григорьевым — был приговорен к лишению звания, наград и расстрелу. В тот же день приговор привели в исполнение на Бутовском расстрельном полигоне НКВД.

Трудно судить, насколько верными были его действия в первые дни того хаоса, что воцарился после 22 июня, однако надо признать, что информацию о состоянии дел начальнику гарнизона Пинска он предоставил вполне достоверную, дав, по крайней мере, тем самым возможность своевременно эвакуировать госпиталь, спасти его персонал, больных и раненых от неизбежного в ином случае захвата их немцами. Со взрывом же склада дело и вовсе темное: если в спецсообщении утверждалось, что склад был взорван 24 июня, то, согласно уже другим документам, его уничтожение было произведено 28 июня. К тому времени уже было очевидно, что ни удержать Пинск, ни вывезти оттуда склады советские войска возможности уже не имеют. Как полагал бывший начальник штаба 4-й армии Леонид Сандалов (впоследствии генерал-полковник), генерал Коробков был обречен на заклятие изначально: «К концу июня 1941 года был предназначен по разверстке для предания суду от Западного фронта один командарм, а налицо был только командарм 4-й армии, — утверждал Сандалов. — Командующие 3-й и 10-й армиями находились в эти дни неизвестно где, и с ними связи не было. Это и определило судьбу Коробкова». Хотя, конечно, судьбу, скорее, определило то, что Верховному главнокомандующему позарез нужна была показательная расправа над теми, кого можно было назначить виновниками поражения, показав остальному генералитету, что сталинский карательный меч вовсе не затупился. В 1957 году генерал Коробков «за отсутствием состава преступления» посмертно реабилитирован.

Глава 15. «Сдан противнику без санкции Ставки»

О русском мате в подстрочниках секретных документов

10 июля 1941 года было образовано Главное командование войск Юго-Западного направления, во главе которого был поставлен маршал Советского Союза Семен Буденный. 16 июля 1941 года начальник германского Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер с удовлетворением записал в служебный дневник: «Противник оставляет Бессарабию», затем добавил: «Наши войска заняли Кишинев». В этот день в Кишинев вошли румынские войска. И вот 17 июля 1941 года в 16 часов 45 минут (судя по отметке на бланке) между Генеральным штабом РККА и штабом войск Юго-Западного направления имел место примечательный разговор по прямому проводу: «У аппарата полковник Громов^[53], ожидает у аппарата генерала Покровского^[54]. Имею срочное указание генерала армии. Т. Зеленский^[55] доложите сейчас же маршалу следующее: генерал армии т. Жуков приказал срочно затребовать от тов. Тюленева^[56], Буденного объяснение, на каком основании сдан противнику город Кишинев без санкции Ставки. Ответ жду у аппарата. Прошу быстрее доложить и дать ответ <...>».

Как и по сей день принято писать про начальный период войны, советские войска «вели упорные оборонительные бои в Молдавии, организованно отводили свои силы на рубеж Днестра», «оборона советских войск в Молдавии, в отличие от Прибалтики и Белоруссии, сохранила устойчивость»... И ведь это не перевод с какого-нибудь там англо-саксонского или хотя бы немецкого, а написано как бы по-русски! Хотя на деле сущность всего происходившего там и тогда выражается русским языком проще и яснее — полный ...

Как записано в журнале боевых действий Южного фронта, «благодаря значительному превосходству в силах пр[отивни]ку удалось потеснить 9 А[рмию] и овладеть Кишинев[ом]». 14–15 июля 1941 года остатки 95-й стрелковой дивизии 9-й армии Южного фронта,

защищавшей подступы к Кишиневу, стали, как гласит журнал боевых действий фронта, отходить «под натиском превосходных сил пр[отивни]ка и под угрозой охвата флангов». При этом дивизии пришлось действовать «будучи в отрыве от других частей с неприкрытыми флангами»: на правом фланге разрыв между ней и другими советскими войсками составил 20 километров, на левым фланге — 30 километров!

Донести высшим инстанциям о падении Кишинева командование Южного фронта сразу не решились, предприняв попытку отбить его: «Командарм 9 решил перейти 17.7 в контрнаступление с целью овладеть Кишинев[ом]». При этом именно обескровленной предыдущими боями 95-й стрелковой дивизии поставили задачу «на Кишинев». Далее в журнале боевых действий значится, что «9 А[рмия] с утра 17.7 перешла в контрнаступление». Но отбить Кишинев не удалось...

Да и черт бы с ним, с Кишиневом! У маршала Буденного голова тогда точно болела об ином и куда более серьезном. «Отвечаете головой за Киев, — „ласково“ напутствовал Сталин маршала, назначая его на командование Юго-Западным направлением, — так что думайте, как сдержать врага». А чем сдерживать, если, как тогда же сказал Сталин, «резервов пока у меня нет, и как бы ни было тяжело, не просите, напрасная трата времени». Проще говоря, держи Киев, Семен, любой ценой, а ежели сдашь... Аккурат тогда же «палец Сталина», кровавый начальник Главного политуправления РККА Лев Мехлис присылает Буденному на подпись проект приказа по войскам Юго-Западного направления: «Впредь за самовольный отход частей и самовольную сдачу стратегических пунктов врагу виновные в этом командиры частей и соединений будут караться расстрелом». Да вот только едва успел свеженазначенный Семен Михайлович прибыть на свой КП, как ему доложили, что в районе реки Ирпень части танковой дивизии генерала Клейста уже вышли к переднему краю Киевского укрепрайона и до Киева им уже всего ничего — 20 километров. А тут еще и Кишинев под ногами путается... Тоже формально «стратегический пункт», да вот только какой уж тут на хрен — и на все буквы русского алфавита — Кишинев, если враг у ворот Киева?! Да еще под Уманью назревает очередной «котел»...

Вместо помощи и резервов Буденный получил тогда телеграмму за подписью... В. Молотова: рассказ о том, как главком войсками Северо-Западного направления тов. Ворошилов собрал и забросил в тыл врага аж 10 истребительных полков по 1000 человек каждый из ленинградских рабочих, на 80 % вооруженных винтовками «германского образца» — то есть трофейными винтовками еще времен Первой мировой войны — и «по 150 патрон[ов] на винтовку» — едва ли не на единственный бой. Да еще «ручных гранат по 3 штуки на человека», 1500 литров бутылок горючей смеси на полк, по 180 противотанковых гранат и по 500 штук компасов — тоже на полк! Не забыл т. Молотов уведомить Буденного, что еще на каждый «полк выдано по 30 000 рублей». Словом, ни в чем себе не отказывайте, закидывайте немцев хоть компасами, хоть пачками червонцев. И главное — помета Молотова «Передается как пример для подражания»! Больше никто про те заброшенные полки никогда не слышал: сгинули. Тут же — послание уже от Мехлиса: текст «обращения к нашим бойцам и подразделениям, сражающимся в тылу противника». И указивка — «Отпечатайте массовым тиражом и поручите самолетами забросить в оккупированные районы, где сражаются наши бойцы». Листовки для окруженцев вместо реальной помощи! Несложно угадать все богатство устной реакции на эти ЦУ природного кавалериста Буденного, а тут еще, как в том анекдоте, «появился поручик Ржевский и начались безобразия»: со своим Кишиневом образовался начальник Генерального штаба Жуков, который столь же «великий» штабист, как и Семен Михайлович — примадонна Большого театра. Этот, с позволения сказать, без году неделя генерал армии требует объяснений — от целого маршала Советского Союза! — кто сдал врагу «стратегический пункт» и почему маршал еще не соизволил отчитаться перед генералом армии?!

Ни командира дивизии, ни командарма, ни тем паче комфронта Буденный даже и пальцем не тронул — воевать-то кто будет? Потому ответ маршала Буденного генералу армии Жукову, надо полагать, был дан в той единственной форме, которая только и могла тогда витать в воздухе — простым, ясным, внятным русским языком: а не пошел бы ты... Дальше каждый, даже и не будучи маршалом, сам легко может вставить положенные по смыслу и контексту адреса и выражения, известные каждому русскому человеку. Именно потому никакая

секретная документация сего сохранить не могла в принципе — емкий ответ тов. Буденного столь густо и явственно висел в аппаратной, что никакой ВЧ его передать было не по силам. Потому в печатной документации образовалась некая пауза, значение которой в Москве поняли не сразу. Сочтя, что маршал запрос проигнорировал, его запросили снова: «У аппарата полковник Громов: тов. Зелен[ский], я вас понял так — маршал тов. Буденный не знает причин сдачи Кишинева — и принимает меры к выяснению??? <...>»

Ага, сейчас, принимает! Надо полагать, в то время как немцы в буквальном смысле слова стучались в ворота Киева, маршалу просто делать было больше нечего, кроме как «принимать меру к выяснению» местонахождения снега прошлогоднего урожая?! На сей раз вполне заслуженную Жуковым порцию исконно-русских выражений шифровальщикам узла связи все же удалось кое-как выразить печатно: «Тов. Громов, по телефону ВЧ требование тов. Жукова дать объяснение получено и приняты меры к выяснению причин сдачи Кишинева <...>». Судя по скорому последующему ответу, до Генштаба наконец дошло: «Вы поняли правильно. Все понятно. Есть. Я кончил». С этого момента тема извлечения из тов. Буденного каких-либо «объяснений» — по поводу сдачи Кишинева «без санкции Ставки» — начисто исчезла из переписки Генштаба с главным командованием Юго-Западного направления. Применительно к лету 1941 года в литературе обычно используют такие выражения, как хаос, бардак. Но все эти слова лишь в самой малой степени способны выразить то, что в реальности ощущали тогда все, от самого первого маршала до самого последнего бойца: творилось то, что можно выразить лишь простым русским языком. Эта переписка — как раз полная иллюстрация ужасающего хаоса, творившегося тогда как в головах высших инстанций, так и на местах. «Верхи» реальной информацией не имели и ситуацией не владели совершенно, а «низы» — фронтовые штабы — получали в качестве приказов откровенный бред. Стороны искренне испытывали по отношению друг к другу чувства столь диаметрально противоположные, что объединяло их лишь одно — густой русский мат. Зафиксированный секретной документацией, пусть и весьма специфическим образом.

Глава 16. «В руки врага попадают совершенно секретные сведения...»

Как Сталин войсковую связь проводил

23 июля 1941 года все узлы связи штабов советских фронтов были перегружены приемом секретного приказа Сталина. Точнее, это был приказ наркома обороны СССР № 0243 «Об улучшении работы связи в Красной армии»: Сталин его и подписал как нарком, а генерал армии Жуков — как начальник Генерального штаба. Совершенно очевидно, что основную часть приказа сочинял и самолично диктовал именно Сталин. Что заметно по характерному языку документа, его лексике и стилистике, но, главное, по сугубо штатской ментальности главного сочинителя — матерого партийного бюрократа, а не профессионального военного.

«Опыт войны показал, — чеканил приказ сталинским голосом, — что неудовлетворительное управление войсками в значительной мере является результатом плохой организации работы связи и, в первую очередь, результатом игнорирования радиосвязи, как наиболее надежной формы связи. Управление войсками, опирающееся главным образом на телефон, непрочное и ненадежно, так как при порче телефонных линий оно прекращается на продолжительный срок, — делает свое гениальное открытие вождь племен и народов. — Недооценка радиосвязи как наиболее надежной формы связи и основного средства управления войсками является результатом косности наших штабов, непонимания ими значения радиосвязи в подвижных формах современного боя. У нас в нарушение всех правил по телефонам ведутся оперативные переговоры, в открытую называются части, соединения, их задачи и дислокация, фамилии и звания начальников. Тем самым в руки врага попадают совершенно секретные сведения. Также в нарушение всех правил наши штабы сверху донизу совершенно не пользуются по линии связи простыми переговорными таблицами и кодированной картой, вся телеграфная переписка идет через шифрорганы, работающие с большой

перегрузкой. В море всяких документов, часто не имеющих оперативного значения, тонут важнейшие приказы, директивы и распоряжения. Они с большим опозданием, на 8–10 часов, попадают в подчиненные штабы, и часто намеченная операция срывается». Тонули — это факт, но кто в этом виноват, если огромной грудой совершенно бессмысленной, а то и просто откровенно глупой и вредной документации те штабы тогда запрудили как раз сами высшие инстанции — тот же Верховный главнокомандующий, на время утративший после 22 июня 1941 года едва ли не всякое представление о реалиях, а потому неистово требовавший только победных наступлений; Генеральный штаб во главе с Жуковым, потерявший тогда едва ли не все нити управления войсками, потому слабо знавший, что творится на фронтах. Но главным «спамером» того времени стоит признать заместителя наркома обороны и начальника Главного политуправления РККА армейского комиссара 1-го ранга Льва Мехлиса. Работая с архивными документами, несложно убедиться, что штабы фронтов и главные командования направлений были тогда буквально затоплены валом всевозможных приказов, распоряжений, указаний за его подписью. Поскольку сам работал с такими материалами, могу однозначно утверждать, что на все сто процентов это было откровенно пропагандистское дерьмо, годное лишь для использования в солдатском отхожем месте. Например, даже в самый разгар битвы за Украину штаб маршала Буденного, главнокомандующего войсками Юго-Западного направления, был буквально завален массой хлама, который работники его штаба должны были принять по закрытым линиям связи, расшифровать, направить для исполнения...

Опять же, по версии Сталина, во всех проблемах связи виноваты именно «косные» штабы — словно эти штабы, ранее заботливо прореженные чекистами, наполняли некие космические пришельцы, а не сталинские выдвиженцы, которых-то оценили и выдвинули не в последнюю очередь именно за безынициативную исполнительность! Но была и другая сторона медали. Худо-бедно военную историю советские военачальники знали, потому хорошо помнили, чем для русских штабов обернулось безалаберное использование радиосвязи во время августовской битвы 1914 года в Восточной Пруссии: именно дешифровка радиোগрам привела к полному раскрытию схемы

расположения русских дивизий, что и способствовало их разгрому. Потому-то «косные штабы», предметно зная, сколь хорошо работают германские службы радиоперехвата и дешифровки, по мере возможности и старались избегать легко пеленгуемой радиосвязи. В этом смысле проводная связь все же была более надежной. Острейшей проблемой в самом начале войны стало и отсутствие в целом ряде штабов кодовых таблиц, без которых просто невозможно было наладить радиосвязь. «У нас была прекрасная штабная радиостанция, с помощью которой я мог бы держать связь хоть с Москвой, — рассказывал мне мой дед, выведший тогда свою дивизию из окружения, — но толку-то — ведь у нас не было ни кодов, ни таблиц...»^[57]

Самой же большой проблемой было совершенно плачевное состояние со средствами связи в войсках. Еще в 1938 году руководство Управления связи Красной армии докладывало, что все основные типы войсковых радиостанций и средства радиоразведки уже безнадежно устарели, громоздки, а их технические характеристики крайне низки. Прошло два года, и уже Наркомат обороны констатировал: «Внедрение новых средств радиотехники проходит крайне медленно и в недостаточных размерах. Войска плохо обеспечены почти по всем видам имущества связи». К началу войны не изменилось ничего: на вооружении продолжали оставаться радиостанции устаревших типов — удельный вес устаревшей аппаратуры колебался в войсках от 75 % до 89 %. Но даже такими, устаревшими рациями войска были обеспечены лишь на 57–59 %! Проблемы были даже с проводной аппаратурой: войска эксплуатировали свыше сорока типов телефонных аппаратов устаревшего образца, но даже их не хватало, а острейшая нехватка кабелей, телефонных и телеграфных, была еще до войны. На вооружении отсутствовала и аппаратура ВЧ — высокочастотного телефонирования. Исследователи обычно дружно кивают на то, что у семи нянек дитя без присмотра — поставкой средств связи армии и флоту занимались аж целых 28 наркоматов, указывают на слабость отечественной промышленной, научно-исследовательской и опытно-конструкторской базы, незаинтересованности промышленности в разработке и выпуске новых средств связи. Масса документов свидетельствует и о предельно низком качестве серийной военной продукции, ее ненадежности, хрупкости, огромном количестве брака,

низком качестве всех отечественных источников питания, радиоламп...

«У каждой проблемы (недоработки, ошибки) есть фамилия, имя и отчество» — авторство этой фразы обычно приписывают Сталину. Так вот в нашем случае имя, отчество и фамилия данной проблемы — Иосиф Виссарионович Сталин. Как впоследствии признавал Жуков, «И. В. Сталин недостаточно оценивал роль радиосредств в современной маневренной войне, а руководящие военные работники не сумели своевременно доказать ему необходимость организации массового производства армейской радиотехники». Начальник Управления связи Красной армии, генерал-майор Николай Гапич, назначенный на эту должность 26 июля 1940 года, весь год буквально бомбардировал вышестоящие инстанции рапортами о плачевном состоянии со средствами связи, требуя срочно решить этот вопрос, но, как вспоминал его заместитель Николай Псурцев, «повсюду мы встречали глухую стену... Во всех инстанциях не понимали роли связи и ее значения на войне».

Однако не мог же тов. Сталин назвать имя настоящего виновника этого провала, т. е. самого себя! Потому отвечать за грехи Верховного и назначили именно генерала Гапича: как раз 23 июля 1941 года его и сняли. А вскоре арестовали, обвинив, что он, «являясь с августа 1940 года по август 1941 года начальником Управления связи Красной армии, преступно руководил работой в управлении, не снабдил армию нужным количеством средств связи, чем создал трудности в управлении войсками. Возглавляемое им Управление связи в первый же месяц войны с Германией не обеспечило нужд фронта и оказалось неспособным наладить бесперебойную связь с фронтом». Попутно генерала обвинили в принадлежности к «военно-фашистскому заговору» и сотрудничестве с японской разведкой... Следствие по его делу тянулось аж 11 лет: лишь в 1952 году генерала Гапича приговорили к 10 годам лагерей, отправив на лесоповал. После ареста Берии его освободили «в связи с отбытием срока», реабилитировали, восстановили в армии, но тут же уволили.

Тем же временем вождь народов приказал «в кратчайший срок ликвидировать недооценку радиосвязи», обязав командиров и комиссаров «под личную ответственность... немедленно обеспечить полное использование радиосредств для управления войсками с

обязательным соблюдением секретности передач», «безусловно обеспечить каждую дивизию и армию двумя радиостанциями» и «разгрузить шифрорганы... от массы второстепенных документов». Еще т. Сталин «в целях усиления политической работы среди связистов» приказал назначить во все части и подразделения связи «квалифицированных и проверенных политработников и комиссаров»: а что, мехлисы вместо раций — тоже интересно...

Глава 17. Обращение не по инстанции

Майор-артиллерист пишет товарищу Хрущеву

22 июля 1941 года командир 244-го артиллерийского полка майор Геккер и военный комиссар этого же полка батальонный комиссар Михайлик скрепили своими подписями весьма необычный документ на имя члена Военного совета Юго-Западного фронта Никиты Хрущева. 27 июля документ зарегистрирован за № 0053 строевой частью 244-го артполка. Необычность его в том, что комполка и его военком обратились мало того что не в свою «епархию» — Военный совет фронта, так еще и минуя свое прямое и непосредственное начальство, через головы командования 58-й горнострелковой дивизии (в состав которой входил 244-й артполк), 13-го стрелкового корпуса и 12-й армии. Грубейшее нарушение всех уставных норм и канонов, да еще и в военное время! Вот только наказывать было некого: судя по пометам, бумага попала на стол высокого начальства, когда уже не было в живых его авторов, да и самого полка уже не было.

Уставную форму документа определить сложно: это не донесение, не рапорт, не заявление, не доклад, не отчет — нечто вроде набора жалоб на «ряд безобразных явлений» первого месяца войны: нет и не было бронейных снарядов, шрапнели, мин, отсутствуют средства ПВО, полки дивизии изначально укомплектованы едва ли наполовину, но им выделялась полоса обороны не менее 10 километров, «что в основном приводило к прорыву фронта противником». Службы тыла работают отвратно, снабжение — никакое; «свою пехоту противник всегда сопровождал бронемашинами и танками, артогонь корректируется самолетом» — у нас ничего этого нет и в помине, и от бойцов часто можно было слышать: «Ну, что, у нас винтовки, а у них танки». Стоит ли удивляться, что «пехота мало устойчива в обороне <...> маскировка и окапывание не подготавливается <...> начсостав в этих вопросах не требователен...». И, что должно было быть самым неприятным для таких «политрабочих», как Никита Сергеевич: «То, что делается в районах боевых действий партийно-советскими и общественными организациями, не соответствует лозунгу

отечественной войны: власти и партийные организации за 5–10 дней до вступления противника на их территорию удирают, и никакая политическая и агитационная работа среди населения не ведется, и они, дезорганизованные, собираются вокруг рай— и сельмагов для их разграбления при первой возможности...». И вместо постскриптума почти крик души: «Обращаемся не по инстанции по той причине, что, несмотря на доклады, положение не изменяется, и потому, что уверены в том, что эти вопросы не все известны Военсовету. Доносим для принятия соответствующих мер на будущее».

Если разобраться, так было по всему советско-германскому фронту. Но чем объяснить, что этот крик души отчаявшегося фронтовика адресован инстанции не командно-штабной, а сугубо политической? Да еще для майора-комполка поистине запредельной: Хрущев не «просто» член Военного совета целого фронта, но «по совместительству» еще первый секретарь ЦК КП(б) Украины и, подумайте на секунду, член Политбюро ЦК ВКП(б)! Не говоря уже о том, что все эти вопросы «пошлой» тактики точно не по его части, а бронебойных снарядов (как шрапнели и зениток) он дать не мог. Главное, такой документ и близко не мог попасть в Военный совет фронта, минуя соответствующие канцелярии нижестоящих инстанций: война — войной, а бюрократия по расписанию, ведь не с почтовым же голубем ушел документ с грифом «сов. секретно»!

Документы пишут конкретные люди — с конкретными целями и в конкретных обстоятельствах. Позволю себе усомниться, что инициатором был сам комполка: майор Зиновий Львович Геккер — член партии с 1919 года, в кадрах Красной армии с 1920 года, успешно прошел все партийные чистки, уцелел во время «большого террора». Так что границы дозволенного — уставами, писанными и неписанными нормами служебной субординации и партийной дисциплины — знал назубок. Подвигнуть майора на такое, помимо отчаянного положения, могло еще и недвусмысленное предложение той самой «верхней» инстанции: а напиши, майор, нам на бумаге все то, что рассказал... У инстанции могли быть свои резоны, несколько отличные от майорских и даже «слегка» шкурные. Фронт рушится на глазах, зреют новые немецкие котлы, а уж что тов. Сталин во гневе спросит по полной и с виноватых, и с непричастных, товарищи из Военного совета фронта знали отменно: аккурат 22 июля 1941 года

вместе с группой генералов своего штаба был расстрелян бывший командующий Западным фронтом генерал армии Павлов. Посему на «черный день» небесполезно было бы обзавестись подборкой документов, красноречиво говорящей, что Военный совет Юго-Западного фронта все время держал руку на пульсе, своевременно реагируя. Хотя, быть может, все действительно проще: майору и его военкому терять уже было нечего...

Слишком уж скоро наступил тот черный день. Развернув наступление на Умань, немецкие части еще 21 июля вышли в тылы сразу двум армиям фронта, 6-й и 12-й, начав замыкать кольцо окружения. 23 июля 12-я армия начала отход на восток, но было уже поздно. Когда армия была уже практически в окружении, ее... передали в состав Южного фронта. В конце июля ее остатки были разгромлены в урочище Зеленая Брама, что возле села Подвысокое. Всего тогда в окружение под Уманью попали 20 дивизий, в плен к немцам попали командующие обеих армий, 6-й и 12-й, командиры четырех корпусов и двух дивизий — всего восемь генералов. Погибли командиры трех дивизий и корпуса. В числе прочих была полностью уничтожена и та самая 58-я горнострелковая дивизия, в составе которой был 244-й артполк майора Геккера. Сам комдив, генерал-майор Николай Прошкин, попал в плен 6 августа 1941 года при попытке прорыва из окружения, в январе 1942 года он умер от тифа в лагере для военнопленных. А вот майор Зиновий Геккер — 1902 года рождения, уроженец города Берислав Николаевской области (ныне это райцентр в Херсонской области) — пропал без вести в конце июля — начале августа 1941 года. Безусловно, погиб: уж можно не сомневаться, какая его могла ожидать участь, попади он к немцам. Тогда же и там же пропал без вести и батальонный комиссар Ефим Петрович Михайлик, военком 244-го артполка... А всего тогда в сражении под Уманью в окружение попало, по разным оценкам, от 65 до 100 тысяч наших солдат и командиров. Мало кто из них выжил в концлагере, получившем наименование «уманская яма»... Зато 3 августа 1941 года, если верить помете на документе, Военный совет Юго-Западного фронта «наконец» узнал, что «штаты не соответствовали действительному состоянию» и у артиллеристов не было бронебойных снарядов и кончились мины...

Глава 18. «Удар прошел успешно... Но выявлен ряд недостатков»

Первые советские бомбардировки Берлина: как Сталин пожал плоды того, что он натворил с авиацией в предвоенные годы

Формулировки приказа наркома обороны СССР № 0071 от 17 августа 1941 года, подписанного Сталиным, довольно отличны от типовой и годами выверенной чеканной лексики советского военного документа. Преамбула воодушевляла: «Первый удар 81-й авиадивизии по району Берлина прошел успешно. Семь тяжелых кораблей бомбардировали военные объекты противника и сбросили листовки». Далее без перехода шло разгромное резюме:

«Однако в процессе подготовки и полета выявлен ряд существенных недостатков, требующих немедленных исправлений», «командование дивизии организацией полета руководило недостаточно, а начальник штаба дивизии полковник Лышенко от руководства самоустранился. В результате плохой увязки маршрута имел место обстрел летевших самолетов на задание своими истребителями, ЗА (зенитной артиллерией. — *Авт.*) береговой обороны и кораблей.

Летно-технический состав, несмотря на длительную подготовку к полету, в полной мере материальной части мотора и вооружения не освоил и плохо знал ее эксплуатацию.

Работа мотора на кораблях ТБ-7 оказалась неудовлетворительной и послужила причиной нескольких вынужденных посадок...»

Далее следовал собственно приказ. Комбрига Водопьянова с должности командира авиадивизии снять, назначив вместо него подполковника Александра Голованова. Как вспоминал Голованов, его неожиданно вызвали к Сталину, который кратко уведомил: «Вот что: есть у нас дивизия, которая летает на Берлин. Командует этой дивизией Водопьянов; что-то у него не ладится. Мы решили назначить вас на эту дивизию».

Всему этому предшествовал приказ, продиктованный Сталиным в ночь на 9 августа 1941 года: «Т-щу Водопьянову. Обязать 81-ю авиадивизию во главе с командиром дивизии т. Водопьяновым с 9.VIII на 10.VIII или в один из следующих дней, в зависимости от условий погоды, произвести налет на Берлин. При налете кроме фугасных бомб обязательно сбросить на Берлин также зажигательные бомбы малого и большого калибра. В случае если моторы начнут сдавать по пути на Берлин, иметь в качестве запасной цели для бомбежки г. Кенигсберг. И. Сталин 8.8.41».

Когда германская авиация с 21 июля 1941 года стала совершать массированные налеты на Москву, Сталин потребовал от командования ВВС отбомбиться по Берлину. Но реальных возможностей для нанесения массированных бомбовых ударов по столице Третьего рейха у советской авиации просто не имелось: не было достаточно и самолетов, которые могли долететь до Берлина с «грузом» и вернуться обратно, еще меньше было летчиков, способных осуществить такое, почти не осталось и аэродромов, с которых можно было дотянуться до вражеского логова. Одним словом, речь могла идти разве лишь о разовых рейдах буквально единичных самолетов. Да и вообще, казалось, с чисто военной точки зрения рациональнее было использовать то невеликое количество уцелевших тяжелых бомбардировщиков для решения задач иных, практических и куда более насущных.

Но товарищ Сталин был не военным, а политиком, потому ему и необходима была не чисто военная акция, а именно демонстрация, эффектный жест политического свойства, который должен был произвести впечатление на потребителя даже не столько внутреннего, сколько внешнего: смотрите, мы еще что-то можем, даже до Берлина дотянулись. При таком раскладе командованию ВВС оставалось лишь одно: готовить самоубийственный налет теми силами, что имелись.

Первый приказ о налете на Берлин Сталин отдал еще 27 июля 1941 года, произвести его должен был авиаполк 8-й авиационной бригады ВВС Балтийского флота полковника Евгения Преображенского. В ночь с 7-го на 8 августа 1941 года первая группа из 15 бомбардировщиков Ил-4 вылетела на Берлин с острова Эзель, но по Берлину отбомбилось, если верить официальным данным, лишь пять самолетов, остальные не долетели. Существенного урона

сброшенные с большой высоты вслепую и куда попало 50 авиабомб ФАБ-100, разумеется, не нанесли, да и пропагандистский эффект вышел смазанным. Потому Сталину нужна была более мощная и показательная демонстрация, для чего надлежало использовать и большее количество самолетов, и более мощные бомбардировщики — тяжелые четырехмоторные ТБ-7, каждый из которых способен был доставить к цели уже четыре тонны бомб.

Вот только 81-я авиационная дивизия — которая, как заверяло тов. Сталина командование ВВС, уже готова к боевой работе и нанесению «ощутимого» удара по Берлину — фактически была небоеспособна: созданная согласно приказу наркома обороны № 0052 от 15 июля 1941 года, она все еще находилась на стадии формирования. Шло ее укомплектование техникой и личным составом, только-только стала организовываться работа штаба и служб материально-технического обеспечения. Летный состав комплектовали из авиаторов опытных, летчиков гражданской и полярной авиации, но, как правило, боевого опыта еще не имевших. Главной же проблемой оказались движки: пригнанные с завода ТБ-7, фактически еще даже не серийные, были оснащены дизельными двигателями М-40, оказавшимися крайне ненадежными. Но приказы Верховного главнокомандующего обсуждению не подлежали. Согласно штату, дивизия должна была иметь два полка ТБ-7: в каждом — пять эскадрилий в составе трех самолетов, всего в составе дивизии должно было быть 30 ТБ-7. Но такого количества машин просто нет. Потому, согласно замыслу, удар по Берлину должны были нанести девять ТБ-7 и девять двухмоторных дальних бомбардировщиков Ер-2. 10 августа 1941 года в 21:00 экипажи вылетели на выполнение боевого задания с аэродрома подскока в Пушкине. Один из ТБ-7 лично пилотировал командир дивизии комбриг Водопьянов. Вот только из 18 самолетов, выделенных для этого налета на Берлин, в воздух подняться сумели лишь 11: восемь ТБ-7 и три Ер-2, при этом сразу после взлета рухнул ТБ-7, пилотируемый командиром эскадрильи Константином Егоровым — отказали сразу два двигателя. Еще один ТБ-7 вынужден был сбросить бомбы задолго до подхода к цели — тоже отказ мотора. Согласно ушедшему к Сталину докладу генерала Жигарева, до Берлина дошли лишь два ТБ-7 и два Ер-2, а «вернулись и сели в Пушкине только 1 ТБ-7 и 1 Ер-2... о Водопьянове и Панфилове

данных нет...». Такая вот арифметика: должно было вылететь 18 бомбардировщиков — взлетело 11, а ушло на Берлин лишь 10, объявлено публично, что до Берлина долетело якобы семь бомбардировщиков, но по докладу командующего ВВС — лишь четыре, на свою базу — в Пушкин — вернулось лишь два. Пропал без вести со своим экипажем командир дивизии, комбриг Водопьянов. Позже выяснилось: при полете над Балтийским морем его самолет был атакован звеном своих же И-16, затем был поврежден огнем зенитной артиллерией уже противника, но до Берлина долетел, бомбы сбросил, однако до линии фронта уже не дотянул и разбился при посадке в Эстонии, откуда ему с экипажем пришлось несколько дней пробираться к своим через леса и болота. Еще один ТБ-7, пилотируемый лейтенантом Александром Панфиловым, при возвращении был сбит зенитной артиллерией Балтийского флота и упал в Финляндии. Экипаж, используя снятое с машины вооружение — две пушки ШВАК и четыре пулемета, — попытался организовать оборону. После неравного боя из 11 членов экипажа выжил лишь попавший в плен стрелок-радист... Самолет же, пилотируемый командиром эскадрильи капитаном Александром Тягуниным, и вовсе был сбит своими еще в самом начале полета: сначала по нему открыли убийственный огонь свои же зенитки, потом в упор стали расстреливать истребители И-16 авиации Балтийского флота, затем добились снова свои зенитчики, пришлось спастись на парашютах. Своими же истребителями сбит и Ер-2 лейтенанта Кубышко. Пропал без вести Ер-2 капитана Степанова, разбился при вынужденной посадке ТБ-7 майора Курбана. Полный набор: двигатели выходили из строя абсолютно на всех машинах, почти все попали под огонь своей зенитной артиллерии или были атакованы своими истребителями... Пропагандисты, разумеется, подали рейд на Берлин как выдающийся успех, но сами военные понимали: задание Ставки фактически провалено, кому предстояло стать козлом отпущения? Командование ВВС тут же предложило на эту роль Водопьянова, благо тот еще и числился пропавшим без вести: «комдив и штаб дивизии работают плохо, с таким командованием дивизии и штабом трудно организовать что-то серьезное, так как случайно набранные люди действуют вразброд и в одиночку...». Но при чем тут Водопьянов, если причины того, что стратегическую авиацию пришлось летом 1941 года создавать заново, тов. Сталину

следовало искать в своей же политике предвоенных лет. Хотя бы потому, что творческая инженерная мысль, заключенная в «шарашки» НКВД — именно там и были сотворены Петляковым — ТБ-7, а Чаромским — мотор М-40, — выдает на-гора совсем не то, чего хочется «лучшему другу советских авиаторов». Не говоря уже о том, что мысль военно-теоретическая к тому времени уже покоилась в расстрельных рвах Бутовского полигона — вместе с ее носителями. А ведь эта «длинная рука», о которой всегда грезил товарищ Сталин, у него уже почти была — в 1936 году была сформирована Армия особого назначения (АОН), она же — 1-я авиационная армия резерва главного командования, первое в мире авиационное объединение стратегического назначения, затем создали еще две, стали подбирать и готовить соответствующие кадры. Но вскоре первые командующие «стратегической авиацией» пошли под нож как «заговорщики», а после финской войны и вовсе расформировали сами эти армии — как якобы не оправдавшие себя в боевой обстановке. Еще раньше тов. Сталин вдруг заявил, что серийное производство ТБ-7 не нужно: поскольку необходимого количества (и качества!) моторов для них советская промышленность выпустить не в состоянии, лучше тогда иметь два двухмоторных бомбардировщика, чем один четырехмоторный. Время было упущено безвозвратно. Вдруг спохватились в июле-августе 1941 года — но уже не было ни кадров, ни структур, ни нужных самолетов в серии, ни нормальных двигателей. Вот и пришлось импровизировать — «малой кровью, могучим ударом»...

Глава 19. «Самолет противника выпустил газ желто-голубого цвета...»

Применении люфтваффе отравляющих веществ: мифы и факты

На хранении Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) находится дело, датированное 13 октября 1941 года: «Краткие выводы по действиям ВВС Германии». Документ представляет собой довольно подробную и весьма качественную аналитическую справку-методичку, сработанную на основе материалов Главного управления ПВО Красной армии. На восьми машинописных страницах содержится довольно трезвый и качественный разбор действий немецкой авиации в первые месяцы войны: типы самолетов противника и их вооружение, система базирования немецкой авиации, используемые противником приемы и тактика воздушного боя, бомбардировочных налетов и ведения авиаразведки. Но самый «вкусный» кусок — раздел «Применение противником ОВ», то есть отравляющих веществ, химического оружия!

Как известно, химическим оружием обладали все ключевые страны, участвовавшие во Второй мировой войне, — Германия, Италия, СССР, Великобритания, США, Франция. Однако на фронтах ни одна из стран боевые ОВ так и не применила, и вдруг — документ об использовании немцами ОВ против советских войск?! «Краткие выводы» приводят нескольких таких казусов. Так, 24 августа 1941 года в районе горда Нежин «во время воздушного боя отмечено 3 случая применения ОВ желто-голубого цвета с высоты 1800–2000 метров самолетами Хе-111». 27 августа 1941 года «в районе Подлинная при атаке Ю-88 применил ОВ. В результате наш летчик погиб». 29 августа 1941 года «в районе Казаково в воздушном бою разведчик противника ХШ-126 (Henschel Hs 126. — *Авт.*) выпустил дым зеленого цвета на заходящий ему в хвост наш истребитель. У нашего летчика появилась сильная рвота». В воздушном бою 21 сентября 1941 года у Мелитополя немецкие истребители Ме-110 «при атаке наших истребителей выпустили газ желтого цвета, слезоточивый, разрушающий слизистую

оболочку». 23 сентября 1941 года у Харькова «самолет пр-ка выпустил дым с запахом гнилой резины. Наш летчик, попавший в этот дым, почувствовал себя плохо и был вынужден сесть на аэродром». 26 сентября 1941 года в воздушном бою возле города Вязьмы «при попытке нашим летчиком таранить Ю-88 последний выпустил струю дыма синего цвета. Летчик потерял сознание и направлен в госпиталь с признаками отравления».

Ни в одном из этих случаев вывод о применении ОВ не подтверждался медицинским заключением о наличии у летчиков признаков химического поражения. Каких-либо заключений от военных химиков — что за ОВ применялось, если оно применялось, — тоже нет. Хотя квалификация советских военных химиков и имевшийся у них инструментарий такой анализ позволяли провести, а уж хотя бы несколько капель ОВ на фюзеляже и летном обмундировании пилотов непременно должны были остаться. Если бы химические атаки действительно имели место.

Но их не было: советские пилоты приняли за отравляющие газы дымовые сигналы или шашки (дымовую завесу), использованные немецкими летчиками для ухода от советских истребителей. Во всех зафиксированных случаях «химическую атаку» предприняли только самолеты тяжелые, маломаневренные и разведывательные, причем только будучи атакованными советскими истребителями. Люфтваффе вообще активно применяло разнообразные дымовые средства разных цветов: для связи, подачи сигналов, передачи донесений, маскировки, обозначения цели, имитации поражения. Неожиданный пуск дыма экзотической окраски — один из тактических приемов немецких пилотов на советско-германском фронте в первый год войны — для отрыва от атакующих истребителей. Советские летчики-истребители поначалу действительно принимали это за пуск отравляющих газов, порой тут же выходя из боя. Так что эффект дымной неожиданности действительно иногда давал немцам время оторваться от преследования. Что же касается потерь сознания, плохого самочувствия или сильной рвоты, так это симптомы, прежде всего, нарушения вестибулярного аппарата — классические последствия многократных перегрузок при выполнении приемов высшего пилотажа во время воздушного боя! Конец лета — начало осени 1941 года — период крайне интенсивных воздушных боев: пытаюсь всеми силами

остановить немецкое наступление, советские летчики летали буквально до изнеможения, делая по несколько вылетов в день. Летали зачастую голодные, в открытых кабинах (истребители И-16, И-153, И-15/И-15 бис), нередко без кислородных масок на больших высотах — приплюсуем к перегрузкам еще и кислородное голодание. Что же касается одной-единственной гибели «от газа», то совершенно неизвестно, как обстояло дело в реальности и каковы обстоятельства того боя. Никакого посмертного вскрытия погибшего никто, разумеется, на фронте не производил: атаковал «Юнкерс» и — погиб, обычное дело. Может, был сбит, или разбился, потеряв управление, а может — потерял сознание от перегрузки.

Все же замечу, что советские летчики принимали пуски цветных дымов за химическую атаку не с перепуга: в предвоенные годы советские ВВС довольно активно отрабатывали применение ОВ — запасы химического оружия в СССР того времени были огромными, одними из крупнейших в мире. Как следует из ряда документов, хранящихся уже в фондах Российского государственного военного архива (РГВА), среди прочих задач советским авиаторам тогда ставилась и такая: «Овладеть применением БХВ (боевых химических веществ. — *Авт.*) по воздушным целям»! Для чего и проводились испытания по применению отравляющих веществ в... воздушном бою при помощи выливных авиаприборов (ВАП). Дальше экспериментов, к счастью, дело не пошло, но что такой «фокус» отрабатывался, знали многие летчики, потому и соответствующе и реагировали на разноцветные дымы, выпускаемые немецкими самолетами.

Но один случай, описанный в том же документе, стоит особняком. Там значится, что 16 сентября 1941 года на Брянском фронте «авиация противника применяла ОВ. В 13:00 в районе N-ской стрелковой дивизии шесть самолетов противника с опознавательными знаками СССР с большой высоты сбросили много шарообразных металлических ампул, наполненных фосфором и сероуглеродом. Действие ампул, по заключению нашего медперсонала, следующее: при разрыве ампул капли жидкости разлетались и давали ожоги, воспламенялись предметы, дым от ампул напоминал фосфор и сероводород. Люди, попавшие в пораженную зону, чувствовали затруднение в дыхании, легкое головокружение и позывы тошноты. Ночью площадь и все пораженные предметы светились».

В данном случае очевидно: речь идет о применении не ОВ, а боеприпасов на основе фосфора. Такие боеприпасы применяли тогда и советские войска, и немецкие. У немцев фосфор был в снарядах и минах зажигательного и дымового типа, используемых в основном сухопутными войсками. Люфтваффе же фосфорных боеприпасов для обработки сухопутных целей практически не применяло (против морских — использовало), поскольку это сочли чрезмерно сложным и опасным для своих. Зато советская авиация с первых дней войны всю применяла боеприпасы на основе фосфора, соединенного с сероуглеродом: в качестве иницирующего компонента зажигательной смеси «КС» — для самовозгорания при контакте с воздухом. В частности, для бомбардировок использовались наполненные такой зажигательной смесью жестяные сферические (шарообразные) капсулы АЖ-2. Так что в данном случае речь явно идет о «дружественном огне»: жестянками АЖ-2 со смесью «КС», в состав которой входили белый фосфор и сера (или сероуглерод), по советским частям случайно отбомбились свои же самолеты — «дружественный огонь». Поскольку пехотинцы о номенклатуре боеприпасов своей авиации понятия не имели, то пребывали в полной уверенности, что такое зверство могли совершить лишь немцы, подло замаскировавшиеся под советских авиаторов. Доблестные же сталинские соколы, получив отчеты «с земли», разумеется, все поняли сразу: это же их штатный боеприпас, которого быть не могло у немцев. Но не признавать же было, что они полили фосфором свои войска — к стенке прислоняли и за меньшее!

Глава 20. «Уничтожить фашистские гнезда в Иране»

Как Красная армия вместе с англичанами Тегеран брала

«Три месяца упорной борьбы не на жизнь, а на смерть стали германскому фашизму не дешево. Потеря более двух миллионов человек, тысячи танков и самолетов грозят затяжной войной, приближают гибель гитлеризма» — так командир 17-й горно-кавалерийской дивизии полковник Гайдуков, комиссар дивизии полковой комиссар Чебурашкин и начштаба майор Паращенко рапортовали начальству о боевых действиях соединения... в Иране. Столь крутой загиб кавалеристов понятен: как не продемонстрировать верхней инстанции знание текущих директив ЦК, Политуправления РККА и сводок Совинформбюро. Но при чем тут Иран? При том: «С целью продления своего существования и нанесения внезапного эффективного удара в спину германский фашизм начал готовить новый плацдарм войны в Иране <...> Работа агентов фашизма не осталась безрезультатной, и со стороны Ирана начала все явнее и явнее подступать военная угроза, угроза вторжения в Советское Закавказье и захват города Баку, основного жизненного центра нашей нефтяной базы». Потому «советское правительство 25.8.41 отдало приказ войскам Закавказского Военного Округа перейти госграницу, ликвидировать военный очаг, созданный германским фашизмом».

В документах 54-й танковой дивизии пафоса меньше: «В целях обеспечения Закавказья от диверсии со стороны немцев, работающих под покровительством иранского правительства, а также для того, чтобы предупредить вылазку иранских войск против наших границ, советское правительство <...> постановило ввести войска на территорию Ирана». «Иран нарушает договор с Советским Союзом, с помощью немцев готовит нападение на СССР», — потому, как записано в документации уже 77-й горно-стрелковой дивизии, она, «предупреждая нападение Ирана, с рассветом 25.8.41 переходит границу...».

Ввод частей Красной армии в Иран начался в 5:30 утра 25 августа 1941 года. Туда вошли три общевойсковые армии — 47, 44 и 53-я: восемь дивизий кавалерийских, восемь — горнострелковых и стрелковых, две танковые. Не считая еще до кучи отдельных полков и батальонов. Всего — не менее 20 расчетных дивизий. Воздушную поддержку обеспечивали ВВС Закавказского фронта, а на Каспии против Ирана действовала Каспийская военная флотилия.

Как гласил отчет 17-й горно-кавалерийской дивизии, «решение правительства и боевой приказ бойцами и командирами встречен с исключительным подъемом, каждый горел желанием как можно быстрее перейти границу, встретиться лицом к лицу с врагом, нанести ему сокрушительный удар, чем обеспечить безопасность Родины с юга». Энтузиазм в полном объеме оказался не востребуемым, поскольку «сопротивления частей иранской армии части дивизии не встретили, что несколько разочаровало бойцов и командиров. Однако надежду на встречу с врагом никто не терял, все бойцы и командиры частей дивизии как никогда с большим напряжением и бдительностью устремились выполнять дальнейшую задачу по незнакомой, неизведанной и трудной местности». Дабы была выполнена «поставленная боевая задача партией и правительством <...> по уничтожению фашистских гнезд, наводнивших территорию Ирана, по обеспечению безопасности границ Советского Закавказья...». Отчет о боевом походе 17-й дивизии вообще составлен высоким «штилем»: партполитработа в этом соединении явно была на недостижимой высоте. Так прямо и сказано: «Переход частей 17-й кавдивизии в наступление не застал врасплох партийно-политические органы частей дивизии. <...> Политорганы сумели организовать всю силу партийно-комсомольского воздействия, всю страстность большевистской агитации и пропаганды...».

Если с большевистской страстностью все обстояло чудесно, то со всем прочим — уже не столь блестяще. Проблемы, помимо «неизведанной местности» и испарившегося противника, были со связью: между частями она поддерживалась лишь через посыльных, а вот «связаться со штабом армии не было никакой возможности». Наступление дивизия повела без поддержки артиллерии: «Все попытки потянуть за собой артиллерию и кое-какие средства связи окончились неудачей. Не помогло и героическое усилие бойцов,

которые, по примеру суворовских чудо-богатырей, пытались на руках тащить пушки». Пришлось действовать «без обозов, без артиллерии, с одними саблями и станковыми пулеметами, в дикой горной местности, без воды и продфуража». Все это при жуткой жаре, когда «люди и лошади буквально валялись и от приступов малярии, и от солнечных ударов», а тыловое снабжение накрылось медным тазом: «плановая система снабжения отсутствовала <...> в целом дивизия была предоставлена собственным заботам добывать продфураж, эвакуировать больных людей и лошадей, что в значительной степени отражалось на людском и в особенности на систематически недоедавшем конском составе». Документы других дивизий тоже свидетельствуют: со связью и взаимодействием частей дела обстояли плохо, а тыловое обеспечение провалено.

Неважнецки и собственно с боевой подготовкой: слабая работа разведки, неумелая организация боевого охранения. «Плохо поставлено дело с маскировкой от воздушного и наземного наблюдения противника. Бойцы большей частью наступление производили во весь рост, пренебрегая складками местности и огнем противника», — это из отчета 23-й кавалерийской дивизии. Весьма показательна и такая ремарка: «Среди отдельных бойцов и командного состава еще имеют место случаи мародерства и присвоения себе трофейного имущества».

Впрочем, это уже частности: никаких шансов у архаичной армии иранского шаха, еле дотягивавшей до пяти дивизий, не было. На ее вооружении лишь винтовки разномастных систем, немного пулеметов, орудий — совсем мало, самолетов — единицы, да и те — антиквариат. Танков и вовсе не было, да и солдаты не имели никакой подготовки. Не говоря уж о том, что вместе с СССР против иранцев выступили британцы, оккупировавшие юг Ирана. Иранские солдаты чаще всего разбегались, не оказывая сопротивления, а к 29–30 августа по приказу своего командования сложили оружие.

Про «германский плацдарм в Иране» официальная историография твердит с 1941 года: режим Реза-шаха, мол, проводил профашистскую политику, Иран заплотнили фашистские агенты, Германия создала там склады оружия и взрывчатки, германские военные якобы готовили взрывы стратегических мостов и даже формировали батальоны из немцев, живущих в Тегеране... и т. п., и т. д., вплоть до утверждений,

что вермахт готов был пройти через Иран в Закавказье и Индию! Только никаких «немецких складов оружия» в Иране не оказалось, да и «засилье немцев» не носило массовый характер. Немецкие агенты, разумеется, были, но их счет шел от силы на несколько десятков. А уж как вермахт мог перебросить войска в Иран, и вовсе географическая загадка!

Мифический «немецкий плацдарм» стал лишь поводом для реализации давних устремлений тов. Сталина. Как свидетельствуют документы, еще в ноябре 1940 года он готов был договориться с Гитлером о включении Ирана в сферу интересов СССР. В директиве, продиктованной Сталиным 9 ноября 1940 года Молотову (перед отъездом того на переговоры в Берлин), значится: «Вопрос об Иране не может решаться без участия СССР, так как там у нас есть серьезные интересы». Берлин не возражал: 12 ноября 1940 года в беседе с Молотовым министр иностранных дел Третьего рейха Риббентроп заявил, что «СССР может извлечь выгоды при перераспределении территорий Британской империи путем экспансии в направлении Персидского залива и Аравийского моря». Сразу после той беседы Молотов отправил шифровку Сталину, информируя об интересном предложении Риббентропа. В ответ Сталин телеграфировал: «Не обнаруживать нашего большого интереса к Персии и сказать, что, пожалуй, не будем возражать против предложений немцев». Уже в Москве Молотов, приняв 25 ноября 1940 года германского посла Шуленбурга, сообщил ему: СССР согласен принять германский проект пакта четырех держав (Германии, Италии, Японии и СССР). Одно из советских условий: «Если центром тяжести аспираций (устремлений. — *Авт.*) СССР будет признан район к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу».

Как известно, реализовать этот прожект вместе с Гитлером у т. Сталина не сложилось, но это же не основание выбросить персидскую мечту за борт! Не мытьем, так катаньем — договорились с Черчиллем. Бесспорно, Кремль рассчитывал и на то, что ввод войск гарантирует масштабные поставки военных грузов для СССР через Трансиранскую магистраль. Увы, надежды на эффективность иранского транзита не оправдались. Сорвались и выказанные советским правительством планы на доступ к нефтяным полям Кевир-Хуриана: уже после ввода войск иранский меджлис принял закон о запрете нефтяных концессий

до конца войны... Остается вопросом, насколько целесообразно было использовать в Иране столь значительные силы в самый разгар ожесточенных боев с вермахтом: может, именно этих 20 дивизий не хватило для перелома исход сражений за Киев, Одессу или Таллин?

Глава 21. Заначка Берии

Клады, зарытые чекистами еще в 1941-м, по сей день грозят поднять на воздух половину столицы России

10 июля 2005 года строители, зачищавшие фундамент снесенной гостиницы «Москва», наткнулись на клад, содержимое которого ошарашило даже выдавших виды саперов: десятки ящиков тротила. Всего найдено свыше тонны взрывчатки, 1160 кг! Этого количества за глаза хватило бы, чтобы сотворить на месте закладки лунный кратер. Потому как при взрыве от здания Госдумы и Исторического музея остались бы руины, торговый центр под Манежной площадью был бы погребен, равно как в момент со всеми пассажирами был бы уничтожен узел метро, где сходятся три ветки. И тогда взрывы домов в Москве 9-го и 13 сентября 1999 года, и даже теракты 11 сентября 2001 года в США показались бы детской шалостью. Это не преувеличение: именно это и делает тонна тротила, если она заложена опытными диверсантами в нужное место. Вот только если в западных столицах взрывчатку закладывали террористы, в данном случае постарались чекисты.

Оставим детям ясельного возраста байки представителей столичного ГУВД относительно того, что «на этом месте взрывчатка только складировалась» и вообще находка «не представляет опасности», поскольку-де она и отсырела, и саморазложилась. Чему уж там «отсыревать», если по сей день с успехом рвутся снаряды времен царя Гороха, а любой вменяемый эксперт по взрывчатым веществам, разбуди его во сне, отбарабанит, что с годами тринитротолуол становится еще более взрывоопасным и непредсказуемым. И найденный под «Москвой» тротил запросто мог шандарахнуть даже от легкого движения хвоста мыши! Но все эти технические детали уже не столь существенны, важнее иное: кто, когда и зачем заложил эту гадость в самом центре столицы? И, главное, почему ее вынули только сейчас?

Самое пикантное, что на все эти вопросы власти по сей день никакого внятного ответа не дали. Поскольку даже единственно

внятную версию — все это осталось со времен минирования Москвы осенью 1941-го — ее и ту ведь высказали лица совершенно неофициальные и, значит, безответственные. Такое поведение властей, столичных и федеральных, не могло не настораживать. Ведь тогда автоматически возникает серия иных вопросов: если это подарок из 1941 года, выходит, заминированную тогда столицу полностью так и не разминировали? Почему? И почему всеведущие и всезнающие спецслужбы столько лет ничего не делали для разминирования Москвы, почему молчали о минах, рискуя жизнями тысяч людей?! Ведь взорваться эта бомба замедленного действия могла когда угодно: в любой момент, любой день и час прошедших десятилетий. И от чего угодно: от случайного пожара, грохота ежегодных салютов, сотрясений от поездов метро, проходящих буквально в 50 сантиметрах. Или от грохота строительных работ на Манежной площади, да и при разборке гостиницы. Или при разборке отеля «Интурист» (чьи постояльцы, кстати, в свое время запросто могли войти в список жертв катастрофы).

Зияющую лакуну официальной информации тотчас заполнили байки «детей лейтенанта Шмидта», в полнейшем соответствии с правилом «врет как очевидец» вываливших публике сказ про то, как их папа Москву минировал и детям об том сказ сказывал. Не давая подписки о неразглашении... Докопались даже до бредового «открытия»: «Москву», мол, собирались поднять на воздух после того, как немцы займут город и в гостинице с видом на Кремль разместится аппарат Геббельса. А Большой театр, в свою очередь, планировали рвануть во время торжества по случаю занятия Москвы!

Правда проще: никто не собирался ждать, чтобы крутануть взрывные машинки, когда в тех или иных зданиях разместятся нацистские штабы и бонзы: все заминированное должно было взлетать в воздух при первом же появлении немцев возле этих объектов — вместе с немцами и... москвичами — никакой эвакуации не было, ее никто не планировал и не проводил. А уж что будет в городе после битвы — Ставку это тогда не волновало...

«Приказано минировать!»

И вот как это было. Давно не секрет, что в октябре 1941 года в Москве воцарилась паника и вопрос о сдаче города считался почти решенным. Первые немецкие мотоциклетные разъезды уже маячили в районе Химок и Речного вокзала, а никаких резервов, чтобы закрыть брешь, вроде как уже и не было. Те же, что имелись, должны были, по замыслу, вступить в бой в самый последний момент и в самом центре города: возле Красной площади. Посему Сталин, готовясь к своей эвакуации из Москвы, прикрывшись соответствующим постановлением ГКО (№ 740сс от 8 октября 1941 года), отдал приказ о «проведении специальных мероприятий»: минировании не только дальних подступов к Москве и стратегических объектов, но и всех трасс, по которым немцы могли кратчайшим путем пройти к Кремлю. В первую очередь речь шла о минировании Ленинградского шоссе, Ленинградского проспекта, улицы Горького (Тверская) и других «танкоопасных» улиц — нынешние Большая Дмитровка, Большая Никитская, Воздвиженка и, возможно, Знаменка.

И вся эта огромная территория вошла в зону ответственности ОМСБОН — отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР: она ее минировала, она же должна была ее оборонять, она же — взорвать. Непростая эта бригада находилась в непосредственном подчинении старшего майора госбезопасности Павла Судоплатова, возглавившего 3 октября 1941 года 2-й отдел НКВД (террор и диверсии в тылу противника). Отдел, собственно, только руководил, а вот в задачу спецподразделения как раз и входили «практические занятия»: бригада как бы стала огромным центром по подготовке и заброске в немецкий тыл спецгрупп НКВД и штучных «специалистов» аналогичного профиля. Нацеливали бойцов ОМСБОН почти исключительно на диверсии и террор: пробраться к объекту, заминировать, взорвать. Или, если повезет, отстрелить каких-то чиновников, совершенно не обязательно конкретных, уж кто под руку попадет. Эта бригада специального назначения, формально существующая с 15 октября 1941 года, на деле формируется не на пустом месте и вовсе не в октябре 1941-го. Еще в самом начале войны была создана так называемая Особая группа при наркоме внутренних дел во главе с профессиональным террористом Судоплатовым. При этой Особой группе создают и войска соответствующей направленности (планировали развернуть как минимум две бригады),

в штатном расписании не значащиеся. Однако и эта группа, в свою очередь, возникла на базе другой структуры, также глубоко законспирированной и сугубо диверсионно-террористической: с давних пор (не позже, чем с 1929 года) в недрах Лубянки существует некая специальная группа, служебным приказом не оформленная, подчиненная лично начальнику ОГПУ (с 1934 года — наркому внутренних дел СССР). Одно из ее тогдашних неофициальных наименований — «группа Яши», по имени ее тогдашнего шефа, Якова Серебрянского, одного из главных чекистских террористов-ликвидаторов тех лет. По приказу высшего руководства ОГПУ-НКВД группа занималась как ликвидациями за рубежом, так и негласной чисткой «дома», убирая тех, кого открыто уничтожить было как-то не с руки. В 1930-е годы тех террористов обозначили почти официально: они стала именоваться Специальной группой особого назначения.

Все это совсем не отвлеченная лирика, а вполне конкретная информация, необходимая именно для понимания дальнейшего: те, кто непосредственно отвечал за минирование Москвы и руководил спецминерами — не просто чекисты, а вполне конкретные товарищи с конкретной же выучкой и богатой практикой — опять же сугубо террористической. Потому и операция минирования Москвы проводилась не как войсковая диверсия, а по всем канонам сугубо законспирированной террористической акции.

Из мемуаров Павла Судоплатова «Разведка и Кремль»: «Наши люди заняли позиции в Доме Союзов, в непосредственной близости от Кремля. В этот критический для судьбы столицы момент наша бригада была, пожалуй, единственным боеспособным формированием, имевшим достаточное количество мин и людей, способных их установить. По прямому указанию Генерального штаба и лично Жукова мы минировали дальние подступы к Москве...». Положим, уже тут Судоплатов откровенно лжет: никакой Жуков и Генштаб ему и его диверсантам были не указ. Поскольку подчинялся тов. Судоплатов исключительно своему наркому, т. е. товарищу Берии. Однако тут нам важна иная проговорка: лишь в ОМСБОН тогда было «достаточное количество мин и людей, способных их установить», — ведь не армейцев же привлекли для реализации этого указания ГКО!

Доступных документов на предмет того, как и чем занимались бойцы бригады в те осенние дни 1941 года, практически нет: даже те

документы, что до поры числились в архиве в открытом доступе, вдруг были вновь засекречены в начале 1980-х годов! Как, например некая написанная от руки в 1944 году сводная таблица — подготовительный материал к отчету о деятельности бригады за годы войны. Как раз там и есть интересующая нас графа: «Деятельность бригады в период обороны Москвы». Пункт номер один — «Обеспечение революционного порядка на улицах Москвы»: весь центр Москвы был отдан ОМСБОНу. Который и оборудовал две огневые точки на Красной площади: на храме Василия Блаженного установили фугасный огнемет, на Арсенальной башне поставили пару станковых пулеметов. Еще одна огневая точка находилась в районе нынешнего совместного входа на станции метро «Театральная» и «Площадь Революции» — двухорудийная противотанковая батарея. Вот весь этот прилежавший район, от площади Маяковского и до центра, патрулировал ОМСБОН. Как конкретно — смотри фильм «Рожденная революцией»: народу тогда было расстреляно порядком, потому как всяких там паникеров, которые болтали, что немец уже возле Москвы, ставили к стенке без излишних формальностей... Но это не самое интересное, поскольку самый вкусный для нас пункт значится вторым: «Подготовка спецмероприятий по личному устному указанию наркома внутренних дел».

Каких именно? А вот про это ни гу-гу, хотя догадаться несложно: под это мероприятие уже выделена группа комсостава ОМСБОНа под командованием майора Шперова — начальника инженерной службы бригады. Майора вроде как даже на время специально отзывают с Ленинградского шоссе, где под его руководством шла установка минных заграждений — управляемых фугасов и минных полей. Он возглавил группу примерно из двух десятков командиров (заметим, рядовых бойцов ОМСБОН к этому сугубо секретному делу пока еще не подпускают!). Каковым выделяют километры шнура, бикфордова и детонирующего, огромное количество взрывателей и тонны взрывчатки!

Известны, правда, и другие документы, но их буквально пара. Скажем, боевой приказ № 1 от 15 октября 1941 года по ОМСБОН: «... Противнику удалось занять города Можайск и Малоярославец... ОМСБОН, составляя резерв 2-й мотострелковой дивизии войск НКВД, к 7:00 16.10.1941 занять районы: Площадь Свердлова [Театральная],

Красная площадь, площадь Маяковского в готовности действовать в направлениях: Ржевский вокзал [Рижский], Ленинградское шоссе, Волоколамское шоссе...».

Другой документ процитируют лишь однажды^[58], и там речь о том, что первый приказ на минирование диверсанты НКВД получают 7 октября 1941-го. А две группы командиров направлены «для выполнения специального задания командования на территории г. Москвы»: «...7 октября 1941 года бригаде было приказано организовать отряд подрывников для минирования важных объектов и сооружений государственного и оборонного значения в Москве... Во главе группы подрывников были поставлены старший лейтенант Жулябин, комиссар Потапов и начальник штаба капитан Сорока. В нее были включены две роты — старшего лейтенанта Мансурова и старшего лейтенанта Лазнюка. С 8 октября по 20 ноября 1941 года были проведены большие военно-инженерные... работы... в Москве и Подмосковье. Важные стратегические объекты столицы были заминированы». Вот это практически и все, что можно проследить по документам открытого доступа.

Однако даже по этим скудным строкам кое-что можно вычислить: минирование столицы — факт задокументированный, мероприятие проводилось в самый пик паники начала октября. А вот где, что и как конкретно, увы, не обозначено. Однако ясно, что в зоне ответственности бригады, в самом центре Москвы, заложены тонны и тонны взрывчатки. Иных способов выполнить полученный приказ — удержать центр Москвы — у ОМСБОН просто не было: какие-то несколько тысяч организованных, но достаточно слабо обученных и легковооруженных бойцов. Из тяжелого вооружения — лишь два орудия! Как удержать позиции, если нет танков, артиллерии? Только используя взрывчатку, заранее заложив ее в тех местах, миновать которые враг не сможет.

Но это видимая часть. Поскольку делалось все по личному, устному и совершенно секретному распоряжению Берии. Каковой и определял конкретные объекты для закладки в зоне своей ответственности и через Судоплатова ставил конкретные задачи своим диверсантам: что и как должно быть заминировано. Поскольку именно Лаврентий Павлович и отвечал за центр столицы.

Что без особой охоты вынужден признать Павел Судоплатов (почему именно «вынужден», об этом ниже): «Наша бригада заминировала в Москве ряд зданий, где могли бы проводиться совещания высшего немецкого командования, а также важные сооружения как в столице, так и вокруг нее. Мы заминировали несколько правительственных дач под Москвой (среди них, правда, не было дачи Сталина)...».

Судоплатов сетует, как чрезвычайно трудно оказалось выполнить этот приказ: «Когда в октябре 1941 года меня вызвали в кабинет Берии, где находился Маленков, и приказали заминировать наиболее важные сооружения в Москве и на подступах к ней, такие как главные железнодорожные вокзалы, объекты оборонной промышленности, некоторые жилые здания, некоторые станции метрополитена и стадион „Динамо“, взрывчатка должна была быть готова уже через двадцать четыре часа. Мы трудились круглые сутки, чтобы выполнить приказ».

С этим свидетельством мероприятие обретает некую схематичность: есть устный (т. е. не задокументированный) и безмерно секретный приказ Лаврентия Берии, отданный исполнителю — Судоплатову. Роль тов. Маленкова, присутствовавшего при том разговоре, вполне понятна, поскольку член Политбюро, курировавший органы госбезопасности, должен был засвидетельствовать только одно: никаких секретов от партии у тов. Берии нет, никаких тайных диверсионных замыслов за спиной не вынашивает. Да и тов. Судоплатов — матерый специалист диверсионно-террористического профиля, не первый день работающий с тов. Берией, так что тоже прекрасно знал, что нужно говорить в присутствии такой фигуры, а что ему приказывает нарком на самом деле. Так что половину сказанного Маленков вообще не понял, а что понял, то к делу относилось слабо.

И все, больше никаких бумаг, даже выдача минерам материального имущества — той же взрывчатки — никак не зафиксирована. И конкретные приказы тот же Судоплатов отдает уже своим подчиненным точно так же, как и ему нарком: устно и без свидетелей. Командиры групп, в свою очередь, тоже обходились без лишних формальностей, блюдя только нормы секретности и конспирации: никаких карточек минирования, никаких схем, все только в голове — «мы поставили, а вынимать, пока нам не прикажут,

не будем...». Да и вообще в этой хитрой бригаде документация всегда велась совершенно не так, как в обычных частях, а по принципу «два пишем, восемь — в уме»! Именно поэтому, например, исследователи не в состоянии обнаружить абсолютно никаких документальных свидетельств пребывания в бригаде Николая Кузнецова, хотя вроде бы известно: именно через нее Кузнецов забрасывался в отряд Медведева. Слишком многие вещи в этой бригаде выполнялись исключительно на основании устных распоряжений, которые никоим образом не фиксировались. Минирование Москвы — именно тот случай. Что нам и аукнется.

Мин — нет?

Казалось бы, миновала опасность для Москвы, отогнали немцев, затем и вовсе войне конец — наверняка же все разминировали? Невозможно же представить, чтобы совершенно забыли о тоннах взрывчатки, заложенной под ключевые здания и объекты — это же почти все вокзалы, подземные сооружения и коммуникации, правительственные дачи! При настороженном отношении товарища Сталина ко всему, что было связано с террором, при его буквально животном страхе перед возможностью обратить этот опасный инструментарий против него, мог ли он забыть, как в 1941-м приказывал тов. Берии и его головорезам заминировать половину Москвы?! Он обязательно должен был спросить: «Лаврентий, а ты те мины снял, что тебе ГКО приказал поставить?» Так что мины, несомненно, сняли.

Но, как оказалось, не все! И уж точно не случайно: у таких товарищей, как Берия или Судоплатов, с памятью всегда все было в порядке, а забывали они только то, что хотели. Ибо что такое мины в центре Москвы? Это же чудеснейшая возможность использовать их — уже не против немцев, а, скажем, против товарищей по Политбюро. Можно не использовать — пока. Пусть полежит, потому как ценны даже не эти мины, а информация о них. Каковой можно распорядиться нужным образом в нужное время...

Наш диверсант, Судоплатов, этот вопрос обойти не смог. Вспомнив в мемуарах, что именно ему «было поручено руководить

минированием дорог и объектов в Москве и Подмосковье, чтобы блокировать немецкое наступление в октябре 1941 года под Москвой», Павел Анатольевич невзначай обмолвился: «Но после того, как немцев отбили, мины были сняты, причем делалось все это под строгим контролем по детально разработанному плану».

Ой ли? Что же это за такие планы и что же это за разминирование, спустя десятилетия после которого в подвалах возле Кремля обнаруживается заначка в виде тонны тротила?! Значит, сняты, говорите, Павел Анатольевич, мины?..

Если так, отчего, когда того же Судоплатова берут под белы ручки в 1953-м, то едва ли не главное, что интересует следователей, это как он со своими парнями... Москву минировал?! Ведь тогдашний террорист № 1 Советского Союза узнает, что обвиняется «еще и в том, что планировал использовать мины, установленные на правительственных дачах, для уничтожения советских руководителей. Следователи заявляли, что мины могут быть приведены в действие дистанционным управлением по приказу Берии для уничтожения преемников Сталина. Все это было грубым вымыслом».

А что еще мог сказать в 1953 году генерал Судоплатов, спасая шкуру? Только все отрицать, утверждая: все мины сняты. Любой иной вариант при том раскладе означал неминуемую смерть: признайся, что хотя бы один фугас забыл вынуть, тут же пошел бы к стенке за террористический умысел против руководителей партии и правительства. Кто в 1953 году поверил бы в склероз, массово поразивший тех, кто минировал столицу?! Ведь даже дилетанты ныне сообразят: из каких-то уличных коллекторов взрывчатку вынули, а вот под гостиницей «Москва» малость забыли — какую-то тонну — как понимать столь выборочную «забывчивость»?

Да ведь и минировал же! И раз Судоплатову — ключевой фигуре в этой игре — инкриминировали этот эпизод, значит, что-то на тех дачках, несомненно, нашли, а иначе с чего бы суета? Сам Судоплатов утверждал, что когда в 1953 году группа специалистов обследовала правительственные резиденции в районе Минского шоссе, ничего не нашли. На это можно сказать: хорошо закладывали! А можно и спросить: а кто искал-то? И вот тут мы снова упадем: «В прокуратуру был вызван мой заместитель полковник Орлов... он являлся начальником штаба войск Особой группы при НКВД и командовал

бригадой особого назначения. Ему приказали обследовать совместно с группой сотрудников правительственные резиденции в районе Минского шоссе в поисках заложенных по моему приказу мин. Поиски продолжались полтора месяца, никаких мин не обнаружено». Да кто ж так делает, кто же поручает поиски политически гремучего клада лицу, кровно не заинтересованному в его нахождении?! Как же товарищ Орлов мог что-то найти, если найдись что, его же, Орлова тут же и берут — все по той же расстрельной статье о терроре, которую шили в то время и Судоплатову, и Берии: «Как же это так получается, гражданин Орлов, положить — положили, а вынуть — забыли? Да еще и молчали, скрывая от партии чудовищные террористические замыслы клики английского шпиона Берии, подвергая риску жизнь ответственных товарищей и простых советских граждан?!» Нет, все они, кто хоть что-то знал о том минировании, в 1953-м должны были молчать, словно рыбы, ибо любое слово могло быть истолковано только против них: раз до того много лет молчал, значит, злоумышлял...

Замечу: именно от обвинения в преднамеренном минировании объектов, как черт от ладана, открещивались и Судоплатов, и сам Берия. Судоплатов предпочел вынести пытки, нежели даже обмолвиться об этой страшной тайне, хотя, как мы теперь понимаем, прекрасно знал — и о тоннах тротила под «Москвой», и о тоннах взрывчатки в других местах. Тот же Берия признавался во всем, в чем его просили сознаться: «Шпион? Да, шпион, если вы так хотите, но — по заданию партии! Баб на улицах ловил и трахал? Да, был грех, стыжусь. Товарищей по партии расстреливал? Да, вот так уж получилось, зато трудился не покладая рук. Что, мины, управляемые фугасы?! Нет никаких мин, ничего нет, все, что было, поставлено по приказу Сталина (товарищ Маленков подтвердит), и по его же приказу вынуто...». О минировании следователи не выбили из Берии ни слова! Так и ушел он на тот свет, унеся с собой тайну последней записки: значит, до последнего у него были на нее виды! А когда понял, что жизнь уже не выторговать, видимо, решил: «Вот будет вам всем подарочек от меня с того света!»

Кто еще мог знать? В целом виде — никто, даже Судоплатов, который с 1943 года работал уже под другим наркомом и, зная, что и где заложено, вряд ли мог знать, какова дальнейшая судьба всех

закладок, что именно сняли, а что — оставили до лучших времен. Лишь один Лаврентий Павлович обладал всей полнотой информации, решив в один прекрасный момент, что не стоит слишком уж буквально исполнять сталинский приказ о разминировании.

Дорога бомба к съезду

Рассказывает историк-архивист Александр Крушельницкий:

«В конце января или начале февраля 1981 года я работал в одном из важных государственных архивов, мне тогда пришлось много заниматься историей спецвойск, в том числе и тех, которые участвовали в обороне Москвы. Поэтому я не очень удивился, когда меня вызвал начальник, поставив задачу обеспечить срочную подготовку материалов, связанных с обороной Москвы. Вхожу в кабинет, а там сидит полковник в форме инженерных войск. Меня представляют ему, а потом следует команда: „Поступаешь в распоряжение товарища полковника, он тебе поставит задачу, ты у нас человек знающий, болтать не должен“.

Задачу мне тот полковник ставит в предельно общих чертах:

— В кратчайшие сроки по указанию директивных органов (т. е. ЦК КПСС) нам с вами, вдвоем, без привлечения кого-либо, надо максимум за три дня найти ту информацию, которая мне нужна.

— А какая информация нужна?

— Мне нужны документы дивизии имени Дзержинского, связанные с обороной Москвы в 1941 году, от сентября до ноября 1941-го.

Пришлось товарища полковника разочаровать, сказав ему, что дивизия им. Дзержинского по данным, подтвержденным документально, с сентября по ноябрь 1941-го если и участвовала в обороне Москвы, то только в виде „драп-грабь-армии“ — тикала по Волоколамскому шоссе за пределы Москвы, так что в обороне города не участвовала. В ответ полковник рявкнул: „Отставить! Выполнять, что сказано!“

Так мы больше дня угробили на поиски боевых успехов дивизии, которых не было. При этом было очевидно, хотя вслух и не произносилось, что интересуется полковника мероприятия, связанные

исключительно с постановкой минно-взрывных заграждений. На следующее утро, когда я пришел на службу, полковник уже стоял в вестибюле и нервно топал каблучком. Из чего я сделал вывод: „директивные органы“ действительно не дремлют и с полковника результат требуют. Когда мы вновь начали работу, он мне говорит: „Ну, ладно, ваши соображения“.

Мои соображения заключались в том, что задача установления инженерных заграждений на подступах к Москве по Волоколамскому направлению, по направлению на Московское море и по Ленинградскому шоссе была поставлена лишь одной воинской части — Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения войск НКВД, которая тогда действовала в личном подчинении наркома внутренних дел тов. Берии.

Тут полковник сразу заинтересовался: „А что же, — говорит, — вы раньше молчали?“ На что было отвечено, что тов. полковник не хотел слышать ни о чем, кроме дивизии им. Дзержинского. Документы которой по инженерной части буквально перерыл носом. И тогда мы обратились к этой бригаде...

Когда мы с полковником все это начали искать, я еще не знал, что ищу: „Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что“! Видимо, товарища полковника эти «директивные органы» так настропалили по части секретности, что он боялся что-либо вообще сказать. Вновь мы искали неизвестно что. В конце концов полковник отчаялся и понял: ему не выполнить задания, пока реальный исполнитель не будет знать свою задачу. Когда из трех дней, отведенных на поиски, в запасе у него остался один, он раскололся. Услышанное шокировало.

Как это обычно водилось, перед готовящимся XXVI съездом КПСС проводилась очередная зачистка Москвы. И соответствующие службы проверяли весь центр Москвы на предмет наличия-отсутствия там взрывных устройств. Вот в ходе совершенно рутинной проверки правительственных сооружений и пришли в здание тогдашнего Госплана, туда, где ныне Государственная Дума. И совершенно случайно, при проверке электропроводки, в какой-то части подвала обнаружили непонятные лишние проводки, ни в какой из схем электропроводок не обозначенные. Все было банально просто: кто-то из проверяющих, закрывая крышку электрощита, просто слишком сильно хлопнул ею. Отвалился кусок штукатурки, а за ним открылся

пучок проводов, уходящий в никуда. Буквально тут же выяснили: эти провода вообще никак не подходят к задействованной в здании проводке. Более того, кто-то из бывалых людей — не пионервожатые же проверяли состояние электропроводки — тут же понял, что дело нечисто: шнур вообще оказался не электрическим — это был... детонирующий шнур, да еще и немецкий, образца 1930–1940-х годов!

Вот тут-то служивый народ и обалдел по-настоящему. Всю проводку простучали и нашли „клад“: в самых „интересных“, опорных, местах подвала здания (который, между прочим, соседствует с сооружениями метрополитена) заложены огромные запасы взрывчатого вещества. Мне тот полковник сказал про несколько сотен килограммов, но теперь в этом не уверен: могло ведь быть и больше. Уж точно, что не меньше. Так или иначе, это было заложено так, что одновременный подрыв всего просто развалил бы здание Госплана на две стороны: одна часть непроходимыми преградами завалила бы весь нынешний Охотный ряд до гостиницы „Москва“, вторая — улицу Горького до гостиницы „Националь“.

В общем, когда сотрудники КГБ простучали это дело, вызвали они отчего-то специалистов из Главного военно-инженерного управления министерства обороны, в том числе и того моего полковника.

То, что установили эти штучки в годы Великой Отечественной войны, догадались сразу: и упаковка взрывчатки была с соответствующей маркировкой, и шнур и т. д. Сразу подумали, что это был период минирования Москвы — слухи же ходили, что ее минировали. И тогда была поставлена задача: найти схемы минирования — чтобы искать закладки не вслепую, да и нашли-то далеко не все, опасались, что может быть еще. Самая главная печаль заключалась в том, что за эти годы, без малого за 40 лет, как сказал полковник, произошли необратимые изменения в структуре вещества: любое прикосновение было чревато! И было неясно, что произойдет дальше: взрывчатка вела себя неадекватно и непредсказуемо. Можно было коснуться и взлететь на воздух, детонация же привела бы к тому, что сработало бы и все остальное. В том числе и то, что не нашли».

Так и началось очередное секретное мероприятие: уже разминирование. Почему этим занялись военные, а не то ведомство, которое, по логике, отвечало за закладку? По одной из версий,

армейцев подключили потому, что именно там в то время и были лучшие саперы, потому как в КГБ тогда разминированием не занимались. Более вероятно, что тогдашний председатель КГБ СССР Юрий Андропов умышленно спихнул дело военным: случись что и громыхни, так вся ответственность на армии, а чекисты в стороны — мы, мол, нашли и предупредили... К тому же возникало слишком много неудобных вопросов: тот же Судоплатов, покамест живой и жаждущий реабилитации, все еще уперто стоит на том, что все разминировали, а тут — подарочек от него, прямо из 1941-го! Что же тогда получается: в 1953-м товарищей чекистов заподозрили в неискренности и сокрытии правды от партии, но доказать ничего не смогли (потому как не нашли). Или не нашли, потому как не больно-то и искали — можно ведь и в таком ракурсе вопрос рассмотреть. А это уже укор лично тов. Андропову и его ведомству: «что же это вы, товарищи, — мог бы строго спросить некий член Политбюро, — прозевали фугас в двух шагах от Кремля, и в трех — от своей же Лубянки? Сами заложили, сами и забыли? Плохо работаете...». Нет, не нужен был Андропову в канун последнего броска к власти шум, бросающий тень на компетентность вверенного ему ведомства. К тому слишком уж скользкая тема диверсантов: в заведении тов. Андропова к тому времени их столь усиленно выращивали пачками, что в том же Политбюро вновь мог найтись любопытствующий влиятельный товарищ, не преминувший акцентировать на этом внимание: «Вот, мол, в 1941-м были диверсанты — вот что из этого вышло, и сейчас диверсанты — что может выйти?!»

Так или иначе, но привет с того света от Лаврентия Павловича и подарок от тогда еще живого Судоплатова был налицо, впору объявлять аврал и вводить ЧП. Так ведь у нас не Америка какая, не Лондон, где сразу бы эвакуировали весь центр да еще раззвонили бы по всему миру. Посему все несколько тысяч сотрудников Госплана продолжали дружно пахать на своих рабочих местах, ни о чем не догадываясь: их никто не оповещал. Как, разумеется, не были оповещены и те сотни гостей столицы, что проживали в гостиницах «Москва» и «Националь» с примкнувшим к нему «Интуристом». А еще были тысячи курсировавших мимо машин и десятки, если не сотни, тысяч пассажиров метро, которых от этих смертельных фугасов отделяло 20 сантиметров воздуха и 40–50 — бетона. И полковник,

доверившийся архивисту Крушельницкому, пошел на служебное преступление, потому как иного выхода у него уже и не оставалось: задание исходило с самого верха, его надо было выполнять срочно...

Александр Крушельницкий: «Разъяснив мне ситуацию, полковник доверительно сказал: „Ну, что, сделаем?“ — „Сделаем!“ — бодро отвечивший ваш архивист. Хотя это было чрезвычайно сложно: документы ОМСБОНа я знал весьма подробно, но многие вещи там даже не упоминаются, в лучшем случае лишь подразумеваются. На протяжении оставшихся полутора рабочих дней мы честно перерыли с полковником все, что можно и чего нельзя. И лишь в самый последний момент, когда полковник, пригорюнившись, собирался уходить, вяло пробормотав, что отрицательный результат — тоже результат, попалась мне в руки бумажка: осенью 1941-го выделено бригаде для реализации „спецмероприятий по личному устному указанию наркома внутренних дел“ те самые километры бикфордова и детонирующего шнуров и тонны взрывчатки... На прощание полковник скажет: „Не буду напоминать тебе, что на эту тему распространяться не стоит. На всякий случай посоветуй своим (кому «своим», не уточнял), да и сам учти: в ближайшие 10–12 дней в этом районе ни ездить в метро или в машинах, ни ходить пешком не надо. Понял?!“ — „Понял, товарищ полковник!“ И не ходил... Разумеется, в советской печати не появилось ни строки о героическом разминировании.

А еще через пару лет в тот же архив явился руководитель съемочной группы документального фильма „Не отдали Москвы“. Направление к нам у них было аж от самого управления КГБ по Москве и Московской области. В заявке было сказано примерно следующее: согласно заказу КГБ СССР готовится съемка фильма о героических защитниках Москвы. Идею же кино сформулировали по-киношному идиотски: „Так же, как солдат бережет последнюю гранату для того, чтобы взорвать врага вместе с собой, так и Москва, готовясь к почти неизбежному вторжению германца, подложила под себя несколько десятков тонн взрывчатки, желая поднять на воздух колонны врага“. Солдат — он солдат, а вот взрывать-то город собирались вместе с мирными жителями! Ведь их ни в 1941-м, ни в 1981-м никто не предупреждал, что под них заложены тонны взрывчатки! Идея была изначально гнилая, но раз дана команда... Нашел я документики, те

самые. И предложил вниманию съемочной группы. Они сразу сильно возбудились. Но прошло несколько дней, и выясняется: вышестоящее руководство КГБ, узнав, что они нашли какие-то материалы на эту тему, рекомендовало им забыть, что они когда-либо что-либо видели, и в архиве сказать, что ничего не видели! Что и сделано».

Переходящая записка: от Берии к Андропову

Обо всем этом знакомый архивист поведал мне еще летом 1998 года, тогда же автор этих строк и подготовил первый материал о том, как судоплатовские диверсанты Москву заминировать — заминировали, а вот разминировать — «забыли». Формальности ради, решив еще раз дополнительно проверить фактуру, обратился в три конторы: службу безопасности тогдашней Госдумы, пресс-службу столичной мэрии и ЦОС ФСБ.

Представители думской службы безопасности оказались изумлены: «Нет, мы даже понятия не имеем, что в нашем здании в 1981 году нашли взрывчатку, что проведено разминирование! Нам никто об этом никогда не сообщал. А обязаны были? Конечно! Какой бы эта история ни была старой, мы должны были о ней знать: как мы можем обеспечивать безопасность, не зная, что тут было, какие еще сюрпризы могут появиться?!» Господ из мэрии, равно как и товарищей из ЦОС ФСБ, проблема не заинтересовала: ничего не знаем, ничего нет, ничего не может быть, все, что было, — то прошло...

И вот настал уже 2005 год — и очередная находка. Но как же это могло быть, неужели в том 1981 году, когда нашли заряд в Госплане, не простучали все вокруг, не обнаружили?! Или не искали вовсе, хотя искомое же находилось буквально в метрах от первой находки?

Значит, правы были следователи, вытрясавшие душу из Судоплатова: есть заряды, которые и в самом деле не стали вынимать. И правы были те, кто впаял сталинскому террористу № 1 пятнадцать лет: гражданин Судоплатов заслужил эти годы на нарах — хотя бы за то, что его молчание могло в любой момент обернуться гибелью тысяч ни в чем не повинных и ни о чем не подозревающих сограждан.

Но Судоплатов, хотя и носитель страшной тайны, все же исполнитель. О мотивации самого же Лаврентия Павловича можно

только догадываться. Хотя, думаю, особой загадки и тут нет: ведь товарищ Берия, как известно, боролся не только за доверие (тов. Сталина), но и за власть — для себя. А в этом многотрудном деле могла сгодиться любая тайна, особенно такая взрывоопасная. Потому как полезен любой взрыв, если его умело направить. Например, возникают у тов. Берии проблемы с другими товарищами (да хоть и с самим тов. Сталиным!) — и в центре Москвы одновременно рвутся десятки фугасов, рушатся правительственные здания: полный хаос и дезорганизация! Разрулить которые твердой рукой может кто? Правильно: тов. Берия. При этом обвинить в диверсии можно было кого угодно, никто и не вспомнил бы, что эти фугасы лежат с 1941 года. Ведь помнящих уже к концу войны можно было сосчитать по пальцам, а уж к 1953-му не осталось почти никого: иных уж нет, а те — далече. А кто еще был жив, молчал в тряпочку, прекрасно понимая, чем может обернуться прикосновение к такой тайне. А может, и не понадобилось бы никакую кнопку нажимать: можно же «найти» взрывчатку, обвинив в ее закладке тех, кого надо? Так или иначе, но тонны взрывчатки в самом центре Москвы — это информация, которой всегда можно умело распорядиться. Так зачем спешить, пусть себе лежит заначка!

И есть подозрение, что заначку эту, словно эстафетную палочку, обнаружил и принял в свои руки... Юрий Владимирович Андропов! И вовсе не обязательно в том 1981-м, может — много раньше. Но уж в 1981-м — точно. Потому что просто невозможно поверить, что после находки в Госплане (о которой по стечению обстоятельств узнали слишком многие) чекисты не простучали все вокруг, не поставили на уши живых еще ветеранов ОМСБОНа, не прочесали архивы в поисках самой завалящей бумажки. Ведь знали же, должны были знать: если есть в Госплане, должно быть и в «Москве». Да хотя бы по всей логике диверсионной! Даже если и на слово поверили чекисты восьмидесятых чекистам сороковых, что все было снято, заново простучать подвалы в окрестностях Кремля они просто обязаны были: а ну как что еще «забыто»? Значит, опросили ветеранов, перевернули архивы, простучали подвалы и — нашли. Одно из свидетельств чему косвенное: именно тогда, в 1981 году, вдруг вновь засекретили ранее открытые архивные материалы, хоть каким-то боком связанные с этой темой. Отсюда и вывод: люди товарища Андропова не просто нашли

закладку товарища Берии, но оставили ее лежать там же. Из тех же соображений: информация о тоннах взрывчатки — слишком мощная вещь, мощнее самой взрывчатки, чтобы вот так просто взять и разминировать ее, еще пригодится, пусть заначка себе лежит, ведь ее можно использовать, как и планировал Лаврентий Павлович. Юрий Владимирович ведь тоже вел свою игру в борьбе за власть. Так взрывоопасная волшебная палочка Берии и очутилась в руках его самого настоящего наследника: клад, ценность которого не собственно в закладке, а в информации о ней — можно взорвать, а можно и найти...

И какие еще сюрпризы от Берии и Судоплатова могут ждать нас в заминированной Москве: на всем протяжении Ленинградского и Волоколамского шоссе, в коллекторах Ленинградского проспекта и нынешней Тверской, под старым зданием Университета на Моховой, под Центральным телеграфом и стадионом «Динамо», под Белорусским или Рижским вокзалами или под какой-нибудь узловой станцией метро?

Глава 22. Спецштрафотряд: чекисты-уголовники в тылу врага

К лету 1942 года возглавляемое Павлом Судоплатовым 4-е управление НКВД заметно активизировало переброску своих спецотрядов за линию фронта. Кто-то склонен объяснять это тем, что после успешного покушения в мае 1942 года на Рейнхардта Гейдриха (и. о. рейхспротектора Богемии и Моравии, руководитель РСХА) Сталин потребовал от руководства НКВД интенсифицировать террор против чиновников рейха. Хотя политические задачи — Бенеш в Чехии, а Сталин — на оккупированной территории СССР, по всей видимости, решали при этом схожие, вряд ли можно усмотреть столь прямую и непосредственную связь между покушением на Гейдриха и сталинским указанием: Сталин задачу террора ставил всегда. Террор был для «вождя народов» не самоцелью, а лишь одним из инструментов решения задач конкретных и политических. Исходя хотя бы из своего опыта организации массовых репрессий в собственной стране, Сталин лучше всех понимал: незаменимых нет, убьют одного — придет другой, а машина управления продолжит свое функционирование. Что, кстати, покушение на Гейдриха и показало. Тем не менее с первых дней войны была поставлена именно задача организации террора в тылу противника, за что как раз и отвечало судоплатовское управление. Порой его еще именовали «партизанским», хотя никакого отношения к партизанству как таковому оно не имело: забрасываемые отряды специального назначения были не повстанцами, а чем-то вроде командос примитивной квалификации, оперировавшими строго в рамках приказов и директив из Центра. Приоритетной же задачей «партизан» с Лубянки изначально был, повторюсь, терроризм. Тем не менее в рамках реализации высочайших указаний «усилить», «улучшить» и вообще работать «по-стахановски» отряды 4-го управления действительно пошли тогда за линию фронта косяком. Примечательно, что незадолго до выхода на задание командиров ряда отрядов и групп в присутствии Судоплатова самолично принимал Берия, не столько проводя финальный инструктаж, сколько, по всей видимости,

ориентируя относительно таких указаний свыше, которые невозможно было передать через третьи руки или доверить бумаге. Как некогда сказал автору этих строк полковник госбезопасности Виктор Кочетков (его группу 4-е управление забросило в тыл к немцам в мае 1942 года, лишь позже переподчинив ее спецотряду Дмитрия Медведева), «никакой разведкой мы не занимались. Задачу нарком (т. е. Берия. — *Авт.*) нам ставил лишь одну: терроризировать командный состав вермахта, убивать генералов...». Положим, здесь мой собеседник изложил указания наркома в смягченной форме: штабы вермахта были совершенно недостижимы для «народных мстителей», единственно доступной серьезной мишенью могли быть лишь чиновники оккупационной администрации.

В тыл врага с лесоповала

Так или иначе, в числе таких спецотрядов, получивших задачи весьма специфического свойства, был и переброшенный в июне 1942 года через линию фронта отряд 4-го управления НКВД «Победители», командиром которого назначили капитана госбезопасности Дмитрия Медведева. Именно в этом отряде (точнее, под его прикрытием) оперировал спецагент и ликвидатор, известный под ником «Николай Иванович Кузнецов», которого позже подадут нам в качестве разведчика. Между тем, с точки зрения тех же самых компетентных органов, которые его и отправляли за линию фронта, Кузнецов был лицом неблагонадежным и подозрительным. Конечно, он давний стукач-осведомитель органов, но при этом исключался из комсомола, несколько раз подвергался арестам и предварительному заключению, имел две неснятые судимости и ограничение в правах. С таким счастьем — и за линию фронта? Не говоря уже о том, что вопрос относительно его реальной профессиональной квалификации остается открытым и поныне, а его техника исполнения терактов поражает своим дилетантизмом. Впрочем, как там однажды выразился товарищ Сталин, «других писателей у меня для вас нет»? Может, у тов. Берии и тов. Судоплатова других «разведчиков» тоже просто не было, вот и пришлось использовать то, что оказалось под рукой, включая проштрафившихся во время большой чистки чекистов: пусть, мол,

кровью искупают свою вину, реальную или мнимую, перековываются на невидимом фронте, доказывая, что они «свои». Да ведь и сам Судоплатов признавал, что «в начале войны мы испытывали острую нехватку в квалифицированных кадрах». Потому уже 1 сентября 1941 года и была утверждена «Инструкция о порядке отбора боевиков из числа исправительно-трудовых лагерей НКВД для заброски их в тыл к противнику». При этом приоритет отдавался бывшим сотрудникам НКВД.

Кстати, упомянутый выше Виктор Кочетков — он тоже был из «таких», проштрафившихся. В органах госбезопасности он с 1920 года, много лет проработал в подразделениях ОГПУ-НКВД, курирующих транспорт, был начальником дорожно-транспортного отдела НКВД Орджоникидзевской железной дороги. Но в 1939 году был снят с должности «за допущенные извращения в следственной работе» и «грубые нарушения революционной законности», исключен из партии и затем арестован. В феврале 1940 года приговорен к пяти годам лагерей, но отбывать наказание отправлен, можно сказать, на льготных условиях: начальником строительства лесогорной дороги и Орджоникидзевского лесозавода, а затем директором паркетной фабрики отдела исправительно-трудовых колоний НКВД. После начала войны освобожден и отправлен «искупать вину» в ведомство Судоплатова, хотя вовсе не был специалистом по подпольной деятельности, а об организации диверсий и терактов знал лишь из показаний тех железнодорожников, которых ранее арестовывал и допрашивал по 58-й статье. Тем не менее был назначен командиром отдельной группы, отданной затем под начало Медведева.

Впрочем, сам Дмитрий Медведев, согласно чекистским понятиям той эпохи, натурально, считался «проштрафившимся». Во-первых, он, можно сказать, еще «дзержинского набора» — в ЧК с 1920 года, да еще сразу же на руководящей работе: возглавлял уездные ЧК, особые отделы губернских ЧК и ГПУ. Да и позже его карьера в территориальных органах шла блестяще, но при Ежове именно таких «ветеранов» и отстреливали всюю, добывая остатки этих кадров уже при Бериин. Более того, в ВЧК-ОГПУ-НКВД работали и все три брата Дмитрия Медведева — и все трое были репрессированы. Старшего брата, Александра, бывшего председателя Брянской и Новгородской ЧК, а затем ответственного работника Автогенного треста, первый раз

исключили из партии еще в 1924 году — за активное участие в партийной оппозиции. Позже восстановили, но в 1935 году вновь вычистили: за «сокрытие своего прошлого участия в оппозиции» и за «антипартийное высказывание в день годовщины убийства Кирова». Уже в 1937 году его арестовали и спустя семь лет он умер в лагере. Погиб в заключении и младший брат Медведева, Михаил; отсидел в лагере и брат Алексей, тоже чекист. В натуре, целая семья «врагов», да еще и чекистов, пусть и бывших! Более того, у будущего Героя Советского Союза хватало, с точки зрения руководства, и своих «грехов». Например, в 1920-е годы Медведев работал и делал успешную карьеру в Одессе под началом Леонида Заковского — одного из самых известных, беспощадных и кровавых чекистов 1920–1930-х годов. Это была, конечно, та еще глыба: в середине 1920-х годов медведевского наставника подозревали в причастности к целой серии убийств и ограблений перебежчиков, присвоению контрабанды. Впоследствии Заковский — один из организаторов Большого террора, но в августе 1938 года расстрелян как латышский, германский, польский и английский шпион...

Еще круче оказался следующий наставник Медведева — Генрих Люшков: тот самый, который в 1938 году бежал к японцам в Маньчжурию, будучи начальником УНКВД Дальневосточного края. Но в конце 1920-х — начале 1930-х годов Люшков со своими подчиненными еще вовсю банкует, фабрикуя тысячи расстрельных дел на Украине и раскрывая несуществующие заговоры. Чтобы сделать карьеру при таком начальстве, надо было очень постараться. Впрочем, был у нашего персонажа еще один начальственный сослуживец, столь же кроваво-известный, «связь» с которым позже тоже считалась компрометирующей — Израиль Леплевский: тоже фабрикатор огромного количества липовых дел, один из тех, кто в 1937 году кровавой метлой чистил армию от «военно-фашистского заговора», но в 1938 году и сам был расстрелян как «участник фашистского заговора в НКВД»...

Пик карьеры Медведева пришелся на 1936 год: капитан госбезопасности (равнозначно тогда армейскому полковнику), закончил курсы высшего начальствующего состава при Центральной школе НКВД СССР, его должны были перевести в центральный аппарат НКВД СССР. Но на партсобрании «вдруг» выясняется, что его

старший брат — «оппозиционер». Тут же следует исключение из партии «за связь с братом». Правда, Дзержинский райком ВКП(б) затем отменил это решение, заменив исключение на выговор. Но о работе в центральном аппарате уже можно забыть, и Медведев отправлен в Харьков с понижением. Затем его все равно вычищают из НКВД «за сокрытие связи с братом, арестованным как враг народа», хотя «за живое» не взяли, а ведь тогда и за меньшее стреляли.

Потом было принято решение «считать возможным использовать Д. Н. Медведева в органах НКВД, но вне центрального аппарата», и он вновь принят на работу в НКВД, только отправят его уже в отстойник для вышедших из доверия чекистов — в систему ГУЛАГа: замначальника 3-го отдела НКВД Беломорско-Балтийского комбината НКВД в Медвежьегорске, затем начальником 3-го отдела НКВД Норильского строительного комбината. Третий отдел, он же оперативный, — это работа с осведомителями среди заключенных. Однако в ноябре 1939 года Медведев вновь вычищен из органов. К началу войны он — пенсионер НКВД, трудится управляющим межрайонной конторой № 3 треста «Мосгортон», проживает на подмосковной станции Томилино. 22 июня 1941 года Медведев через бывшего коллегу передал рапорт на имя Берии от «почетного работника ВЧК, бывшего капитана госбезопасности Д. Н. Медведева»: проситель сообщал о своей «полной готовности на любую работу, на любой подвиг» и своем «непреодолимом желании отдать все свои силы, всего себя на борьбу с фашизмом». Правда, невзирая на весь свой опыт «двадцатилетней оперативной работы», организовывать партизанские действия, диверсии и разведку «бывший капитан госбезопасности», конечно же, не умел, поскольку ранее занимался совершенно иным. Скажем, во время работы в Одессе Медведев, несомненно, обрел немалую практику борьбы с бандитизмом. Но еще более богатым у него был опыт борьбы с небольшевистскими политическими партиями и организациями. В некоторых источниках утверждается, что в одном из чекистских учебных заведений позже он даже читал спецкурс по методам внедрения в различные небольшевистские партии. Затем им был обретен и опыт борьбы с оппозицией уже внутри самой ВКП(б). Опять же, имелся опыт, и немалый, беспощадной борьбы с теми советскими гражданами, настроения которых казались бдительным чекистам не вполне

советскими. В конце концов, как раз именно за это Медведев многократно и награждался: серебряным портсигаром, золотыми часами от Коллегии Всеукраинской ЧК, знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ», а дважды — именным наградным оружием — маузерами с гравировкой «За беспощадную борьбу с контрреволюцией»... Вот именно в этом своем главном качестве — спеца по карательству — он и оказался востребован, впрочем, как и многие другие. Далеко не случайно известный партизан, Герой Советского Союза Григорий Балицкий, в своих дневниковых записях характеризовал Медведева «зашкарублым энкеведистом».

Заповедник гоблинов

Так что «сложные» биографии иных товарищей из состава его отряда не должны вызывать удивления, некоторые историки даже называли отряд Медведева «настоящим „отстойником“ для чекистов-уголовников». Применительно к целому ряду персон с этим трудно спорить.

Скажем, Владимир Фролов, старый знакомец Медведева по совместной чекистской службе сначала в Одессе, а затем в Сталинском оперсекторе ГПУ Донецкой области. В отряде «Победители» он, по одной из трактовок, был заместителем Медведева по агентурной разведке, хотя в ведении собственно разведки против немцев разбирался так же, как и его командир, — т. е. никак. Ибо ранее к разведке отношения не имел, прослужив в территориальных органах ОГПУ-НКВД на Украине, откуда и пошел на повышение в Москву. Но в июле 1938 года был исключен из партии, арестован по подозрению в шпионаже и как «социально-опасный элемент» осужден Особым совещанием при НКВД СССР к трем годам заключения. При этом, хотя чекистский стаж у него был с 1919 года, но членом ВКП(б) он стал лишь... в ноябре 1936 года! Поскольку такого быть просто не могло, значит, за какие-то грехи из партии он ранее уже исключался. Отбыв срок, сей незаменимый «социально-опасный» чекист-специалист попал прямоком в ведомство Судоплатова. Но уже в марте 1944 года Фролов служит по ведомству совсем иному — в Управлении исправительно-трудовых лагерей и колоний Управления НКВД по

Московской области. Вернулся, так сказать, к истокам? В 1944 году судимость с него наконец сняли, но в партии не восстановили, предложив вступить в ВКП(б) заново и на общих основаниях... Сведения, конечно, куцые и не особо конкретные, однако налицо компрометирующий чекиста в глазах начальства факт судимости и отсидки в лагере.

Еще один заместитель Медведева по агентурной разведке (сколько же у него было замов по разведке?!), Александр Лукин, в 1940 году был снят с должности заместителя начальника Особого отдела Московского военного округа и исключен из партии, как тогда говорили, «за нарушение норм соцзаконности». В партии его восстановили лишь в конце 1944 года, после «искупления вины». А вот Константин Пастаногов, мимоходом упомянутый в книгах Медведева как «героический» парень, куда более «знаменит». Точнее, его кровавые дела: как установил историк Алексей Тепляков, Константин Пастаногов — один из главных организаторов массового террора в Новосибирской области. Свою карьеру он начинал в 1926 году в качестве сексота Барабинского окружного отдела ОГПУ, позже зачислен в кадры. Когда по всей стране развернулась насильственная «сплошная коллективизация» и раскулачивание, Костя Пастаногов особо охотно вызывался в наряды по приведению в исполнение многочисленных расстрельных приговоров «кулакам». Тогда же он подвел под расстрел и родного дядю, написав на него донос. Правда, самолично расстреливать дядю якобы отказался, что ему попытались инкриминировать в 1937 году. Но тогда в его защиту выступил начальник управления НКВД по Западно-Сибирскому краю Сергей Миронов-Король, разъяснивший подчиненным: «Приводить в исполнение приговор может не всякий чекист, просто иногда по состоянию здоровья... На его дядю первые материалы о контрреволюционной деятельности поступили от т. Пастаногова. И если бы даже Пастаногов заявил, что ему неудобно идти расстреливать дядю, здесь, мне кажется, не было бы нарушения партийной этики». То есть не так уж чтобы очень и отказывался? К тому же на его «боевом счету» и без того были сотни лично им «исполненных», не считая тысячи тех, кого он подвел под расстрел уже как оперативник, следователь и начальник Секретно-политического отдела УНКВД по Новосибирской области, а затем и как временно исполняющий

обязанности начальника областного УНКВД. Он даже пытался сфабриковать дело о фашистском заговоре... детей: в апреле 1938 года Пастаногов дал распоряжение начальнику Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД Лунькову (запомните эту фамилию!) арестовать 60 детей, оформив на них дела как на участников «контрреволюционной фашистской организации». Сказано — сделано: Луньков исполнительно доложил Пастаногову, что вскрыта контрреволюционная организация, насчитывающая свыше 60 человек, планировавшая расширяться за счет вербовки учащихся, агитировать «за срыв занятий в школах и оставление учебы», терроризировать «передовиков учебы» и осуществлять моральное разложение молодежи «путем втягивания в пьянки, половое сожителство и совершения хищений», а также внедрять в ее ряды фашистские лозунги, популяризировать «методы троцкизма» и клеветать на вождей. Тут же завели дело, собрав обличительного материала аж на 160 школьников, но для начала взяли 15, в том числе 10–12-летних детей. Почти восемь месяцев детей держали в переполненных камерах со взрослыми уголовниками и политическими заключенными, выбивая из них показания. Разумеется, все быстро сознались, что состояли в контрреволюционной диверсионно-террористической повстанческой организации и по заданию врагов народа срывали портреты вождей, революционные лозунги и плакаты, писали «на стенах и заборах антисоветские выражения», распространяли среди пионеров и комсомольцев контрреволюционные анекдоты и частушки. Гуманная прокуратура дело тихо спустила на тормозах, отдав под суд «всего лишь» четверых... Еще у Пастаногова было хобби: обожал изобретать новые методы «дознания». Одним из таких его изобретений, сравнительно невинных, стал «хоровод»: арестанта сажали на стул с острыми железками, и целыми часами чекисты толпой ходили вокруг него, изрыгая угрозы и нецензурную брань: «... Мы тебя заставим писать, нас больше, видишь, мученик, контрик!..» Арестованного Пастаноговым областного прокурора Игнатия Баркова так запытали, что тот во время одного из допросов выбросился из окна кабинета Пастаногова, с четвертого этажа здания УНКВД. В мае 1940 года Пастаногова исключили из партии и уволили из органов, затем арестовали, а в ноябре 1940 года впаляли восемь лет лагерей «за нарушение законности». Однако и в лагере использовали, так сказать,

по профилю: назначили старостой лагпункта в Новосибирске. Как без такого квалифицированного специалиста было обойтись Судоплатову? В конце 1941 года Пастаногов, не отсидевший из положенного срока и года, освобожден со снятием судимости и отправлен в отряд Медведева. С какой специализацией? Догадайтесь сами. В тылу врага он пробыл едва ли месяц, получил ранение в руку, был эвакуирован на «Большую землю», а в декабре 1943 года в числе прочих судоплатовцев получил орден Красной Звезды. Затем был отправлен обратно в Новосибирск — помощником начальника областного Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний, после войны ненадолго возглавил отдел СМЕРШ, курирующий милицию и пожарную охрану, но уже в 1946 году вновь был обвинен в злостных нарушениях «социалистической законности» и отправлен во Владивосток. Только и в той глуши так умудрился напортачить, что был изгнан с оперативной работы и переведен в Севкузбасслаг МВД. Но и там не сладилось: уверовав еще со молодых чекистских ногтей в магическую силу доноса, остановиться Пастаногов не смог, завалив ими вышестоящие инстанции. Потому в 1954 году был уже окончательно исключен из партии с уникальной формулировкой «за доносительство», вытурен из органов и уехал в Красноярский край...

Его подельник по «детскому делу», начальник Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД Алексей Луньков тоже оказался востребован за линией фронта, и тоже после отсидки. Кстати, именно Луньков, оказывается, в свое время и «настучал» на Пастаногова, что тот злостно уклонился от расстрела своего дяди, особо подчеркнув, что тот приговор Пастаногову-старшему в исполнение «приводил лично я». Лунькова арестовали в 1939 году, но еще не за детей, а за то, что, когда осенью 1937 года его направили в Куйбышевский оперсектор УНКВД Новосибирской области, он вместе с коллегами, вместо того чтобы расстреливать осужденных, душил их веревками, удавив порядка 600 человек. На заседании трибунала чекист оправдывался, что душил не садизма ради, а из-за неподходящих условий для расстрелов. Зато дело по удушению, мол, он поставил так образцово, что на каждого приговоренного тратили не больше минуты, набрасываясь на него впятером. Получив семь лет лагерей, в декабре 1941 года Луньков был освобожден и спешно отправлен на дальнейшую перековку к Судоплатову. Который тут же и

откомандировал квалифицированного душегуба и детолюба для работы по специальности — начальником штаба в отряд Станислава Ваупшасова.

Последний, тоже тот еще фрукт: еще с начала 1920-х годов ветеран закордонных дел терроризма — в ходе операций так называемой активной разведки по заданию партии и правительства резал на польской территории жандармов, пограничников и чиновников, провоцируя польские власти на карательные акции против населения Западной Белоруссии. После отправлен в традиционный чекистский отстойник — начальствовать над зэками на строительстве канала Москва — Волга. Потом была проигранная Испания, где «товарищ Альфред» тоже трудился по основной специальности...

Еще один чекистский засланец в тыл врага, Иван Золотарь, тоже, кстати, сослуживец Пастаногова, предшественник Лунькова в должности начальника Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД. Отличился тем, что в 1934 году лично расстреливал осужденных алтайских немцев в Славгороде. А будучи уже начальником горотдела НКВД, как свидетельствуют документы, «фиктивно создал в Ленинске троцкистскую организацию и с применением к нам издевательств и пыток заставил нас подписать ложные протоколы допроса, в которых записаны как участники этой контрреволюционной организации почти весь актив города...». Подчиненные Золотаря позже показали, что их начальник проявлял «особую жестокость» не только к арестованным, но и к самим чекистам. Погорел он на том, что, когда в октябре 1937 года в Ленинске-Кузнецком было расстреляно 369 человек, их тела даже не удосужились толком захоронить. Как показал на следствии бывший начальник УНКВД по Новосибирской области Григорий Горбач, «приговора в исполнение были приведены в таком месте и так, что на второй день какой-то человек натолкнулся на место, где был обнаружен труп». Впрочем, ему еще много чего инкриминировали, включая многочисленные интимные связи с подчиненными, присвоение казенного имущества, но свои пять лет лагерей он получил именно за расконспирацию мест захоронения расстрелянных. Но, как водится, не досидел: в январе 1942 года освобожден по «особому ходатайству НКВД СССР» и с распростертыми объятиями встречен в судоплатовском управлении.

Еще один герой-судоплатовец, Лаврентий Якушев (Бабкин), тоже из разряда прощтрафившихся гоблинов. Считался одним из наиболее беспощадных чекистов ежовского призыва. Как гласят документы, будучи с октября 1937 года по февраль 1938 года начальником УНКВД по Житомирской области, он «лично принимал участие в избииении заключенных, приговоренных к ВМН, в сожжении 11 заключенных. По его приказу заключенные сами копали себе могилы. 200–250 связанных заключенных ставили в очередь и расстреливали на глазах других заключенных». Еще по приказу Якушева его сотрудники «занимались вытаскиванием кирками и клещами золотых зубов из рта трупов расстрелянных». Пошел на повышение: был назначен наркомом внутренних дел Крымской АССР, где трудился в поте лица аналогичным образом. В 1939 году приговорен к 20 годам лагерей, в том числе и за то, что учинил расстрел 553 человек, осужденных и казненных уже после запрета приводить в исполнение приговоры троек. Разумеется, уже осенью 1941 года Якушев амнистирован и направлен «партизанить» к Судоплатову.

Большой террор за линией фронта

На закуску можно привести еще парочку кадров. Леон Агабеков возглавлял секретно-политический отдел НКВД Узбекской ССР, в 1939 году арестован и затем осужден на пять лет — как участник «антисоветской заговорщицкой организации», по заданию которой «фальсифицировал следственные дела и производил необоснованные аресты». В 1942 году освобожден, отправлен к Судоплатову и заброшен в немецкий тыл как начальник группы. Отличился так, что был замечен аж Богданом Кобуловым, первым замом наркома госбезопасности, отметившем в 1945 году, что опергруппа Агабекова «проделала серьезную работу по вскрытию деятельности ряда антисоветских польских и белорусских подпольных организаций, которые вели активную работу против советского государства». Так ведь для того и посылали, не с немцами же бороться!

Еще один «партизан» Судоплатова, бывший начальник секретно-политического отдела УНКВД по Алтайскому краю Петр Перминов, вообще был в мае 1941 года приговорен к расстрелу Военной

коллегией Верховного суда СССР за вполне конкретные и масштабные преступления против «социалистической законности», но «вышку» заменили на 10 лет, а в 1942 году амнистировали, сдав «ценный кадр» под расписку Судоплатову, который и отправил его в спецотряд Виктора Карасева «Олимп». Впоследствии Перминов стал заместителем по разведке в отряде своего старого сибирского приятеля, уже описанного выше Ивана Золотаря. Как позже сообщала справка-объективка НКГБ СССР, Перминов лично выявил до 200 «немецких шпионов-предателей» и участников националистических формирований...

Что и говорить, достойные борцы с фашизмом. Уж не знаю, какой страх могли нагнать эти гоблины на немцев, но поистине смертный ужас на своих — безусловно. Тем паче ведь и амнистированы-то были, в своем подавляющем большинстве, вовсе не кадровые разведчики, а именно квалифицированные каратели, специалисты по части организации политического сыска и массовых репрессий. Случайность? Вряд ли: исполнители такого профиля, скорее всего, действительно и подбирались исходя из поставленных задач. Задачей же № 1, как мы знаем, был террор. В первую очередь, формально, в отношении генералитета и офицеров вермахта, а также чинов оккупационной администрации. Во вторую — против предателей и тех, кто сотрудничал с оккупантами. По крайней мере, это афишируемая часть дела, смысл которой очевиден: вбить клин между немецкой администрацией и населением, спровоцировав немцев на масштабные карательные акции и массовые репрессии того типа, что были проведены в СССР перед войной. Особенно желательно это было учинить в западных областях Украины и Белоруссии, которые, по сути, предстояло советизировать заново. Их население должно было так взвыть от немецких репрессий, чтобы встретить советскую власть как родную. Впрочем, на остальной части временно оккупированной территории тоже предстояла серьезная работа: слишком уж там «расслабилось» население, основательно забыв про колхозы, хлебозаготовки, лесоповалы, ударный труд по-стахановски, руководящую и направляющую роль ВКП(б) и лично товарища Сталина. Потому и необходимо было, не теряя времени, развертывать за линией фронта ту же чекистскую деятельность, что и на собственной территории: поиски «врагов народа» с последующим их

репрессированием, пусть, конечно, и несколько не в тех масштабах. Вторая задача — контроль: бдеть, выявляя и ставя на учет все, что подлежало ликвидации в свое время. Собственно ликвидация — это уже третья задача, открытым текстом обозначенная уже несколько позже — в закрытой директиве НКГБ № 583 от 22 октября 1943 года, приказывавшей приступить к ликвидации и «вывозу на свои базы для допроса» наиболее видных представителей всевозможных групп и партий, «расплодившихся» за время немецкой оккупации — русских, украинских, белорусских, польских «и других национальностей». Также надлежало «выявить и учесть» представителей несоветских вооруженных формирований. Одним словом, поступила команда провести масштабную чекистскую операцию по заблаговременному обезглавливанию в глубоком немецком тылу всех тех, кого посланцы Лубянки не сумели поставить под свой контроль. По возможности эту грязную работу желательно было сделать чужими руками: натравить немецких карателей на украинские и белорусские национальные отряды, а украинцев и белорусов — на польские формирования. Основная же сверхзадача: ликвидировать ту местную и национальную элиту, которая в перспективе могла представлять помеху и даже опасность для повторной советизации территорий. По сути, это было перенесение Большого террора за линию фронта. Вот как раз для реализации этой сталинской задачи «квалифицированные специалисты» из числа проштрафившихся чекистов игодились. Да и в случае чего их совершенно не было жалко — отработанный материал.

Глава 23. Эстрадно-боевое подполье

Охота на Гитлера: непридуманные истории про чекистов-ликвидаторов

Миф о всевластии, всезнании, всепроникновении и всемогуществе секретных служб обычно возвращается в недрах самих служб. Лубянка в этом смысле не исключение: по сей день в ходу легенда о высочайшем профессионализме чекистов-разведчиков времен Великой Отечественной войны. Запущена она была людьми служивыми много десятилетий назад с целью весьма прагматического свойства: пришла пора создавать новый имидж чекистского ведомства, и лучше всего для этого подходила героическая военная эпоха. Вот только с реальными разведчиками, как и с их успехами, оказалось не все так просто, поскольку и агентурные закордонные сети, и кадры центральных аппаратов разведок — военной и политической — были истреблены еще в ходе сталинских репрессий. «На развод» оставили лишь считанное количество уникальных специалистов, чаще всего по части штучных ликвидаций за рубежом личных врагов вождя — таких как Павел Судоплатов или Наум Эйтингон. Да и они были вовсе не разведчики, а лишь ликвидаторы, по масштабным диверсиям или партизанству — тоже вовсе не спецы, но именно им приказали организовать борьбу в тылу врага — иных специалистов схожего профиля у Сталина уже не было. Правда, вождь ставил задачу скорее истреблять, чем разведывать, потому ведущую роль в ее исполнении отвели структуре во главе с Павлом Судоплатовым — Особой группе при наркоме внутренних дел СССР, переформатированной затем во 2-й отдел НКВД, с января 1942 года это 4-е управление НКВД, с мая 1943 года — 4-е управление НКГБ СССР.

Штукари из варьете

Одним из самых крупных первых дел этой «конторы», помимо, прямо скажем, не слишком успешной организации собственно

партизанской войны, стало создание подполья на случай сдачи Москвы немцам. Когда в конце сентября 1941 года Сталин пришел к выводу, что Москву, возможно, не удержать, то Берия получил от него приказ приступить к созданию подполья в столице. Вызвав к себе Судоплатова, Берия поставил задачу: «Обстановка тяжелая. Не исключено, что какой-то части немцев удастся прорваться в город. Мы хотим создать в Москве нелегальные резидентуры и группы боевиков. Они развернут здесь нелегальную работу».

Единственное описание подробностей того, как чекисты развернули ту работу, оставил в своей книге «Право на совесть» нелегал-боевик Николай Хохлов, в 1954 году ставший невозвращенцем: «Обстановка для Москвы складывается плохо, Николай. Город, видимо, придется отдать. На короткое время, конечно. Но все равно — если немцы войдут в Москву, они должны почувствовать себя здесь как в осином гнезде, — цитировал Хохлов речь своего куратора, Михаила Маклярского. — ...Для этого в городе должны остаться боевые группы».

По версии Судоплатова, в Москве тогда создали «три независимые друг от друга разведывательные сети», а главным координатором подполья стал начальник контрразведывательного отдела Управления НКВД Московской области Сергей Федосеев. Вот только сомнительно, что он продержался бы в подполье сколь-нибудь долго, очень уж многим он был известен в своем реальном качестве, в том числе соответствующим немецким службам. Руководителем подпольной сети, отвечавшей за диверсии на транспорте, по личному указанию Берии назначили бывшего наркома госбезопасности Украинской ССР Павла Мешика. При всем богатстве фантазии трудно представить, что Мешик сумел бы сколь-нибудь долго продержаться в московском подполье — как-никак целый республиканский нарком, успевший очень хорошо засветиться по части проведения репрессий. При этом хоть какие-то навыки нелегальной работы у него отсутствовали напрочь.

Во главе еще одной сети поставили майора госбезопасности Виктора Дроздова. «Мой старый приятель с Украины» — так охарактеризовал его Судоплатов — имел «большой опыт борьбы с бандформированиями и националистическим подпольем на Украине». Перед войной его перевели в Москву — заместителем начальника

столичной милиции. Как полагали на Лубянке, из него выйдет хороший руководитель подполья, потому, что «в Москве его не знали». Это второго-то человека в столичной милиции?! Который, опять же, ранее широко отметился на руководящей чекистской работе в нескольких областях Украины. «В целях конспирации, — писал Судоплатов, — его сделали заместителем начальника аптечного управления Москвы. Он должен был в случае занятия Москвы поставлять лекарства немецкому командованию и войти к нему в доверие». Интересно, как поставлять и откуда, уж не напрямую из Свердловска или Челябинска?! Надо было быть совсем уж оторванным от реалий и не иметь на плечах головы, чтобы в качестве второго «аптекаря» столицы пытаться подложить немцам Дроздова! Да эта «легенда» лопнула бы в момент, не выдержав самой элементарной проверки. Как-то даже не верится, что на Лубянке всерьез учудили конспирацию столь детсадовского уровня.

Тогда же создали еще одну боевую спецгруппу, во главе которой поставили композитора Льва Книппера, брата жившей в Германии актрисы Ольги Чеховой. В юности Книппер воевал в рядах белых, эмигрировал, был завербован чекистами, вернулся и обрел известность как автор песен и симфоний, прославляющих уже Красную армию. По слова Судоплатова, у группы Книппера была особая задачи: «Он стал спецагентом-групповодом и должен был действовать в Москве по разнарядке „Д“, то есть для осуществления диверсионных актов, операций и акций личного возмездия против руководителей германского рейха, если бы они появились в захваченной столице». Если точнее, его группа «должна была уничтожить Гитлера и его окружение, если бы они появились в Москве после ее взятия». В свою очередь, «руководить подпольем — имеется в виду спецгруппа Книппера — должен был Федотов — начальник Главного контрразведывательного управления НКВД». Павел Федотов — комиссар госбезопасности 3-го ранга, в канун войны и в самом ее начале последовательно был начальником 2-го (секретно-политического) отдела ГУГБ НКВД СССР, 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР, 2-го управления НКГБ СССР и 2-го управления НКВД СССР — неужели это столь «неизвестная» фигура, чтобы оставлять его в подполье?! Или задание, исполнение которого и должен был курировать Федотов, того стоило?

«Была разработана специальная операция по физическому устранению Гитлера. Немцы тогда трубили на весь мир о том, что проведут парад на Красной площади. И Гитлер будет приветствовать своих солдат. Среди тех, кто собирался остаться в московском подполье, нашелся человек, который готовился осуществить покушение на Гитлера. Это известный композитор Л. К. Книппер». И как же он должен был это сделать? Согласно чекистской логике, элементарно: как брат Ольги Чеховой, вхожей в окружение Гитлера, он мог «быть представленным Гитлеру в Москве, скажем, во время концерта. И тогда...» Что именно «тогда», Судоплатов предоставляет додумать самим, хотя очевидно, что ни малейших шансов на успех эта афера иметь не могла, а композитор-ликвидатор просто был обречен на убой.

Так ведь и не он один. «Для совершения диверсионных актов, — утверждал Судоплатов, — нами было запланировано привлечь 200 человек. 101 человека подобрали для осуществления акций специального возмездия в отношении членов гитлеровского руководства». В частности, схожее задание получила и группа Николая Хохлова. Вот как эту задачу поставил куратор: «Войти в доверие к немцам не так-то просто. Мы подумали о небольших группах артистов эстрады. Немцы любят искусство, в особенности не очень серьезное. Они могли бы использовать такие коллективы для обслуживания своих фронтовых частей. Вы свистеть не разучились? Нет? Ну и прекрасно. Мы включим вас в одну из таких групп. Если немцы возьмут Москву, они обязательно устроят парад Победы. И пусть устраивают... Может быть, даже Гитлер пожалуется. Представьте себе большой концерт для фашистского командования. В зале немецкие генералы, правительственные чиновники, министры всякие... И вдруг — взрыв, один, другой... гранаты. Жив русский народ! Жив и сдаваться не собирается. Понимаете, что это значит?»

То, что это не художественный вымысел, подтвердил в своих «показаниях»-мемуарах Павел Судоплатов: «К возмездию против немецкого командования под руководством М. Маклярского мы готовили и актерский ансамбль во главе со „Свистуном“ — Николаем Хохловым, позднее ставшим перебежчиком. Планировалось, что Хохлов вместе с группой акробатов, выступая перед немецкими высшими офицерами, во время эстрадного номера — жонглирования — должны были забросать их гранатами». В другой версии своих

воспоминаний тот же Судоплатов поведал, что «у нас, между прочим, была одна очень интересная боевая группа из четырех человек. Один — артист-свистун (специалист по художественному свисту). Другая — женщина-жонглер. Она жонглировала боевыми гранатами, закамуфлированными под... небольшие поленья. Представляете? Идет концерт, скажем, в немецком офицерском собрании. На сцене изящно жонглирует своими „полешками“ дама. И вдруг эти „дрова“ летят в публику... Этот номер придумал Маклярский». Да уж, номер высшей цирковой категории: чекисты-диверсанты, выступающие перед Гитлером в цирке (московском!) и жонглирующие там гранатами — под художественный свист и аплодисменты свиты фюрера. Это, кстати, красочно показывает, сколь примитивно-убогое представление о системе охраны вождей рейха имела хваленая чекистская разведка! Не говоря уже про шаблонность мышления: руководство Лубянки всерьез полагало, что немцы обязательно проведут в Москве «парад Победы», на котором непременно будет Гитлер, до которого запросто можно будет дотянуться. Лишь после войны советская разведка узнала, что появление в советской столице, равно как и проведение там каких-либо торжеств, в планы Гитлера никогда не входило.

Не менее примечателен оказался и подход к организации нелегальных радиоточек. Одну из них разместили в подвале кукольного театра Образцова, который тогда был на площади Маяковского. Точнее, это был еще не театр, а долгострой, в подвале которого и разместили рацию. По версии Судоплатова, «строительная незавершенка была вообще идеальным прикрытием: траншеи, подвалы — черт ногу сломит, а знающий человек в этих катакомбах как дома. Обычно мы размещали там наши нелегальные резидентуры». Но теперь представьте себе, как это выглядело бы в реальности: центр оккупированного города, всюду немецкие патрули — и вдруг кто-то у них на глазах юркает в руины незавершенной стройки, на ночь или комендантский час глядя? С учетом отменной постановки патрульной службы у немцев говорить здесь просто не о чем, тем паче блокировать руины и взять там рацию с радистом проще, чем в жилом квартале. Такая вот конспирация.

У Хохлова можно почерпнуть и массу других подробностей подготовки будущих боевиков. Так, его группу снабдили запасом продуктов, но при этом сало засунули в один мешок с сахаром, «сахар,

наколотый большими серыми обломками, лежал внизу. На него были набросаны пласты сала. Кристаллы соли осыпались вниз, сахарная пудра поднялась вверх. ...Нас торжественно наградили в октябрьские дни соленым сахаром и сладким салом». Еще подпольщикам вручили два чемодана, набитых пистолетами, гранатами, пачками патронов и взрывчаткой, предложив самим дотащить их через весь город до квартиры: «Идите боковыми улицами, старайтесь обходить патрули, чтоб вас не поймали с этим делом». Про патрули сказано не просто так: если бы патруль задержал ребят с этим добром, в полном соответствии с действовавшими приказами их просто расстреляли бы на месте. Отдельная песня — как учили обращаться с оружием и взрывчаткой: «Вдруг Нинин пистолет сам собой исправился, хлопнул выстрел, и пуля, пробив рукав Сергеева пиджака, шлепнулась в самый центр мишени», «Тася... широко размахнувшись, бросила гранату прямо себе под ноги. — В цель! — рывкнул Егор и, схватив девушек в охапку, швырнул их в траншею. Все отделались легким испугом». С обучением конспирации дело обстояло не лучше, разве лишь порой к артистам-боевикам приходил некий «дядя Петя», учивший, «как по международным правилам следует надевать пальто и завязывать галстук, обращаться со столовыми приборами, составлять меню обедов и ужинов, рассаживать гостей, подавать к соответствующим блюдам соответствующие вина». 15 октября 1941 года капитан госбезопасности Михаил Маклярский, отвечавший за подготовку группы Хохлова, нарушив все писанные и неписанные нормы конспирации, среди бела дня вызвал всю четверку для дачи последних ЦУ прямо в здание центрального аппарата НКВД на Лубянке: «Но что же, — поднял Михаил Борисович на нас глаза. — что я могу вам, ребята, сказать? Ничего хорошего... Москву оставляем... Немецкие танки на окраинах города. Держитесь и помните, что вы будете защищать... Не горячитесь. Ждите связи и указаний. Но и сами не плошайте. ...Помните все, чему мы вас учили. Увидимся в подполье. ...Постарайтесь сначала войти прочно в доверие к немцам...». Джеймс Бонд отдыхает...

«Нам не пришлось встретиться с Михаилом Борисовичем в подполье, — вспоминал Хохлов. — Это было счастьем и для Москвы, и для нас — четырех артистов эстрады, наскоро приспособленных к разведке». Их легенда затрещала по швам сразу же: «Держались мы,

конечно, всегда вместе и вели себя в соответствии с вызубренными правилами конспирации», но «наш таинственный и, в сущности, подозрительный вид был быстро подмечен острыми глазами» столичной художественно-артистической тусовки. Когда в декабре 1941 года стало ясно, что столицу не сдадут, Маклярский принял от боевиков-эстрадников ранее выданный им «оперативный фонд». Подсчитав оставшиеся деньги, «он схватился за голову и спросил убитым голосом:

— Куда же вы ухнули такую массу денег?

— Расходы по конспирации, Михаил Борисович, — почтительно ответили мы.

— По к-о-н-с-п-и-р-а-ц-и-и? — расхохотался Михаил Борисович. — Это вы-то — конспираторы? Да вся Москва знала, что вы связаны с разведкой! Ваше счастье, что немцы до Москвы не дошли. Болтались бы вы все четверо в первые же двадцать четыре часа на ближайшем фонаре».

«Цирк Маклярского»

Так ведь повезло не только собственно эстрадно-боевой группе «Свистуны», но и самому Маклярскому, как и вообще всему несостоявшемуся «подполью». Хохлов не без горькой иронии назвал свою подпольную ячейку «эстрадно-боевой группой», задействованной в «артистически-разведывательных планах НКВД СССР», автором же создания этой, опять по выражению Хохлова, «артистическо-разведывательной бригады» был как раз Маклярский: самое время поведать о нем.

Михаил (настоящее имя Исидор) Маклярский обрел известность уже после войны, но не как сотрудник диверсионно-террористического ведомства Павла Судоплатова, а как один из авторов сценария фильма «Подвиг разведчика». В официозных биографиях его и поныне заносят в разряд разведчиков, именуя даже дипломированным юристом с университетским образованием. Однако никаким разведчиком Маклярский сроду не был, да и образование у него неоконченное среднее. Родился он в Одессе в ноябре 1909 года, в семье портного. Казенные биографы утверждали, что с 1924 года Маклярский якобы

служил в погранвойсках и даже воевал с басмачами, но с реальными документами эта версия столкновения не выдерживает: все это выдумка, ни в каких погранвойсках Маклярский не служил, да и не мог — в 1924 году ему было лишь 14 лет! Будущий создатель «артистическо-диверсионных бригад» обитал тогда в родной Одессе, где после окончания семи классов работал то в кустарных мастерских учеником-переплетчиком и электриком, то служил курьером библиотеки клуба «Роза Люксембург», учился в одесской профтехшколе «Металл» № 2 и совпартшколе, а с апреля по сентябрь 1926 года числился учеником на Одесской таможне. С октября 1926 года по июнь 1927 года он и вовсе безработный, официально зарегистрированный на Одесской бирже труда. Но в том же году безработного товарища вдруг взяли в ОГПУ — делопроизводителем ИНФО ГПУ Туркменской ССР. ИНФО — информационный отдел, одно из самых крупных и основных структурных подразделений ОГПУ, ведавшее огромным аппаратом осведомителей и «освещавшее» настроения населения. Проще говоря, аппарат слежки за своими же согражданами и вербовки стукачей. На сей ниве наш персонаж был замечен старшими товарищами и взят ими в центральный аппарат. Но не в разведку, как безосновательно утверждает ряд источников, а в Особый отдел, надзиравший за красноармейцами, краснофлотцами и красными командирами. Из-за этого перевода Маклярскому, видимо, и не удалось закончить юридический факультет Среднеазиатского университета, где он успел заочно отучиться лишь два курса (позже Маклярский сделал еще одну попытку получить высшее образование: поступил на 1-й курс химико-технологического факультета Института хозяйственников — были такие ведомственные учебные заведения, но в июле 1940 года все эти институты упразднили). Летом 1936 года карьера Маклярского делает неожиданный зигзаг: его отправляют в самую натуральную ссылку в ГУЛАГ, служивший отстойником для проштрафившихся чекистов — в Дмитлаг НКВД, строивший канал Москва — Волга. В Дмитлаге он был назначен начальником отделения 3-го отдела Дмитлага: курировать агентурно-осведомительную сеть среди заключенных, вербовать новых стукачей, бдеть за «антисоветскими проявлениями» в зоне и «лепить» новые дела, чаще расстрельные, чем наш персонаж успешно и занимался почти год. Но после торжественного открытия канала Москва — Волга весь

руководящий состав Дмитлага был арестован: чекистов каналстрой обвинили в подготовке переворота... силами заключенных, из которых они якобы формировали боевые отряды! Так что в мае 1937 года пришли и за Маклярским, но затем последовало необъяснимое: всех его начальников расстреляли, а его в августе 1937 года... выпустили. Почти год он затем болтался в подвешенном состоянии: под подозрением и без должности. Затем восстановлен в органах и отправлен в тот же отстойник — начальником отделения «стукаческого» третьего отдела, но уже центрального аппарата ГУЛАГ НКВД. Но в феврале 1939 года его вновь вычистили из НКВД! Чтобы опять востребовать уже в сентябре 1939 года. Биографы утверждают, что он служил в Управлении погранвойск (УПВ) НКВД, но это вранье: не в УПВ, а в только что созданном Управлении по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД, где был назначен начальником отдела учета и регистрации военнопленных. Красная армия как раз вторглась в Польшу, пленных было много, новая структура остро нуждалась в специалистах-тюремщиках, и кадровым источником для УПВИ стал ГУЛАГ НКВД, у сотрудников которого имелся богатый опыт работы с заключенными. Спустя год Маклярский переведен в ГУГБ НКВД — во Второй отдел (борьба «с антисоветскими элементами») старшим оперуполномоченным 4-го отделения, где в его компетенции была «агентурная разработка по антисоветским политпартиям», а также «тюркско-татарско-монгольским» и кавказским «контрреволюционерам». Затем он замначальника 1-го отделения 3-го отдела 3-го управления НКГБ — это уже «антисоветские формирования среди академической, технической, сельскохозяйственной, медицинской, педагогической и юридической интеллигенции». С 13 августа 1941 года Маклярский — начальник 1-го отделения 2-го отдела 3-го управления НКВД СССР и по-прежнему борется не с немцами, а с «антисоветскими формированиями» среди творческой интеллигенции и молодежи. Лишь в октябре 1941 года его перевели в «контору» Судоплатова. До той поры в его биографии не было ни грана героики, а лишь работа со стукачами и фабрикация дел о происках «врагов народа». И вот такому опереточному персонажу поручают организацию террористического подполья? Так ведь больше, как оказалось, и некому: все профессионалы сгинули в молохе репрессий, только такие шуты и

остались. Потому и не стоит удивляться, что из подполья Маклярский и сотворил натуральное шапито — с жонглированием гранатами-поленьями, засахаренным салом и рацией в кукольном театре. В конце концов, ведь сценарий подполья один в один был взят именно из материалов тех липовых дел, в которых «враги народа», строя козни против вождей партии и правительства, тоже жонглировали булавами со взрывчаткой. Когда пачками лепишь дела о мифических заговорах, немудрено уверовать в них и самому...

Боксер для фюрера

«Цирк Маклярского», как прозвали его сами чекисты-боевики, еще долго фонтанировал схожими и столь же фантастическими идеями. Но не от хорошей жизни: навязчивая идея покушения на Гитлера — вовсе не инициативная самодеятельностью Берии, Судоплатова и тем паче Маклярского, а лишь попытка реализовать приказ Сталина. Исполнить его было невозможно, вот руководство НКВД и вынуждено имитировало бурную деятельность, хотя большей частью все это ушло в пар сочинения совершенно фантастических комбинаций. Так, например, предполагалось забросить в Германию специально подготовленного боевика — боксера Игоря Миклашевского, которого подвела бы к Гитлеру советская агентура в Берлине — князь Януш Францишек Радзивилл и, опять же, вездесущая актриса Ольга Чехова. «У нас существовал план убийства Гитлера, — писал Судоплатов, — в соответствии с которым Радзивилл и Ольга Чехова должны были с помощью своих друзей среди немецкой аристократии обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру». Попутно Миклашевский получил задание убить... своего дядю, актера Всеволода Блюменталья-Тамарина, сотрудничавшего с немцами. Всеволод Блюменталь-Тамарин талантливо имитировал голос Сталина, зачитывая от его имени по немецкому радио фальсифицированные указы и приказы и т. п. Пройдя подготовку, Миклашевский под видом красноармейца-перебежчика перешел к немцам через линию фронта, какое-то время провел в лагере для военнопленных, затем вступил в РОА и после прохождения проверки попал в Берлин. По версии Судоплатова, Миклашевскому якобы

удалось наладить связь с Москвой, а на одном из приемов даже выйти на Ольгу Чехову. Если даже и так, то обеспечивать боевику доступ к телу фюрера актриса не стала. Еще Миклашевский якобы «передал в Москву, что можно будет легко убрать Геринга, но Кремль, — утверждал Судоплатов, — не проявил к этому особого интереса». Затем Сталин и вовсе отменил свой приказ о покушении на Гитлера, сочтя, что его устранение только навредит, подвигнув германских военных заключить сепаратный мир с американцами и англичанами. Тем не менее одно из заданий Миклашевский все же выполнил: убил своего дядю, но уже после окончания войны. Как с гордостью поведал Судоплатов, «он пробрался туда, куда нам нужно было... В Берлин. Нашел того человека, который нам был нужен. Сделал то, что было нужно. Ушел...» — и после возвращения был награжден орденом Красного Знамени. По этому поводу можно привести лишь знаменитое салтыков-щедринское: «Добрые люди кровопролитиев от него ждали, а он Чижика съел!»

Бомба для посла

Летом 1941 года ликвидаторы Судоплатова получили приказ Сталина убить посла Германии в Турции Франца фон Папена. Убивать послов, пусть даже вражеской державы и во время войны, дело в мировой дипломатической практике немыслимое. Но у Сталина был свой резон. В кругах европейской политики фон Папен котировался весьма высоко, рассматриваясь как вполне возможный преемник Гитлера. Профессиональный дипломат, в прошлом военный разведчик и офицер Генштаба, фон Папен в 1932 году был рейхсканцлером Германии, позже входил в кабинет Гитлера в качестве вице-канцлера, затем служил послом Германии в Австрии, с 1939 года — в Турции. Как полагали в Кремле, если в случае отстранения Гитлера от власти германское правительство возглавит фон Папен, это откроет путь к заключению сепаратного мира между Германией, Великобританией и США. Потому и последовал приказ Сталина об устранении фон Папена. К тому же, с точки зрения Сталина, «он слишком много знал»: фон Папен был одним из тех, через кого в 1939 году Берлин вел тайные

переговоры с Москвой о заключении пакта и разделе сфер влияния в Европе.

Организовать покушение на фон Папена поручили подлинному «мастеру террора» — заместителю Судоплатова Науму Эйтингону, высшим «достижением» которого была организация убийства Льва Троцкого. В Турцию Эйтингон прибыл под именем Леонида Наумова с дипломатическим паспортом — как пресс-атташе советского посольства в Анкаре. К организации покушения на фон Папена Эйтингон подошел основательно и с мощной командой, в составе которой было несколько агентов-боевиков, взрывотехник Александр Тимашков и даже любовница, Муза Вяхирева. Последняя, впрочем, была мастерицей не только по части ублажения «мастера террора»: парашютистка, планеристка, мотоциклистка, автомобилистка и отменный стрелок. Первоначально как раз и планировалось, что именно она застрелит фон Папена в театре. Но поскольку шансов скрыться у нее не было, а посылать любовницу на убой Эйтингон передумал, то на роль одноразового агента-киллера выбрали то ли болгарина, то ли какого-то турка, болгарского или югославского. Агента проинструктировали, что он должен застрелить посла на улице из пистолета, а затем инициировать взрыватель, как ему сказали, дымовой шашки — под прикрытием дымзавесы его якобы должен был забрать мотоциклист. На деле никакого мотоциклиста не предусматривалось, как и эвакуации агента с места теракта: под видом дымовой шашки боевику всучили мощное безоболочное взрывное устройство с взрывателем мгновенного действия! По замыслу Эйтингона, застрелив фон Папена, исполнитель приводил в действие «дымовую шашку» и тут же подрывался, обрывая все нити, которые могли привести к советской резидентуре. Классический почерк именно Эйтингона: одноразовый ликвидатор с последующим замечанием под ковер ошметков его труп.

Но гладко оказалось лишь на бумаге. Ликвидатора выпустили на дело в 10 утра 24 февраля 1942 года, когда фон Папен вместе с женой шел по бульвару Ататюрка в Анкаре от своей резиденции к посольству. «Внезапно сильный взрыв швырнул нас на землю, — вспоминал фон Папен. — ...Можно было только предположить, что мы зацепили мину, — такова была моя первая мысль, поскольку, оглядевшись, я не заметил кругом ни души, — или же бомба была взорвана

дистанционно из какого-нибудь окрестного дома». Все пошло не по Эйтингону: агент взорвался, но фон Папен уцелел. «На месте взрыва, — сообщал фон Папен, — были найдены человеческие останки, включая повисший на дереве башмак. Эти улики привели полицию к какому-то студенту из Македонии, учившемуся в Стамбульском университете, который снимал номер в маленькой гостинице в Анкаре. Оттуда след вел в Стамбул, в русское генеральное консульство». Далее дело техники. Полиция немедленно блокировало советские учреждения, потребовав выдачи сообщников террориста и организаторов акции. «Было доказано, — сообщал фон Папен, — что в течение нескольких недель будущий убийца и его сообщник упражнялись в стрельбе из пистолета в русском генеральном консульстве в Стамбуле». На тот же случай, если бы террорист «понял, что ускользнуть ему после стрельбы не удастся, его снабдили бомбой, из которой он должен был в этой ситуации выдернуть чеку. Бомба, как ему говорили, выпустит дымовую завесу, под прикрытием которой он сможет бежать. Молодой человек, видимо, оказался чрезмерно осторожным и решил, стреляя одной рукой, в тот же момент другой рукой привести в действие бомбу.„Дымовая шашка“, однако, оказалась куда более эффективной, чем он рассчитывал, и его разорвало на части». Полный провал.

Полиция блокировала все советские учреждения в Турции с 24 февраля до 7 марта 1942 года, пока Москва наконец не приказала выдать туркам искомых: двух агентов непонятной национальности с югославскими паспортами, Абдурахмана и Сулеймана, и двух их кураторов-чекистов, Павлова (под этой фамилией работал Георгий Мордвинов) и Корнилова. Уже 1 апреля 1942 года начался открытый судебный процесс, на котором грязное белье Лубянки прополоскали по полной программе: провалившиеся агенты полностью раскололись, дав обильные и полные показания. В итоге пресловутые Абдурахман и Сулейман получили по 10 лет тюрьмы, а два их советских куратора — по 20 лет. Но в августе 1944 года чекистов помиловали и депортировали в СССР.

Конечно, по линии диверсий и террора были не только провалы. Так, 22 сентября 1943 года в Минске удалось взорвать генерал-комиссара Генерального округа Белоруссия Вильгельма Кубе. Но каких трудов и усилий это стоило! Самую настоящую охоту на Кубе

развернули еще с начала 1943 года. Так, в феврале 1943 года лихой, но безуспешный налет на конвой генерал-комиссара совершил подчинявшийся «конторе» Судоплатова отряд Кирилла Орловского, сам Орловский при этом был тяжело ранен, лишившись кистей обеих рук и слуха. «Здесь десятки партизанских отрядов, и все хотят убить гауляйтера. Надо придумать что-то вне конкуренции», — вспоминал, как его инструктировали, боевик Николай Хохлов. Его тоже забросили в немецкий тыл для ликвидации Кубе под видом немецкого офицера, но первый же выход «офицера» в Минск показал, что подготовка диверсанта не ахти. Да и не только его: буквально на глазах Хохлова погиб из-за совершенной мелочи другой советский разведчик, имевший аналогичное задание и тоже работавший под личиной немецкого офицера. Какой-то ротозей, отвечавший за экипировку разведчика, прицепил ему орден Железного креста времен Первой мировой войны, для которого тот был слишком молод. Разумеется, заинтересовавшийся этим патруль остановил разведчика, но тот бросился бежать и был застрелен...

Когда же до Кубе наконец добрались, то «за кулисами советских партизанских служб, — по словам Хохлова, — началась отчаянная борьба за «лавры». ...Уже к вечеру того же дня через линию фронта в Москву полетели радиogramмы из партизанских отрядов вокруг Минска. Каждый из них заявлял о своей доле участия в уничтожении Кубе». Некоторые зарвались так, что их пришлось окоротить: так, экстренно вызвали с Витебщины в Москву и арестовали за очковтирательство командира оперативно-чекистской группы капитана госбезопасности Юрина, радировавшего, что именно его люди убили Кубе. Мария Осипова, получившая за участие в этой операции звание Героя Советского Союза, рассказывала в 1997 году, что на Лубянке ее допрашивал сам нарком госбезопасности Всеволод Меркулов, требовавший дать показания, что она выполняла задание именно НКГБ, а не военной разведки... Дележ лавров тогда прекратил Сталин, якобы наложивший на рапорты с противоречивыми версиями резолюцию: «Склоки прекратить. Девушкам — героев. Остальным — ордена»... Но о таких реалиях тайной войны ведал крайне узкий круг лиц, широкой же публике скармливали другую продукцию, хотя тоже помеченную штампом «цирка Маклярского» — «Подвиг разведчика», например...

Глава 24. Медаль за город Севастополь: город-герой и его преданная армия

1 июля 1942 года в служебном дневнике начальника штаба Верховного командования германских сухопутных сил генерал-полковника Франца Гальдера появилась запись: «Пал Севастополь». Правда, последний очаг организованного сопротивления немцы сломали к 4 июля, а на 35-й батарее отдельные бойцы отстреливались до 12 июля... Но уже 4 июля 1942 года Совинформбюро бодро поведало: севастопольский гарнизон успешно выполнил свою задачу и во время последнего штурма полностью разгромил шесть немецких пехотных дивизий (из семи бывших там?!), четыре отдельных полка, отдельную мехбригаду (т. е. единственную моторизованную бригаду, имевшуюся тогда у Манштейна) и три румынские дивизии (из пяти штурмовавших город!). В число «полностью разгромленных» Совинформбюро также умудрился записать 22-ю танковую дивизию вермахта, которая вообще никогда у Севастополя не воевала, а с мая 1942 года вела бои севернее Харькова и затем на Дону. Получается, уничтожены почти все войска противника, штурмовавшие Севастополь? Но тем не менее, как известило Совинформбюро, «по приказу Верховного командования Красной армии 3 июля советские войска оставили город Севастополь. ...Бойцы, командиры и раненые из Севастополя эвакуированы».

Все это ложь! В реальности не оставили и не эвакуированы, а брошены там своим командованием, позорно бежавшим еще 30 июня 1942 года. Из осажденного Севастополя вывезли лишь высший и старший командный состав, в первую очередь — командующего Черноморским флотом и Севастопольским оборонительным районом (СОР) вице-адмирала Филиппа Октябрьского (настоящая фамилия Иванов) и командующего Приморской армией генерала Ивана Петрова.

Из воспоминаний наркома ВМФ Николая Кузнецова ясно следует, что своей личной эвакуации из гибнущей крепости вице-адмирал Октябрьский добивался от высшего командования в высшей степени упорно, энергично и настойчиво. И добился... Есть описание, как 30

июня 1942 года после заседания Военного Совета оборонительного района вице-адмирал Октябрьский, укрывшись гражданским плащом — чтобы его не узнали рядовые бойцы, — спустился в бункер командного пункта — на глубину 30 метров, а затем по подземному полукилометровому тоннелю добрался до командно-дальномерного поста 35-й береговой батареи. Там адмирал со своей свитой сели в машины, их доставили на аэродром Херсонес, откуда они благополучно и убыли в Краснодар. Участник тех боев лейтенант В. И. Воронов описал, как Октябрьский подъехал к самолету глубокой ночью, переодетый в какие-то гражданские обноски, «в потертом пиджаке и неказистой кепке. На тех, кто видел командующего флотом в таком необычном виде, переодевание произвело неприятное впечатление». Да что там «неприятное», деморализующее! Генерала Петрова вывезли на подводной лодке «Щ-209»: он удрал с КП вопреки приказу командующего Северо-Кавказским фронтом маршала Семена Буденного (ему СОР был подчинен в оперативном отношении) остаться и возглавить оборону. Не забыл при этом вывезти и сына-адъютанта. Сохранились воспоминания очевидцев: пока сына генерала переправляли на подлодку, подводники сбрасывали в воду, били по головам и рукам баграми и сапогами тех, кто подплывал к субмарине в тщетной надежде на спасение. Всего тогда было вывезено 498 «ответственных работников», включая чекистов и партийных бонз.

Планировали вывезти вообще весь старший комсостав — и только его, потому свыше двух тысяч старших командиров и политработников без объяснения причин приказом командования СОР было в одночасье отозвано с фронта — еще даже до того, как Октябрьский вымолил эвакуацию для себя. Защищавшие Севастополь войска оказались без управления и связи, и оборона рухнула в момент. Командир 109-й стрелковой дивизии генерал-майор Петр Новиков, находясь уже в плену, говорил: «Можно было бы еще держаться, отходить постепенно, а в это время организовать эвакуацию. Что значит отозвать командиров частей? Это развалить ее, посеять панику, что и произошло». В панике толпы людей — как гражданских, так и военных — устремились к еще действовавшему аэродрому и бухтам, в надежде, что авиация и корабли флота их эвакуируют. Полтора десятка самолетов действительно кого-то вывезли — начальников, да и то лишь флотских: автоматчики охраны выкидывали из самолетов тех, на ком

была не морская форма. Из скопившейся возле взлетного поля толпы красноармейцев по взлетающим самолетам открыли огонь из автоматов и винтовок. Тут же и прекратившийся: у людей уже не было патронов. Собравшимся на берегу старшим командирам — тех самым, которых отозвали с передовой для эвакуации, сесть на высланные для них плавсредства не дали: около трех тысяч младших командиров и рядовых бойцов силой захватили все, что держалось на воде, вплоть до плотов и автомобильных камер. 700 из них повезло живыми добраться до берегов Кавказа или Турции. Все очевидцы и свидетели тех событий рисуют картину последнего дня обороны Севастополя однозначно: ужасающий хаос и позор.

Отцы-командиры бросили умирать почти 100 тысяч красноармейцев и краснофлотцев. В том числе 23 тысячи раненых. Хотя, выступая в 1960-е годы на конференциях по обороне Севастополя, сам адмирал Октябрьский называл иную цифру брошенных им раненых: 36 тысяч человек. Он же и оправдывался: «В этих условиях встал вопрос: как быть? Если эвакуировать армию, то были бы потеряны армия и флот, оказавшийся сильно преуменьшившимся из-за потерь в боях. В конечном счете была потеряна армия, но сохранен флот». Флот (по состоянию на 4 июля 1942 года) — линкор, четыре крейсера, лидер эсминцев, девять эсминцев, вспомогательный крейсер, полтора десятка тральщиков, четыре канонерские лодки, 37 подводных лодок, два сторожевых корабля, свыше 100 боевых катеров — торпедных, сторожевых, речных мониторов. А еще помимо этого — сотни реквизированных под военные нужды гражданских плавсредств: транспорты, пароходы, катера, баркасы, сейнеры... Армада! Которую и обязаны были задействовать на спасение армии, да хотя бы и попытаться: спасение даже части армии оправдывало бы гибель любого количества кораблей и катеров. Да и зачем вообще нужен бездействующий флот, у которого нет базы, на глазах которого гибнет армия? И был ли основательный толк от флота, такой ценой сохраненного? Практика дальнейшего применения его на Черноморском ТВД этого как-то не подтвердила: по сути, флот своего главного предназначения так и не выполнил. И уж при любом раскладе военачальники обязаны до конца быть со своими бойцами, разделив их участь. Но они их предали и кинули, презрев уставы и военные традиции.

Львиная доля вины за Севастополь лежит, безусловно, на Сталине: по его приказу ведь держались до последнего, именно он подобрал и назначил руководить обороной людей, не справившихся с этим. Которые, кстати, отделались легким испугом. Но подлость тех, чье место на страницах позора, не может умалить героизма собственно рядовых защитников города. Большею частью так и оставшихся безымянными и числящимися «пропавшими без вести». В декабре 1942 года учредили медаль «За оборону Севастополя», но первыми ее получили Октябрьский и Петров. Всего эту медаль вручили около 52 тысяч человек: эвакуированному комсоставу, морякам уцелевших кораблей, да еще тем раненым, кому повезло быть вывезенными из Севастополя до середины июня 1942 года. Десятки и десятки тысяч настоящих героев, действительно стоявших до последнего, но попавшие в плен, за оборону «города русской славы» не награждали... Зато бросивший (а по сути — предавший) своих бойцов адмирал Ф. С. Октябрьский — не выигравший в своей жизни ни одной морской баталии (впрочем, за всю жизнь он никогда и не участвовал ни в одном морском бою!) — в 1958 году получил Золотую Звезду Героя Советского Союза, а на груди его сияло 11 орденов, в том числе три флотоводческих (!) и даже один «сухопутный» полководческий. Более того, он стал почетным гражданином Севастополя, его именем назвали улицу, учебный отряд Черноморского флота и даже боевой корабль! Генерал И. Е. Петров — хронический неудачник, проваливший все операции и тоже не выигравший ни одного сражения, — в 1944 году попросил в звании до генерала армии, а в 1945 году стал Героем Советского Союза, на его груди сияло 13 орденов, в том числе два полководческих. А в 1965 году звание Героя Советского Союза — за несуществующие подвиги — присвоили и вице-адмиралу Н. М. Кулакову, бывшему в 1942 году членом Военного совета Черноморского флота, бежавшему из Севастополя вместе с адмиралом Октябрьским в ночь на 1 июля 1942 года. К слову, среди наград у этого «политрабочего» и флотоводческая — орден Нахимова I степени...

Долгие десятилетия правду о падении Севастополя в 1942 году невозможно было не только писать, но и говорить — даже и в достаточно узком кругу военно-морских профессионалов. Как с горечью написал известный историк отечественного флота капитан 1 ранга Виталий Доценко, «в отечественной исторической военно-

морской литературе существовали (и существуют до сих пор!) устоявшиеся стереотипы в описании (или определении) тех или иных событий. Эти своеобразные клише переходили из книги в книгу... Получалось патристическое, поэтическое и весьма приятное чтение, но само событие или ступшевывалось, или представлялось совершенно в другом ракурсе». И при этом «порой описание подвига, стоившего жизни совершившим его, заслоняло собой все. Никто не задавался вопросами: почему погибают люди и тонут корабли, кто виноват в многочисленных трагедиях? Конечно, патриотизм и подвиг — благородное дело, с этим спорить нельзя. Но что для историка стоит опус, где есть одни ура-патристические заклинания, где отсутствует предмет, то есть само событие, „имевшее место быть“? Что для историка стоит опус, где истинное событие искажено до неузнаваемости?»

Падение Севастополя — именно из этого разряда. Тот же капитан 1 ранга Виталий Доценко вспоминает, как уже во второй половине 1980-х годов в группе командирской подготовки главкома ВМФ ему пришлось читать лекцию о совместных действиях армии и флота во время Великой Отечественной войны. И, рассказав о проведении операций по обороне военно-морских баз, Доценко «подробно остановился на героизме советских воинов при обороне Таллина, Ханко, Одессы и Севастополя, а затем подверг резкой критике действия командующего Севастопольским оборонительным районом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского (Иванова) и его заместителя по сухопутной части командующего Приморской армией генерал-майора И. Е. Петрова, бросивших на произвол судьбы более чем 80-тысячный гарнизон (в том числе 23 тысячи раненых) в осажденной противником крепости. Я сказал также о медлительности, а точнее, о бездейственности наркома Военно-морского флота Н. Г. Кузнецова, не сумевшего грамотно проанализировать обстановку и вовремя доложить в Ставку Верховного Главнокомандования о немедленной эвакуации войск из Севастополя. Полководческой прозорливости не хватило и у представителей Северо-Кавказского фронта маршала С. М. Буденного и его заместителя по морской части адмирала И. С. Исакова, которым непосредственно подчинялся командующий Севастопольским оборонительным районом». Оценка военно-морского историка однозначна: «В критической обстановке два высших военачальника

предали своих бойцов. Этот поступок надо рассматривать как бегство с театра военных действий. С петровских времен в Морском (а затем и в Корабельном) уставе записано: „Командир покидает корабль последним“. В русской военной истории трудно найти примеры, когда командиры первыми покидали свой корабль (или войска). В период первой обороны Севастополя в 1854–1855 годах ни один из адмиралов и генералов не оставил свои войска. Даже фельдмаршал Паулюс не покинул обреченные на гибель и плен свои войска под Сталинградом, он разделил их участь». Но, лаконично отмечает офицер, «некоторым слушателям эта критика не понравилась». И потому на карьере самого Доценко тогда был поставлен жирный крест...

Глава 25. СМЕРШ: коготь Сталина

В августе сорок четвертого был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями большой группы военных авиаторов. Но, просматривая наградные листы, заметил пару товарищей совершенно не летных специальностей — с броской строкой в графе «должность, часть»: *отдел контрразведки СМЕРШ*^[59]. И мое воображение тут же нарисовало сцены лихих оперативных комбинаций, за которые получили ордена офицеры СМЕРШа, — это же «В августе сорок четвертого», в натуре!

Момент истины

...Глаз сразу цепляет монументальные формулировки из наградного листа замначальника отдела контрразведки СМЕРШ 14-й воздушной армии подполковника Петра Жура, представленного к ордену Красного Знамени: все совсем не так, как в романе Владимира Богомолова! Это не август 1944-го, а, натурально, 1937-й: «Тов. Жур... проделал большую работу за время Отечественной войны по разоблачению контрреволюционного элемента и по пресечению их преступной деятельности». (Лексика и орфография оригинальных документов сохранены. — *Авт.*) «Под его личным руководством в частях 14 ВА были вскрыты 3 изменнические группы, по которым арестовано и осуждено 25 человек, а также арестовано и осуждено более 80 человек антисоветчиков, дезертиров, членовредителей». Лишь один наградной лист и чекист, а уже свыше сотни «контриков», якобы выявленных в штабах авиадивизий и на аэродромах (где ж еще их мог раскопать бдительный «авиасмершевец»!)... И не просто ведь выявил, «разоблачил» — подвел под расстрельные приговоры или загнал в штрафные роты. Можно ли поверить, будучи в здравом уме и трезвой памяти, что среди боевых летчиков и авиатехников было столько врагов, да еще и в славном на победы 1944-м?! К слову, не всякий немецкий ас мог похвастаться столь высокой

результативностью в деле истребления кадров советских ВВС. Но все же вышестоящая инстанция решила, что «Красное Знамя» — это как-то уж как-то чересчур, сойдет и «Отечественная война» I степени, невзирая даже на то, как отмечено в документе, что «по частям 14 ВА, за время работы т. Жур случаев измены Родине (перелетов на сторону противника), переходов — не было». Настоящий героизм! Надо полагать, к победному маю 1945 года чекист Жур основательно нарастил свой боевой счет истребленного в 14-й воздушной армии «шпионско-предательского элемента» из числа летчиков и авиатехников.

Наградной лист на начальника отдела контрразведки СМЕРШ 14-й воздушной армии, полковника Сергея Никитина, прямого и непосредственного начальника вышеозначенного Жура, — та же лексика, те же формулировки 1930-х: «За успешную работу в период Отечественной войны по разоблачению и пресечению антисоветской деятельности к-р элемента тов. Никитин достоин правительственной награды — ордена Отечеств. войны I степени». Конечно, достоин — «решительно вскрывал и разоблачал подрывную деятельность вражеской агентуры и антисоветских элементов, искоренял изменников и предателей, своевременно предупреждая их преступные намерения...». Как у них, чекистов, все строго и по субординации: в полном соответствии с номенклатурным статусом подчиненному положено проявлять подвиги по части разоблачения лишь банальных «антисоветчиков» с «членовредителями», а его начальник имеет право отличиться на ниве разоблачения еще и «вражеской агентуры»! В наградном листе так и записано: «Решительно вскрывал и разоблачал подрывную деятельность вражеской агентуры и антисоветских элементов, искоренял изменников и предателей, своевременно предупреждая их преступные намерения». Попутно главный чекист воздушной армии «вел беспощадную борьбу с трусами и паникерами, расправляясь с ними в необходимых случаях на месте, во время боя на передовой линии огня». Вчитаемся еще раз: расправлялся «во время боя на передовой линии огня» — применительно к летчикам это нечто! Неужели начальник СМЕРШ воздушной армии, негласно забравшись в кабину истребителя или штурмовика, беспощадно отстреливал трусов и «шлепал» паникеров из табельного ТТ из-за бронеспинки — прямо в воздухе, над линией фронта?!

И уж поработал так поработал: «Под непосредственным руководством тов. Никитина... было вскрыто и разоблачено более 30 шпионов, 300 изменников и значительное число другого антисоветского элемента». Крутой полковник — даже JG27, одна из самых результативных истребительных эскадр люфтваффе, и та истребила красных авиаторов меньше, чем смершевец Никитин. Так, может, ему скорее причитается «Железный крест», нежели «Отечественная война»?! Для контраста: рядом же помещен наградной лист на командира авиационной эскадрильи капитана Ивана Романовича Хахилья, который «совершил 141 боевых вылетов и воздушных боях лично сбил 8 самолетов противника» (еще в 1941-м году!), а его эскадрилья «имела на своем счету 32 сбитых в воздушных боях самолетов противника...». Но хотя капитан Хахиль только в одном лишь 1941 году четырежды представлялся к наградам, включая звание Героя Советского Союза, однако «правительственных наград, за исключением одного ордена „Красное Знамя“ (как значится в наградном листе, „за разгром мотомехдивизии немцев“. — *Авт.*), капитан Хахиль не получил, т. к. выбыл из полка... вследствие ранения в воздушном бою»...

Личный ломик вождя

Могло показаться, что создание СМЕРШ мало что меняло: те же особые отделы, те же функции — борьба со шпионами в армии (реальными и мнимыми), с «антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной армии», «с предательством и изменой родине», с «дезертирством и членовредительством на фронтах», «проверка военнотружущих и других лиц, бывших в плену и окружении». Да и кадры — те же чекисты-особисты. И методы работы абсолютно идентичны, полномочия — формально такие же, как у особистов. Так ведь и бессменный начальник СМЕРШ — тот же Виктор Абакумов, ранее возглавлявший Управление особых отделов НКВД. Разве лишь из заместителей наркома внутренних дел Берии он превратился в заместителя уже Сталина! Возглавляемая же им организация,

номинально числившаяся уже за Наркоматом обороны, реально стала отдельной «конторой».

В утвержденном Сталиным Положении о СМЕРШ четко сказано: начальник ГУКР СМЕРШ НКО «является заместителем народного комиссара обороны, подчинен непосредственно народному комиссару обороны и выполняет только его распоряжения». А нарком обороны — сам Сталин. Так что Абакумов, слегка обойдя на повороте бывшего патрона, Берия, получал непосредственный выход на вождя.

Но существеннее иное: отныне вся централизованная система чекистского контроля над армией была подчинена исключительно Сталину, лично и непосредственно, только ему и больше никому! Таким образом «кремлевский горец» убил сразу несколько зайцев. Заполучил в свои руки достаточно компактную и острую оперативно-карательную структуру — нечто вроде личного кинжала или ломика. Или когтя, которым будущий генералиссимус мог без проволочек дотянуться не только до маршалов, но и до Ваньки-взводного. А при необходимости — и до Лаврентия Павловича. Поскольку созданием конкурирующей организации Сталин не только выразил Берии свое недовольство, но и недвусмысленно погрозил ему этим «коготком»: «Плохо мышей ловишь, Лаврентий, смотри...».

Не забудем, что тогда же, 14 апреля 1943 года из НКВД в отдельный Наркомат госбезопасности вывели и «оперативно-чекистские» подразделения. Так вождь обзавелся сразу тремя карательными механизмами вместо одного, да еще и конкурирующими. Но разве НКВД не был мечом все того же тов. Сталина, а Генеральный комиссар госбезопасности тов. Берия Л. П. — верным и послушным исполнителем всех его предначертаний и указаний?!

Именно сам факт создания СМЕРШ и наводит на мысль об абсолютной непригодности не только традиционных форм чекистского окормления армии, но и недееспособности чекистской организации вообще. Война наглядно показала: машина НКВД себя исчерпала, оказавшись совершенно непригодной для дел, когда противник — настоящий, а не шпионы, придуманные в кабинетах. К началу 1943 года это уже огромная, забюрокраченная, неповоротливая и просто заживевшая структура, практически переставшая «ловить мышей» — реальных шпионов и диверсантов.

На тот момент под началом Берии было 11 заместителей, в одном лишь центральном аппарате — свыше 100 (!) структурных подразделений, 118 республиканских и областных управлений; особые отделы 14 фронтов, семи округов и четырех флотов; 43 транспортных отдела НКВД — на железнодорожном транспорте; само собой, контрразведка, разведка, диверсанты, террористы, правительственная ВЧ-связь. И — аж пять «войск»: пограничные, внутренние, по охране особо важных предприятий промышленности, конвойные, по охране железных дорог. А еще, помимо милиции, пожарников, архивистов, истребительных батальонов и МПВО (местная противовоздушная оборона), — огромная промышленно-лагерная империя: тюремное и еще 10 лагерных управлений, лишь одним из которых был ГУЛАГ...

А толку-то, если в итоге хваленые чекисты профукали, как полагал Сталин, все — и врага не разведали, и настоящих немецких шпионов с диверсантами прозевали. Не говоря уже о том, что должным образом не держали под надзором военачальников — генералов Павлова и Власова хотя бы. Да всех! Ведь только в 1941 году в плену оказалось 68 одних лишь генералов (комбригов, комдивов, бригадных, дивизионных и корпусных комиссаров), да еще 18 добавилось к ним в 1942 году. Причем не менее 12 из них активно сотрудничали с немцами. Где были зоркие чекисты, если они позволили военным допустить врага до Москвы, Волги и Кавказа?! Как они допустили, что целых 3,5 миллиона командиров и красноармейцев, включая сына самого вождя, в 1941-м очутились в плену — вместо того чтобы сражаться до последнего патрона! Недоглядели чекисты в армии, недоработал там Лаврентий, вычищая врагов! И это невзирая на то, что Красная армия была пронизана огромной сетью стукачей: по данным исследователя «Мемориала» Никиты Петрова, с 1 июля 1941 года по 1 января 1943 года армейские особые отделы НКВД завербовали 1 миллион 85 тысяч осведомителей и агентов! А еще тогда же выяснилось, что чекисты неспособны *качественно* организовать в тылу врага ничего — ни разведки, ни партизанского движения, ни диверсий с террором.

Зато с террором (против своих) у них получалось. Или с расстрелами. Из наградного листа начальника 5-го отделения Особого отдела НКВД 38-й армии лейтенанта госбезопасности Владимира Шевченко: «Отлично выполняет задания по изъятию и ликвидации

контрреволюционного и шпионского элемента. В г. Дрогобыче в первые дни войны под его руководством ликвидировано до 400 человек немецкой агентуры...». Если кто не догадался — особиста наградили за организацию массового расстрела заключенных в тюрьме западноукраинского города Дрогобыч. К концу войны на груди Шевченко, доросшего до начальника СМЕРШ 2-й гвардейской танковой армии, уже сияло (помимо ордена Красной Звезды за расстрел 400 заключенных в Дрогобыче) еще четыре ордена за «большую работу по изъятию из армии враждебного и контрреволюционного элемента». В том числе и полководческий, Кутузова II степени...

За «разгрузку» недееспособного чекистского монстра Сталин взялся лишь после Сталинграда. А раньше никак — какая уж там реорганизация, если тебя прижали к Волге, тронь карательные «обручи», все вообще посыплется. К весне 1943 года возможность для реализации необходимости налицо. Реорганизация НКВД сразу же возвращала утерянную было инициативу в руки Сталина, дав ему на выходе эффективный инструмент личного контроля, прежде всего над армией.

Хотя вроде бы и люди в СМЕРШе остались те же, и методы не претерпели изменений. Но, как оказалось, не стоит недооценивать эффект даже чисто бюрократической перестройки: новая организация стала много компактней, за счет этого и появились иные оперативные возможности. Именно за счет этой компактности Сталину действительно удалось не на бумаге, как прежде, а реально заставить работать фактор личной ответственности каждого за личный участок работы — в Красной армии СМЕРШ действительно «окормлял все», вплоть до отделения. Каждый опер и следователь прекрасно понимал, что он реально лично отвечает перед Абакумовым, а значит — перед Сталиным.

Почему в качестве начальника СМЕРШа вождю показался наиболее оптимальным именно Абакумов? Иосиф Виссарионович, блестяще зная кадры Лубянки, понимал: наладить личный контроль за Абакумовым будет куда проще, чем за хитрым Лаврентием. Слишком уж разнится масштаб фигур, да и возможностей — и от личного контроля вождя откосить, и от личной ответственности отвертеться —

у Берии априори было больше. А у этого — лишь «одна, но пламенная страсть»-функция — бдеть за армией.

Спецоперация «Измена Родине»

Бывший смершевец Леонид Иванов в своей книжке «Правда о СМЕРШ» вещал: «органы СМЕРШ пользовались высочайшим авторитетом и уважением в войсках». На деле все обстояло ровно наоборот: отношение настоящих фронтовиков к смершевцам было таким же, как у нормальных обывателей Московии — к опричникам Ивана Грозного. Очень емко это отношение в своих мемуарах выразил боевой летчик-истребитель Дмитрий Панов (в его послужном списке 13 сбитых самолетов противника и несколько представлений к званию Героя Советского Союза): «...Было в армии, особенно среди боевых офицеров, которых много погибло от рук трусливых сталинских холуев, глубокое отвращение к этому виду деятельности, как ни романтизируй его в бесчисленных книжках... или с киноэкрана».

Только ревнители СМЕРШа все равно обижаются: «Люди работали, а теперь их грязью обливают!» И твердят про «заказные потоки необоснованных упреков в адрес армейских чекистов», просто шквал публикаций, в которых якобы «искажается деятельность» смершевцев, «негативно и односторонне освещается оперативная и следственная практика органов СМЕРШ»...

Только какой уж там шквал «заказного негатива» — в любом книжном магазине полки просто ломаются от апологетов СМЕРШа! Не говоря уже о том, что до того единственной книгой про СМЕРШ и вовсе был лишь столь же апологетический и совершенно фантастический роман Богомолова «Момент истины (В августе сорок четвертого)».

Но ведь были же и настоящие немецкие шпионы и диверсанты, которых ловил СМЕРШ?! Разумеется, и настоящие были, и их ловили. Но абсолютно так же, как и в «досмершевскую» эру, в том же количестве и ассортименте. Нет никаких документальных свидетельств, что в этой сфере с появлением СМЕРШа произошли качественные перемены.

Из года в год чекисты озвучивают одни и те же цифры: за время войны военные контрразведчики обезвредили свыше 30 тысяч немецких шпионов, более 6 тысяч террористов и около 4 тысяч диверсантов. ***Но не забудем и того, что это все эти десятки тысяч «заброшенных» — советские граждане, а не немцы!*** По данным историка Никиты Петрова, с июня 1941 года по 10 мая 1946 года органами военной контрразведки было арестовано 699 741 человек, из них 43 505 — по обвинению в шпионаже. Из числа арестованных почти 70 тысяч было расстреляно — каждый десятый. Причем, как вспоминал все тот же летчик-фронтовик Панов, «чем лучше шли дела и, казалось бы, уменьшалось у них работы — тем больше неизвестно откуда взявшихся „врагов“ они обнаруживали».

Да и были ли у спецслужб Третьего рейха ресурсы — финансовые, материально-технические, человеческие и организационные, — чтобы реально подготовить и забросить столько агентов? Не говоря уже о необходимости обеспечить каждую группу средствами связи — какой прок от агента без рации! Как-то не прослеживаются ни по каким документальным источникам такие сверхвозможности. Канарис с Шелленбергом (и Гиммлером в придачу), наверное, много раз гордо переворачивались в гробу, слыша из уст чекистов, сколь бессчетной агентурной армадой они якобы замусорили советские фронты! Если же счет агентов в самом деле шел на десятки тысяч, можно лишь спросить: что же это за чудесный режим, если он умудрился сотворить невиданное в истории количество своих противников из своих же граждан?!

Кстати, как творили шпионов, зафиксировано самими же документами СМЕРШа. Из приказа начальника управления контрразведки СМЕРШ Южного фронта генерал-майора Ковальчука от 16 июня 1943 года: «30 марта сего года был арестован кр-ц 865-го стр. полка 271 сд Бельченко Петр Филиппович лишь на основании того, что он был в немецком плену и не дал согласия на секретное сотрудничество с органами НКВД...». Из того же документа: «... Наличие такого большого количества необоснованных арестов явилось следствием того, что аресты военнослужащих производились следователем капитаном Коровиным ... иногда и вовсе без каких-либо изобличающих материалов». Что совершенно не помешало именно тогда наградить все того же следователя отдела контрразведки

СМЕРШ 271-й стрелковой дивизии Коровина медалью «За боевые заслуги»: ведь он, как следует из наградного листа, «проделал большую чекистскую работу по полному разоблачению изменников Родины. Не считаясь со временем, работая днем и ночью, тов. Коровин своевременно и успешно выполняет все поставленные перед ним задачи».

Вновь вернемся к приказу генерала Ковальчука: «В результате провокационных вопросов следователь Степанов добился вымышленных и неправдоподобных показаний от арестованного Шелестова о его якобы причастности к немецкой разведке...». Сколько таких Бельченко и Шелестовых засадили в числе официально «обезвреженных» 30 тысяч немецких шпионов такие липачи-смершевцы, как Коровин и Степанов?! И сколько безвинно осужденных и расстрелянных «шпионов» приходилось на каждого настоящего — десятки, сотни, тысячи? Кстати, ведь и капитан Александр Исаевич Солженицын, арестованный смершевцами в феврале 1945 года после перлюстрации его писем — он тоже попал в «шпионскую» статистику СМЕРШа? Или только в раздел «контрреволюционные элементы»?

Но даже на этом фоне особым затейником смотрелся Яков Афанасьевич Едунов, выросший к концу войны до начальника управления контрразведки СМЕРШ Второго Белорусского фронта. Особо отличился он, как значится в его представлении к ордену Красного Знамени, еще будучи начальником особого отдела 48-й армии Брянского фронта: «По инициативе тов. Едунова организовано несколько инсценировок „сдачи в плен“, в ходе выполнения которых нашими бойцами было уничтожено более 30 немецких солдат и офицеров, как из числа тех, которые шли навстречу мнимо сдавшимся, так и тех, которые затем вступили в бой с инсценировочными группами. Этот метод истребления фашистов повлиял на то, что немцы впоследствии открывали огонь и по действительным перебежчикам». Это не считая того, что тов. Едунов по ходу еще «обеспечил изъятие 125 человек, готовившихся перебежать к врагу».

Начальство высоко оценило опыт передовика чекистского производства. 19 мая 1943 года начальник управления контрразведки СМЕРШ Брянского фронта Николай Железников докладывал Абакумову об этом уже как об специальном оперативно-чекистском

мероприятии под кодовым названием «Измена Родине»! «Одной из наиболее эффективных мер борьбы с изменниками Родине... было проведение операций по инсценированию под видом групповых сдач в плен к противнику военнослужащих, которые проводились по инициативе Управления контрразведки СМЕРШ фронта... Под видом сдачи в плен наших военнослужащих сблизиться с немцами, забросать их гранатами, чтобы противник в будущем каждый переход на его сторону группы или одиночек изменников встречал огнем и уничтожал». Высшая инстанция инициативу затейников оценила: ровно через неделю после рапортички об «Измене Родине» генеральские звания присвоены и Железникову, и Едунову.

Наверное, и за реальных шпионов тоже давали ордена. Но если судить по наградным листам, в особой цене были именно такие «подвиги». Или как у смершевца майора Городжего, который «проявлял смелость и отвагу, ведя борьбу с трусами и паникерами». Ах да, конечно же, он еще «организовал предотвращение большого количества случаев попытки изменить Родине». То есть сначала организовал, а потом предотвратил?!

Кстати, будущий «легендарный» начальник ГРУ Генштаба Петр Ивашутин, во время войны особист и смершевец, тоже получил орден Красной Звезды за то, что «непосредственно принимал участие в боях с финской белогвардейщиной, где вел беспощадную борьбу с паникерами, трусами и изменниками Родине». Хорошая формулировочка, говорящая!

Да, конечно, были в СМЕРШе и настоящие «чистильщики», как в том же романе Богомолова, бравшие настоящих агентов, а не придуманных, были и смершевцы, героически погибавшие в настоящем бою, а не от перепоя. Но ведь подсчитано, что за годы войны военными трибуналами осуждено не менее 994 тысяч советских военнослужащих, из них 157 593 — расстреляны. Практически весь этот «расходный материал» прожорливым трибуналам поставили именно особисты-смершевцы. И это, похоже, главный итог их деятельности на фронтах Великой Отечественной: сто полнокровных дивизий, которые могли бы воевать, — четыре посаженных фронта! И пятнадцать одних лишь расстрелянных дивизий... Таких колоссальных достижений по части уничтожения своих солдат не было даже у Гитлера! За четыре года войны, с сентября 1939 года по сентябрь 1944

года, в вермахте к смертной казни было приговорено всего лишь 7810 солдат и офицеров. Не говоря уж о том, что вермахт прекрасно обошелся без «особых отделов гестапо». Вот теперь и попробуй по «гамбургскому счету» оценить реальный вклад армейских чекистов в войну, сократили они ее срок или, напротив, увеличили? Доподлинно это ведомо, наверное, лишь богу. Только сдается, что объективно они скорее сыграли в пользу врага — разве не их руками уничтожены сотни тысяч тех, кто с этим врагом сражался или мог сражаться?

Глава 26. Террор по директиве

22 октября 1943 года за подписью народного комиссара государственной безопасности СССР Меркулова появилась директива № 583 наркомата, адресованная действовавшим в немецком тылу командирам опергрупп НКГБ. Любопытен уже самый первый пункт директивы, приказывавший «по мере приближения фронта к базам наших групп... двигаться на Запад, перенося свои базы возможно глубже в тыл» (противника). Проще говоря, чекистские спецотряды ориентировали не на, казалось бы, само собой разумеющийся удар в спину отступавшего врага, что, несомненно, могло бы облегчить продвижение Красной армии, не на воссоединение с ней, а на дальнейшее продвижение вперед. По сути, это означало приказ перенести чекистскую деятельность, так сказать, в самое логово — на территорию заведомо чужую и «несоветскую», где посланцы Москвы заведомо не могли рассчитывать даже на символический нейтралитет местного населения.

Что поделать, война — кому-то надо и разведкой в тылу врага заниматься. Но вот как раз о разведке в директиве ни слова. В тот конкретный период разведка в интересах действующей армии на оккупированной территории была в компетенции соответствующих групп совсем не Наркомата госбезопасности, а Разведуправления Генерального штаба и разведотделов фронтов (а за рубежом, согласно приказу наркома обороны Сталина № 0071 от 19 апреля 1943 года, ведение агентурной разведки — в интересах военных — возлагалось уже на Главное разведывательное управления Красной армии).

Так что чекисты должны были заниматься своим привычным делом, что и было конкретизировано той директивой. Чем именно? Вторым пунктом шел приказ наркома госбезопасности о переносе работы «по подысканию агентуры» в крупные населенные пункты и города и использовании этой агентуры исключительно «для ликвидации виднейших представителей немецкой администрации (гебитскомиссаров), крупных нацистских представителей, представителей немецкой армии и крупных чиновников немецкой

полицейской». Проще говоря, приоритетом чекистских спецгрупп была «работа» по линии «Т» — террор.

Следующим пунктом чекистским спецотрядам было приказано «приступить к ликвидации, а также вывозу на свои базы для допроса наиболее видных представителей различных групп и партий русской, украинской, белорусской и других национальностей, связанных с немецким командованием...». По сути, речь шла о проведении масштабной спецоперации по заблаговременному обезглавливанию в глубоком немецком тылу *всех* тех формирований, которые не удалось поставить под контроль посланцев госбезопасности (или военной разведки). Проще говоря, было приказано приступить к ликвидации руководства абсолютно всех несоветских формирований, причем особо была оговорена желательность сделать эту грязную работу чужими руками — при помощи «русских полицейских и РОА, используя их возможности в этом отношении».

Следующий же пункт директивы гласил: «Выявить и учесть всех представителей антисоветских групп, формирований, только декларирующих свою борьбу с немцами, как, например, всякие украинские и польские военные формирования». Для чего «выявить и учесть»? Для последующей ликвидации, разумеется. Кстати, в «только декларирующих борьбу» чохом записали абсолютно все украинские и польские вооруженные формирования, действовавшие в немецком тылу, включая те, которые тоже вели борьбу с немцами, — например, отряды польской Армии Крайовой (АК). Это разве лишь прямодушный и наивный Семен Руднев, комиссар соединения Ковпака, мог мучиться сомнениями, записывая в своем дневнике: *«Националисты — наши враги, но они бьют немцев. Вот здесь и лавируй, и думай»*. На Лубянке сомнений не было, там все уже определили предельно конкретно: все, кто нам неподконтролен, должны быть выявлены, учтены и затем, разумеется, уничтожены. Лишь в пятом пункте директивы значилось: «Усилить диверсионную работу на коммуникациях противника...». Но сказано об этом столь кратко, абстрактно, буквально мимоходом, что очевидно: задачу эту в числе совершенно не первоочередных нарком госбезопасности полагал не по своему разумению, а по вполне конкретному указанию свыше.

Поскольку с самого начала войны именно задачи по линии «Т» считались приоритетными для спецотрядов НКВД (впоследствии НКГБ), на обеспечение прежде всего терроризма была нацелена и агентурная разведка чекистов. Еще в 1984 году полковник госбезопасности Виктор Кочетков, — его группа в 1942 году была подчинена спецотряду НКВД «Победители», которым командовал Дмитрий Медведев, — в беседе с автором этих строк откровенно сказал: «Никакой разведкой мы не занимались... Задачу нарком нам ставил лишь одну: терроризировать командный состав вермахта, убивать генералов...»^[60].

Но установку на террор дал лично тов. Сталин. Еще осенью 1941 года чекисты на полном серьезе вели разработку покушения на Гитлера, предполагая, что он лично прибудет на парад в Москву, если советская столица падет. Совершенно фантастические планы покушения на фюрера пытались реализовать вплоть до 1943 года. В частности, делались попытки вывести агентов-ликвидаторов в Берлин, а за линию фронта забрасывались спецотряды, которые должны были подобраться с этой целью к полевой ставке фюрера под Винницей. Например, на реализацию этой задачи одно время ориентировали небезызвестный спецотряд «Победители» капитана госбезопасности (впоследствии полковника) Дмитрия Медведева. В 1943 году от планов покушения на Гитлера отказались — по приказу Сталина, решившего, что Гитлер живой ему уже выгоднее мертвого.

Но на других чинов нацистской администрации этот запрет не распространялся. Так, в конце 1941 года Сталин отдал приказ о ликвидации германского посла в Турции (и бывшего канцлера Германии) Франца фон Папена, «поскольку, — как вспоминал „главный террорист Сталина“, бывший начальник 4-го управления НКВД-НКГБ (террор и диверсии в тылу противника) Павел Судоплатов, — тот являлся ключевой фигурой, вокруг которого вертелись замыслы американцев и англичан по созданию альтернативного правительства в случае подписания сепаратного мира». Но теракт провалился — 25 февраля 1942 года агент-боевик сам подорвался на бомбе возле германского посольства в Анкаре, а фон Папен отделался лишь испугом. Когда же в мае 1942 года подготовленные британской разведкой диверсанты осуществили покушение на Гейдриха, и. о. протектора Богемии и Моравии и

начальника Главного управления имперской безопасности, Сталин вновь потребовал от чекистов резко активизировать террор против высших чинов рейха. Поскольку «виднейшие представители» немецкой армии и полиции были для чекистов недостижимыми, взор обратили на чиновников оккупационной гражданской администрации.

Хотя особых успехов на этом поле так и не обрели. Так, провалом закончились все многочисленные попытки убить Эриха Коха, рейхскомиссара Украины и по совместительству главы гражданской администрации округа Белосток и гауляйтера партийной организации НСДАП в Восточной Пруссии, за стиль руководства и предельную жестокость получившего от товарищей по партии милое прозвище «Второй Сталин». Долгое время советские ликвидаторы безуспешно охотились за Вильгельмом Кубе, генеральным комиссаром Генерального округа «Белорутения». Так, в ночь с 17-го на 18 февраля 1943 года группа спецотряда НКВД «Соколы» под командованием Кирилла Орловского безуспешно пыталась перехватить конвой Кубе в Барановичской области. В конце концов до этого чиновника, прямо скажем, не шибко высокого полета, добрались, взорвав его в ночь на 22 сентября 1943 года в Минске — это стало наивысшим успехом советских ликвидаторов за всю войну. Правда, для самих чекистов теракт превратился в грандиозный конфуз, как только выяснилось, что Кубе был ликвидирован не ими, а «конкурирующей фирмой» — агентурой спецотряда Разведупра Генштаба. Всего же судоплатовские ликвидаторы отчитались в осуществлении «87 актов возмездия», жертвой которых стали большей частью мелкие чиновники гражданской администрации, не особо крупные чины вермахта, полиции, командиры АК и формирований ОУН-УПА...

Зачастую оборотной стороной таких акций было проведение немцами карательных операций в населенных пунктах и массовые расстрелы заложников из числа гражданского населения. Известно, что в отместку за убийство Вильгельма Кубе лишь в тот же день было расстреляно 300 заключенных минской тюрьмы, а всего лишь в Минске было уничтожено несколько тысяч человек. После попытки покушения на сменившего Кубе Курта фон Готтберга лишь в одном из районов Минска каратели истребили свыше 1000 мирных жителей.

Но, возможно, именно это и было едва ли не главной целью чекистских спецопераций, хотя, разумеется, не афишируемой. Опять-

таки, это была реализация установки вождя: спровоцировать немцев на такие карательные акции против населения, чтобы это самое мирное население взвыло, взялось за оружие, перестав быть мирным, и, главное, встретило бы советскую власть уже как родную. В общем, чем хуже, тем лучше...

К осени 1943 года эта задача стала для Сталина еще более актуальна: немцы с помпой вскрыли обнаруженные в Катынском лесу захоронения пленных польских офицеров, расстрелянных НКВД по прямому указанию Сталина в 1940 году. Развернутая по этому поводу пропагандистская кампания мало того что привела к разрыву отношений между Москвой и польским правительством в изгнании, так еще и основательно подрывала польскую политику Сталина. Посему ужесточение немецкого террора на оккупированных территориях, особенно в «Кресах Восточных» (так поляки именовали Западную Украину, западную Белоруссию и Литву), было Сталину лишь на руку: смотрите, мол, кто на самом деле расстреливает поляков — не чекисты, а фашисты — это их метод, они, мол, и в Катыни злодействовали... Проще говоря, грудой трупов, наваленных немецкими карателями, можно было надежно замаскировать работу советских чекистов. Тем паче эти самые «Кресы Восточные» еще предстояло заново советизировать — так отчего не сделать часть неизбежной работы загодя и, что было бы совсем уж чудесно, чужими руками? Например, уничтожив ту же головку национальных вооруженных формирований и функционеров организаций несоветской ориентации... И так ли уж были неправы польские подпольщики, писавшие в своей аналитической записке от 1 марта 1943 года, что вся деятельность «большевистской агентуры» в Польше нацелена на «направление репрессивной акции гестапо против всего польского общества и борющейся патриотической польской интеллигенции и ослабление... польских центров политическо-военной работы» — с целью облегчить себе «задачи овладения властью в Польше после поражения немцев в войне».

Бумажник ликвидатора

Впрочем, ничего принципиально нового директива НКГБ от 22 октября 1943 года не содержала: аналогичного типа установки и документы существовали и ранее, да и командиры спецотрядов получали соответствующие конкретные приказы. В том числе и приказы об уничтожении командного состава той же АК (не говоря уж про формирования ОУН-УПА) — особо активно по этой линии «партизаны»-чекисты стали «работать» с лета 1943 года. О том, как ликвидаторы Судоплатова конкретно реализовывали эти установки (в том числе и более ранние), можно судить, в частности, по ставшим известными сведениям о деятельности спецотряда «Победители», которым командовал Дмитрий Медведев.

Судя по всему, Медведев получил несколько задач. И, похоже, приоритетным было задание выйти на полевую ставку Гитлера «Вервольф» (близ Винницы) — с целью совершения теракта. По крайней мере, есть основания полагать, что Медведева ориентировали на этот сюжет, вот только выполнить задание не удалось. Посему пришлось переключиться на объект, казалось бы, более доступный — Эриха Коха. Однако помимо задач по линии «Т» были у медведевцев и другие, не афишируемые и поныне. В частности, тот самый «учет и контроль» за несоветскими военными формированиями на Ровенщине.

Как известно, все попытки подобраться к Эриху Коху сорвались. Запланированный еще в Москве исполнитель, известный ныне под ником «Николай Иванович Кузнецов» (как на самом деле звали его, да и вообще один ли это человек, — загадка и по сей день), на поверку боевиком оказался весьма посредственным и задание «партии и правительства» провалил. Хотя в Центр, судя по всему, ушло несколько шифровок, что любой ценой задание вот-вот будет выполнено.

Пришлось Медведеву переориентировать ликвидатора-неудачника на цель менее значимую — Пауля Даргеля. В нашей литературе его любят именовать заместителем Коха и титуловать регирунспрезидентом — председателем правительства. На деле он возглавлял лишь политический департамент аппарата Коха, а регирунспрезидентом был лишь в Цихенау — польском Цехануве, включенном в состав Восточной Пруссии. Так или иначе, 20 сентября 1943 года в центре Ровно среди белого дня агент-боевик «Николай Кузнецов» (он же — «Пух», «Колонист», «Кулик», «Ученый»,

«Франт», «Атлет», «Грачев», «Рудольф Шмидт», «Пауль Зиберт»...) четыре раза выстрелил из пистолета в спину, как он полагал, Даргелю и его адъютанту. Как написал в своих строго отцензурированных «мемуарах» Дмитрий Медведев, «об убийстве Даргеля в тот же день, по докладу Кузнецова, было сообщено в Москву». Но спустя пару дней выяснилось, что вместо Даргеля были убиты Ганс Гель, руководитель главного отдела финансов при рейхскомиссариате, и кассовый референт Винтер.

Конфуз вышел страшный: судя по всему, Судоплатов успел доложить о «выполнении задания» наркому, а тот поспешил отчитаться об успехе перед Верховным, попутно взяв на свое ведомство и ликвидацию Кубе в Минске — в 4-м управлении НКГБ поначалу действительно полагали, что это работа одного из их отрядов... Так что можно понять гнев верхних инстанций, когда все прояснилось. «...Так или иначе мы оказались в смешном положении, — мягко обмолвился в своем послевоенном опусе Медведев, — да и в большом долгу перед командованием». Да уж какое там «смешное положение»: мало того что невыполнение боевого приказа — со всем отсюда вытекающим по законам военного времени, так еще и ложный рапорт о его исполнении!

Посему «Кузнецову было разрешено совершить покушение вторично». Если уж совсем точно, то не «разрешено», а «приказано» искупить кровью! Но дальше — новый детектив: Медведев почему-то утверждает, что второе покушение состоялось 30 сентября 1943 года и оно было относительно успешным. Однако второе покушение «Кузнецова» на Даргеля было, судя по источникам, 8 октября 1943 года, и снова неудачное: боевик несколько раз стрелял в упор и... промахнулся.

Третий заход был сделан 20 октября 1943 года, причем на этот раз «Кузнецов» был отправлен в город с более многочисленной группой «поддержки» (и присмотра), а вместо «ненадежного» пистолета применил противотанковую гранату. Да еще товарищи добавили из автоматов. И опять прокол! Граната, мол, отчитывался Медведев, «разорвалась на мостовой, у самой бровки тротуара, и взрывная волна ударила в противоположную сторону». Но в редакции пресс-бюро Службы внешней разведки (по ведомству которой Н. И. Кузнецов ныне как бы проходит) все звучит совсем иначе: «...В центре города Ровно

уничтожил имперского советника рейхскомиссариата Украины Геля и его секретаря Винтера. Через месяц смертельно ранил заместителя рейхскомиссара генерала Даргеля». К слову, в немецких справочниках четко значится, что воинское звание «генерала» Даргеля — лейтенант резерва. И, похоже, в СВР по сей день пребывают в неведении, что «смертельно раненный» Даргель после войны проживал в Ганновере. Не говоря уже о том, что уже после своей «смерти» он успел послужить под началом Мартина Бормана — в партийной канцелярии НСДАП, получив в январе 1945 года Рыцарский крест Военных заслуг. Видимо, товарищи из СВР и по сей день полагаются на первое сообщение Медведева, сгоряча сообщившего Москве об успешном выполнении задания?

В общем, неудачника под конвоем «группы поддержки» вновь пришлось посылать в Ровно искупать вину. На сей раз мишенью должен был стать некий Курт Кнут (вроде бы тоже заместитель Коха), а решающую роль отвели не Кузнецову, а поляку Яну Каминскому. Вот он 10 ноября 1943 года и бросил противотанковую гранату в машину Кнута, «Кузнецов» же вел огонь из автомата. Результат, мягко говоря, оказался скромным: погиб лишь шофер чиновника, а сам он остался жив, получив лишь контузию и легкое ранение. Но, судя по тому, что у Медведева в «мемуаре» значится: «Кнут был убит, но немцы решили об этом молчать», в Центр опять понеслась шифровка об успешном выполнении задания! И в официальных «Очерках истории российской внешней разведки» по сей день значится: Кнут был убит...

Впрочем, были и более успешные акции — похищение и ликвидация генерал-майора Макса Ильгена, президента верховного немецкого суда на Украине Альфреда Функа, вице-губернатора дистрикта Галиция Бауэра... Вот только каждое такое покушение, будь то удачное или провалившееся, неизменно вызывало ответную реакцию немцев, оборачиваясь казнями сотен невинных людей.

Впрочем, так ли уж провальны те неудачные акции в Ровно с чекистской точки зрения? Мало кому нужный Даргель выжил, но что с того, если, быть может, главная оперативная комбинация, судя по всему, как раз и была реализована. Речь идет о некоем бумажнике с документами, который как бы невзначай обронил террорист при том покушении. История с этим бумажником поистине апокрифическая. По версии Медведева, впервые поведавшего об этой комбинации, в

одной из стычек «с бандой националистов» был захвачен «один из эмиссаров Степана Бандеры». У которого и был взят пресловутый бумажник: «Мы начали с того, что пополнили бумажник. Мы положили в него примерно то, что обыкновенно находили у каждого взятого в плен или убитого в бою националиста: десятка полтора рейхсмарок, столько же американских долларов, купюру в пять фунтов стерлингов, советские деньги. Положили также несколько коронок от зубов... В последний момент, стараясь предусмотреть все, чтобы гитлеровцы этот фокус приняли за чистую монету, мы прибавили к содержимому бумажника три золотые десятки царской чеканки». Но, главное, заменили оригинальную директиву новой — в которой речь шла о том, что пора выступать против немцев и «акция послужит сигналом для дальнейших действий против швабов». Реакция немцев «на бумажник» оказалась вполне предсказуема: только в Ровно, как утверждал Медведев, было арестовано и расстреляно 38 видных функционеров ОУН, причем «аресты не ограничились только Ровно»... Выходит, пресловутую директиву НКГБ спецотряд Медведева все же исполнил, руками немецких карателей зачистив поле от «конкурирующей фирмы». Правда, такие оперативные комбинации в переводе на нормальный язык обычно именуются кратким и емким словом: провокация. Может, именно потому товарищи из пресс-бюро СВР об этом бумажнике ныне стараются даже не заикаться — в официальной истории ведомства об этой провокации больше нет ни слова?

Глава 27. Тегеран-43: были и небыли

«Во время войны правда становится настолько драгоценной, что ее нельзя выпускать в свет иначе, как под конвоем лжи.

Уинстон Черчилль

— Ложная память, — сказал Акира. — Целые народы помнят то, чего на самом деле не происходило.

Дэвид Моррелл. «Пятая профессия»

1 декабря 1943 года завершилась Тегеранская конференция. Рузвельт, Сталин, Черчилль от имени сражавшихся с нацизмом народов США, СССР, Великобритании приняли решения, во многом предопределившие исход Второй мировой войны и судьбы мира на многие десятилетия вперед. Известно, что именно тогда наметили открыть Второй фронт в мае 1944 года. Реже упоминается, что решили «проклятый польский вопрос», согласившись провести границы Польши после победы соответственно пожеланиям СССР. Еще реже вспоминают, что в Тегеране похоронили идею Черчилля оккупировать Турцию, обеспечивая базу британского вторжения на Балканы. И уж совсем никого не интересует, что в Тегеране говорили об «экономической поддержке Ирана за его помощь союзникам» и т. п. А вот о чем широко знают — причем достовернейшим образом — все, кто смотрел прекрасный фильм «Тегеран-43», так это что на руководителей трех держав в Тегеране покушались гитлеровские диверсанты. Но были схвачены за руку советской разведкой.

На чьей стороне Бог

Один из примечательных эпизодов непростых переговоров в Тегеране довольно ясно характеризует личности и позиции

участников. На заключительной встрече Черчилль заявил: «Я полагаю, что Бог на нашей стороне. Во всяком случае, я сделал все для того, чтобы он стал нашим верным союзником». — «Ну, тогда наша победа обеспечена, — парировал Сталин. — Ведь дьявол, разумеется, на моей стороне. Каждый знает, что дьявол — коммунист...» Надо думать, во время этой пикировки Рузвельт понимающе улыбался. Ему не хуже, чем Сталину, была ведома реплика Черчилля образца июня 1941 года: «Если Гитлер вторгнется в Ад, я заключу союз с дьяволом».

Ни один из «Большой тройки» не испытывал иллюзий в отношении своих партнеров. Сталин знал, что официальная позиция США в отношении германо-советской войны во многом определяется соображениями лидеров Сената: «Победа коммунизма будет более опасной для США, чем победа нацизма» (сенатор-республиканец Р. Тафт); «Пусть они убивают друг друга как можно больше» (сенатор-демократ Г. Трумэн). Знал он также, что для Черчилля — британца до мозга костей и последовательного антикоммуниста — ненавистна сама мысль о возможности существования России сильной, а тем более коммунистической. Рузвельт знал, что старый лис Черчилль прикрывает своими цветистыми славословиями неизменное британское стремление загребать военный жар чужими руками, причем — какая наглость! — и американскими. И т. д., и т. п. И каждый из них, так сказать, знал, что остальные знают, что он о них знает... Так что встретились они в Тегеране отнюдь не по взаимной симпатии. Можно сказать, по большой нужде. К 1943 году со всей очевидностью определилось: ни в одиночку, ни вдвоем вытянуть победу в войне на суше и на море против стран «оси» ни СССР, ни Англия с Америкой не сумеют. Просто не хватит тех самых «больших батальонов», на чьей стороне, как известно, сам Бог.

Не опоздать в Европу

К концу 1943 года, несмотря на колоссальные потери, Советскому Союзу удалось почти немыслимое: не только устоять в тяжелейших сражениях, но и нанести гитлеровцам сокрушительные удары. Восточный фронт Второй мировой отодвигался на Запад. После форсирования Днепра перспективы форсирования не только Днестра,

но и Вислы, Одера, Рейна, а может быть — Сены, становились все более реальными. В этих условиях форсирование Ла-Манша, с чем до последнего тянули англичане и американцы, могло оказаться совсем запоздавшим. Другое дело, что русские союзники доплыли бы до Нормандии по рекам собственной крови. Это наконец осознали все участники коалиции. Правда, Черчилль по-прежнему настаивал на балканском варианте Второго фронта. Но Рузвельт склонился к целесообразности (в интересах США) удовлетворить настояния Сталина. Ведь речь шла не только о том, чтобы помочь Советам, но о необходимости за столбить за собой Западную Европу и заручиться весомой поддержкой этих самых Советов в битвах за Тихий океан. Сталин понял, что настал момент использовать элементы и противоречий, и взаимопонимания между союзниками. Его задача состояла в том, чтобы, прежде всего, убедить Рузвельта: СССР не просто надежный союзник в войне, но и партнер «на после победы». Партнер, между прочим, полезный и в качестве противовеса британским глобальным амбициям. Так что центральной фигурой в Тегеране выпало стать Рузвельту в роли то ли богатого дядюшки, то ли невесты на выданье. «Дядюшку» («невесту») требовалось обаять, очаровать и т. д. Сугубая сложность заключалась в том, что это осознавал Черчилль, понимал сам Рузвельт — отнюдь не ребенок в политике. И ничего опереточного, никакой «тетки Чарлея». Все смертельно серьезно, на кону — миллионы жизней, судьбы государств. Тем более каждому хотелось, чтобы Европа досталась именно ему. Таким образом, конференция «Большой тройки» назрела, и на ней каждый участник готовился совершить нечто неординарное.

Прыжок на месте

Прелюдию конференции, определение ее времени и места, разыграл как по нотам Сталин. Время выбрал как раз после очередных впечатляющих побед Красной армии и ряда удачных «дипломатических мелочей», вроде разрекламированных послаблений Русской православной церкви в СССР. Место — город, куда без опасений мог приехать практически прямо из Москвы в собственном салон-вагоне. Правда, коварный Черчилль навязывал Северную

Африку. На это Сталин ответил... Рузвельту. Сославшись, что ему запрещают (!) надолго оставлять руководство военными действиями, он ультимативно потребовал встречи именно в Тегеране. Прозрачно намекнув, что иначе не поедет вообще — а ведь за ним стояла победоносная многомиллионная Красная армия. Расчет оказался точен: ни один из партнеров не рискнул в тогдашней ситуации создать вероятность «отдельной» встречи другого со Сталиным. Дело было, конечно, не в том, что вождь боялся летать на самолетах (хотя и не без того). Принципиально важнее, что все советские позиции в оккупированном Красной армией и британскими войсками Иране надежно обеспечивались по линии советской госбезопасности.

Но парадокс: не успел Рузвельт очутиться в Тегеране, куда так настойчиво зазывал его Сталин, как выяснилось, что, оказывается, именно там свили гнездо гитлеровские диверсанты. И, по достоверным сведениям, неизбежны теракты против лидеров трех держав. Причем наилучший для Рузвельта способ воспрепятствовать злодейским замыслам — добровольно поселиться в советском посольстве. Что избавит от смертельно опасных автомобильных переездов по узким улочкам иранской столицы. Как известно, Рузвельт согласился, и все прошло благополучно. Этим исчерпывается все, что известно об угрозах «Большой тройке» в Тегеране. А вот все, что послужило основой сюжета фильма «Тегеран-43», который ярко повествует о коварных происках врага и т. д., несравненно менее достоверно.

Собственно, версий две. Первая широко известна в нашей стране — см. все тот же «Тегеран-43». Упоминается и название якобы готовившейся гитлеровцами операции — «Длинный прыжок», и даже имя ее руководителя — ну конечно же, знаменитый Отто Скорцени, диверсант фюрера. Все предельно романтично, драматично и загадочно. А потому интересно.

Вторая версия — ничего такого не было. Конечно, скучно. А потому — без подробностей. Первое: *не поехал бы товарищ Сталин в лапы к диверсантам — не такой он был товарищ. И не остался бы в живых товарищ Берия (потому что не оправдал бы доверия), не ликвидировав диверсантов до приезда Хозяина.* Второе: *английская контрразведка не отличалась непрофессионализмом, ретивее советских коллег зачищая Иран с 1941-го. В результате их*

согласованных, а равно и несогласованных действий никакой реальной агентурной сети рейха в Иране не было и в помине уже к началу 1943 года. Третье: молодая, но весьма эффективная организация, которая обеспечивала в данном случае интересы Рузвельта (УСС — предшественник ЦРУ), не только не допустила бы пребывания президента в зоне смертельной угрозы, но и, безусловно, проинформировала бы его о детальной оценке ситуации. Отсюда следует, что Рузвельт, как и Черчилль, прекрасно понимал, что версия Сталина, мягко говоря, малодостоверна. И Сталин, опять таки, понимал, что они это понимают. В этом-то как раз и заключалась суть его игры. Сталин знал, что Рузвельт заранее отказался разместиться в британском посольстве и что это своего рода сигнал о его позиции на предстоящих переговорах. Оставалось лишь подыграть, предоставив Рузвельту благовидный предлог для реализации этой позиции: некоторого отмежевания от Черчилля и, следовательно, сближения со Сталиным. Что и было сделано. Никакого «Длинного прыжка» не готовилось, зато изрядный прыжок был сделан на месте — в новое качество отношений СССР — США: двух **великих** держав. Прежде всего, изменилась расстановка сил в антигитлеровской коалиции, так как фактически Сталин и Рузвельт **вдвоем** предрешили результаты переговоров «Большой тройки». Разъяренный Черчилль поначалу пытался взбрыкивать, но понял свое место. Позднее он признавался, что именно тогда осознал, «какая маленькая страна Британия». Он вспоминал: «С одной стороны от меня, скрестив лапы, сидел огромный русский медведь, с другой — огромный американский бизон. А между ними — бедный английский ослик...».

Как сказка складывалась

В США версия «Дяди Джо» (как американцы именовали Сталина) вызвала дружный хохот журналистов, когда вернувшийся из Тегерана Рузвельт на пресс-конференции сказал о причине своего странного решения разместиться в чужом посольстве. Как бы то ни было, в Америке версия о гитлеровском тегеранском заговоре не прижилась. В Британии, судя по мемуарам Черчилля, версию Сталина вежливо

замолчали. В СССР рядовых граждан, натурально, держали в неведении. Пока в 1948 году стотысячным тиражом не опубликовали книгу полковника госбезопасности Д. Н. Медведева «Это было под Ровно» (затем ее переиздали под названием «Сильные духом»). Здесь, как бы между прочим, хотя в действительности это был чуть не ключевой эпизод, сообщалось, что именно под Ровно (Украина) советский разведчик Н. Кузнецов выявил подготовку гитлеровцами диверсии против Сталина в Тегеране (Иран). По обстоятельствам времени о Черчилле и Рузвельте не упоминалось. Зато воссияла фигура третьего члена «Большой тройки»: в самом деле, оказывается, бесстрашный Сталин, даже будучи предупрежден о смертельной угрозе, самоотверженно выполнил свой долг вождя — без малого под огнем вражеских диверсантов. Заодно выплывала из незаслуженной тени фигура еще одного участника Тегеранской конференции — верного ученика тов. Сталина, заместителя Председателя Совета министров СССР, маршала Советского Союза, почетного чекиста Л. П. Берии: ведь это его аппарат своевременно вскрыл и решительно пресек замыслы врага! Причем выяснилось все это — совершенно случайно — аккурат накануне 70-летнего юбилея вождя и 10-летия назначения Лаврентия Павловича главой советской госбезопасности. Надо полагать, соответствующую пиаровскую жатву обеспечил многочисленный отряд советских пропагандистов и агитаторов.

После 1953 года обо всем этом надолго забыли. Пока к 25-летию Конференции не выступил со своими воспоминаниями В. М. Бережков, бывший переводчик Сталина. Ссылаясь на Медведева, он озвучил прежнюю страшилку, а впоследствии, переиздавая мемуары, многократно добавлял все новые «подробности». Уже ближе к нашим дням затронул тему П. А. Судоплатов — небезызвестный «Терминатор Сталина». Впрочем, ничего существенного к сказанному Медведевым он не добавил. Хорошо еще не ссылаясь на Бережкова.

Но вскоре стали появляться исследования, которые со всей ясностью показали, что операция «Длинный прыжок» существовала только в воображении авторов-разработчиков совершенно иной и гораздо более масштабной операции. Той, что наконец обеспечила в 1943 году ранее немыслимые доверительные контакты лидеров двух великих держав.

Глава 28. Агент влияния: Зорге реальный и легендарный

К истории сотворения одного мифа

Каждый год в канун 22 июня в той или иной вариации всплывает одна и та же тема: разведка неоднократно докладывала о готовящемся немецком нападении Сталину, он не верил — дальнейшее известно. Разумеется, при жизни самого Сталина горячую тему 22 июня 1941 года никто никогда не трогал, а о каких-либо предупреждениях разведчиков и не заикались. Лед тронулся лишь буквально на излете хрущевского правления — в 1964 году. Тогда только-только начали подготовку к празднованию грядущего 20-летнего юбилея победы в войне, и как было обойтись без объяснения причины поражения в ее начальный период? Привычно валить все на внезапность «звероломного» нападения было уже старо, набило оскомину и не снимало вопроса: а куда смотрела разведка?

Ответ мог быть только один: куда надо! Потому как был такой великий советский разведчик, Рихард Зорге, — он-то заблаговременно и предупредил Сталина, что Германия нападет на СССР 22 июня 1941 года. Вот только товарищ Сталин не поверил товарищу Зорге — и... Зато поверил, когда тот позже сообщил, что Япония не ударит в спину СССР — это, мол, и позволило спешно перебросить под Москву войска с Дальнего Востока. Эту версию все центральные советские издания дружно и озвучили на весь мир полвека назад. Спецоперация по героизации походила на сход лавины: 4 сентября 1964 года имя Зорге внезапно извлекли из черной дыры неизвестности, в одночасье обрушив на головы советских людей просто колоссальный объем информации о нем. Именно в этот день, открыв газеты «Правда» и «Известия», обыватель прочел: наконец пришло время поведать, что был такой выдающийся советский разведчик.

На далекой, на чужой земле
Не щадил себя товарищ Зорге!^[61]

«Подвиг Зорге известен во многих странах мира», — вещали в тот день «Известия». Граждане СССР об этом подвиге ни сном ни духом? Не важно: «Теперь, — уверял главный официоз страны, — он будет известен и народам Советского Союза, за дело которого он боролся и отдал жизнь»...

«Многие обстоятельства мешали тому, чтобы это произошло гораздо раньше, чтобы была рассказана правда о бессмертном подвиге разведчика Рихарда Зорге и его товарищей...» — многозначительно поведала тогда же «Правда». Но наконец «пришло время рассказать о человеке, чье имя станет для грядущих поколений символом преданности великому делу борьбы за мир, символом мужества и героизма». Во как — читатели в СССР вообще впервые слышали это имя, а главный орган ЦК КПСС уже приказывал считать его символом!

Утверждать этот символ машина агитпропа принялась с размахом. Проштудировав подшивки, подсчитал: в сентябре — декабре 1964 года только лишь четыре самые массовые советские газеты — «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и «Красная звезда» — опубликовали 28 материалов о Рихарде Зорге. В тот же период несчетное количество публикаций о нем же появилось и в других изданиях — центральных еженедельниках и ежемесячниках, республиканских и областных газетах... А после многодневной пресс-подготовки, 21 сентября 1964 года, с помпой началась всесоюзная премьера фильма французского режиссера Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?» (узкому кругу избранных фильм презентовали в Госкино 10 сентября). Нашего зрителя тогда больше всего шокировало, что советский разведчик вел на экране совершенно разгульный образ жизни, непрестанно поглощая алкоголь в безмерных количествах и волочась за каждой юбкой. До того «наши» разведчики в таком обличье перед гражданами СССР еще не представляли. Впрочем, после этой кинопремьеры — тоже: «облик моралите» советского бойца невидимого фронта — человека строгих правил и верного семьянина — остался незыблем. К слову, по нашему телевидению этот фильм никогда не демонстрировали, а советские кинематографисты так и не сподобились создать не только ни одного своего художественного

фильма о Зорге, но даже и документальных лент — вышестоящая инстанция соизволения на это не дала.

В ноябре 1964 года сброшюровали и первую книгу о Зорге, выпущенную относительно небольшим тиражом в четверть миллиона экземпляров. Потом книжки о нем стали печь буквально десятками. Ставились и пьесы: один лишь Михаил Маклярский, бывший подчиненный генерал-диверсанта Павла Судоплатова, выдал сразу две — «Пресс-атташе в Токио» и «Рихард Зорге». Не остались в стороне и композиторы: Ваню Мурадели сочинил песню «Товарищ Зорге», Петр Савинцев (секретарь правления Союза композиторов СССР, а до того — инструктор отдела культуры ЦК КПСС) переложил на баян песню «Кто вы, доктор Зорге?». Насчитал даже три оперы «Рихард Зорге»: Михаила Симанского, Юлиуса Мейтуса и Оскайра Гейльфуса. Практически в каждом советском городе появились улицы Зорге, его именем стали называть школы, пионерские дружины, пароходы. Выпустили почтовые марки, поставили памятники.

С тех пор в Советском Союзе каждый — кроме, быть может, грудных младенцев и слепоглухонемых — знал, какой именно подвиг совершил товарищ Зорге. «Роковой 1941 год. В Москву летит сообщение: 150 немецких дивизий совершат нападение на советскую границу не позже 20 июня. Затем Зорге уточняет дату — 22 июня» — ошеломили своих читателей «Известия». «...Весной 1939 года Зорге передал, что 1 сентября гитлеровцы собираются напасть на Польшу. ... 15 мая 1941 года Зорге радировал точную дату начала гитлеровской агрессии против СССР — 22 июня» — перечислила заслуги разведчика «Правда». Итак, «Рихарду Зорге принадлежит заслуга в том, что он добыл точные данные о дате нападения Гитлера на Советский Союз». Но, увы, «его информация в силу обстановки, сложившейся в нашей стране под влиянием культа личности Сталина, была оставлена без внимания». Зато «именно Зорге, — это опять из той же публикации „Известий“, — сообщил точные и убедительные данные о том, что японская военщина сосредоточивает силы для войны на Тихом океане. Это позволило советскому командованию перебросить часть сил с Дальнего Востока на германский фронт». Вот вам и фундамент хрестоматийной легенды о великом разведчике, которому не поверил Сталин!

Почему легенды? Так практически вся документация о Зорге сокрыта от исследователей секретными грифами, к подлинным материалам о деятельности героя никого из многочисленных «зоргеведов» не подпустили. Проверить же достоверность тех куцых документов, которые скупно публиковали после 1991 года, нереально: архивные фонды военной разведки закрыты по-прежнему.

Концептуальным единством и унификацией материалов поначалу не озаботились. Левая рука «единого заказчика» не ведала, что творила правая, потому допущенные к теме «зоргеписцы» нещадно путались в показаниях — даже в таких, казалось бы, банальных деталях, какого цвета были глаза у Зорге: «Его большие черные глаза смотрели из-под очков» — безапелляционно выдала главная комсомольская газета. Но ведь даже по плохоньким черно-белым снимкам было видно, что глаза у него уж точно не черные! А уж как запутались с его родословной: по первой версии той же «Комсомольской правды», «его отец Адольф Зорге — немец, рабочий нефтяной концессии». Позже газета поправится: «отец Рихарда Зорге — мастер механических мастерских...». Правда, родитель нашего героя — вовсе никакой не Адольф, а... Густав Вильгельм Рихард Зорге. Но это мелочь в сравнении с тем, как «комсомольцы» промахнулись по части сведений уже анкетных: в тот самый день, когда они возвели отца Рихарда Зорге в «рабочие», концепцию «правильного» социального происхождения разведчика мимоходом обрушил печатный орган Министерства обороны. Отец Зорге, как писал в «Красной звезде» Василий Ардаматский, «был ловкий делец капиталистического толка, работа на нефтяной концессии у нас в Баку стала для него трамплином для прыжка в мир крупного бизнеса у себя в Германии». Правда, дальше Ардаматского совсем уж понесло, и он поведал, что Рихарду так не повезло с социально и духовно неблизким папой, что «в семье он становится полным изгоем». А потом якобы последовал и «непримиримый разрыв с отцом, который всем своим существом уже устремлен навстречу грядущему фашизму. Ничего общего с братом, который пошел за отцом. И только мать — простая русская женщина, ставшая женой предпринимателя, — любила Рихарда...». Но, вот незадача, Густав Вильгельм Рихард Зорге умер 1 декабря 1907 года, когда нашему герою едва исполнилось 12 лет: о каком «непримиримом» идейном разрыве отца с ребенком можно говорить?

А уж «грядущий фашизм» — образца 1907 года — это уже и вовсе сильно!

Все эти публикации были проверены цензурой, — и такие ляпы с тройственным социальным происхождением: то ли пролетарий, то ли служащий, а то и вовсе буржуй — выбирай на любой вкус! Будут и иные казусы. Так, в октябре того же 1964-го «Комсомольская правда» начала серию публикаций под заголовком «Я знал Зорге» некоего Я. Горева. Под этим псевдонимом скрывался бывший сотрудник военной разведки Яков Бронин: будучи резидентом Разведупра в Шанхае, он действительно пересекался с Зорге в 1933 году. Когда в 2000 году исследователь Андрей Фесюн выпустил сборник документов по делу Зорге, из них стало известно, что «мемуарист» Горев-Бронин еще в 1934 году накатал на Зорге натуральный донос: «Рамзай в разговоре с выезжавшим к нему курьером <...> (беспартийным), обсуждая политику Коминтерна, высказывал политически неверные взгляды». Впрочем, как следует уже из ведомственного издания о работе советской военной разведки в Китае, этот Бронин столь же старательно черкал в Центр доносы и на других своих коллег, допуская «клеветнические обвинения по адресу Коминтерна». И вот этот доносчик 1930-х ровно через 30 лет выступил уже в роли воспевателя одной из жертв своей кляузы?! Что ж, в родном агитпропе бывало и не такое.

Дача, Зорге и Хрущев

Сама по себе история возвеличивания Зорге загадочна. Считается, что инициатором его канонизации был Хрущев, отстранение которого от власти никоим образом не сказалось на темпах раскрутки образа Зорге в качестве величайшего разведчика всех времен и народов. Никиту Сергеевича сняли 14 октября 1964 года, но уже 5 ноября 1964 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Зорге звания Героя Советского Союза. Попробуем раскопать, как все это началось.

Итак, «работодатель» вдруг вспомнил о своем агенте лишь через 20 лет после его казни. Хрестоматийная легенда гласит: Никита Сергеевич возбудился, посмотрев фильм Ива Чампи «Кто вы, доктор

Зорге?». Правда, когда речь заходит о деталях пресловутого просмотра, очевидцы путаются в показаниях, расходясь во всем: датах, месте, времени, обстоятельствах и деталях исторического просмотра.

Журналист Всеволод Овчинников, работавший корреспондентом «Правды» в Токио, вспоминал: «Летом 1964 года в Японию прилетел политический обозреватель „Правды“ Виктор Маевский. Он рассказал, что на даче у Хрущева показывали французский детектив „Кто вы, доктор Зорге?“. После фильма Никита Сергеевич риторически изрек: „А разумно ли мы поступаем, что отрециваемся от такого выдающегося разведчика?“ Рассказав мне об этом, коллега из Москвы поинтересовался: знают ли о Зорге японцы? Я ответил, что, кроме наших соотечественников, о нем знают почти все. В Токио не сходит со сцены пьеса „Рихард Зорге“... Стала бестселлером автобиография, которую Зорге за три года написал в камере смертников».

«Дачной версии» придерживался и Борис Чехонин, работавший в Японии собкором уже «Известий». Вот что написал он в своей книге «Журналистика и разведка»: «Как-то опять вечером, часов в шесть, раздался новый звонок, на сей раз от самого Аджубея. „Боря, продиктуйте завтра на полосу материал о нашем разведчике и немецком журналисте Рихарде Зорге!“» Но, вспоминал Чехонин, «я не знал ничего о Зорге. Впоследствии выяснилось, ничего не знал о нем до поры до времени и сам Никита Сергеевич Хрущев. Как-то у себя на подмосковной даче он решил расслабиться, забыть хотя бы на время о государственных делах и заботах. Взял с собой жену, дочь, зятя и отправился в кинозал. Зарубежный фильм был о журналисте и советском разведчике Рихарде Зорге, немце по национальности, агенте ГРУ, работавшем в Японии с сентября 1933-го по октябрь 1941 года. Для Хрущева это было открытием. Он позвонил по „вертушке“ председателю КГБ и спросил: „Зорге — реальное лицо?“ Ему рассказали о заслугах советского разведчика, о том, что Сталин не любил его, не верил в правдивость информации „двойного немецкого агента“ о планах Гитлера напасть на СССР. А когда подтвердилась даже точная дата начала фашистской агрессии, вождь не мог простить, что не он, а „двойник“ оказался прав. ...Хрущев увидел в этом еще один повод восстановить попорченную Сталиным справедливость и тут же распорядился подготовить указ о присвоении советскому разведчику высшей боевой награды — золотой звезды Героя

Советского Союза. „Правде“ и „Известиям“ поручили опубликовать соответствующие статьи». Но, как с оттенком зависти отметил Чехонин, «в распоряжении Виктора Маевского, политического обозревателя „Правды“, в Москве имелись секретные архивы ГРУ и другие материалы. В Токио у меня под рукой не было никаких сведений».

Выполняя распоряжения Москвы, Чехонин «обратился за помощью к послу и резиденту» (!). Но, увы, те «ничего не знали или сделали вид, что не знают о казненном в годы войны немецком журналисте и советском разведчике». Странно все это: советских корреспондентов в Токио аж целых две «штатные единицы», но «правдист» отчего-то прекрасно узнает про Зорге чуть ли не все — даже без помощи резидента, а «известинец» впервые узнал о нем... от своего главного редактора. При этом как раз именно «известинец» — профессиональный японист с большим стажем, да и работал он в Японии куда больше коллеги. При этом он ни о каком таком Зорге и знать ничего не знает, хотя, оказывается, в Токио о советском разведчике уже и пьесы ставили на каждом углу! Видимо, эти «журналисты» несли службу по разным ведомствам?

Еще есть версия Юлиана Семенова («Ненаписанные романы»). Согласно ей, когда фильм про Зорге как-то привезли Хрущеву на дачу, «посмотрев картину, Никита Сергеевич не без восхищения заметил:

— Вот как надо снимать! Сидишь как на иголках, а в наших фильмах сплошная тягомотина или барабанный бой, „ура-ура“, смотреть тошно!

Среди приглашенных на просмотр был и тот, кто знал правду о Зорге; он-то и заметил:

— Так ведь это не вымысел, товарищ Хрущев, а чистая правда.

Никита Сергеевич даже изменился в лице, огромный лоб свело морщинами, глаза погасли; помедлив мгновение, он поднялся и, не говоря ни слова, отправился к аппарату прямой связи; позвонил генералам армии Захарову^[62] и Серову^[63]; те подтвердили — да, правда, был такой Зорге; на составление подробной справки попросили время; Хрущев дал день; через неделю, не посоветовавшись ни с кем из коллег, продиктовал указ Президиума Верховного Совета: Зорге стал Героем Советского Союза, хотя подписали указ уже после того, как Хрущева скинули».

Красиво. Но тоже несостоятельно: действо по канонизации Зорге развернулось буквально в канун снятия Хрущева — летом-осенью 1964-го. Никакому Серову тогда первый секретарь ЦК КПСС тогда точно звонить уже не мог: генерал армии Иван Серов был с треском снят с должности начальника ГРУ еще 2 февраля 1963 года — в связи с делом Пеньковского. 7 марта того же года Серов разжалован в генерал-майоры, еще спустя пять дней лишен звания Героя Советского Союза и спроважен в ссылку — сначала в Ташкент, затем в Куйбышев. Так что если Хрущев и мог звонить Серову по «делу Зорге», то лишь до 22 октября 1962 года — дня ареста Пеньковского...

Ветеран госбезопасности Виталий Чернявский утверждал, что именно генерал госбезопасности Николай Захаров внес решающий вклад в «открытие» Зорге миру. По его версии, когда Ив Чампи в 1962 году предложил свою ленту для проката в СССР, руководство Министерства культуры отвергло ее. Но когда в 1963 году из Минкульта выделили Госкомитет по кинематографии, Чампи вновь решил предложить свою картину. В этот раз на закрытый просмотр пригласили сотрудников разведки КГБ, которым фильм якобы понравился. И вот тогда, мол, генерал Захаров позвонил председателю Госкино Алексею Романову: как, мол, фильм? Руководитель Госкино энтузиазма не выказал, и чекист предложил: «Ленту я заберу и покажу ее руководящему составу КГБ. Если фильм понравится, покажем его на субботнем просмотре членам Политбюро...».

Удивительно, но руководству КГБ фильм понравился настолько, что Захаров якобы просит начальника личной охраны Хрущева познакомить «охраняемое лицо» с аннотацией фильма. Как написал Чернявский, после просмотра ленты Хрущев высказал мнение: «А по моему, фильм хороший. Мне, например, понравился». И поручил Захарову: «Передайте Романову: фильм нами одобрен. Его надо купить, перевести на русский язык, скорректировать отдельные эпизоды и выпустить на большой экран...». Так, мол, все и закрутилось. Вот только в мемуарах самого генерала Николая Захарова ни о каком просмотре Хрущевым эпохальной картины Ива Чампи нет ни слова: либо такого эпизода вовсе не было, либо сам Захаров к нему не имел отношения.

Тем паче доктор Зорге проходил совершенно по иному ведомству — с чего бы чекистам так радеть за невидимых героев

«конкурирующей фирмы»? Да и как-то сомнительно, что высокопоставленным чекистам хрущевской эры, выросшим из бериевской шинели, действительно мог приглянуться разухабистый боевик Ива Чампи! Не соответствовал он ни их ментальности, ни официально культивируемому в КГБ представлению, каким должен быть советский разведчик. Знакомый полковник внешней разведки, внесший свою лепту в кампанию по канонизации Рихарда Зорге, рассказал мне, с каким изумлением он и его коллеги восприняли тогда приказ руководства:

— Пьяница, дебошир, донжуан, даже бабник — и, на тебе, идеальный образец советского разведчика?! Да мы все, от недавних выпускников разведшколы до начальства, были в шоке. У нас, в Комитете, и тогда, и позже, партбилет незамедлительно отбирали и за меньшие шалости, безжалостно вычищая из органов.

Сергей Голяков и Михаил Ильинский, биографы Зорге, привели версию, якобы поведенную им в середине 1960-х годов генерал-полковником Хаджи-Умаром Мамсуровым, тогдашним заместителем начальника ГРУ. По словам генерала, ни на какую дачу к Хрущеву фильм не привозили: закрытый кинопросмотр для руководителей партии и правительства состоялся осенью 1963-го в Кремле. И после сеанса взволнованный Хрущев спросил присутствовавшего там Мамсурова, действительно ли был такой человек. «И когда мы сказали ему, что Рихард Зорге — реальная личность и что он действительно внес неоценимый вклад в нашу победу над фашистской Германией, Хрущев воскликнул: „Надо поднять этого человека. Народ должен знать своего героя!“» Тоже красиво, но, увы, столь же недостоверно: «поднимали», получается, целый год? И почему никто из высокопоставленных лиц, якобы присутствовавших на этом кремлевском киносеансе, так и не вспомнил о нем впоследствии? А уж участие в таком эпизоде самого Мамсурова и вовсе нереально: ему, как всего лишь одному из замов начальника ГРУ, просто не по чину было присутствовать на мероприятиях, куда не был вхож не только его непосредственный начальник — руководитель ГРУ, но даже и председатель КГБ.

Тем не менее эта версия «хрущевского восторга» фильмом Чампи жива и поныне, хотя изъяны ее налицо, начиная с хронологии и места события: просмотр был то ли в 1962 году, то ли в 1963-м, то ли в 1964-м; на даче Хрущева, в Кремле, в Доме приемов; Никита Сергеевич смотрел фильм в узком кругу домочадцев, с членами Президиума ЦК КПСС и секретарями ЦК, а то и вовсе с чиновниками более низкого ранга. И, выясняя, был ли такой разведчик, Хрущев якобы звонит то ли председателю КГБ, то ли начальнику ГРУ. Или вовсе никуда не звонит, а восторженно восклицает: «Это же настоящий герой!» Поскольку мнение генсека — указание к действию, то кампанию по канонизации в момент и развернули. Вот только за все эти десятилетия ни один реальный очевидец сцены «узнавания о Зорге» так и не объявился. Сам же Никита Сергеевич, надиктовавший на пенсии обширные воспоминания, имени Зорге в них вообще ни разу даже не упомянул.

Есть основания полагать, что уж в 1964 году никакого «открытия» Зорге Хрущев точно не делал, поскольку уже имел достаточное представление о нем — вовсе не из кино. Генерал Михаил Иванов, работавший в Японии во время войны и в начале 1960-х по линии военной разведки, выдал такой сюжет: когда космонавт Юрий Гагарин посетил Японию (21–28 мая 1962 года), кто-то из японцев вдруг спросил его: «Почему в Советском Союзе совершенно забыто имя знаменитого советского разведчика Рихарда Зорге, подвергшегося в годы войны казни в тюрьме Сугамо?» Иванов якобы «не преминул воспользоваться случаем и самым подробным образом, в самых ярких красках рассказал о подвиге разведчика и его огромном вкладе в нашу победу над фашизмом. Юрий Алексеевич был захвачен этим рассказом». Вскочив и повернувшись к дипломатам, он горячо произнес: «Это замечательно! Надо немедленно действовать. Пожалуйста, закажите на мои 50 долларов венок с надписью: „Первому разведчику Рихарду Зорге — от космонавта Ю. А. Гагарина!“» При этом космонавт добавил: «Я хочу лично возложить венок до отъезда из Токио». Сотрудники посольства стали отговаривать Гагарина «от поспешных действий», и тогда космонавт «иронично, как он один только умел делать, выпалил: „Все вы — трусы. И ваш посол Федоренко — тоже трус! Вот вернусь я в Москву и доложу Никите Сергеевичу, каких дипломатов-трусов он держит в Токио...“». Доложил ли, даже если такой эпизод вообще имел место?

Знавшие Юрия Алексеевича люди свидетельствуют, что космонавт обычно слов на ветер не бросал. Поскольку первое лицо государства не столь уж и редко снисходило до первого космонавта, у того теоретически была возможность в той или иной форме довести информацию до сведения Хрущева. Значит, на календаре у нас уже год 1962-й?

Есть еще одно «японское свидетельство» — вышеназванного генерала Захарова: он описал в своих мемуарах, как был в Японии вместе с Анастасом Микояном, первым заместителем председателя Совета министров СССР. И там, «пользуясь отдыхом Микояна, я посетил могилу советского разведчика Рихарда Зорге и возложил цветы к памятнику... Я доложил Микояну о том, кто такой Зорге. Он порекомендовал послу Федоренко поставить хороший памятник советскому разведчику». Но с датировкой визита генерал явно напутал, написав, что дело было в 1959 году: Микоян посещал Японию лишь дважды — в августе 1961 года, когда открывал советскую торгово-промышленную выставку в Токио, и в мае 1964-го — во главе делегации Верховного Совета СССР. 1964 год отпадает: посла Федоренко тогда уже не было, а сам Захаров мог сопровождать Микояна лишь в качестве начальника 9-го управления КГБ, но эту должность он занимал лишь до декабря 1961 года. Выходит, «токийский доклад» о Зорге Захаров мог сделать Микояну только в августе 1961 года?

Получается, первые лица страны знали о Зорге по крайней мере с 1961 года — без всяких там кинопросмотров? Еще один штрих: если сам Захаров, будучи начальником 9-го управления КГБ, был в курсе дела Зорге задолго до японской поездки Микояна, значит, для высшего руководства КГБ эта история точно никакой загадкой не была! И при необходимости они могли без затей довести до главы государства сведения об агенте «конкурирующей фирмы». Может, и довели, благо информационных поводов для этого было хоть отбавляй: за пределами Советского Союза о «деле Зорге» всюду писали начиная с 1946 года, когда в Токио вышли посмертные тюремные записки «подельника» Зорге, Ходзуми (Хоцуми) Одзаки. В 1949 году штаб генерала Макартура (тогдашний главнокомандующий оккупационными войсками в Японии) слил японской прессе содержательную часть отчета о деле Зорге, составленного начальником разведслужбы

оккупационных сил генералом Чарльзом Уиллоуби (Willoughby). В 1950 году, в Токио же, вышла книга про Одзаки и «дело Зорге», еще одна книга о Зорге издана тогда же в ФРГ. В 1951 году свет увидели материалы специальных слушаний по делу Зорге в Палате представителей США, еще одна книга появляется в Германии, а с 13 июня по 3 октября журнал «Шпигель» печатает целый цикл статей о Зорге. В следующем году сенсационную книгу о деятельности Зорге выпустил уже сам Уиллоуби. И тут плотину словно прорвало — на читателей Европы, США, Японии обрушился мощный вал литературы о шпионской сети Зорге. Появились и мемуары тех, кто лично знал его: бывшего германского посла в Японии Эйгена Отта, дипломата Ганса-Отто Мейснера. Вышли даже воспоминания бывших сотрудников японской тайной полиции, арестовывавших Зорге, в 1962 году в Японии издан трехтомник материалов судебного процесса над Зорге. В нашей стране он не издан и по сей день, но совсем не потому, что японский язык столь тяжел и непосилен: на самом деле материалы процесса тогда же и перевели на русский — для отдельно взятых товарищей, оснастив грифами секретности, кои, видимо, так и не сняты.

Потому очевидно: раз до 4 сентября 1964 года вокруг имени Зорге в СССР царила тишина, значит, на то были свои резоны. «Работодатели» Зорге — ГРУ, несомненно, имея полное представление обо всей этой истории, похоже, вовсе не полагали своего агента столь выдающимся, чтобы возводить его в ранг героя. Инициатива точно исходила не от них. А от кого?

Примечателен такой пассаж генерала Захарова: «К истории разведчика Зорге мне еще пришлось возвратиться. Когда *по нашей инициативе председателем КГБ было подготовлено представление* (курсив мой. — В. В.) и Зорге присвоили звание Героя Советского Союза. Для нас это было делом чести, несмотря на то, что Зорге не был сотрудником нашего разведоргана — внешней разведки, а работал в Главном разведывательном управлении Генерального штаба Министерства обороны». Не странно ли, что руководство одной спецслужбы вдруг выступает с инициативой отметить агента другой (да еще и конкурирующей!)? Событие для строго иерархичной советской бюрократической системы не просто неординарное — нереальное. И ведь эти слова Захарова не получили подтверждения в

воспоминаниях его прямого и непосредственного начальника — председателя КГБ Владимира Семичастного. Семичастный, возглавлявший КГБ с 1961-го по 1967 год, хотя и много чего любопытного выдал в своих мемуарах, но вот про эпопею канонизации Зорге у него вообще ни слова — запомнил? Очевидно одно: вокруг «дела Зорге» тогда развернулась неслабая кулуарная интрига.

Не могла не развернуться! Были ведь еще живы многие реальные участники событий, знавшие сокровенные детали «дела Зорге» в рамках своих прямых служебных обязанностей. Некоторые из них к тому времени занимали значимые посты в военной разведке, к числу агентов которой и относился Зорге. Были живы и сотрудники токийской резидентуры, осуществлявшие связь с сетью Зорге. Даже по доступным материалам несложно понять, что само руководство военной разведки тогда было совсем не в восторге от идеи канонизации своего провалившегося агента. Да и реальный масштаб содеянного Зорге и его сетью как-то не тянул на заданный свыше размах канонизации. Но раз есть установка высшей инстанции, подвиги пришлось выдумывать. Опорный камень легенды — утверждение, что Рихард Зорге сообщил в Москву точную дату начала войны.

Вот как об этом нам десятилетиями вещали классические апокрифы: «18 ноября 1940 года он предупредил Центр о готовящейся агрессии». Это просто круть! Директивы № 21 (плана «Барбаросса») еще не существует в природе, Гитлер еще ничего не утвердил, а Зорге уже предупреждает?! Пророк! Вот только документальных подтверждений этого пророчества нет, как нет и намека на подобную шифровку от Зорге ни в одной из публикаций архивных документов.

Снова заглянем в апокрифы: Зорге радирует 30 мая 1941 года «Война начнется 22 июня 1941 года». И вот та самая знаменитая радиограмма, которую Зорге якобы отослал в Москву 17 июня 1941 года: «...9 армий из 150 немецких дивизий совершат нападение на советскую границу 22 июня! Рамзай». Эта телеграмма есть во всех апокрифах, ее цитируют учебники, на нее ссылаются апологеты легенды о разведке, которая, разумеется, все знала и все вовремя докладывала Сталину — но тот, нехороший, не поверил... Только вот никаких реальных следов существования подобной телеграммы не

обнаружено. Более того, как в июне 2001 года на «круглом столе» в редакции «Красной звезды» поведал полковник Службы внешней разведки России Владимир Карпов, «к сожалению, это фальшивка, появившаяся в хрущевские времена. Разведка не назвала точной даты, не сказали однозначно, что война начнется 22 июня».

Генерал Павел Судоплатов в свое время озвучил такую претензию к Зорге: «Поведение Зорге на следствии после его ареста японскими властями вызвало серьезное раздражение в Москве. Он нарушил главную установку советской разведки: никогда не признавать шпионажа в какой-либо форме в пользу Советского Союза». Тот же Судоплатов в беседе с исследователем Фесюном был категоричен: «Я читал некоторые протоколы допросов Зорге и удивлен — как он мог пойти на такие достоверные признания? Ведь что такое тюрьма для разведчика — то же поле битвы...». Увы, но, как оказалось, и сам Зорге, и его радист, Макс Клаузен, практически сразу же после ареста сдали все. Особенно недостойно, как полагают, вел себя на допросах Клаузен: «Клаузен рыдал, всячески ругал Зорге, говорил все, только чтобы спасти свою жизнь...». В самом начале января 1942 года токийская резидентура НКВД, ранее понятия не имевшая ни о каком Рамзае (он же проходил по ведомству военной разведки), сообщила: некий арестованный в Токио немец Зорге дает показания о своей работе на Москву. И, согласно этим показаниям, он «в Токио поддерживал связь с советскими сотрудниками Зайцевым и Буткевичем...». То есть своих связников Зорге сдал! (Кстати, оценим уровень агентуры разведки НКВД, едва ли не мгновенно получившей доступ аж к материалам японской контрразведки!)

Но ведь Зорге и членов его группы, если верить легенде, жестоко пытали: «На все изуверства Зорге отвечал холодной улыбкой. Он никогда не боялся боли...». Палачи «выворачивали руки Зорге, вгоняли иглы под ногти, до хруста сжимали запястья в бамбуковых тисках. Но даже они пришли в изумление: Зорге молчал». Это тоже, как оказалось, миф: ни самого Зорге, ни Клаузенов — Макса и его жену Анну, ни Одзаки пыткам не подвергали — это факт, установленный еще советскими спецслужбами...

И от всей легенды остается лишь одно: пусть его сведения о немецких приготовлениях особо и негодились, зато, мол, информация, что Япония не собирается нападать на СССР, якобы

способствовала переброске войск с Дальнего Востока в разгар битвы за Москву. Спас Москву?

Увы, это тоже не нашло подтверждения. Достаточно прочесть опубликованные телеграммы Зорге из Токио, чтобы понять: его весьма и весьма противоречивые сводки скорее запутывали, чем способствовали принятию верного решения. К тому же Сталину — или кто там еще оценивал информацию от Зорге — было чихать на токийские сводки, поскольку особого выбора у «вождя народов» в 1941-м просто не было. Что бы там ни сообщали агенты о возможности японского нападения, судьба державы решалась не на Дальнем Востоке. Как утверждал Судоплатов, «Зорге сообщал исключительно важные сведения, но в целом это были детали об уже известных намерениях противника... Не соответствует действительности, что мы перебросили войска с Дальнего Востока под Москву и выиграли битву под Москвой, так как Зорге сообщил о предстоящем нападении японцев на США в октябре 1941 года. У нас были документальные данные о низких наступательных возможностях Квантунской армии; о том, что она увязла в длительной и бесперспективной войне с Китаем и не имела достаточно резервов топлива. У японцев не было современных танковых соединений». В своей же книге Судоплатов выразился резче: «Трагедия Зорге состояла в том, что его героическая работа и поступающие от него сведения не использовались нашим командованием... А дивизии с Дальнего Востока перебросили под Москву... лишь потому, что у Сталина не имелось других готовых к боям резервных боевых соединений». К тому же, добавил Судоплатов, «нам удалось расшифровать переписку японского посольства в Москве с Токио, из которого следовало, что вторжение в СССР в октябре 1941 года Японией не планировалось». Все, точка...

Лубянская матрешка

Но тогда вообще почему вдруг решили вспомнить о Зорге, да еще именно тогда — не раньше и не позже? Версию «дачно-киношную» мы уже отбросили, поищем более основательные резоны. Вспомним ключевой сюжет легенды: Зорге сообщил точную дату предстоящего

германского нападения, но Сталин ему не поверил. Теперь вспомним еще раз, когда все это было запущено в оборот — почти в канун предстоящего 20-летнего юбилея победы в войне, когда неизбежно вновь вставал вопрос о том, кто виноват в трагедии 22 июня 1941-го? И фокус внимания снова смещен в сторону Сталина. Разве лишь прием на сей раз предлагался новаторский: «А ведь наша разведка о военных приготовлениях нацистской Германии все знала и Сталину своевременно докладывала». И на стол кидается козырная карта: так именно Зорге же все добыл и передал, а недалекий «вождь народов» предупреждения разведки проигнорировал, отсюда и результат... Правда, без ответа остались вопросы, отчего Сталин не верил Зорге (может, на это были основания?!), да и знал ли он вообще о нем? Однако для подготовки очередного витка антисталинианы сошло и так.

Это одна матрешка. А в ней еще — смотрите, какая у нас славная разведка! Потому как именно тогда Лубянку сотрясала грандиозная череда провалов и скандалов именно на шпионской ниве. Вот лишь то, что стало известно. **1961 год:** 7 января британская контрразведка арестовала нелегала КГБ Конона Молодого (работал под легендой бизнесмена Гордона Лонсдейла), 10 марта — британцы взяли агента КГБ Джорджа Блейка, в марте же состоялся громкий судебный процесс над Лонсдейлом-Молодым, май — осужден уже Блейк. 12 августа — бежал в Западный Берлин и сдался полиции агент-ликвидатор КГБ Богдан Сташинский. 6 ноября — в ФРГ взяли агента КГБ Хайнца Фельфе, работавшего в Федеральной разведывательной службе (БНД). В ноябре же в ФРГ разворачивается шумный скандал вокруг дела Сташинского, давшего показания, как по приказу КГБ он убивал лидеров ОУН Льва Ребета и Степана Бандеру и как ему за это орден Красного Знамени вручал лично председатель КГБ Шелепин (кстати, Шелепина убрали из КГБ как раз в ноябре 1961-го). Декабрь — новый провал, к американцам перебежал майор КГБ Анатолий Голицын. **1962 год** оказался для разведки КГБ не менее скандальным: в феврале мировая пресса получила еще один повод поклоняться Лубянку в связи с обменом провалившегося разведчика Абея на американского пилота Пауэрса, март — в США с поличным взяли сотрудника КГБ Игоря Иванова, работавшего под крышей «Амторга». Чекисты попытались было выменять провалившегося сотрудника на американца, которому подсунули «секретные бумаги». Но провокация

провалилась с таким треском, что, как вспоминал Владимир Семичастный, Хрущев «был в гневе». Октябрь — в ФРГ прошел суд над убийцей Льва Ребета и Степана Бандеры — Сташинским, что вызвало очередной всплеск публикаций в прессе (западной, разумеется) о происках КГБ. **1963 год** — в январе в СССР сбежал провалившийся агент КГБ Ким Филби, в июне осужден Хайнц Фельфе, а в сентябре на Запад бежал еще один офицер КГБ, Юрий Кротков. Октябрь — при попытке передать секретные документы посольству США был арестован офицер КГБ Александр Черепанов. И, наконец, в феврале 1964 года к американцам перебежал офицер КГБ Юрий Носенко... Разумеется, в советской прессе об этих провалах не сообщалось, но в номенклатурных-то кругах такие вещи не скрыть. И, по неписанным нормам советской бюрократии, «опущенным» чекистам позарез необходимо было поправить свой имидж — хотя бы и на фронтах агитпропа. И тут как нельзя кстати пришелся Зорге, тем паче что на его совершенно иной ведомственной принадлежности внимание тогда не акцентировали вполне сознательно. Да и понятия не имела тогда широкая публика, что существует еще и военная разведка: для советских людей слово «разведчик» еще с 1930-х годов было лишь синонимом слова «чекист». Потому вышло, что именно Лубянка и огребла тогда основные дивиденды грандиозной спецоперации «Доктор Зорге». Такой вот своеобразный прощальный реверанс Хрущева «органам».

Были и другие матрешки. Скажем, к осени 1964 года настал час бросить кость и военным, с которыми Никита Сергеевич к тому времени начисто испортил отношения: армию и флот трясло от массовых сокращений и нескончаемой кадровой чехарды. Да и от международных авантюр Хрущева маршалы и генералы, оказываясь крайними, были не в восторге. Своеобразным Рубиконом в отношениях с военной кастой стало инициированное Лубянкой дело полковника военной разведки Олега Пеньковского, обвиненного в шпионаже в пользу англичан и американцев. Это дело привело к зачистке руководства ГРУ: Ивана Серова заменили на Петра Ивашутина, тогдашнего первого заместителя председателя КГБ. Попутно из ГРУ вычистили десятки (а то и сотни) тех, кого знал или мог знать «агент всех разведок». Армейская номенклатура восприняла эпизод однозначно: чекисты вновь подминают под себя военную

разведку. К тому же погромом в одном лишь ГРУ не ограничилось: под предлогом связи со «шпионом» разжаловали и уволили командующего ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск — главного маршала артиллерии Сергея Варенцова, проведя масштабную чистку и в его ведомстве.

Но невозможно же все время против шерсти, иногда нужно и подсластить пилюлю. Вот этой задаче, помимо прочего, и послужила канонизация Зорге: ведь герой — именно военный разведчик! А то, что в самом ГРУ Зорге вовсе не считали выдающимся разведчиком (на что у военных были свои основания), заслуживающим такого посмертного паблисити, Никиту Сергеевича совершенно не заботило: получите конфетку и распишитесь. Именно тогда вдруг вынули из чулана забвения и пару других военных разведчиков — Яна Берзина и Льва Маневича. Особую пикантность всему придавало то, что пиарить Зорге поручили именно чекистам — главным конкурентам и гонителям армейцев: вы, мол, ребята, их погромили и обгадили, теперь извольте вылизать...

Были в этой многоходовке и другие «матрешки». Так, в октябре 1964 года с невиданной помпой отметили 15 лет существования ГДР — как было обойтись без «хорошего немца». Вот из заглавного тогда и выудили целую пачку таковых, в том числе Зорге. Так или иначе, но Рихарда Зорге вытащили на свет слишком расчетливо, чтобы поверить в экспромт, только вот плоды этой кампании пожинал уже не Хрущев. А публика и по сей день твердо уверена, что именно Зорге предупреждал Сталина, а тот его не послушал...

Глава 29. Тройка: трагическая история трех чехословацких Героев Советского Союза

21 декабря 1943 года указом Президиума Верховного Совета СССР звания Героев Советского Союза присвоены трем иностранцам, трем гражданам оккупированной на тот момент немцами Чехословакии: командиру роты средних танков подпоручику Иосифу Буршику, командиру роты автоматчиков танкового батальона поручику Антонину Сохору и командиру роты легких танков Т-70 подпоручику Рихарду Тесаржику.

Все трое — офицеры 1-й отдельной чехословацкой пехотной бригады, воевавшей в составе 1-го Украинского фронта. Все трое отличились в боях за Киев в ноябре 1943 года. Все трое доживут до Победы и продолжат службу в чехословацкой армии: в 1945 году на всю Чехословакию было шесть Героев Советского Союза, но лишь трое из них — живые, троим звание присвоили посмертно. Все трое станут генералами. Но одному из них это звание присвоят посмертно. Другому — уже как почетное, после безуспешных попыток вычеркнуть его имя и подвиг из истории. Третий выслужит свое генеральство честно, но затем его вышвырнут из армии, и он закончит свои дни диспетчером автобусной станции.

Даже когда читаешь только лишь лаконичные строки представлений к наградам, делая при этом поправку на неизбежное на любой войне преувеличение и специфику политического момента, видишь: эти парни свои звезды заработали сполна и честно, кровью — вражеской и своей.

В наградном листе подпоручика Буршика значится: в боях за освобождение Киева 5 ноября 1943 года «он стремительно вел собственным личным примером свою роту в атаку, несмотря на сильный артиллерийский огонь и потери собственных танков», прорвал своей ротой три рубежа обороны противника, «лично огнем из танка уничтожил 1 „Фердинанд“, 3 орудия, 2 дзота, 2 пулеметные гнезда и 1 транспортер с взрывчатыми веществами и командой, которая готовилась взорвать мост на Житомирском шоссе, чему он воспрепятствовал». Сюда же добавлено, что 11 ноября 1943 года в бою

уже за хутор Петровка Буршик «прорвал с тремя танками рубеж обороны противника, ворвался в село и подавил огневые точки противника». Потеряв один танк, с оставшимися двумя выбил противника, несмотря на его двойное превосходство. Сам Буршик в своих мемуарах этот день описал довольно скромно, сухо поведав, как его рота, вместе с приданными автоматчиками Антонина Сохора, ввязалась в жестокий бой в районе завода «Большевик». Про себя он почти ничего не сказал, больше поведав про своих товарищей, Антонина Сохора, Рихарда Тесаржика, подпоручиков Люмира Писарского и Олдржиха Квапила. Хотя известно, что Буршик на своем командирском Т-34 с выведенным на борту именем «Жижка» всегда шел первым. Опять же, именно он подбил действовавшее из засады самоходное штурмовое орудие «Фердинанд» и, проломив ворота, ворвался в заводской двор, где был сильный узел обороны немцев. Именно танкисты Буршика первыми пробивались к Крещатику, а утром следующего дня — к вокзалу, а затем и к Днепру — южнее Лавры.

«Личным примером увлек свою роту, сопровождавшую танки, в атаку и захватил завод „Большевик“, где уничтожили 3 ПТ орудия и несколько пулеметных гнезд в зданиях фабрики. Этим он способствовал дальнейшему продвижению танков и выполнению задачи первым батальоном» — это уже из наградного листа Сохора. «...Прорвался с ротой и несколькими танками в глубину обороны противника и первым достиг вокзала Киев I пассажирский. ...первым достиг совместно с танками берега Днепра в Киеве». Еще, согласно чешским источникам, рота Сохора оставила в своем секторе 630 убитых немцев. Скорее это преувеличение, но поработали в том районе парни славно. 9 ноября 1943 года Сохор и его рота отличились уже при атаке на деревню Черняхов, уничтожив расчеты четырех артиллерийских орудий, сами орудия взяв исправными и с боеприпасами, отбил контратаку немцев, несколько раз лично поднимал роту в атаку, первым ворвался в село...

Подпоручик Тесаржик вел в бой роту легких танков Т-70: 45-мм пушка, пулемет, экипаж — два человека, тонкая броня, пробиваемая любым снарядом любого орудия, зато хорошая подвижность. Представление к званию Героя Советского Союза Тесаржика мне отыскать не удалось, но известно, что в районе Сырецких лагерей его рота уничтожила несколько огневых точек противника, способствовав

продвижению соседей — советского 931-го стрелкового полка. Затем рота Тесаржика овладела кинофабрикой и, вместе с танками Буршика и автоматчиками Сохора, прорвалась в центр Киева, вышла к вокзалу и, овладев им, предотвратила уничтожение моста...

Нелегалы

Путь нашей тройки на войну был, в общем-то, схож. Йозеф (так правильно пишется имя) Буршик родился 11 сентября 1911 года в семье рабочего-строителя на самой западной границе Чехии — близ города Домажлице (тогда это была Австро-Венгрия). Школа, затем два класса государственной индустриальной школы (училища) в Пльзене, специальность строителя, работа в строительной фирме Кужелки, осенью 1933 года призван на службу в 18-й пехотный полк, дислоцировавшийся в Пльзене. После отбытия воинской повинности работал в фирме, строившей укрепления в Судетах. В 1938 году мобилизован в качестве резервиста и назначен командиром взвода в своем родном 18-м пехотном полку. Потом были Мюнхенские соглашения и сдача Судет немцам. Как он с горечью написал в своих мемуарах, «мы были готовы воевать, но пришел приказ оставить нашу границу без боя». После оккупации немцами уже всей Чехии в марте 1939 года его родной район стал частью Баварии, а сам Буршик был мобилизован по трудовой повинности на работы в Нюрнберг. Но там он подрался с немцами и сбежал домой, решив затем пробираться в Польшу, где уже создавался чехословацкий легион. С группой друзей сумел проскользнуть через посты немецких пограничников и нелегально перешел границу. Затем был польский лагерь, начало войны и запись в так называемый Чешский и Словацкий легион. К началу уже советского вторжения в Польшу чехословацкая часть была в районе Тернополя, успев и пострелять по немецким бомбардировщикам, и понести первые потери. Потом была сдача советским частям, интернирование и уже советские лагеря.

Антонин Сохор родился 16 июля 1914 года в Германии — там его отец тогда работал на шахте. Учился Антонин в Теплице, в Академии бизнеса, но после кризиса 1933 года вынужден был бросить учебу и пойти работать на стекольное производство. В 1934 году вступил в

Социал-демократическую партию, осенью 1936 года призван на военную службу, окончил школу унтер-офицеров и, получив звание сержанта, остался в армии. Потом оккупация. В мае 1939 года после конфликта с немцами его отправили в лагерь интернированных под Лейпцигом. Когда же у немцев возникли подозрения, что он «слегка» занимается саботажем, Сохор выкрутился, но весьма оригинально: подал заявление о вступлении в вермахт в качестве добровольца. Поскольку местом рождения в документах у него значилась Германия, его без проблем приняли в вермахт, предоставив короткий отпуск домой. Откуда он тут же и бежал в Польшу, вступил в тот же легион, назначен старшиной роты. Дальше — все как у Буршика: Тернополь, интернирование, советские лагеря.

Рихард Тесаржик родился в Праге 3 декабря 1915 года в семье довольно состоятельной: его отец занимался своим бизнесом — делал и продавал головные уборы, мать — театральная оперная певица. Да и сам он, по словам его сына, неплохо пел баритоном, да и вообще всегда был равнодушен к хорошей музыке. Начальная школа, средняя школа, два года бизнес-школы, школа менеджмента. Обожал спорт: занимался легкой атлетикой, гимнастикой, плаванием, фехтованием, играл в футбол. Подрабатывал и на музыкальном поприще. В октябре 1937 года призван на военную службу — в 38-й стрелковый полк в городе Бероун, оттуда направлен в школу унтер-офицеров в Кладно. В марте 1939 года Тесаржик даже успел повоевать — с вторгшимися в Закарпатье венгерскими войсками. После немецкой оккупации у него все было дальше «как у всех»: драки с немцами, нелегальный переход границы с Польшей в августе 1939 года, чехословацкий легион, война, назначение командиром пулеметной команды, участие в отражении налета немецких бомбардировщиков на Тернополь, интернирование советскими войсками, лагеря НКВД (к слову, интернированные чехи переводили эту аббревиатуру так: «Не знаю, Когда Вернусь Домой»).

Надо сказать, что советские власти отнеслись к чехам гораздо либеральнее, нежели к полякам, поскольку изначально видели в них потенциальных союзников. Москва наладила тайные контакты с находившимся в Лондоне чехословацким правительством в эмиграции, вполне деловые контакты были и с чехословацкой разведкой, а значительной части интернированных чехов позволили выехать во

Францию или на Ближний Восток. С весны 1941 года — еще до немецкого нападения — вопрос создания в СССР чехословацкой части прорабатывался очень серьезно: на нее у Кремля были свои виды.

Но реально дело закрутилось лишь с осени 1942 года, когда сформированный в Бузулуке 1-й чехословацкий отдельный пехотный батальон получил оружие и приступил к реальной боевой подготовке. Командиром батальона по согласованию с правительством Бенеша назначили подполковника Людвика Свободу — он тесно сотрудничал с советскими спецслужбами еще с довоенной поры. Первая проверка боем состоялась 8 марта 1943 года в районе деревни Соколово. Задача — не дать немцам прорваться с этого направления к Харькову. Сражение у Соколово известно и описано достаточно хорошо. Бой был страшный: отбивая немецкие атаки, чехословацкий батальон потерял две трети своего состава, из 350 человек было убито 86, 114 — ранено, а еще 20 человек — все раненые — попали в плен. Но плен был недолгим: всех чехов, попавших к ним в плен, немцы рассматривали не как военнопленных, а как «изменников» Третьего рейха. Потому расправились с ними сразу и предельно жестоко. Всех раненых чехословацких солдат немцы повесили вниз головой, выколов у еще живых глаза, отрезав уши и носы... Когда же 13 марта 1943 года после падения Харькова в руки к немцам попали чехословацкие раненые, немцы, заблокировали двери больничного корпуса, где они лежали, просто сожгли его, расстреливая тех, кто пытался выпрыгивать из окон. Часть раненых чехословацких солдат закололи штыками. Так всегда было и позже: пленных чехословацких солдат немцы обычно разделявали живьем ножами — свидетельств этому масса. Стоит ли говорить, что солдаты чехословацкой бригады — в нее после Соколова переформировали батальон, — а затем и чехословацкого корпуса отвечали немцам полной взаимностью и пленных обычно не брали.

За тот бой у Соколово советские награды (помимо чехословацких) получили и все наши герои: Йозеф Буршик — орден Красной Звезды, раненый Антонин Сохор — орден Красного Знамени, Рихард Тесаржик — орден Красной Звезды.

После Киева у чехословаков были еще тяжелые бои за Правобережную Украину, участие в Корсунь-Шевченковской операции. Самые тяжелые потери корпус понес осенью 1944 года на Дуклинском перевале. Во время тех боев танк Тесаржика (он уже

воевал на Т-34 и командовал батальоном) подбили из фаустпатрона, и из всего экипажа уцелел лишь он один, был обожжен, получил тяжелые ранения. Жизнь ему спасли, но он потерял левый глаз и всю жизнь дальше ходил уже с черной повязкой. Тогда же ранение получил и Сохор: из его тела в госпитале извлекли 218 осколков. Буршику повезло больше: «всего лишь» тяжелая контузия в начале 1945-го... Из его наградного листа от 6 апреля 1945 года: огнем из орудия лично уничтожил танк и самоходку противника, пять пушек «и до 100 солдат противника», под его командованием батальон уничтожил в общей сложности 12 танков, две самоходки, 26 пушек, около почти 70 пулеметов, 576 немцев. Да еще «взято в плен 60 немцев» — значит, все-таки иногда брали. Его тогда представили к ордену Суворова II степени, но наверху сочли, что капитану и комбату это как-то не по чину, наградив орденом Суворова III степени.

После фронта

Тройка наших фронтовых товарищей вернулась домой победителями, в ореоле славы, восторженно встреченная соотечественниками. В честь Буршика тогда даже сочинили браваурный военный марш, который так и называли: «Буршиков поход». Но вот как раз дома на их долю и выпали самые тяжелые «приключения». Чехословакия 1945 года выглядела демократией довоенного образца с армией старого же типа: те же уставы и положения о прохождении службы, те же требования к образовательному цензу офицеров и цензу выслуги в чинах, что и до войны. При этом армию сильно сократили, фронтовые части расформировали, командные же и штабные должности в «старой новой» армии заняли довоенные офицеры — у них было и положенное профессиональное образование, и еще довоенный ценз выслуги. Понятно, что в такой армии ни у Буршика, ни у Сохора, ни у Тесаржика абсолютно никаких перспектив для служебного роста быть не могло: одному почти тридцать, другим уже за тридцать, при этом, невзирая на богатейший реальный боевой опыт, ни у кого из них не было ни высшего гражданского, ни полноценного военного образования, позволявшего претендовать на офицерские вакансии — у всех за плечами лишь школы унтер-офицеров и

скоротечные советские курсы военного времени. Йозеф Буршик вспоминал, как его боевому товарищу, Олдржиху Квапилу, бывшему на фронте заместителем начальника оперативного отдела штаба 4-й пехотной бригады, предложили должность всего лишь командира роты. Потому группа ветеранов 1-го чехословацкого армейского корпуса, в том числе и наша тройка, обратилась к генералу Людвигу Свободе — тогдашнему министру народной обороны, с рапортом об увольнении их с действительной военной службы. Но у генерала Свободы были свои виды на них. А на того, в свою очередь, у функционеров Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ)...

Чехословакия того времени казалась демократической республикой старого доброго довоенного типа, но реальную власть в стране уже прибирали к рукам ставленники Кремля. Функционеры КПЧ, отсидевшиеся во время войны в Москве, уже в 1945 году под руководством матерых «консультантов» советской госбезопасности овладели всеми силовыми структурами страны. Лишь с 1945-го по 1948 годы было создано четыре секретных государственных службы, подконтрольных лишь КПЧ. Не считая сформированных коммунистами вооруженных отрядов так называемой Народной милиции и Революционной гвардии. Вовсю разворачивался процесс сталинизации Чехословакии, пока еще относительно скрытой. Для открытого же захвата власти чехословацким ставленникам Сталина и Москвы было необходимо поставить под свой полный контроль армию, для начала нейтрализовав ее. Чем и занималась подконтрольная коммунистам и созданная еще 7 января 1945 года по прямому указанию советской стороны Obranné zpravodajství (OBZ) — военная контрразведка, натуральная внутриармейская охранка, инструмент сугубо карательный, целиком скопированный с НКВД. Оттуда же были и «консультанты», и соответствующие методы работы OBZ, сразу же занявшейся не совсем «благонадежными» военнослужащими. Во главе этой службы советские товарищи поставили кадр проверенный — Бедржиха Райцина, фанатичного коммуниста, работавшего информатором НКВД сначала в лагере Оранка, куда его посадили в 1941 году для освещения интернированных чехословацких военных, а затем и в Бузулуке. Это была страшная фигура, ненавидимая всеми, кто прошел Оранский лагерь, а в числе последних — Буршик, Сохор и Тесаржик. Ту же

задачу установления партийного контроля над армией — только уже методами кадровой политики — возложили и на генерала Свободу, формально беспартийного, но еще с довоенных времен повязанного узами тесного сотрудничества с советской госбезопасностью. И на кого же было генералу Свободе опереться в грядущей чистке офицерского корпуса, как не на тех, кто вместе с ним прошел войну? Не говоря уже о том, что одномоментный уход из армии сразу *всех* чехословацких Героев Советского Союза выглядел жестом политическим, подрывавшим престиж промосковских сил: других *живых* Героев Советского Союза в той Чехословакии просто не было. К тому же эти парни действительно были популярны и уважаемы в стране. Министр уговорил своих фронтовых товарищей погодить с рапортами об увольнении и продолжить службу. Может показаться, что нашей тройке тогда засветила неплохая карьера: они же вроде как в «команде» Свободы, а тот — в явном фаворе у своих московских патронов. Да только ни один из этих героев коммунистическим энтузиазмом совершенно не пылал: Антонин Сохор еще с 1934 года был членом социал-демократической партии, Йозеф Буршик — тоже социал-демократ, а Рихард Тесаржик, судя по всему, откровенно аполитичен. Кстати, это тоже одна из причин, из-за которой никак нельзя было допустить, чтобы эти парни с советскими Золотыми Звездами на мундирах ушли в свободное политическое плавание, желательно, чтобы они все время были на глазах и под приглядом. И самый лучший способ не выпустить их из поля зрения — направить учиться в военные академии. Их и отправили: Антонина Сохора — в чехословацкую Высшую военную школу, Йозефа Буршика и Рихарда Тесаржика — в Москву, в Военную академию бронетанковых и механизированных войск имени И. В. Сталина, куда они и прибыли в сентябре 1945 года.

Побег героя

Однако Буршик в академии не задержался и уже в декабре того же года покинул Москву: к зиме у него резко ухудшилось здоровье, две недели его трепала лихорадка и терзал ужасный кашель, он сильно похудел. Советские врачи, диагностировав у него туберкулез, сделали,

по его словам, «заманчивое предложение»: пройти курс лечения в Крыму. Но Буршик настоял, чтобы его как можно скорее вернули домой. Судя по всему, истинная причина отбытия из Москвы была все же иной: в мемуарах Буршик честно признал, что на него произвела удручающее впечатление общая атмосфера в советской военной академии, где «было политизировано все». Еще его шокировало резкое расслоение в среде советских офицеров, их резкое деление на касты высшую и низшую, крайне грубое и хамское отношение старших офицеров к нижестоящим: «Я не чувствовал себя хорошо в этой среде». Свою роль сыграло и то, что весь 1945 год «меня всеми возможными способами, — пишет Буршик, — пытались заставить вступить в коммунистическую партию». Потому, кстати, и отправили в советскую академию, рассчитывая, что «там я освою теорию марксизма-ленинизма-сталинизма и стану надежным и послушным коммунистом. Но в этом отношении все просчитались».

И по-крупному. Мало того, что Буршик, будучи убежденным социал-демократом, отказался разменять свои убеждения на суливший ему карьерный взлет билет члена КПЧ и, можно сказать, сбежал из советской академии, так еще на выборах 1946 года он выставил свою кандидатуру в парламент по Остравскому краю — от социал-демократической партии! Что, разумеется, вызвало гнев коммунистов: «Герой Советского Союза — и против программы коммунистической партии?!» Потому и «ходили ко мне тогда агитаторы, убеждая вступить в коммунистическую партию... Одного из таких мне трижды пришлось буквально вышвыривать из своей квартиры». В свое время Буршику это припомнят. А пока он — заместитель по боевой подготовке командира 1-й танковой бригады, дислоцированной в городе Высоке-Мито. В сентябре 1946 года его перевели в город Моравска-Тршебова с явным понижением — командиром танкового батальона. В 1947 году он развелся, влюбился в 19-летнюю девушку Надю, и они сыграли свадьбу. И новое назначение: заместитель командира 12-й танковой бригады в городе Оломоуц. В политику вроде бы уже не лезет, отдавая свободное от службы время семье и футболу. Но и в чинах больше уже не растет — все еще штаб-капитан (*štábní kapitán*, можно перевести и как «штабс-капитан», и как «штабной капитан»: это офицерское звание в чехословацкой армии было промежуточным между капитаном и майором, его упразднят в 1953

году). Против дальнейшего продвижения Буршика и его повышения в звании категорически возражала военная контрразведка и лично тов. Райцин.

Затем настал февраль 1948 года — коммунистический переворот, осуществленный при «нейтралитете» армии. Генерал Свобода, в полном согласии с пожеланиями своих московских патронов, заявил тогда президенту Бенешу, что армия не вмешается во внутренние политические дела, «не пойдет против народа» и, главное, не допустит антикоммунистического сопротивления. Впрочем, реально армией тогда управлял главный армейский чекист Райцин — все приказы проходили только через него.

В том же 1948 году генерал Свобода открыто вступил в коммунистическую партию, тогда же началось и «освежение кадров»: тотальная зачистка офицерского и генеральского корпуса чехословацкой армии от всех «неблагонадежных» и подозрительных. Из армии сразу же выкинули около 2300 офицеров, затем начались так называемые акции «Д»: аресты всех офицеров, уволенных из армии в соответствии с так называемым законом № 321 по охране республики. С последующими средневековыми пытками, казнями и заключением в тюрьмы и лагеря. Одних лишь «исправительных» концлагерей тогда в Чехословакии открыли около двух тысяч. Тот же 1937-й, разве лишь с чехословацкой спецификой. Но рецепты абсолютно те же, как и методы, плюс советские чекисты-советники с их «братской помощью». Начали сразу весьма круто, но пока с тех военных, кто ранее служил в армии, подчинявшейся во время войны эмигрантскому правительству в Лондоне. В феврале 1948 года из армии был уволен весьма влиятельный генерал Гелиодор Пика, заместитель начальника Генерального штаба. Именно через него советские разведслужбы в свое время — на рубеже 1939/1940 годов — установили тайные контакты с чехословацким правительством в изгнании, хотя для всех советско-германские отношения выглядели тогда почти как союзнические. Именно генерал Пика возглавлял группу чехословацких разведчиков, по приглашению Кремля тайно посетивших СССР еще в апреле 1941 года. Генерал Пика затем и возглавил официальную военную миссию в СССР, осуществлял через нее связь своего правительства с Москвой, отвечал за координацию усилий чехословацких разведслужб с советскими, вытаскивал из советских

лагерей тысячи чехословацких граждан, попутно собрав огромную информацию о системе ГУЛАГа. В общем, «он слишком много знал», и в начале мая 1948 года его арестовали, обвинив сразу во всем: в государственной измене, работе на английскую разведку, диверсионной деятельности против чехословацкой армии в СССР во время войны, нанесении ущерба интересам СССР. Летом 1948 года некий советский дипломат Михаил Хазанов, встретившись с руководством чехословацких спецслужб, заявил, что «вопрос с уголовным делом против генерала Пики должен быть решен безотлагательно. Пика ни в коем случае не должен оказаться на свободе и на Западе». Далее все по известному и типичному советскому сценарию: показательный процесс, смертный приговор. Генерала повесили во дворе Пльзеньской тюрьмы на рассвете 21 июня 1949 года. Бедржих Райцин, повышенный уже до звания бригадного генерала, предельно откровенно сказал своим подчиненным, что физической ликвидации генерала потребовали «советские органы», поскольку тот «слишком много знал о работе советской разведки». Это к вопросу о том, какая атмосфера воцарилась после февраля 1948 года в Чехословакии. Спасая свои жизни, из страны начинают массово бежать офицеры и генералы, да и не только они. В январе 1949 года сотрудница чехословацкого МВД информировала своих советских «коллег», что «сейчас есть дни, когда из Чехословакии... убегают за границу 20–30 человек». Осенью того же года чехословацкие чекисты с грустью информировали советских «дипломатов», что «продолжается бегство из Чехословакии реакционных элементов за границу», лишь в августе 1949 года «бежало через чехословацко-австрийскую границу 107 человек, в сентябре около 100» и, что обидно, «больше всего бежало за границу рабочих, в основном молодежи». Поэтому и планируется на всей границе «сделать проволочные заграждения и отдельные участки заминировать», что и будет «наиболее эффективным препятствием к бегству за границу чехословацких реакционных элементов».

Но вернемся к нашим героям. После февраля 1948 года Буршик вновь понижен в должности до командира батальона, а 11 ноября 1949 года за ним пришли. Из его ареста учинили целый спектакль. Утром того дня в его квартире раздался звонок, и знакомый штаб-капитан, правда, почему-то в штатском, вручил телеграмму с приказом: штаб-

капитану Буршику надлежит срочно прибыть в Прагу, в Министерство народной обороны. «Штаб-капитан был сама любезность: „Вы можете воспользоваться моими услугами. У меня в наличии служебный автомобиль ...я также имею приказ вас отвезти...“». От Остравы ехать практически через всю страну, по пути сделали остановку в Границе-на-Мораве, пообедали, запили обед отборным пльзеньским пивом. Офицер в штатском не отходил ни на шаг, что насторожило Буршика, когда же тот еще и сопровождал его до писсуара, «мое подозрение стало стопроцентным». Добрались до Праги уже к вечеру, и офицер предложил Буршику переночевать в меблированных комнатах, чтобы явиться в министерство уже с утра. Но вместо комнат въехали в большие железные ворота, немедленно затворившиеся за ними. Сопровождавший Буршика офицер тут же выскочил, левой рукой выхватил из кармана ордер на арест, а правой — пистолет, наставив его на Буршика. Машину окружили офицеры и подофицеры (унтер-офицеры) военной контрразведки, нацелив на Героя Советского Союза пистолеты и автоматы. Все, что успел Буршик, так это лишь выкрикнуть: «Вы хуже, чем гестаповские паразиты!» Сорвали мундир, Золотую Звезду Героя и советские ордена — их Буршик носил постоянно вместе с планками чехословацких наград. Раздели догола, обыскали, посадили в замороженную камеру... Так как нигде официально о его аресте не сообщалось, то в книжных лавочках тогда же продолжали продавать фотографии героя, а в центре Праги, на одной из самых оживленных улиц — Водичковой — еще долго висел огромный портрет Буршика в форме и со всеми регалиями, с текстом: «Один из тех, кто отвоевал нашу независимость!» А оркестры все так же продолжали исполнять сочиненный в его славу «Буршиков поход»...

Несколько месяцев нескончаемых допросов в печально знаменитом своими пытками «градчанском домике» Райцина — пражском аналоге Лубянки. Правда, его, в отличие от других, физически не пытали, хотя все прочие методы воздействия применяли вовсю. «Обычная банда» — так Буршик впоследствии отозвался о своих следователях. Пока сидел, родилась вторая дочка.

Обвинения предъявили стандартные: государственная измена, оказание помощи беглецам в нелегальном переходе через границу. Судили по печально известному чехам и словакам закону № 231/Sb

(§ 1, раздел 2). 7 марта 1950 года вынесли приговор: 10 лет лишения свободы — с отбытием наказания в военной тюрьме, последующее лишение всех гражданских прав на четыре года. Само собой, лишили воинского звания и отобрали все награды. Только в последнем случае вышел грубый юридический прокол: суд был вправе лишить наград только чехословацких, но — никак не иностранных: то есть советских, а также имевшихся у него еще югославских и румынских! Изъятие советских наград было чистой воды актом произвола и противозаконного насилия — это был вправе сделать лишь тот, кто ими наградил, то есть Президиум Верховного Совета СССР. Хотя отобранные у Буршика советские награды — Золотую Звезду, ордена Ленина, Суворова III степени, Красной Звезды и медали — чехословацкие чекисты отослали в Москву, но советские чекисты так и не удосужились озаботиться юридическим оформлением решения о лишении этих наград. Хотя «работали» с Буршиком местные гебисты, не подлежит сомнению: расправа с Героем Советского Союза санкционирована товарищами из советской госбезопасности, а то и вовсе произведена по их прямому указанию. Уж эти-то к регалиям Буршика точно пиетета не питали: если уж своих Героев Советского Союза без затей пытали и ставили к стенке, что уж говорить про «какого-то там чеха»!

Почему? А на всякий случай: сомнителен, неблагонадежен, компромата на него выше крыши, да еще из советской академии сбежал и от предложенного партбилета нагло отказался, товарищам из КПЧ нагадил — враг! К тому же в народе популярен и любим, да еще и геройская звезда в придачу с танковым батальоном под началом — не лучше ли его того, на всякий случай, превентивно...

А что же генерал Людвик Свобода, министр обороны и фронтовой товарищ, отчего не помог? Оттого и не помог, что своя шкура ближе. Да к тому времени в министерстве реально всем уже заправлял Райцин и его люди, вскоре пришел черед и самого Свободы: в апреле 1950 года его сняли, назначив заместителем премьер-министра по... физкультуре и спорту, а в 1951 году и вовсе отправили на пенсию. В ноябре 1952 года его тоже арестовали, правда выпустили уже в декабре того же года...

После суда Буршика этапировали в военную тюрьму Мирова. А у него к тому же туберкулез в тяжелой форме, усугубленный

пребыванием в заключении. Но дальше — все в полном соответствии с расхожей формулой «не имей сто рублей, а имей сто друзей». Многие из которых воевали вместе с Буршиком или просто еще не забыли, что это действительно национальный герой. Потому настойчивые прошения о предоставлении лечения поддержаны и тюремными врачами, и тюремным начальством: Йозефа переводят в военный госпиталь — в Градиский монастырь в Оломоуце (Hradiskí u Olomouce). Через хороших людей удалось связаться с женой. Госпиталь, невзирая на режим охраны, все же не полноценная тюрьма, и такой шанс упускать нельзя: Буршик готовит побег — при помощи врачей, жены и тещи! Теща, Мария Балвинова, добывает гражданскую одежду, фальшивые документы на фамилию Балвин и даже армейский пистолет! А через кордоны охраны все это пронесла монахиня Павла. Да что там теща, побег Буршика с энтузиазмом готовила буквально вся родня его жены: брат жены Зденек Балвин со своей женой Яной, тетя жены со своим мужем... Такое семейное дело, да еще и спланированное военным человеком, не могло окончиться неудачей. Одним тихим вечером после проверки, дождавшись, когда заснут четыре его соседа по камере-палате, Йозеф открыл дверь заранее переданным ему ключом и по многократно отработанному маршруту выбрался за стены монастыря, где его уже ждал человек на мотоцикле. Дальше была бешеная гонка, заглохший мотоцикл, вокзал в Пардубице, поезд до Праги, снова родственники жены... Но долго скрываться в подполье было нельзя: Буршик нуждался в срочной операции, а сделать ее нелегально было невозможно. И было решено: две дочки остаются у родни, а Йозеф с женой Надей нелегально уходят за границу — в Германию. И ведь прошли — через горы, в Баварию, с проводниками. Мир не без добрых людей, ведь не зря же чехословацкие чекисты тогда жаловались советским коллегам, что «перебежчики имеют помощников со стороны некоторой части населения» и это «позор для органов безопасности».

Дальше было короткое пребывание уже в немецком лагере для перемещенных лиц, отправка в санаторий, срочная и удачная операция, потом еще одна. В мае 1951 года у четы Буршиков родилась еще одна дочка, а в 1955 году — сын, в том же году семья перебралась в Великобританию, и там в январе 1961 года у них появился еще один сын... От принятия британского гражданства Буршик отказался

категорически. Жили весьма небогато. В 1959 году про Буршика вдруг «вспомнили» в Праге: его советские награды, до того пылившиеся в сейфе чехословацкой контрразведки, отослали в СССР, уведомив Москву, что Герой Советского Союза «предал родину». А Президиум ЦК КПЧ отдал приказ госбезопасности: ликвидировать «предателя». Именно тогда зарубежные ликвидации «врагов социализма» были в моде у советского руководства, а их чехословацкие марионетки из всех сил стремились этому подражать. К счастью, до Лондона «рука Праги» так и не дотянулась. А в 1963 году вся семья даже наконец воссоединилась: удалось вытащить из Чехословакии старших дочерей, Илону и Надю. Когда началась «Пражская весна», Буршик засобиравшись на родину, но не успел — 21 августа 1968 года в Чехословакию вторглись советские войска и войска еще четырех стран Варшавского договора. Буршик тогда был одним из организаторов демонстрации протеста у советского посольства в Лондоне. Как гласила одна из легенд, он тогда отказался от звания Героя Советского Союза и якобы бросил свои награды к ограде советского посольства. Да вот только нечего ему было бросать — все награды у него были отобраны еще в 1949 году. К тому же он настолько ценил свою Золотую Звезду, что выточил ее точную копию из медной пластинки и носил, наизусть помня как ее номер — 1692, так и номер ордена Ленина — 16279. Однако после той демонстрации у советского посольства про Буршика вспомнили уже и в Москве: в 1969 году закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР его лишили советских наград. После «бархатной революции» вынесенный Буршику в 1950 году приговор признали незаконным, вернули все чехословацкие награды, восстановили в звании, а затем последовательно присвоили очередные звания — вплоть до генерал-майора. Уже после краха СССР, 6 мая 1992 года, российский посол в Праге торжественно вернул Буршику и советские награды — те самые, с теми же самыми номерами! Герой Советского Союза Йозеф Буршик скончался 30 июня 2002 года на 91-м году жизни.

Командир секретной бригады

Послевоенная жизнь второго героя, Антонина Сохора, самая недолгая. В апреле 1945 года ему присвоено звание штаб-капитана, в мае он назначен командиром так называемой штабной роты министра обороны. Затем была учеба в Высшей военной школе. После ее окончания в 1947 году дальнейшая карьера, на первый взгляд, идет ровно и гладко. Не в последнюю очередь и потому, что в 1946 году Сохор дал себя уговорить, согласившись вступить в компартию. Потому и звание майора ему присвоено без задержки, и сразу по окончании академии он получил престижное назначение — в штаб 1-й дивизии в Праге, а в 1948 году он служит уже в Генеральном штабе. Но вскоре все резко переменяется: 17 августа 1948 года майор Сохор назначен командиром секретного подразделения под кодовым наименованием «DI». Это была так называемая учебная механизированная бригада еврейских добровольцев, которые должны были отправиться воевать в Израиль.

Хотя уже с конца 1946 года в СССР постепенно начинает раскручиваться антисемитская кампания, вылившаяся затем в борьбу с «безродным космополитизмом», создание государства Израиль Сталин поначалу поддержал. Это подрывало британское влияние в регионе, к тому же он рассчитывал, что Израиль, в руководящих структурах которого преобладали уроженцы Российской империи и выходцы из социалистического Бунда, станет опорным пунктом советских позиций на Ближнем Востоке. По свидетельству генерала Павла Судоплатова, еще в 1946 году СССР стал оказывать тайную военную помощь еврейским вооруженным отрядам, ведущим борьбу против британских войск. Когда же после официального провозглашения Еврейского государства на его территорию вторглись армии арабских государств, советская помощь стала более действенной: в Израиль потекло оружие из Восточной Европы, большей частью немецкое трофейное. По поручению Москвы, не желавшей светиться открыто, основным поставщиком оружия для Израиля стала Чехословакия. Немало оружия шло через Румынию и Югославию. Тогда же в Израиль были командированы и советские офицеры. Подготовка немалой части евреев-добровольцев из Восточной Европы, отправляемых в Израиль, была поручена и Чехословакии. Бригада майора Сохора, численностью до тысячи человек, была не единственной: отдельно готовили парашютистов, пилотов, артиллеристов, саперов и других

специалистов. Костяк бригады майора Сохора составили ветераны 1-го чехословацкого армейского корпуса еврейского происхождения. Был ли таковым сам майор, не совсем понятно: если одни источники утверждают, что у него были еврейские корни, то другие это отрицают. Но если у него и были еврейские корни, странно, что, когда в 1939 году Сохор записался добровольцем в вермахт, до этого не докопались немцы. Так или иначе, действовал он, разумеется, не по своему почину и личной инициативе, а строго по приказу. В обстановке полной секретности бригада формировалась на военной базе у города Либава, что близ Оломоуца. После проведенных 2 ноября 1948 года учений бригада была признана боееспособной, и в середине ноября ее скрытно переправили в Израиль. Дальнейшее в буквальном смысле покрыто мраком полной тайны. И поныне о той бригаде неизвестно практически ничего: где воевала, какие боевые операции на ее счету и в какой степени в них был задействован майор Антонин Сохор и под каким прикрытием. Источники осторожно намекают, что он был советником оперативного отдела Генерального штаба Армии обороны Израиля.

Точно не известно и когда он вернулся в Чехословакию, но явно не позже весны 1949 года — аккурат в разгар охлаждения советско-израильских отношений. Когда Сохор вернулся домой, оказалось, что еврейское государство, ранее официально бывшее «дружеским», столь же официально приказано считать «вражеским». И ветеран нескольких войн, Герой Советского Союза и кавалер кучи боевых орденов, выполнивший специальное задание командования, в одночасье вдруг превратился в фигуру очень подозрительную: а чем это он на самом деле занимался там, в этом самом «враждебном сионистском образовании»? Не пройдет и пары лет, как выполнение спецзадания в Израиле вполне официально будут считать государственным преступлением. По крайней мере, когда в 1951 году карающий молот обрушился уже на голову чехословацкого «Абакумова» — Райцина, ему инкриминировали еще и это: «организовал на Мораве из евреев вооруженную группу в несколько сот человек для посылки ее в Израиль во время войны Израиля с арабскими государствами... Не исключено, что эта группа... готовилась для использования в путчистских целях. Также есть основание предполагать, что оружие, отправляемое из Чехословакии в Израиль, попадало в Югославию. До

сих пор все еще не установлено, куда исчезли денежные суммы от продажи Чехословакией Израилю оружия. Суммы эти достигают нескольких сот миллионов крон».

Самолет, на борту которого был и Сохор, при возвращении из Израиля был атакован и поврежден неопознанным истребителем. После возвращения майора Сохора назначили преподавателем пехотного училища в Миловицах (недалеко от Праги) и одновременно начальником школы средних командиров. Атмосфера вокруг него явственно сгущалась. Его старший сын, Людвик, вспоминал, как его отец уже ни шагу не делал без заряженного оружия и часто говорил с матерью, что его хотят убить. Его автомобиль дважды обстреляли неизвестные.

1 июля 1950 года Антонину Сохору присвоили звание подполковника. А в ночь с 15-го на 16 августа 1950 года, когда Сохор возвращался с военных учений, в его штабную «шкоду» врезался грузовик десантной части. Согласно официальной версии, подполковник сидел справа, на пассажирском месте, его водитель пытался избежать столкновения, но грузовик все же ударил именно туда, где был Сохор. Его доставили в госпиталь, где он и скончался, по официальной версии, от черепно-мозговой травмы. 21 августа 1950 года в Праге состоялись пышные похороны Героя Советского Союза подполковника Сохора. Правда, его тело сначала кремировали — по приказу высокого начальства. 6 октября 1955 года Антонина Сохора посмертно повысили в звании — до генерал-майора. Зато вот о том, что все последние месяцы перед смертью он, опасаясь ареста, всегда спал с пистолетом под подушкой, его родным и близким строго-настрого было приказано забыть.

Несомненно, Сохор был носителем одного из самых больших секретов того времени — сокровенных деталей тайной операции в Израиле. А как раз тогда в Советском Союзе и странах «народной демократии» зачищали всех тех, кто так или иначе был причастен к этой тайне. Опять же, и борьба с «безродными космополитами» тоже была в самом разгаре. Не забудем, что именно в августе 1950 года сумел уйти за границу Буршик. Местные чекисты не могли допустить, чтобы «ушел» и еще один Герой Советского Союза, к тому же причастный к секретной операции. Но арестовывать второго подряд кавалера Золотой Звезды — это перебор! Проще похоронить с

почетом, предварительно раскатав грузовиком. Еще надежнее — предварительно ввести соответствующий препарат, инсценировав затем автокатастрофу. На эту мысль наводит и поспешное, скоростное кремление. А также зачистка архивов от всего, что хоть как-то связано с этим делом, — это выяснилось уже после «бархатной революции».

Последний герой

Итак, к осени 1950 год из нашей тройки героев один убит (назовем вещи своими именами), другой объявлен врагом, остался последний — Тесаржик. Единственный, кто получил звание генерала не посмертно и не в качестве почетного. Возможно, потому, что вовремя вступил в партию — в июле 1947 года, будучи еще слушателем советской военной академии. Правда, ни «идейной выдержанности», ни коммунистического энтузиазма, ни любви к коммунистическим функционерам ему это не прибавило. Красной нитью через его партийные характеристики проходит одно и то же: низкая политическая зрелость, политически невыдержанный, недооценивает роль коммунистической партии, партийных организаций и политической работы в армии, несамокритичен, при этом сам «в критике ироничен и мало тактичен» — по отношению к партийным работникам, осмеливается вступать с ними в политические дискуссии на армейских партийных конференциях, «неправильно относился к созданию организаций КПЧ в армии» и всеми «своими действиями принижал роль партийных организаций»... Полный букет!

Это не все. В тех же бумагах перечислены и другие пороки Героя Советского Союза: недисциплинирован, несдержан, высокомерен, капризен, склонен к позерству, «нескромнен в быту», позволяет себе «излишества в личной жизни», «чрезмерно увлекается женщинами и злоупотребляет алкоголем», «любит искать контакты с женщинами-иностранками». Если всему этому верить, перед нами злостный и «политически незрелый» бабник, принижающий роль партийных организаций в армии в промежутках между «излишествами»? Господи, но почему тогда «с таким счастьем — и на свободе», да еще и в генеральских чинах?! А генеральские погоны в той чехословацкой

армии, еще во многом сохранявшей старые традиции, за просто так и тем паче за подвиги на амурно-алкогольных фронтах не давали. Только лишь потому, что у него на груди советская Золотая Звезда? Но так ни Тесаржику, ни Сохору это не помогло. Конечно, посадка последнего героя или очередная автомобильная катастрофа — уже для него — это уже было бы чрезмерно. Но ведь ничего не мешало с внешним почетом выставить его из армии, не дожидаясь, пока букет созреет.

Отгадка, возможно, кроется в тех редких и лаконичных фразах, которые с трудом, но можно отыскать в его партийных характеристиках, больше похожих на доносы: «профессионально способный», блестящий тактик. В переводе на нормальный язык — превосходный танкист и отличный командир. А какой же танкист вместо женщин, веселья и быстрой езды любит «политрабочих»?! Как сказано в одном из материалов, «он имел репутацию бабника и веселого компаньона», ему «не нравились партийные фанатики и политруки». Проще говоря, это был настоящий, харизматический вояка огромного роста — 182 см, которого любили женщины и обожали сослуживцы, зато ненавидели чекисты и политработники.

Как уже сказано выше, в 1945 году штаб-капитан Рихард Тесаржик вместе с Йозефом Буршиком командирован в Москву, в Военную академию бронетанковых и механизированных войск имени И. В. Сталина. В 1946 году Тесаржик обрел партбилет, и в 1947 году он уже майор. В июне 1949 года он возвращается домой, с отличием окончив академию. По возвращении получил назначение старшим преподавателем Высшей военной школы в Праге. Карьера на подъеме, все хорошо. Вот только когда он вернулся на родину, это была уже совершенно другая страна и другая армия — с всевластием госбезопасности, чистками, арестами, процессами над «врагами народа», виселицами для боевых генералов, лагерями, массовыми побегам людей из страны и заминированными границами. Да ведь и его боевого товарища, Буршика, взяли вскоре. Другой товарищ, вернувшийся из таинственной командировки, молчалив, мрачен и везде ходит с заряженным пистолетом. Сын Тесаржика, тоже Рихард, в одном из интервью сказал, что после гибели Сохора «слышал, как мои родители говорили, что его убили, а сам он незадолго до того признался им, что чувствует, как его преследуют. Постоянно ходил с оружием».

В 1950 году Тесаржику присвоили звание подполковника, тогда же он назначен начальником штаба командования танковых и механизированных войск Министерства обороны, в декабре 1951 года он уже полковник. Блестящая карьера! Но — подвел острый язык: в разговоре с сослуживцем Тесаржик прошелся по недавно назначенному министром обороны генералу армии Алексею Чепичке, назвав его карьеристом, взлетевшим столь высоко лишь потому, что женился на внебрачной дочке генерального секретаря ЦК КПЧ Клемента Готвальда. Донесли в момент. Тут же в его деле появились записи о «низкой политической зрелости», затем он понижен в должности до командующего танковыми и механизированными войсками 2-го военного округа (штаб в словацком городе Тренчин). Но целый букет неприятностей преподнес 1953 год. В феврале того года возле Брно он сбил пешехода, сломав ему ногу. Уголовное дело по факту наезда не возбудили, зато вспомнили о нем, когда позже понадобилось накопать компромат на Тесаржика по партийной линии. А в мае 1953 года полковник Тесаржик, находясь в командировке, якобы утратил секретный документ — некий служебный номерной блокнот, в котором были «кадровые данные на подчиненных и некоторые организационные данные по танковым частям». Вот только эту пропажу заметят лишь три месяца спустя, но арестуют Тесаржика в декабре 1953 года, обставив захват как полноценную боевую операцию: его брали возле дома вечером десять до зубов вооруженных чекистов. Потом был обыск, перевернули весь дом... Его сын Рихард, вспоминая, как это было, говорит, что отец был под наблюдением, чувствовал, что за ним следят явно и нарочито, чтобы заставить выйти из себя и вынудить сделать какой-то неверный шаг. Но обвинили Тесаржика не в утрате документа и не в наезде на пешехода, а... во враждебной деятельности против государства.

Девять месяцев Тесаржик провел в заключении, но в августе 1954 года его вдруг освободили, задним числом впаяв приговор «за халатность»: девять месяцев условно, с испытательным сроком три года! Полагают, что это стало следствием визита Никиты Хрущева в Чехословакию, якобы задавшего вопрос: «А где наш Герой?» В ноябре 1954 года Тесаржик назначен командиром 13-й танковой дивизии в Млада-Болеслава. Дивизия под его началом быстро добилась, как записано в документах, «успехов в боевой и политической

подготовке». В июне 1956 года, уже после снятия Чепички с поста министра обороны, Тесаржику присвоено звание генерал-майора, а в октябре он вернулся в Прагу в качестве заместителя командующего 1-м военным округом, в июле 1958 года он первый заместитель командующего 4-й армии, а спустя год вновь командирован в Москву — для учебы уже в Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

Но уже в феврале 1960 года Тесаржика срочно отозвали из Москвы, а его персональное дело в обстановке строжайшей секретности разбирается в Секретариате ЦК КПЧ и Комиссии партийного контроля. 13 августа 1960 года решением Политбюро ЦК КПЧ генерал-майор Тесаржик исключен из партии и уволен из армии. Отдельным пунктом Политбюро ЦК КПЧ ходатайствовало перед правительством СССР о лишении Тесаржика звания Героя Советского Союза и изъятии у него медали «Золотая Звезда»!

Стенограмма того заседания Политбюро — просто песня: на Тесаржика собрали и вывалили все, что скопили на него с момента рождения. Припомнили даже «неправильное» социальное происхождение: его отец не из рабочих и крестьян, а продавец, ставший потом частным торговцем-шляпником, державший аж целого одного наемного работника! Да и сам будущий герой и генерал, оказывается, начинал трудовую деятельность не за станком или плугом, а в торговых фирмах, да еще и спортом пробавлялся в буржуазном молодежном Сокольском движении. Далее следовал длинный перечень уже названных выше «преступных деяний»: принижение роли парторганизаций и политруков, излишества в быту и отношения с женщинами. Ах да, он, оказывается, еще за какие-то служебные проступки самолично разжаловал капрала Фомина и наказал надпоручика Магу домашним арестом — тиран! Да еще и грубиян: рассказывая о своем опыте Второй мировой войны, цитирую, «объяснял роль командира, используя ненормативную лексику». Да уж, товарищи из чехословацкого Политбюро докопались, что называется, до мышей!

Но все это гарнир к основному блюду: как генерал чехословацкой армии и Герой Советского Союза, Рихард Тесаржик, оказывается, недостойно вел себя и в Москве. Например, обвинил административных и технических сотрудников общежития академии

Генштаба в том, что те шпионят за слушателями, донося потом об этом руководству; высказал в адрес командования академии обвинение в «размножении бюрократии». Ах да, еще «неправильно и грубо вел себя по отношению к остальным чехословацким слушателям академии», например, иронизировал над чехословацким министром обороны Ломским, «необоснованно ударил полковника Ромочуского» и, вспомнив, видимо, свою фехтовальную молодость, вызвал на дуэль полковника Иржака (Jiřáka), предложив тому драться на кухонных ножах... Но самое главное проскальзывает почти между строк: на приеме по случаю праздника Венгерской Народной армии вел себя вызывающе, бросая иронические реплики по адресу военного атташе «братской» Румынии — тот не преминул тут же донести об этом куда положено. После чего поведение генерала Тесаржика «стало предметом обсуждения на заседании военных атташе посольств стран народной демократии». По всей видимости, военным атташе «братских стран» в Москве действительно делать было совершенно нечего, кроме как обсуждать, что и кем было сказано про румынского атташе на офицерской попойке?

А еще, оказывается, при посещении квартиры бывшего партизанского командира, Героя Советского Союза генерала Сабурова Тесаржик вступил с ним в дебаты, утверждая, что «во Второй мировой войне мы не знали, за что на самом деле сражаемся», да еще и «выражал скептицизм в отношении руководства нашей армии». Нашел кому выражать: матерый чекист Сабуров тут же сваял донос на собрата-Героя «куда надо».

На заседании Политбюро ЦК КПЧ не скрывалось, что «разбор полетов» проводится по прямой просьбе-указанию советских «товарищей», попутно проинформировавших Прагу: Тесаржик «вел себя свободно, без соблюдения надлежащей бдительности и дистанции» по отношению к сотрудникам западных посольств. При этом Москва порекомендовала вести дело так, чтобы Тесаржик не сбежал на Запад или не покончил самоубийством!

Но самое важное в документ как раз не попало. В феврале 1960 года на приеме в Москве, устроенном для представителей армий стран Варшавского договора (по всей видимости, в честь дня Советской армии), генерала Тесаржика посадили за общий стол с генералом Национальной народной армии ГДР, по всей видимости, военным

атташе. Надо сказать, что генералы и старшие офицеры армии ГДР образца 1960 года во время прошедшей войны служили в вермахте, а то и в войсках СС — все поголовно. Понятно, против кого они воевали и сколько крови было на их руках. Многие из них и в нацистской партии состояли, но без каких-либо терзаний легко сменили партбилеты НСДАП на членские билеты СЕПГ. Но поскольку других и «хороших» немцев «у нас для вас нет», а ждать, пока их вырастят в пробирках, слишком долго, то советские товарищи и сформировала армию «демократической Германии» целиком из кадровых обломков гитлеровского вермахта. Еще такая деталь: форма армии ГДР была практически идентична форме вермахта, а погоны — и вовсе те же самые. Союзнички, одним словом. Выслушав многочисленные тосты во славу боевого братства братских армий братских стран, Тесаржик, подняв взгляд, напротив себя видит своим единственным глазом человека в форме, можно сказать, вермахта. А уж чехословацкий генерал предметно знал, из какого нацистского дерьма льют «новую» армию ГДР. Единственный глаз Тесаржика наливается кровью, а скопившаяся еще со времен войны ненависть берет верх. Генерал Тесаржик поднимается во весь свой огромный рост — как-никак 182 сантиметра, — перегибается через стол, хватает немецкого генерала за горло и начинает его трясти, выкрикивая на весь зал (а командным голосом его бог тоже не обидел): «Ублюдок немецкий! Фашист! Таких, как ты, мы били у Соколова, в Киеве, на Дукле!» Само собой, мат-перемат, поскольку «командным языком», как и положено настоящему танкисту, Тесаржик владел виртуозно — хоть чешским, хоть русским. Кинулись со всех сторон холуи, вырвали немца из тесаржиковых лап, скрутили танкиста, вывели из зала. Как подтвердил его сын, «он спорил с советскими генералами, утверждавшими, что чехословацкая армия ничего не стоит. Поссорился с чешскими офицерами. Одного из них вызвал на дуэль на кухонных ножах. Все завершилось его сногсшибательным ударом восточногерманского генерала». И понеслось — никакая Золотая Звезда тут уж не спасет: диверсия, злонамеренный подрыв нежных союзнических отношений. Могли ли советские товарищи допустить, чтобы продолжил свою службу чехословацкий генерал, столь «превратно» понимающий свой союзнический долг и не только не желающий залезать в одну постель с

«правильными» немцами, так еще и прилюдно бьющий им морду? Риторический вопрос.

Герой Советского Союза Тесаржик — не пылкий юноша гимназического возраста, а боевой генерал, прекрасно понимавший, что делает, и делал это осознанно и систематически, поставив крест на дальнейшей карьере и, кстати, поставив под угрозу благополучие семьи. Будь он настоящим карьеристом, служил бы себе и дальше, стиснув зубы и придержав язык: отдав армии 23 календарных года, пройдя войну и путь от солдата до генерала, арест, допросы и тюрьму, уж он-то точно знал толк в том, что хорошо для карьеры, а что — не очень. Так ведь не пожелал! Видимо, и его терпение оказалось не беспредельным. Советские солдаты, бок о бок с которыми он воевал у Соколова, на Днепре, под Белой Церковью, на Дукле и Мораве, навсегда остались для него братьями по оружию, тут нет даже и сомнений. Как несомненно и то, что его давно угнетало все, что с конца 1940-х годов сотворили с его страной и армией советские «друзья». Ведь хотя все это и делалось руками местных исполнителей, но именно что по указке и инструкциям советских «друзей», по их команде. Мало того, так еще в одну постель уложили врагов — исконных, вековых, еще совсем недавно попортивших друг другу столько крови, — тех самых немцев, венгров и румын, которые всего 15 лет назад убивали чехов и словаков, которые были по другую — от Тесаржика — линию фронта. Теперь много лучше понимаю, отчего позже так легко и быстро накрылся медным тазом весь этот «союз нерушимый армий соцстран» — да там все изначально было гнилым и противоестественным.

Затем Тесаржика исключили из партии, выкинули из армии. Но звезду Героя отобрать не смогли: на соответствующую просьбу-пожелание младших братьев по сощразуму Москва даже не соизволила ответить. Какую-то пенсию ему дали: борец с фашизмом, инвалид войны, заслуга. Ему еще нет 45, он полон сил и энергии, но устроиться на нормальную работу, хоть мало-мальски соответствовавшую бы его навыкам, опыту и знаниям, мстительные «товарищи» ему не дали. Генерал-майор Тесаржик сумел устроиться лишь диспетчером на автобусную станцию, где и работал до 1966 года. Затем устроился в пражский аэропорт Летняны — инженером по технике безопасности. 27 мая 1967 года Героя Советского Союза

Рихарда Тесаржика не стало: он скончался от сердечного приступа у друзей на даче близ Усти-на-Лабе. В истории так и не осталось имени того генерала из ГДР, которому он набил морду, ни венгерского и румынского военных атташе, которым он высказал все. Зато Тесаржик и его товарищи по знаменитой героической «тройке», Йозеф Буршик и Антонин Сохор, в истории точно остались — по крайней мере, в нашей. Это справедливо: они были настоящими солдатами и свои звезды носили по праву.

Глава 30. «Водружение Знамени Победы приняло уродливый характер...»

Кто и когда водрузил красное знамя над Рейхстагом

Приказ командующего 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта генерал-полковника Василия Кузнецова, отправленный шифротелеграммой в войска в 16 часов 00 минут 30 апреля 1945 года, гласил: «Сегодня в 14 часов 25 минут части генерал-майора Переверткина, полковника Негода, генерал-майора Шатилова после ожесточенного упорного боя штурмом овладели зданием Рейхстага в Берлине и водрузили над ним гордый флаг Советского Союза».

В тот же день за уже подписью командующего войсками 1-го Белорусского фронта маршала Советского Союза Георгия Жукова появился приказ войскам фронта № 6:

«1. Район Рейхстага в городе Берлин обороняли отборные части СС. Для усиления обороны этого района противник в ночь на 28.4.45 выбросил на парашютах батальон морской пехоты. Противник в районе Рейхстага оказывал ожесточенное сопротивление нашим наступающим войскам, превратив каждое здание, лестницу, комнату, подвал в опорные пункты и очаги обороны. Бои внутри главного здания Рейхстага переходили в неоднократные рукопашные схватки.

2. Войска 3-й Ударной армии генерал-полковника Кузнецова, продолжая наступление, сломали сопротивление врага, заняли главное здание Рейхстага и сегодня 30.4.45 в 14:25 подняли на нем наш советский флаг. В боях за район и главное здание Рейхстага отличился 79 ск^[64] генерал-майора Переверткина и его 171 сд^[65] полковника Негода и 150 сд — генерал-майора Шатилова...».

Ночной парашютный десант, да еще и целого батальона, в центре окруженного Берлина — в разгар самых ожесточенных боев, при господстве в воздухе советской авиации и наличии у советских войск огромного количества зенитной артиллерии — это сильно, полноценная воздушно-десантная операция! Но чтобы одним заходом (или несколькими рейсами) выбросить на целый батальон — на

парашютах (!), пусть и неполного состава, понадобилась бы настоящая армада транспортных самолетов — не менее 22–24 «Юнкерсов-52». Которые к тому же надо было прикрыть еще более внушительной массой истребителей. Да и куда было сбрасывать этих парашютистов — прямо в центр города, где шли бои, ночью?! Даже сейчас подобное выглядит полной фантастикой, а уж тогда... Но в журнале боевых действий 1-го Белорусского фронта за 28 апреля 1945 года ставки даже повышены: «...Противник в ночь на 28.4.45 высадил воздушный десант в центральной части города силою до двух батальонов». Вот, батальонов уже два! 800–1000 парашютистов в небе над Берлином, пусть и ночью, — как такое можно было пропустить или просто не заметить?! Последний раз во время Второй мировой войны немцы пытались применить парашютистов в декабре 1944 года — в Арденнах. Больше нет ни единого свидетельства, документального или мемуарного, что такое было. Не считая этой редкостной чуши, изобретенной в штабе маршала Жукова, видимо, для оправдания, что Рейхстаг еще не взят. В документах других частей и соединений 1-го Белорусского фронта нет ни малейшего следа пресловутых «парашютистов». Тем не менее год спустя, в апреле 1946 года, выступая на военно-научной конференции по изучению Берлинской операции, бывший начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Малинин вновь повторил эту дичь, заявив, что «немецкое командование предприняло попытку усилить оборону центрального района г. Берлин. В ночь на 28.4.45 в этот район был выброшен парашютный десант из отрядов морской пехоты и подразделений СС общей численностью до двух батальонов. Этому десанту, усиленному остатками разбитых частей, была поставлена задача на оборону Рейхстага и имперской канцелярии». Позже в мемуарной литературе напишут, что это были курсанты-подводники из Ростока — 600 человек, которых утром 29 апреля якобы высадили на аэродроме Темпельхоф. Как именно их высадили, на парашютах или посадочным способом, мемуаристы из штаба 1-го Белорусского благоразумно умалчивают, «забывая» уточнить, что именно тогда Темпельхоф уже взяли советские войска...

Но вернемся в Рейхстаг. Официальная запись в «Журнале боевых действий Первого Белорусского фронта» за 30 апреля 1945 года также гласит: войска фронта уже в 14 часов 25 минут «штурмом овладели

зданием Рейхстага». Но, как оказалось, дело обстояло не совсем так. В том же «Журнале боевых действий Первого Белорусского фронта» оказалась и другая запись: в ночь на 30 апреля 1945 года «в соединениях 79 СК штурмовые отряды и штурмовые группы готовились к решительному штурму здания Рейхстага; велась усиленная разведка, очищались от противника близлежащие здания к Рейхстагу, подтягивалась артиллерия на прямую наводку.

К утру окружение здания Рейхстага было закончено.

В 11:00 войска армии перешли в наступление и начали штурм здания Рейхстага. В 14:25 1 ср 1/756 сп 150 сд^[66] под командованием старшины Саянова (командир 1/756 сп — капитан Неустроев) первая ворвалась в Рейхстаг с северо-запада и впервые командир взвода разведки лейтенант Кошкарбаев и разведчик рядовой Булатов водрузили знамя у входа в Рейхстаг.

Одновременно с северо-востока ворвалась в Рейхстаг 2 ср 1/380 сп 171 сд^[67] под командованием ст. лейтенанта Марецкого (командир 1/380 сп — капитан Самсонов). От 171 сд впервые водрузил знамя у стены Рейхстага командир взвода связи 1/380 сп ст. сержант Еременко и красноармеец-связист Савенко».

Получается, что в 14 часов 25 минут Рейхстаг вовсе не был еще взят: в это время штурмовые отряды еще только-только ворвались в его здание! Читаем эту запись в «Журнале боевых действий» дальше: «Бой за окончательную зачистку Рейхстага от немцев продолжался до утра 1.5.45. Знамя на вершине (купол) Рейхстага было водружено к утру 1.5.45 бойцами 1/756 сп 150 сд сержантами Егоровым и Кантария. Это знамя было снято с Рейхстага и делегацией 150 сд доставлено 20.6.45 в Москву».

Но ведь еще днем 30 апреля 1945 года командование войсками 1-го Белорусского фронта объявило, что Рейхстаг уже взят — в 14 часов 25 минут, в то время как другие документы четко фиксируют: на самом деле это время захода первых штурмовых групп. Причем штурм этот на самом деле оказался неудачным, о чем красноречиво свидетельствует журнал боевых действий уже 150-й стрелковой дивизии. Там записано, что в 13 часов началась артподготовка, продолжавшаяся 30 минут. После чего, собственно, и начался штурм. Далее запись гласит: «Штурм успеха не имел. В 18:00 повторный штурм Рейхстага». Так что внутрь здания бойцы ворвались уже после

18 часов 30 апреля 1945 года. Так что знамя на куполе Рейхстага водрузили явно много позже официально заявленного времени. Да и бой длился еще свыше суток: гарнизон Рейхстага капитулировал лишь в ночь на 2 мая 1945 года.

В своих воспоминаниях, опубликованных в 1990 году в журнале «Октябрь», командир батальона капитан Степан Неустроев позже вспоминал, что было три неудачные атаки Рейхстага, а около трех часов дня к нему на наблюдательный пункт пришел командир его полка полковник Федор Зинченко и сообщил о приказе Жукова, в котором объявлялась благодарность войскам, водрузившим знамя Победы над Рейхстагом. «Я спросил командира полка: „Рейхстаг не взят, знамя не водружено, а благодарность уже объявили?“ „Так выходит, товарищ комбат“, — в задумчивости ответил Зинченко...» Потом на НП капитана Неустроева позвонил уже комдив, генерал Шатилов, потребовал передать трубку командиру полка и приказал тому: «„Если нет наших людей в Рейхстаге и не установлено там знамя, то прими все меры любой ценой водрузить флаг или флажок хотя бы на колонне парадного подъезда. Любой ценой!“ — повторил генерал...» Еще бы, ведь комдив уже доложил командарму: Рейхстаг — наш, над ним наше знамя. Командарм, в свою очередь, донес радостную весть до Жукова, а тот — до Сталина... А тут, оказывается, все не так, как было?! Исправить любой ценой!

Вскоре из журнала боевых действий 1-го Белорусского фронта исчезает всякое упоминание, что бой за Рейхстаг длился хотя бы до утра 1 мая 1945 года. Надо учесть, что этот документ (полное его наименование «Журнал боевых действий Первого Белорусского фронта за апрель и первую декаду мая 1945 года») в том виде, в каком он сейчас доступен в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО), оформлялся уже после завершения войны — в июле 1945 года. По крайней мере, начальник штаба 1-го Белорусского фронта — заместитель командующего войсками фронта генерал-полковник Михаил Малинин и член Военного Совета фронта генерал-лейтенант Константин Телегин утвердили его своими подписями 25 июля 1945 года. Фактически это была отретушированная версия журнала боевых действий, из которой убрали все, что могло бросить тень на командование фронта.

Вокруг же этой, казалось бы, не очень и существенной, даже мелкой детали, относительно точной, поминутной датировки одного из последних эпизодов войны, развернулась целая драма, связанная даже не собственно с боями. Казалось бы, какая, собственно, разница, взят Рейхстаг — вовсе не являвшийся ключевым звеном немецкой обороны Берлина — в 14:25 или в 18:00 30 апреля, овладели им 1 мая утром или все же в ночь на 2 мая? Оказывается, важно. В «Воспоминаниях и размышлениях» маршала Жукова значится, что «командующий 3-й ударной армией генерал В. И. Кузнецов, лично наблюдавший за историческим боем взятия Рейхстага, около 15 часов 30 минут позвонил мне на командный пункт и радостно сообщил: „На Рейхстаге реет наше красное знамя! Ура, товарищ маршал!“» Насчет точного времени Жуков, быть может, слегка «запамятовал»: по другим источникам, о «взятии» Рейхстага ему донесли раньше. Но суть в ином: получив по инстанции клятвенные утверждения подчиненных, что Рейхстаг уже взят и в 14 часов 25 минут над ним уже полощется красное знамя, Жуков тотчас доложил об этом Сталину. И уже буквально через пару часов об этом событии сообщили все радиостанции Советского Союза, а за ними — и зарубежные. С этого момента дата и точное время взятия Рейхстага и водружения над ним знамени получили утверждение не просто официальное, но высочайшее — выше некуда. Будучи уже не у дел, Жуков невольно признал, что его ввели в заблуждение, написав в воспоминаниях, что лишь «к концу дня 1 мая гитлеровцы, находившиеся в Рейхстаге, <...> не выдержав борьбы, сдались». Впрочем, даже тогда «отдельные группы фашистов, засевшие в разных отсеках подвалов Рейхстага, продолжали сопротивляться до утра 2 мая». Признание Жукова запоздало: каноническая версия вот уже как четверть века жила своей жизнью.

Знаменосцы у нее тоже оказались свои: в качестве тех, кто первым водрузил знамя Победы над Рейхстагом, в эту версию вписали сержанта Михаила Егорова и младшего сержанта Мелитона Кантарию. Вот только в штурме Рейхстага они, оказывается, не участвовали! Реальное знамя Победы около 23 часов 30 апреля 1945 года установила над Рейхстагом штурмовая группа капитана Владимира Макова. Но об этом чуть ниже. Как писал Неустроев, в полночь — т. е. в ночь на 1 мая — полковник Зинченко, потребовав доложить обстановку, спросил

у комбата про знамя. Неустроев «пытался ему объяснить, что знамен много... Флаг Пятницкого установил Петр Щербина на колонне парадного подъезда, флаг первой роты Ярунов приказал выставить в окне, выходящем на Королевскую площадь. Флаг третьей роты... Одним словом, я доложил, что флажки ротные, взводные и отделений установлены в расположении их позиций». Но командир полка вспыхнул: «Я спрашиваю: где знамя Военного совета армии под номером пять? Я же приказывал начальнику разведки полка капитану Кондрашову, чтобы знамя шло в атаку с первой ротой!» — возмущался полковник. После чего отдал приказ: «Организуйте немедленно доставку знамени Военного Совета в Рейхстаг!» Эту задачу и поручили Егорову и Кантарии. Но их первая попытка сорвалась, разведчики вернулись через 20 минут: «Там темно, у нас нет фонарика, мы не нашли выход на крышу, — смущенно подавленным голосом ответил Егоров». Вот как дальше описал ситуацию Неустроев:

«Полковник Зинченко с минуту молчал. Потом заговорил тихо, с нажимом на каждый слог:

— Верховное Главнокомандование Вооруженных сил Советского Союза от имени Коммунистической партии, нашей социалистической Родины и всего советского народа приказало вам водрузить знамя Победы над Берлином. Этот исторический момент наступил... а вы... не нашли выход на крышу!»

Тут все и понеслось. Неустроев приказал своему замполиту, лейтенанту Бересту, сопровождать разведчиков и обеспечить очередное водружение очередного знамени, что и было исполнено уже в третьем часу ночи. Из наградного листа заместителя командира батальона по политической части 756-го стрелкового Краснознаменного полка младшего лейтенанта Береста Алексея Прокофьевича: «...с горсткой бойцов, под огнем врага, первый форсировал реку Шпрее, чем самым обеспечил переправу всего батальона. При штурме Рейхстага, под ураганным огнем противника, Берест вместе с ротой старшего сержанта Сьянова ворвался в здание Рейхстага. Утром 1-го мая, когда более 1000 немцев, находившихся в здании Рейхстага, подожгли здание и предприняли яростные атаки на батальон к-на Неустроева, младший лейтенант Берест с горсткой храбрецов через пламя огня, задыхаясь от дыма, прорвался к выходам в подвалов, откуда атаковали немцы, и метким огнем автоматов и гранатами отбил несколько атак.

Так, презирая смерть в бою, Берест и группа бойцов одержали победу над превосходящими силами врага. Выходы из подвалов были завалены сотнями немецких трупов. Берест, лично сам, рискуя жизнью, пошел в немецкий гарнизон Рейхстага и предложил немцам капитулировать. *Под его руководством сержант Егоров и мл. сержант Кантария водрузили над Рейхстагом знамя Победы.* За исключительную отвагу и мужество, проявленные в боях за Берлин и штурм Рейхстага, младший лейтенант Берест Алексей Прокофьевич достоин присвоения звания Героя Советского Союза». Однако Героя ему не дали, наградив 22 августа 1946 года орденом Красного Знамени. Утверждают, что представление к Герою зарубил лично Жуков, который терпеть не мог политработников: увидел, мол, что в наградном листе значится «заместитель командира батальона по политчасти», и раздраженно вычеркнул. Проверил эту версию и убедился: этого просто не могло быть, поскольку представление Алексея Береста к званию Героя Советского Союза маршал Жуков в глаза видеть не мог. Дело в том, что наградной лист оформлен 3 августа 1946 года, но еще 9 июня 1946 года в рамках расследования по печально известному «трофейному делу» Жуков был снят с должности главкома Сухопутных войск и отправлен командовать войсками Одесского военного округа. Так что тут Жуков точно ни при чем. Просто представление слишком уж явно расходилось с уже устоявшейся официальной трактовкой событий вокруг знамени и Рейхстага...

«Мне в ту пору было только двадцать два года, и я не понимал политического значения установления знамени, — писал в 1990 году Неустроев. — Главным считал — взять Рейхстаг, а кто будет привязывать на его крыше знамя, дескать, не важно». Уже в письме одному из ветеранов Неустроев сокрушался: «Мною была сделана ошибка, что я допустил идти на крышу с Берестом Егорова и Кантарию, они в атаку не ходили, Рейхстаг не брали, а вся слава всего батальона досталась им». Как справедливо написал Неустроеву в канун уже 40-летия Победы один из участников штурма Рейхстага (Неустроев цитирует его в своих воспоминаниях), «из числа всех знаменосцев, водрузивших на стенах и крыше Рейхстага победоносные стяги, М. Егоров и М. Кантария в Рейхстаг прибыли позднее всех...». «Сейчас, на старости лет, — писал Неустроев, — я

задаюсь вопросом: „А не велика ли честь для двух человек? Заслуга-то принадлежит солдатам, сержантам и офицерам трех батальонов! А не двум разведчикам!“ Тогда же я об этом не думал». Но при всем этом камень в Кантарию и Егорова комбат вовсе не бросает, называя их, безусловно, опытными и храбрыми солдатами, просто конкретная ситуация оказалась нелепа. Да и представили их первоначально, 4 мая 1945 года, не к званию Героев Советского Союза, а к орденам Красного Знамени. Каковыми оба и награждены — вполне заслуженно — приказом по войскам 3-й ударной армии № 092-н от 19 мая 1945 года. Но, несмотря на это, 31 мая 1945 года на них вдруг приказано оформить новые представления — уже на Героя Советского Союза. Звания им присвоили указом Президиума Верховного Совета СССР спустя год, 8 мая 1946 года. К чести самих героев, они прекрасно понимали всю нелепость происходившего вокруг них и своими Золотыми Звездами никогда не кичились. В выпущенной же к 30-летию Победы «Воениздатом» брошюре «Знамя Победы» Егоров и Кантария честно написали, что знамя № 5 доставлено ими в Рейхстаг значительно позже других знаменосцев. Но поскольку признание героев не вписывалось в генеральную линию партии и правительства, формально его как бы проигнорировали. Не забыв при этом по полной сделать втык тем, кто, прозевав крамолу, пропустил ее в печать.

Еще комбат Неустроев вспоминал, как «на совещании в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в ноябре 1961 года бывший член Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Константин Федорович Телегин о водружении знамени сказал: „... водружение знамени Победы приняло уродливый характер...“. На этом же совещании я также заметил, что прежде чем водружать знамя, необходимо было Рейхстаг взять. Но командование корпуса и дивизии 30 апреля 1945 года решило по-другому, — сокрушался легендарный комбат. — ...Выполняя приказ старшего командования, из батальонов Якова Логвиненко, Василия Давыдова, а также из 171-й дивизии Константина Самсонова стали с флажками направлять одиночек-добровольцев, храбрейших людей, к Рейхстагу с задачей установить флажок на колонне парадного подъезда, или на фасадной стене, или на углу здания Рейхстага, где угодно, лишь бы на Рейхстаге! Из разных батальонов в разное время побежали с флажками люди к Рейхстагу, и... Никто из них до цели не добежал, погибли. Из моего батальона

был направлен Петр Николаевич Пятницкий, который также погиб, не достигнув колонн парадного подъезда».

...Когда Егоров и Кантария вместе с Берестом поднялись на купол Рейхстага, они увидели, что там уже развевается красное знамя: это был флаг штаба 79-го стрелкового корпуса. Его около 23 часов 30 апреля по берлинскому времени, или в час ночи 1 мая по времени московскому, установила на крыше Рейхстага группа капитана Владимира Макова. Как писал Неустроев, «ради исторической правды нужно сказать, что капитан Маков и его подчиненные — люди отчаянные, храбрые. У меня никогда не было и сейчас нет сомнения в правдивости прозвучавшего доклада. Маков — серьезный и порядочный человек, он не допустит лжи, но в совершенном им подвиге меня огорчает то, что этот флаг на крыше Рейхстага никто не видел. Маков допустил непростительную ошибку: после доклада генералу Переверткину ушел из Рейхстага в штаб корпуса, никого из своих подчиненных для охраны флага не оставил. После боев, т. е. 2 мая, на крыше Рейхстага, кроме знамени Военного Совета 3-й Ударной армии под № 5, водруженного Егоровым и Кантарией под руководством А. Береста, других знамен и флагов не было. Такова печальная история флага 79-го стрелкового корпуса». Здесь Неустроев не совсем точен: сам Маков вернулся в штаб корпуса, но его группа охраняла флаг до пяти часов утра 1 мая, после чего по приказу командира корпуса покинула здание Рейхстага.

Из представления офицера связи командования 79-го стрелкового корпуса гвардии капитана Владимира Макова к званию Героя Советского Союза: «Командование фронта и корпуса придавало исключительно важное значение захвату Рейхстага. Для помощи специально подготовленным частям к выполнению задачи по захвату Рейхстага т. Маков направляется в подразделения 150 сд, где активно помогал готовить личный состав к штурму Рейхстага.

И смелый, боевой офицер идет в бой в передовых шеренгах.

Несмотря на ожесточенное сопротивление, противник был разгромлен и здание Рейхстага штурмом было взято.

Тов. Маков одним из первых водрузил над Рейхстагом Красное Знамя — Знамя Победы.

За отличное выполнение заданий командования по форсированию водных преград, активное участие по захвату Рейхстага и водружение

над ним знамени — тов. Маков достоин присвоения звания „Герой Советского Союза“».

Вместе с Маковым знамя на крышу Рейхстага водружали старшие сержанты Алексей Бобров, Гизий Загитов, Алексей Лисименко (в документе Лесименко) и сержант Михаил Минин — все из разведдивизиона 136-й артиллерийской бригады. Представления на них к званию Героя Советского Союза датированы 1 мая 1945 года. Судя по документам, разведчики действительно были героями. 28 апреля они захватили в плен 25 немецких солдат; 29 апреля — «пробрались в расположение немцев и корректировали огонь нашей артиллерии по Рейхстагу», будучи окружены немцами, «действуя автоматом и гранатами, они истребили в этом бою 40 немцев и продержали дом до подхода нашей пехоты»; 30 апреля — разведали «не обозначенный на карте канал, проходящий в 100 метрах от Рейхстага, была также обнаружена переправа, проходящая через канал». В тот же день во время штурма Рейхстага разведчики, как записано в наградных листах, ворвались туда одними из первых. Пока сержант Минин и старший сержант Загитов, получивший сквозное ранение в грудь, забравшись «на башню Рейхстага», устанавливали там «первое победное знамя», Лисименко с Бобровым отражали нападение немцев. Затем капитан Маков вместе с Бобровым спустился с крыши и доложил по рации командиру 79-го стрелкового корпуса генерал-майору Семену Переверткину, что в 22 часа 40 минут его группа первой водрузила знамя над Рейхстагом. Все пятеро были тут же представлены к званию Героя Советского Союза, однако вместо Золотых Звезд все были награждены орденами Красного Знамени.

Потому как нельзя было признать, что со штурмом Рейхстага и водружением на нем знамени все обстояло совершенно не так, как командование — сначала 150-й стрелковой дивизии, а затем и 79-го стрелкового корпуса — успело доложить Жукову, а тот — Сталину. Ну никак нельзя было признавать генералам, что соврали маршалу, а маршалу, в свою очередь, что без проверки ретранслировал эту ложь самому Верховному! Потому настоящий подвиг группы гвардии капитана Макова и был официально предан забвению. Хотя, видимо, во многом прав и комбат Неустроев, написавший, что таких штурмовых групп по четыре-пять человек было много, но вряд ли правомочно приравнивать силы этих групп к силам батальона...

Тем не менее, когда уже в наши дни Институт военной истории Министерства обороны России провел дотошное исследование архивных материалов, то установил: первое знамя на здание Рейхстага действительно водрузила группа капитана Владимира Макова. Тогда же Институт военной истории даже было поддержал ходатайство о присвоении звания Героя Российской Федерации всем бойцам этой группы: Минину (он тогда еще был жив) и посмертно — Макову, Боброву, Загитову и Лисименко. Но, увы, представление, видимо, все еще валяется в сейфах наградной канцелярии.

Глава 31. «Наваливаться массой техники, давить ею. Пускай это будет стоить нам жертв и потерь...»

Уроки Берлинской операции: зачеты и просчеты

Из всех советских фронтов наибольшие потери во время Берлинской операции понес 1-й Белорусский фронт. Согласно справке штаба этого фронта (Приложение № 18), с 11 апреля по 1 мая 1945 года потери фронта составили 155 809 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Из них 27 649 человек — это погибшие, а 108 611 — раненые. Еще 30 479 человек 1-й Белорусский фронт потерял с 1-го по 9 мая 1945 года: 6268 — убитыми, 20 783 — ранеными, остальные — пропавшие без вести и занесенные в малопонятную графу «по другим причинам». Тогда, если верить штабным документам, получается, что общие потери фронта с 11 апреля по 9 мая 1945 года составили 186 288 человек: 33 917 погибших, 129 394 — раненых, остальные — пропавшие без вести и «по другим причинам». Но, если считать по каждой графе отдельно, то выяснится странное расхождение: общих потерь получается как бы меньше — аж на 19 тысяч. По крайней мере, это вытекает из проверки данных, зафиксированных в «Журнале боевых действий Первого Белорусского фронта за апрель и первую декаду мая 1945 года», который 25 июля 1945 года своими подписями скрепили начальник штаба — заместитель командующего войсками 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Михаил Малинин и член Военного Совета фронта генерал-лейтенант Константин Телегин. Возможно, тут просто напутали штабные «арифметики» маршала Жукова, спешно сводя воедино все цифры для отчета, а может, им и вовсе было все равно: парой десятков тысяч больше или меньше — какая, мол, разница? Так или иначе, эти данные тогда считались закрытыми: их оснастили грифом «совершенно секретно» и, разумеется, не озвучивали. Однако, согласно данным уже статистического исследования под редакцией генерал-полковника Григория Кривошеева «Россия и СССР в войнах

XX века», ныне считается, что войска 1-го Белорусского фронта с 16 апреля по 8 мая 1945 года потеряли 179 880 человек: 37 610 — убитыми, еще 141 880 — потери санитарные. Многие современные исследователи полагают эти данные заниженными, и, скорее всего, они правы. Например, согласно тому же «Журналу боевых действий Первого Белорусского фронта», во время Берлинской операции 1-я гвардейская танковая армия генерал-полковника Михаила Катукера с 11 апреля по 9 мая 1945 года потеряла в общей сложности 1707 человек убитыми, но сам Катукер, выступая в апреле 1946 года на военно-научной конференции по изучению Берлинской операции, сказал, что «там ведь у меня погибло 8 тыс. танкистов, 4 командира бригад, 22 комбата, несколько командиров полков...». Никакого резона завышать свои потери почти в пять раз у Катукера не было: он выступал не на пирушке, а на мероприятии предельно закрытом для чужих ушей и столь важном, где надо было отвечать за свои слова. К тому же круг слушавших его был не просто узок: это были военачальники, не просто посвященные в самые интимные детали той операции — именно они ее и проводили.

Полагают, львиная доля потерь 1-го Белорусского фронта пришлась на операцию по прорыву немецкой эшелонированной обороны в районе Зееловских высот. Что, в общем, уже не особо удивляет: из доступных сегодня документов и опубликованных ныне мемуаров советских военачальников известно, что Берлинская наступательная операция готовилась в рекордно сжатые сроки — лишь две недели, а на ее проведение изначально отводилось всего шесть-восемь дней. О чем уже много лет спустя маршал Георгий Жуков и сожалел, обмолвившись, что, «конечно, было бы лучше подождать пять-шесть суток и начать Берлинскую операцию одновременно тремя фронтами, но <...> Ставка не могла откладывать операцию на более позднее время». Член Военного Совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Константин Телегин, выступив в апреле 1946 года на конференции по изучению Берлинской операции, сказал: «Идея операции была такова. Берлин — конечная стратегическая цель. Надо совершить фронтальный прорыв обороны по кратчайшему направлению, с охватом Берлина с севера и юга, окружить его и уничтожить гарнизон, если он будет сопротивляться. Срок 6–8 дней». Начав наступление 16 апреля 1945 года, советское командование

рассчитывало взять Берлин уже 21 апреля — к 75-й годовщине со дня рождения Ленина. Главный маршал бронетанковых войск Амазасп Бабаджанян (тогда полковник, командир 11-го гвардейского танкового корпуса) привел в своих воспоминаниях такую телеграмму: «Катукову, Попелю. 1-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить знамя Победы. Лично вам поручается организация и исполнение. Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу не позднее 4:00 утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада товарищу Сталину и объявления в прессе. Жуков, Телегин». Эту же телеграмму цитирует в своих мемуарах и Катуков. Наличие такой установки подтвердил и начальник штаба 3-й гвардейской танковой армии уже 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант Дмитрий Бахметьев, выступивший в апреле 1946 года все на той же конференции: «Нам было приказано <...> „Товарищи, имейте в виду, что вы должны в ночь с 20 на 21.4.45 с юга ворваться в Берлин“. Такая задача была поставлена перед 3-й гв. танковой армией, такая задача была поставлена и перед 4-й гв. танковой армией, которая действовала левее и выходила на Потсдам и далее на Бранденбург».

Однако на штурм лишь Зееловских высот потребовалось три дня. Согласно замыслу, атака немецких позиций должна была начаться в полной темноте. Выступая все на той же конференции 1946 года, генерал-полковник Малинин с пафосом заявил: «Тов. Жуков решил ввести новый тактический прием в организации атаки. Атака пехоты и танков планировалась на ночное время, за 1,5–2 часа до рассвета, после 30-минутной артиллерийской подготовки. На направлении главного удара, на участках прорыва сосредоточивалось до 140 прожекторных установок, которые должны были включить свет одновременно с началом атаки пехоты. Танки НПП^[68] должны были идти в атаку с зажженными фарами. Таким образом, планировался новый метод атаки, чтобы обмануть противника, избежать в организации атаки шаблона и этим обеспечить тактическую внезапность». «Командующий фронтом решил ослепить врага лучами прожекторов, — вспоминал в своих мемуарах Михаил Катуков, командовавший тогда 1-й гвардейской танковой армией. — Незадолго до наступления мне пришлось участвовать на учениях, где на

специальном полигоне проводилась атака с подсветкой. Это было эффектное зрелище». На учениях. В реальном же бою вышло, скажем мягко, иначе. Как дипломатично заметил в мемуарах тот же Катуков, когда после артподготовки вспыхнуло 140 прожекторов, то «вся низина за Одером осветилась голубоватым светом, в котором колыхались клубы дыма от разрывов тысяч снарядов, мин, авиационных бомб». Вот только «дым этот был настолько плотным, что даже сильные зенитные прожекторы не смогли его пробить».

Генерал-полковник (впоследствии маршал артиллерии) Василий Казаков, бывший во время Берлинской операции начальником артиллерии 1-го Белорусского фронта, сделал весьма красноречивое признание относительно тех прожекторов: «На основе опыта использования прожекторов в Берлинской операции я затрудняюсь сделать какие-либо определенные выводы, так как имеется много разноречивых мнений. Этот вопрос следует детально изучить и проверить на ряде практических учений». Фактически это было слегка завуалированное признание провальности затеи! По крайней мере, этот «прожекторный опыт» больше никогда и нигде в нашей армии не использовался, что уже само за себя говорит о его реальной практической «ценности».

Особо резко по поводу прожекторов высказались (на той же конференции) танкисты. Так, маршал бронетанковых войск Павел Ротмистров, дипломатично заметив, что «как фактор морального воздействия на противника» пресловутые прожектора «безусловно сыграли свою роль», только вот как раз «для танкистов, в условиях Берлинской операции, прожекторы оказали весьма незначительную пользу. По направлению лучей прожекторов танкисты могли видеть только общее направление атаки; непосредственно же перед танком местность не просматривалась из-за густого облака пыли, поднятого во время артподготовки. Лучи прожекторов, освещая пыль, образовывали перед танком сплошную освещенную завесу. С другой стороны, когда луч прожектора попадал в корпус танка, то тень впереди танка также мешала его движению». Примерно то же самое в своих мемуарах признал и Василий Чуйков, тогдашний командующий 8-й гвардейской армией: «Должен сказать, что в то время, когда мы любовались силой и эффективностью действия прожекторов на полигоне, никто из нас не мог точно предугадать, как это будет выглядеть в боевой обстановке.

Мне трудно судить о положении на других участках фронта. Но в полосе нашей 8-й гвардейской армии я увидел, как мощные пучки света прожекторов уперлись в клубящуюся завесу гари, дыма и пыли, поднятую над позициями противника. Даже прожекторы не могли пробить эту завесу, и нам было трудно наблюдать за полем боя. Как на грех, еще и ветер дул навстречу. В результате высота 81.5, на которой разместился командный пункт, вскоре была окутана непроницаемой мглой. Тогда мы вообще перестали что-либо видеть, полагаясь в управлении войсками лишь на радиотелефонную связь да на посыльных. Густое пыльно-дымное облако осложняло и действия наших наступающих частей». Сильно сказано. Правда, выступая на пресловутой конференции 1946 года, Чуйков был куда откровеннее: «Здесь Василий Иванович Казаков доложил, что с момента перехода в атаку 14 миллионов свечей зажглось и стало освещать путь к победе нашей пехоте и танкам. Цифра, конечно, астрономическая, но мы отлично знаем, что после 25-минутного артиллерийского налета такой мощности, как было на плацдарме, ничего нельзя было увидеть. Хотя бы вы тут зажгли и 14 триллионов свечей, вы все равно ничего не увидите, потому что все поле закрывается стеной пыли, гари и всем, чем хотите. Василий Иванович, когда мы с вами сидели вот на этой высоте 81.5, когда засветились прожекторы, которые находились в 200–300 метрах от нас, мы их с вами не видели и не могли определить, светят они или нет. Я считаю, что, если бы они (прожекторы) были поставлены на пассивных участках, они больше принесли бы там пользы с точки зрения обмана противника. Поскольку мы имеем научную конференцию, по которой будем учить свое поколение и сами [знать] на будущее, я считаю необходимым сказать то, что было, что прожекторные роты [понесли] потери, сожгли много свечей, но реальной помощи войска от этого не получили». Зато для немцев, оборонявших Зееловские высоты, наступавшие советские танки и пехота были как на ладони: их так контрастно подсвечивали с тыла!

Другим нестандартным ходом Жукова стало его решение бросить танковые армии на неподавленную оборону противника. В результате за время Берлинской операции только войска 1-го Белорусского фронта, по официальным данным, потеряли 1940 танков и самоходных орудий. «Мы знали, — утверждал на конференции 1946 года генерал Телегин, — что вывод танковых войск на оперативный простор

осуществить будет почти невозможно. Было решено ввести все танковые войска, чтобы задавить противника массой техники, уничтожить максимум сил и средств его, деморализовать его и тем самым облегчить задачу взятия Берлина. <...> Если бы мы ждали, когда пехота прорвет оборону и создаст условия для ввода танков в прорыв, то ждать нам этого пришлось бы до выхода на Эльбу».

«Да, мы считались с тем, что придется при этом понести потери в танках, — продолжал член Военного Совета 1-го Белорусского фронта, — но знали, что даже если потеряем и половину, то все же еще до 2 тыс. бронеединиц мы введем в Берлин, и этого будет достаточно, чтобы взять его. Берлин был конечной стратегической целью операций Красной армии в Великой Отечественной войне, и выход на Эльбу уже преследовал цель захвата пространства, заранее обговоренного на Ялтинской конференции. Все это было целиком оправдано ходом операции. Наши потери были большие. Но и результат их налицо».

При этом всю вину за огромные потери матерый политработник Телегин мудро переложил на самих танковых командиров. Например, «наша артиллерия неоднократно в течение дня вела огонь по боевым порядкам 44 гв. тбр. В 17:00 было произведено два дивизионных залпа РС с большими потерями в живой силе и технике». Вот сам Катук, по версии Телегина, и виноват в том, что его погромила своя же артиллерия — у него, оказывается, не было передового наблюдательного пункта артиллерии. Танки Катукостановились, уткнувшись в глубоко эшелонированную оборону? Тоже сам Катук виноват: не было, мол, у него должного взаимодействия со стрелковыми частями, артиллерией и авиацией... Да и вообще, товарищи танкисты, вещал с трибуны жуковский политрук, «командование фронта, штаб фронта и Военный Совет в целом внимательно следили за ходом развития операции, до болезненности остро воспринимали всякую медлительность, неорганизованность и плохую управляемость войсками, подталкивая, подхлестывая...».

«Однако такое использование танковых армий, — честно заметил там же генерал Малинин, — возможно только в конце войны, а в ходе войны едва ли будет целесообразно бросать танковые армии для ведения уличных боев в крупном городе...». «Привлечение танковых армий к захвату городов по опыту Берлинской операции рекомендовать нельзя», — вторил ему маршал бронетанковых войск Ротмистров.

«Боевая эффективность танков, вынужденных действовать на улицах Берлина, была крайне низкой», — продолжил эту мысль Катуков. Однако главный политрук фронта выказал категорическое несогласие с позицией профессионалов: «тут были выступления некоторых товарищей с очень незрелыми выводами из опыта войны», не потому, конечно, «что тот или иной товарищ просто хотел выйти на трибуну и поболтать, а потому, что он в серьезных неладах с основой нашей науки, с марксистско-ленинской наукой, дающей возможность диалектически подходить к рассмотрению вопроса». Вы, товарищи генералы, уперлись тут рогом в чисто военные моменты, забыв, «что Родина и великий Сталин возложили на нас эту почетную историческую задачу — завершить победу над злейшим врагом советского народа — немецко-фашистскими захватчиками в его зверином логове и водрузить знамя Победы над Берлином»! Так что вам как-нибудь самим и надо было «активно искать слабые места в обороне, пролазить в каждую щель, в каждую дыру, дружно наваливаясь на встречающиеся препятствия. Поэтому-то и было приказано танковым армиям бить кулаком, не распылять усилий, не действовать растопыренными пальцами. <...> Но если этого слабого места нет — наваливаться массой техники, давить ею. Пускай это будет стоить нам жертв и потерь, но надо как можно быстрее рваться к Берлину. Чем быстрее мы вырвемся туда, тем слабее там окажется противник, тем ближе победа. Кроме того, мы упредим возможную высадку десанта союзников, упредим их в захвате Берлина. Этот фактор, товарищи, был очень немаловажным». Проще говоря, надо было навалиться, не считаясь с потерями, поскольку вопрос был не военный, а сугубо политический.

В речи Телегина был и такой пикантный момент: он громогласно обвинил всех генералов — уже не только танковых — в наглom завышении... немецких потерь! «Как известно, — сообщил бывший член Военного Совета фронта, — число немецких танков и самоходных установок, участвовавших в боях с 16 апреля по 1 мая, не превышало 850. Однако если взять донесение только танковых соединений, то они уничтожили за это время 793 танка» — 95 % всех танков и самоходок, действовавших тогда перед фронтом. По донесениям же пехотинцев выходило, что лишь «они уничтожили 803 танка, также 93 %, и оставили для танкистов только 47 танков и

самоходных орудий». Так ведь и «артиллерия дает данные о том, что и она еще уничтожала танки. Авиация — также». Кстати, в составленной не без ведома и одобрения того же Телегина справке штаба 1-го Белорусского фронта о потерях, нанесенных противнику войсками фронта и трофеях, захваченных с 16 апреля по 9 мая 1945 года, сказано, что уничтожено 1030 и захвачено 776 танков и самоходных орудий. Выходит, из 850 немецких танков и самоходок истребили 1806 — в два с лишним раза больше, чем их было?! Как сухо констатирует специально подготовленная для этой конференции справка «О завышении потерь противника», «в равной степени отмечалось завышение потерь и в живой силе противника».

К слову, находящиеся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО) материалы этой военно-научной конференции 1946 года весьма познавательны тем, что содержат такие подробности, нюансы и сведения о Берлинской операции, которых и поныне нет ни в учебниках, ни вообще в широком обороте. Например, военачальники тогда довольно откровенно поделились информацией, сколь много они претерпели от... собственной авиации. Если в адрес штурмовиков «сухопутные» генералы выдали безусловную похвалу, то в отношении авиации бомбардировочной, особенно стратегической, не было сказано ни единого теплого слова. Генерал Бахметьев: «Вот пример: авиация летит на нас с севера. Летчики говорят: это авиация 1 БФ <...> Авиация эта ложится на боевой курс и начинает бомбить наши боевые порядки. Дело дошло до того, что <...> пришлось просить <...> чтобы не было никакой авиации потому, что наши войска стали бояться своей авиации, как только появляется авиация, то разбегаются кто куда». Самое красочное описание сюжета «авиация бьет по своим» прозвучало из уст генерала Катуква: «Наступила ночь, и вот начался кошмар: идут волны наших бомбардировщиков и сгружают свой груз на мой штаб, на колонны и на боевые порядки 8 гв. мк и 11 гв. тк, жгут наши танки и транспорт, убивают людей. [Из-за] этого мы на 4 часа прекратили наступление, которое развивалось очень успешно». Что немедленно вызвало недовольство Жукова, обвинившего Катуква и его командиров в том, что они хуже всех проводит Берлинскую наступательную операцию, «топчась перед слабым противником»: отсиживаются в тылу, за полем боя не наблюдают, «обстановки эти генералы не знают и плетутся в хвосте

событий». Катуков ему докладывает, что разносит своя авиация, ему не верят. «И вот, — рассказывает Катуков, — до того надоели эти ночники моим командирам корпусов, что они взяли да обстреляли их. В результате был сбит самолет „Бостон“^[69], конечно, наш. И только когда были доставлены неопровержимые доказательства, нам поверили, что бомбили свои самолеты. А пока мы доказывали — у меня штаб горит, окна вылетают. Машина загорелась, снаряды рвутся в моем бронетранспортере. <...> только за одну ночь у меня свои самолеты сожгли около 40 автомашин, 7 танков и убили свыше 60 человек. Зачем нам нужны эти потери?»

Почти аналогичную речь выдал и Чуйков, заверивший для начала, что «это не значит, что мы корим свою авиацию, ни в коем случае, мы ее очень любим». Просто, мол, мы «хотим, чтобы она была лучше и не была по своим». И привел конкретные примеры: «В Берлине штабу 4-го корпуса здорово всыпала наша авиация, около 100 человек вышло из строя. Штаб 29-го корпуса тоже здорово потрепала своя авиация, в то время как на наблюдательном пункте у меня был генерал Сенаторов — заместитель командующего воздушной армией, и он ничего не мог сделать. <...> Или вот взять Рейнтвейн^[70]. Это было на одерском плацдарме, рядом с моим наблюдательным пунктом, где сидел и маршал Жуков. Летит девятка, отрегулировали и увязали все цели, ей нужно бомбить Альттухенбанд. Эта девятка, не долетая до цели, разворачивается, бьет Рейнтвейн. Связываюсь сам по телефону, кричу, что командир ваш ошибся, ударил по своим. Мне говорят: „Слушайте, он сделал ошибку, мы ему сейчас растолковали, и давайте пустим второй раз, он вторую ошибку не сделает“. И второй раз, как назло, пролетает над Рейнтвейном, разворачивается и бьет по тому же месту, по своим, второй раз. Вот это слабость нашей авиации, товарищи. Нужно над этим крепенько поработать, чтобы в будущем у нас этого не было». Генерал-лейтенант Евгений Белецкий, выступивший от имени авиаторов, не отрицал, что «несмотря на тщательную подготовку к операции <...> имели место и недостатки в действиях отдельных групп и экипажей. Это выразилось в ударах по своим войскам в трех случаях». Впрочем, Белецкому тем проще было это признать, что лично он никакого отношения к тем инцидентам не имел: во время Берлинской операции он командовал 1-м гвардейским истребительным авиакорпусом, в то время как претензии были выказаны в адрес чуть

ли не исключительно бомбардировщиков. Правда, генералу Телегину все эти «политически незрелые» противовоздушные эскапады сухопутных генералов все равно не понравились: «...Безосновательно некоторые товарищи охаивали всю работу авиации. Она делала свое дело в целом хорошо, но допускала нетерпимые осечки, когда бомбила по своим».

«Сейчас, спустя много времени, размышляя о плане Берлинской операции, — написал через четверть века в „Воспоминаниях и размышлениях“ маршал Георгий Жуков, — я пришел к выводу, что разгром берлинской группировки противника и взятие самого Берлина были сделаны правильно, но можно было бы эту операцию осуществить и несколько иначе».

Глава 32. Парашютисты и Рейхстаг

Как в штабе Жукова выдумали несуществующий парашютный десант

30 апреля 1945 года за подписью командующего войсками Первого Белорусского фронта маршала Советского Союза Георгия Жукова появился приказ войскам фронта № 6, самый первый пункт которого гласил: «Район Рейхстага в городе Берлине обороняли отборные части СС. Для усиления обороны этого района противник в ночь на 28.4.45 выбросил на парашютах батальон морской пехоты...».

Десант, выброшенный на Рейхстаг, в самое сердце столицы Третьего рейха, окруженной и осажденной, где днем и ночью шли самые ожесточенные за всю войну уличные бои — за каждый квартал, дом и подвал? Так ведь еще и парашютный — целый батальон, сброшенный на пылающий ночной город, — это при полном господстве в небе над Берлином советской авиации и наличии у советских войск тогда немереного количества зенитной артиллерии?! К тому же, судя по документу, это еще и морская пехота — которую, к слову, в тогдашнем рейхе ни обращению с парашютами, ни десантированию с воздуха вовсе не обучали. Фантастика!

Отражена ли она в других источниках? В боевом донесении командующего войсками 1-го Белорусского фронта Жукову — оно датировано 16 часами 30 минутами 30 апреля 1945 года — Верховному Главнокомандующему о ходе боев в Берлине и взятии Рейхстага говорилось: «Особенно упорное сопротивление противник оказывал в районе Рейхстага. <...> Район Рейхстага обороняли отборные части СС. Для усиления обороны этого района противник в ночь на 28 апреля 1945 г. выбросил на парашютах батальон морской пехоты». В боевом донесении Сталину в 21 час 30 минут 1 мая 1945 года Жуков вновь повторил: «Район Рейхстага обороняли отборные части СС, и для усиления обороны этого района в ночь на 28.4.45 противник выбросил на парашютах батальон морской пехоты».

Штабная работа опирается на донесения нижестоящих инстанций. Значит, это должно быть отмечено в документах штаба 3-й

ударной армии, в полосе наступления которой был Рейхстаг, а штаб этой армии «питался» боевыми донесениями уже штаба 79-го стрелкового корпуса, штаб корпуса — сводками штабов 150-й и 171-й стрелковых дивизий, штабы этих дивизий — от командования, по крайней мере, 756-го, 674-го и 380-го стрелковых полков, батальоны которых непосредственно и брали Рейхстаг. Но единственное упоминание о пресловутом десанте встречается лишь в боевом донесении от 30 апреля 1945 года начальника штаба 79-го стрелкового корпуса полковника Летунова командующему 3-й ударной армии генерал-полковнику Василию Кузнецову. Там говорится, что противник «продолжает оказывать упорное сопротивление наступающим частям корпуса», перебросив 28 апреля 1945 года «на самолетах в район Рейхстага сборный батальон СС, состоящий из моряков, летчиков, отборных пехотинцев, оказывает ожесточенное сопротивление». Батальон, по версии начштаба корпуса, «состоит из трех рот, общей численностью до 900 чел.». Уже и морские эсэсовцы появились, с летчиками в придачу, натурально, морская подводная дивизия СС «Мертвая клешня»! Вот только журналы боевых действий всех прочих частей и соединений фронта не содержат ни малейших данных о каком-либо «парашютном десанте».

Не говоря уже о том, что, чтобы выбросить парашютным способом целый батальон, 800–900 бойцов с вооружением, понадобилась бы настоящая армада транспортных самолетов: не меньше 40–45 Ю-52/Ю-352 — при стандартной загрузке, или 22–24 — при их перегрузке. Которые к тому же надо было прикрыть истребителями. Впрочем, а куда было сбрасывать этих парашютистов — прямо на центр пылающего города, где шли бои, да еще и ночью? Даже сейчас такое выглядит полной фантастикой...

Зато в записи журнала боевых действий Первого Белорусского фронта, датированной 28 апреля 1945 года, ставки даже еще более высокие: «Противник в ночь на 28.4.45 высадил воздушный десант в центральной части города силою до двух батальонов». Батальонов, оказывается, уже целых два — полторы тысячи парашютистов в небе над Берлином, пусть и даже и ночью, — как можно было не увидеть такое зрелище? Увы, но на сей счет больше нигде нет ни единого документа, ни малейшего следа пресловутых «парашютистов». Что же касается конкретной записи в журнале боевых действий 1-го

Белорусского фронта, то реально ее сделали уже задним числом — в июне или июле 1945 года, когда работники штаба фронта подчистую переписали журнал боевых действий, фактически фальсифицировав его.

Год спустя, выступив в апреле 1946 года на военно-научной конференции по изучению Берлинской операции, бывший начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Малинин вновь заявив, что в центре Берлина в ночь на 28 апреля 1945 года «был выброшен *парашютный десант из отрядов морской пехоты и подразделений СС общей численностью до двух батальонов*. Этому десанту, усиленному остатками разбитых частей, была поставлена задача на оборону Рейхстага и имперской канцелярии».

Впрочем, бойцы в черной форме кригсмарине в Рейхстаге (или возле него) действительно были, но кто именно, сколько, откуда и как они попали туда? Согласно немецким источникам, 25 апреля 1945 года военно-морское командование издало приказ о создании морского стрелкового батальона в Штральзунде. Командиром батальона назначили капитан-лейтенанта резерва Франца Кульманна, а сам батальон спешно сформировали из трех рот моряков и роты 17–19-летних кадетов. Батальон перебросили в аэропорт Тутов, что возле Грейфсвальд-Деммина, днем 26 апреля его личному составу выдали оружие, а в два часа ночи — уже 27 апреля — пять Ю-352 с моряками на борту взяли курс на берлинский аэропорт Гатов. На их борту было 180 кадетов и шесть офицеров: выходит, каждый борт нес от 37 до 40 «десантников», при нормальной грузоподъемности машин данного типа в 18–20 человек. Через 50 минут самолеты достигли Берлина, но при попытке приземлиться в Гатове они попали под мощный огонь советской зенитной артиллерии. Два самолета все же сумели приземлиться и, выгрузив около 80 моряков (в том числе, четырех офицеров), улетели. Третий самолет вернулся, не сумев совершить посадку, четвертый подбили советские зенитчики и он разбился, пятый пропал. Следующую попытку предприняли в ночь с 27-го на 28 апреля: три самолета вылетели из аэродрома Рерик близ Ростока. На борту каждого — по 15 моряков из школы, готовившей расчеты для радаров. Но до Берлина долетел лишь один самолет, сумевший приземлиться и выгрузить 15 моряков. Второй самолет сбили над Потсдамом, третий повернул обратно — якобы из-за проблем с

двигателями. В общей сложности Берлина воздушным путем достигли от силы 95 моряков... Германский военно-морской историк Кайус Беккер в своей книге «Немецкие морские диверсанты во Второй мировой войне» писал, что была сделана лишь попытка переброски моряков — 30 добровольцев морского диверсионного подразделения «К» должны были лететь в Берлин 27 апреля 1945 года, но к тому времени все берлинские аэродромы уже были захвачены советскими войсками. Тогда появилась идея приземлиться на широкой улице возле Бранденбургских ворот. Но самолет-разведчик, который должен был произвести разведку этой полосы, вернулся, не выполнив задания: советская зенитная артиллерия не позволила ему приблизиться к месту предполагаемой посадки. По словам пилотов, над Берлином стояло густое облако дыма и копоти, и ориентироваться там было просто невозможно. Идею же прыгнуть с парашютами тут же отвергло командование морского спецподразделения...

Итак, немецкие моряки у Рейхстага воевали, вот только их было около сотни, да и попали они туда совсем не на парашютах. Откуда же тогда растут ноги у мифа о немецких морских батальонах, сброшенных на парашютах прямо на Рейхстаг? Возможно, все банально: запланированное Сталиным взятие Берлина ко дню рождения Ленина сорвано, время уже к Первомаю, но бои еще в разгаре — немцы сражаются за свою родную столицу до последнего, символический Рейхстаг еще не взят, а наши войска несут самые высокие среднесуточные потери за всю войну. Что прикажете доложить тов. Сталину? А тут, вот удача, немецкие морячки подвернулись, экзотика — чем не отмазка. Их всего 90? Не важно, будет батальон, два — чего басурман жалеть! Как попали? А на парашютах, кто проверит, даже если и не поверит...

Часть четвертая

На исходе «острой» эпохи

Глава 1. В постели со Сталиным

Тотальная прослушка по-сталински: всех генералов слушали даже в постели

3 января 1947 года министр государственной безопасности СССР генерал-полковник Виктор Абакумов направил на имя Сталина документ за № 082/А:

«Представляю при этом справку о зафиксированном оперативной техникой 31 декабря 1946 года разговоре Гордова со своей женой и справку о состоявшемся 28 декабря разговоре Гордова с Рыбальченко.

Из этих материалов видно, что Гордов и Рыбальченко являются явными врагами советской власти.

Счел необходимым еще раз просить Вашего разрешения арестовать Гордова и Рыбальченко».

На документе есть резолюция Абакумова, сделанная в тот же день: «Тов. Сталин предложил пока арестовать Рыбальченко».

Генерал-майор Филипп Рыбальченко, начальник штаба Приволжского военного округа, был арестован 4 января 1947 года. Его допрашивали по 9–12 часов подряд с применением пыток, 9 января он сломался. 12 января люди Абакумова взяли уже генерал-полковника Василия Гордова, его тоже пытали... Судили их 24 августа 1950 года, вместе с ними по тому же делу проходил и бывший маршал Советского Союза Григорий Кулик: всех обвинили в измене родине, «злой клевете» на советский строй, попытке реставрации капитализма, создании заговорщической группы и вынашивании террористических планов. Гордова и Кулика расстреляли в тот же день, Рыбальченко — на другой.

Немного о главном персонаже. Генерал Гордов участвовал в Первой мировой, Гражданской и Советско-финской войнах. В июне-июле 1941 года — начальник штаба 21-й армии, в июле-августе 1942 года — командующий Сталинградским фронтом (прообраз генерала Горлова в пьесе А. Корнейчука «Фронт»), снят с понижением — до марта 1944 года командовал 33-й армии. Затем командующий 3-й гвардейской армией, в апреле 1945 года ему присвоено звание Героя

Советского Союза. Короткое время Гордов командовал войсками Приволжского военного округа, но в ноябре 1946 года уволен в отставку — формально по болезни. Если верить ряду свидетельств, Гордов был классическим военачальником «жуковского типа». Как утверждал доклад комиссии ГКО, расследовавшей причины провала наступлений на Оршу в конце 1943-го — начале 1944 года, «управление со стороны Гордова сводилось к ругани и оскорблениям. Гордов часто прибегал по отношению к своим подчиненным к угрозам расстрела... Гордов преступно нарушил приказ Ставки о запрещении прибегать к расстрелам командиров без суда и следствия». «Лучше нам быть сегодня убитыми, чем не выполнить задачу», — это фраза из типового приказа генерала Гордова. Наступление он вел чисто «по-жуковски»: «Нигде так плохо не был организован бой, как в армии Гордова. Вместо тщательной подготовки операции и организации боя, вместо правильного использования артиллерии Гордов стремился пробить оборону противника живой силой. Об этом свидетельствуют потери, понесенные армией. Общее количество потерь, понесенных 33-й армией, составляет свыше 50 % от потерь всего фронта... Гордов весь офицерский состав дивизии и корпуса направлял в цепь. ...За последние полгода в 33-й армии под командованием Гордова убито и ранено 4 командира дивизии, 8 заместителей командиров дивизий и начальников штабов дивизий, 38 командиров полков и их заместителей и 174 командира батальона». Но за такие «мелочи» Верховный своих военачальников не карал: они все так воевали. Посему указано Гордова «предупредить, что при повторении ошибок, допущенных им в 33-й армии, он будет снижен в звании и должности».

Долго было загадкой, чем та прослушка так взбесила «корифея всех наук», пока в 1992 году папку с ней не обнаружили в архиве КГБ эксперты Конституционного суда и сотрудники «Мемориала» Арсений Рогинский, Никита Охотин и Никита Петров. Итак, 28 декабря 1946 года оперативной техникой зафиксирован такой разговор Гордова с Рыбальченко:

«Р. Вот жизнь настала — ложись и умирай! Не дай бог еще неурожай будет.

Г. А откуда урожай — нужно же посеять для этого.

Р. Озимый хлеб пропал, конечно. Вот Сталин ехал проездом, неужели он в окно не смотрел. Как все жизнью недовольны, прямо все

в открытую говорят <...> что делается кругом, голод неимоверный, все недовольны. <...> Министров столько насажали, аппараты раздули. Как раньше было — поп, урядник, староста, на каждом мужике 77 человек сидело, — так и сейчас! Теперь о выборах опять трепотня началась.

Г. Ты где будешь выбирать?

Р. А я ни х... выбирать не буду. Никуда не пойду. Такое положение может быть только в нашей стране, только у нас могут так к людям относиться. <...> Нет самого необходимого. Буквально нищими стали. Живет только правительство, а широкие массы нищенствуют. Я вот удивляюсь, неужели Сталин не видит, как люди живут?

Г. Он все видит, все знает.

Р. Или он так запутался, что не знает, как выпутаться?! <...> Я все-таки думаю, что не пройдет и десятка лет, как нам набьют морду. Ох и будет! Если вообще что-нибудь уцелеет.

Г. Безусловно.

Р. О том, что война будет, все говорят. <...> Как наш престиж падает, жутко просто! <...> За Советским Союзом никто не пойдет... <...> В колхозах подбирают хлеб под метелку. Ничего не оставляют, даже посевного материала. <...> Надо прямо сказать, что все колхозники ненавидят Сталина и ждут его конца. <...> Думают, Сталин кончится, и колхозы кончатся... <...>

Г. Ах, е... м..., что ты можешь еще сказать?!

Р. Да. Народ внешне нигде не показывает своего недовольства, внешне все в порядке, а народ умирает.

Г. Едят кошек, собак, крыс. <...>

Р. Народ голодает, как собаки, народ очень недоволен.

Г. Но народ молчит, боится.

Р. И никаких перспектив, полная изоляция.

Г. Никаких. <...> Ни х..., все пошло насмарку!

Р. Да, не вышло ничего.

Г. Вышло бы, если все это своевременно сделать. Нам нужно было иметь настоящую демократию.

Р. Именно, чистую, настоящую демократию, чтобы постепенно все это делать. А то все разрушается, все смешалось — земля, лошади, люди. Что мы сейчас имеем? Ни земли, ни школ, ни армии, ничего нет. <...>».

А вот запись разговора Гордова уже с женой, Татьяной Владимировной: оперативники Абакумова сделали ее 31 декабря 1946 года, буквально в постели супругов!

«Г. Я хочу умереть. Чтобы ни тебе, никому не быть в тягость.

Т. В. Ты не умирать должен, а добиться своего и мстить этим подлецам!

Г. Чем?

Т. В. Чем угодно.

Г. Ни тебе, ни мне это не выгодно.

Т. В. Выгодно. Мы не знаем, что будет через год. Может быть, то, что делается, все к лучшему.

Г. Тебе невыгодно, чтобы ты была со мной.

Т. В. Что ты обо мне беспокоишься? Эх, Василий, слабый ты человек!

Г. Я очень много думал, что мне делать сейчас. Вот когда все эти неурядицы кончатся, что мне делать? Ты знаешь, что меня переворачивает? То, что я перестал быть владыкой.

Т. В. Я знаю, плюнь ты на это дело! Лишь бы тебя Сталин принял.

Г. Угу. А с другой стороны, ведь он все погубил. <...> А почему я должен идти к Сталину и унижаться перед... *(далее следуют оскорбительные и похабные выражения по адресу товарища Сталина)*.

Т. В. Я уверена, что он просидит еще только год.

Г. Я говорю, каким он был *(оскорбительное выражение)*, когда вызвал меня для назначения... *(оскорбительное выражение)*, плачет, сидит жалкий такой. И пойду я к нему теперь? <...> Я же видеть его не могу, дышать с ним одни воздухом не могу! Это *(похабное выражение)*, которая разорила все! Ну как же так?! А ты меня толкаешь, говоришь, иди к Сталину. А чего я пойду? Чтобы сказать ему, что я сморчок перед тобой? Что я хочу служить твоему подлому делу, да? <...> Что сделал этот человек — разорил Россию, ведь России больше нет! А я никогда ничего не воровал. Я бесчестным не могу быть. Ты все время говоришь — иди к Сталину. Значит, пойти к нему и сказать: „Виноват, ошибся, я буду честно вам служить, преданно“. Кому? Подлости буду честно служить, дикости?!

Инквизиция сплошная, люди же просто гибнут! Эх, если бы ты знала что-нибудь! <...>

Т. В. <...> Вот сломили такой дух, как Жуков.

Г. Да. И духа нет. <...> Сейчас только расчищают тех, кто у Жукова был мало-мальски в доверии, их убирают. А Жукова год-два подержат, а потом тоже — в кружку и все! Я очень много недоучел. На чем я сломил голову свою? На том, на чем сломили такие люди — Уборевич, Тухачевский и даже Шапошников. <...> Я поехал по районам, и когда я все увидел, все это страшное, — тут я совершенно переродился. <...> у меня такие убеждения, что если сегодня снимут колхозы, завтра будет порядок, будет рынок, будет все. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее! <...>

Т. В. Нет, это должно кончиться, конечно. Мне кажется, что если бы Жукова еще годика два оставили на месте, он сделал бы по-другому».

Вождя встревожило, прежде всего, что разговорчики вне строя (и в постели) показали реальный срез настроения военной верхушки. Для власти очень опасно, когда военные начинают думать и сомневаться. Посему сплоченность военной корпорации надо было рубить в зародыше: сегодня они т. Сталина в постелях матерно лают, а завтра — танки на Кремль двинут?! Ведь слово произнесенное зачастую имеет обыкновение материализовываться.

Глава 2. Товарищи генералы? Расстрелять!

В 1950 году в расстрельных подвалах Москвы всюду гремели выстрелы: чекисты, набившие руку еще в годы «Большого террора», привычно «шмаляли» в затылок советских генералов.

Хотя смертную казнь в СССР отменили в мае 1947 года, но 12 января 1950 года, «идя навстречу», как водится, многочисленным просьбам «от национальных республик, от профсоюзов, крестьянских организаций, а также от деятелей культуры», Президиум Верховного Совета СССР решил допустить применение смертной казни «к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам».

Особенно зачастили чекистские выстрелы в августе 1950 года. 24 августа расстреляны Герой Советского Союза, маршал Советского Союза Григорий Кулик^[71] и Герой Советского Союза генерал-полковник Василий Гордов. На другой день, 25 августа, расстреляны еще три генерала: генерал-майоры Филипп Рыбальченко, Николай Кириллов и Павел Понеделин. 26 августа 1950 года чекистские пули в затылок приняла очередная генеральская тройка — генерал-майор авиации Михаил Белешев, генерал-майор Михаил Белянчик и комбриг Николай Лазутин. 27 августа несколько подуставшие судьи и палачи сделали воскресный перерывчик, а 28 августа в подвал повели следующих — генерал-майоров Ивана Крупенникова, Максима Сиваева и Владимира Кирпичникова. Еще один высокопоставленный военный, бригадир (соответствовало званию «комбриг») Иван Наумов, чуть-чуть не дотянул до «положенной» ему чекистской пули — умер 23 августа 1950 года в Бутырке, запятанный «ребятами» Абакумова. Всего же, по данным Вячеслава Звягинцева, работавшего с материалами Военной коллегии Верховного суда СССР, только с 18-го по 30 августа 1950 года к расстрелу было приговорено 20 генералов и маршалов.

Впрочем, генеральское истребление не в августе началось, не августом (и даже не 1950 годом) и ограничилось. Скажем, 10 июня 1950 года, был расстрелян генерал-майор Павел Артеменко, а 28 октября 1950 года в Сухановской тюрьме МГБ пулю в затылок получил замкомандующего Черноморским флотом по политической части

контр-адмирал Петр Бондаренко. В тот же день и в той же Сухановке умер забитый чекистами генерал-лейтенант танковых войск Владимир Тамручи, томившийся в заключении аж с 1943 года. «Первопроходцем» же применения указа от 12 января 1950 года стал маршал авиации Сергей Худяков, арестованный еще в декабре 1945 года: его расстреляли 18 апреля 1950 года, обвинив, как водится, в «измене родине».

Казнь в рассрочку

По тому же указу в апреле и июне 1950 года под расстрел пошли еще не менее шести военачальников: комбриги Иван Бессонов и Михаил Богданов и четыре генерал-майора — Александр Будыхо, Андрей Наумов, Павел Богданов и Евгений Егоров. Но здесь история как бы особая: эти шестеро, если верить документам, поплатились за свое сотрудничество с немцами в плену.

Скажем, комбриг Бессонов — кадровый чекист, накануне войны по дискредитирующим обстоятельствам и с очень сильным понижением в должности переведен в РККА: был начальником отдела боевой подготовки Главного управления погранвойск НКВД и затем командующим Забайкальским пограничным округом, а стал — начальником штаба 102-й стрелковой дивизии. В конце августа 1941 года, когда от дивизии ничего не осталось, комбриг Бессонов сдался в плен. Почти сразу же стал сотрудничать с немцами, а там и вовсе предложил им свои услуги в создании карательных антипартизанских формирований и лжепартизанских отрядов — для дискредитации настоящих партизан в глазах населения. Тут, несомненно, сказались чекистская школа и богатая практика самого Бессонова: он участвовал в спецоперации ОГПУ 1933–1934 годов в Синьцзяне — когда несколько бригад и полков ОГПУ, переодетых в белогвардейскую и китайскую форму, вели боевые действия против «китайских мусульман» и войск Чан Кайши. Наверняка был Бессонов и в курсе некоторых деталей операции «Ложный закордон» — когда чекисты в пограничной зоне вербовали местных жителей, переправляя их «за границу» — как лазутчиков. На «той» стороне — на ложных «маньчжурских» («польских», «финских», «румынских» и др.)

заставах их ловили чекисты же, переодетые в форму тамошних пограничников, пытками выбивали признания в работе на НКВД, «перевербовывали» и засылали обратно. Где несчастных «лазутчиков» брали уже как натуральных «шпионов»... По крайней мере, контрпартизанские предложения Бессонова слишком уж явно вытекали из богатейшей практики школы чекистских провокаций. Но самое интересное, Бессонов предложил немцам выбросить в районах лагерей НКВД десант из бывших военнопленных — до 50 тысяч парашютистов, которые должны были уничтожить лагерную охрану, поднять узников ГУЛАГа на восстание, развернув партизанскую войну в советском тылу. Успел энергичный чекист поработать и по специальности — в качестве «наседки», в камере Якова Джугашвили...

Генерал-майор Павел Богданов, командир 48-й стрелковой дивизии, в плен, судя по всему, сдался действительно добровольно и, если верить документам, выдал немцам своих политработников, попутно предложив свои услуги в борьбе против Красной армии. В 1942 году вступил в «русскую дружину СС», принимал участие в карательных операциях, в 1943-м возглавил контрразведку «1-й русской национальной бригады СС» Гиля-Родионова, но... был выдан партизанам. Генерал-майор Александр Будыхо, бывший командир 171-й стрелковой дивизии, попал в плен осенью 1941 года, сотрудничал с немцами — вступил в РОА, формировал «восточные батальоны». Командир 13-й стрелковой дивизии генерал-майор Андрей Наумов угодил в плен тоже осенью 1941 года. Согласился работать на немцев, вербовал военнопленных в «восточные батальоны» и, как задокументировано, написал донос на пленных генералов, ведущих антинемецкую агитацию, — Тхора и Шепетова... Их немцы и расстреляли по тому доносу.

Командир 4-го корпуса 3-й армии Западного фронта генерал-майор Евгений Егоров в плену с конца июня 1941 года: документы МГБ утверждали, что он вел среди военнопленных «профашистскую агитацию». Проверить это сложно, однако он не был посмертно реабилитирован. Комбриг Михаил Богданов попал в плен в августе 1941 года, будучи начальником артиллерии 8-го стрелкового корпуса 26-й армии Юго-Западного фронта. Работал в организации Тодта,

затем вступил в РОА, дослужившись там до чина начальника артиллерии.

Казалось бы, конкретно с этими военачальниками все ясно: предали — отвечайте. Но ведь и загадок полно. Например, что мешало осудить их много раньше, почему их столь долго держали в загашнике, чтобы вынуть оттуда именно в 1950-м?

«Он слишком много знал...»

А вот генералы Артеменко, Кириллов, Понеделин, Белешев, Крупенников, Сиваев, Кирпичников и комбриг Лазутин в эту компанию уже никак не вписываются. Хотя в плену и были, но с противником не сотрудничали. Впрочем, генерал-майор авиации Михаил Белешев для Сталина был виноват, видимо, одним уже тем, что был командующим ВВС 2-й ударной армии — той самой, которой командовал Власов, хотя никаких данных о его сотрудничестве с немцами нет. Генерал-майор Павел Артеменко, замкомандующего 37-й армией по тылу, попал в плен в «Киевском котле». Когда его освободили американцы, генерал буквально умирал от дистрофии (читай: от голода). Чекистскую спецпроверку он прошел успешно, уже в 1945 году был восстановлен в кадрах Вооруженных сил СССР, ему сохранено звание генерал-майора. Более того, вдобавок к уже имевшемуся у него с 1938 года ордену Красного Знамени в 1946 году генерала Артеменко наградили еще двумя орденами: Красного Знамени — за 20 лет безупречной выслуги, и Ленина — за 25 лет выслуги. Уж если бы у чекистов была бы хоть тень сомнения относительно безупречности поведения Артеменко в плену, о таком награждении и речи быть не могло! Впрочем, быть может, именно речи его и подвели — крамольные рассказы (и рассуждения) в своем кругу о причинах поражения в 1941-м, о пребывании в плену...

Начальник артиллерии 61-го стрелкового корпуса 13-й армии Западного фронта комбриг Николай Лазутин попал в плен в июле 1941 года, после разгрома остатков корпуса под Могилевом. Будь на комбрига реальный компромат, его в 1956 году не реабилитировали бы. Начальник военных сообщений 24-й армии Резервного фронта генерал-майор Максим Сиваев попал в плен после окружения армии в

октябре 1941 года под Вязьмой. Чекисты инкриминировали ему измену родине в форме добровольной сдачи в плен и выдачи немцам тайны военных перевозок, вот только ни единого факта, доказывающего это, так и не обнаружилось, что засвидетельствовала и посмертная реабилитация генерала в 1957 году. Генерал-майор Иван Крупенников, начальник штаба 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта, попал в плен, конечно, в неудачное время (если для этого вообще есть удачный час!) — в финале Сталинградской битвы, в декабре 1942 года: немецкие части, прорывавшиеся из окружения на среднем Дону, захватили штаб 3-й гвардейской армии. Вот только с немцами плененный генерал не сотрудничал. Равно как не сотрудничал с пленившими его финнами и генерал-майор Владимир Кирпичников, командир 43-й стрелковой дивизии. Боевой командир, получивший орден Красной Звезды за Испанию и орден Красного Знамени за финскую войну, «прокололся» только в одном: когда его допрашивали финны, он слишком хорошо отзывался о финской армии. Как потом писал Абакумов в записке Сталину, «клеветал на советскую власть, Красную армию, ее высшее командование и восхвалял действия финских войск». С таким «диагнозом» выжить было нереально.

А с генералами Понеделеным, командовавшим сгинувшей под Уманью 12-й армией Южного фронта, и Кирилловым, командиром 13-го стрелкового корпуса той же армии, еще сложнее — зуб на них имел лично товарищ Сталин. Еще 16 августа 1941 года за его подписью вышел печально знаменитый приказ № 27 °Ставки Верховного Главнокомандования, гласивший: генералы Понеделин и Кириллов — предатели, изменники и дезертиры, добровольно сдавшиеся в плен и нарушившие присягу. По версии Сталина (если не весь приказ, то его основную часть писал или диктовал он сам), Понеделин якобы «имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной как нарушитель военной присяги». Тут вождь откровенно и нагло лгал: «подавляющее большинство» сгинуло в Уманском котле, попав в плен, так что в данном случае командарм, разделявший участь солдат своей армии, был взят в плен при попытке

прорыва из окружения. Равно как и генерал-майор Кириллов, про которого в сталинском приказе утверждалось, что он, «вместо того чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13-го стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен». Еще в приказе упоминался командующий 28-й армией генерал-лейтенант Владимир Качалов, штаб которого «из окружения вышел», но сам он якобы «проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам... предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу». Хотя в действительности генерал-лейтенант Качалов погиб под Рославлем почти за две недели до выхода этого приказа — от прямого попадания снаряда в танк, в котором командующий во главе остатков своей армии шел на прорыв из окружения. Но действительность, как известно, вождя интересовала лишь тогда, когда она его устраивала. Потому героически погибший генерал мало того что был оклеветан лично Верховным главнокомандующим, так еще 26 сентября 1941 года заочно (и посмертно!) приговорен к смертной казни, а его семья была репрессирована. 13 октября 1941 года к смертной казни заочно были приговорены и Понеделин с Кирилловым. Их семьи также подверглись репрессиям — в полном соответствии с тем же самым сталинским приказом № 270, гласившим, что семьи этих генералов «подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров». Приказ фактически гласил: все, кто попал в плен, — предатели. И потому каждый обязан «уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи». И хотя этот людоедский документ формально не был тогда опубликован, но его последняя строка гласила: «Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах». Так что с 1941 года вся действующая (и недействующая) армия знала: Понеделин и Кириллов — предатели и изменники, заочно приговоренные к смерти. Масла в огонь подлило то, что немцы всю постарались использовать сам факт пленения генералов, фотографируя Понеделина и Кириллова вместе с немецкими офицерами и разбрасывая затем листовки с этими фотографиями в расположении советских войск. А после победы вдруг

выяснилось, что все не так — генералы вели себя в плену мужественно, отказавшись от любого сотрудничества с немцами и Власовым, хотя прекрасно знали, что объявлены трусами, предателями, изменниками и заочно уже приговорены к смерти. Но мог ли непогрешимый товарищ Сталин признать, что он так жестоко ошибся, самолично и на всю страну назвав их предателями? Мог ли он их «простить», признав тем самым, что именно на нем лежит львиная доля вины за страшную трагедию 1941 года? Товарищ Сталин, как известно, никогда не ошибается, да и не выпускать же, в самом деле, заочно уже расстрелянных!

Зачистка перед боем

Казалось бы, с какого бока тогда здесь Худяков, Кулик, Гордов, Рыбальченко, Белянчик, Бондаренко или, например, Тамручи? Никто из них в плену не был, но всех их уничтожили по обвинению в мифических «измене родине», антисоветской клевете, террористическом умысле против советского руководства — и т. д., и т. п.

Формальную логику искать здесь бессмысленно: Сталин и после войны продолжал уничтожать своих военачальников по тем же мотивам, по каким уничтожал их и до войны, и в разгар ее. Расстрелы 1950 года стали естественным развитием начатого Сталиным сразу же после победы погрома маршальско-генеральской группировки — в рамках целой серии развернутых тогда дел. Сталину необходимо было осадить военачальников, мало того что возомнивших себя победителями (таковым мог быть, разумеется, только тов. Сталин!), так еще и осмеливавшихся в своем кругу болтать почем зря и о чем ни попадя. Например, о нехорошей роли вождя в роковом 1941-м, о плачевной ситуации в стране. Первый урок строптивым дали, арестовав в декабре 1945 года маршала авиации Худякова, а в 1946 году развернулось уже полноценное «авиационное дело», стоившее постов (и свободы) куче авиационных маршалов и генералов. Летом 1946 года было инициировано «трофейное дело», направленное против маршала Жукова, помимо этого маршала обвинили в «бонапартизме» и раздувании заслуг в разгроме Германии, сняли с поста главкома

Сухопутных войск, отправив в малопочетную ссылку — в Одесский военный округ. Потом было «дело адмиралов» — и в опалу попал уже легендарный главком ВМФ Кузнецов... В общем, все в лучших традициях 37-го, хотя и в несколько иных масштабах. Правда, расстреливать маршала Жукова товарищ Сталин счел пока преждевременным: тот (как и ряд других военачальников) еще был нужен вождю — в видах планируемой очень всерьез (и столь же серьезно подготавливаемой) им войны против США.

В 1950 году подготовка к этой войне была в самом разгаре, и, как можно предположить, тов. Сталину необходимо было снова показать слегка «разнежившейся» военной верхушке, что рука его тверда, как и в незабываемом 1937-м. Потому он и стал нещадно расстреливать подвернувшихся под эту руку «болтунов» — типа Кулика и Гордова, запись разговоров которых показала, как они, неблагодарные, матерно лают лично тов. Сталина! И ничего, что первый давно уже в тираж вышел — все, до кого надо донести этот урок, помнят, что он был настоящим маршалом. Как помнят и то, что именно Гордов командовал Сталинградским фронтом — неприкосновенных героев нет... В общем, типовая сталинская многоходовка: Хозяин всегда стремился одним выстрелом уделать нескольких зайцев. Расстрелами того августа, да и вообще всего 1950 года, он как бы дал понять военным, что это — традиционная зачистка в преддверии очередной большой войны. Во время которой поблажки не будет никому — ни болтунам, усомнившимся в мудрости вождя, ни тем, кто думает «отсидеться в плену» или, подобно Власову, надеется при случае замахнуться на святое — советскую власть (читай: личную диктатуру Сталина), перейдя на сторону «демократий». Не случайно в смертном приговоре генерал-майору Филиппу Рыбальченко, проходившему в одной связке с Куликом и Гордовым, говорилось, что он был «сторонником реставрации капитализма в СССР, заявлял о необходимости свержения советской власти», да еще «во вражеских целях стремился упразднить политический аппарат в Советской армии». И в определенной логике товарищу Сталину отказать нельзя: он прекрасно понимал, что его власти реально могут угрожать лишь военные. Потому перманентно и рубил их корпоративную сплоченность на корню. Ибо своим звериным чутьем ощущал, что в грядущей войне — уже с американцами — второго издания Власова и власовщины ему не осилить. В том, что

новые пленные новой войны (а войн без них не бывает) уже наверняка станут тем костяком антисталинской армии, которую в охотку поддержат и измученное население страны, и... немалая часть армейской верхушки, Хозяин не сомневался. Потому и предохранялся, как мог и умел, дробя чекистскими пулями генеральские затылки в августе 1950-го.

Глава 3. Убить Масарика

Ранним утром среды 10 марта 1948 года во внутреннем дворе пражского Чернинского дворца, где располагалось министерство иностранных дел Чехословацкой республики, под окнами ванной комнаты своей служебной квартиры было обнаружено тело министра иностранных дел республики Яна Масарика. Ян Масарик — один из самых видных политиков Чехословакии того времени: сын первого президента Чехословакии Томаша Масарика, длительное время был послом республики в Великобритании, а с 1940 года — министром иностранных дел чехословацкого правительства в изгнании. Свой министерский пост он сохранил и после освобождения Чехословакии от немецкой оккупации. Формально тогда в стране сохранялся политический режим довоенного образца с его многопартийностью, парламентом, демократическими свободами. Но реальные властные рычаги уже были в руках коммунистов, а правительство с 1946 года возглавлял один из самых ярых сталинистов, лидер чехословацкой компартии Клемент Готвальд. 20–25 февраля 1948 года люди Готвальда совершили переворот, окончательно взяв власть при помощи отрядов своих вооруженных боевиков. Отпор им было дать некому: к тому времени компартия (и советники из СССР) уже полностью контролировала МВД, госбезопасность послевоенной Чехословакии вообще была создана советскими советниками, ими же контролировалась и управлялась. Чехословацкая армия также находилась под советским контролем. Собственно советских войск в стране формально уже не было, но для успеха переворота этого и не требовалось: они наготове стояли рядом — в восточной оккупационной зоне Германии, Венгрии, Австрии и Польше, стальной удавкой сжимая Чехословакию почти по всему периметру ее внешних границ.

Ян Масарик — единственный из всех некоммунистических министров, отказавшийся добровольно уходить в отставку, чем явно спутал карты коммунистов. Но видимость приличий поначалу решили соблюсти, и Масарик сохранил пост министра, оставшись единственным беспартийным в новом правительстве Готвальда. Но он

все же представлял потенциальную угрозу для сталинистов: любимец народа, а также весьма популярен и за пределами Чехословакии. Опасен он мог быть тем, что, отказавшись уйти «по-хорошему», мог — как министр иностранных дел — стать рупором демократических сил и каналом их связи с внешним миром. Масарик, как мог, противился коммунизации аппарата МИД: невзирая на давление, отказался подписать приказ об увольнении демократически настроенных сотрудников своего министерства. Было известно, что Масарик хотел выставить свою кандидатуру от социал-демократической партии на планировавшихся той весной парламентских выборах. Конечно, можно было просто отправить его в отставку, но этого было недостаточно: Масарик мог покинуть страну, либо бежав, либо уехав законно — он как раз собирался сочетаться узами брака с известной американской писательницей и музыкальным критиком Марсией Девенпорт. Есть упоминание, что с просьбой помочь ему покинуть страну Масарик якобы обращался и к британцам. Этого Кремль допустить не мог: за рубежом Масарик непременно стал бы знаменем борьбы с просоветским режимом. До открытых массовых репрессий в той Чехословакии еще не дошло, оставался лишь один вариант: убить, но так, чтобы все выглядело «пристойно», замаскировав ликвидацию под несчастный случай или самоубийство. Возможности для этого были: имелись и соответствующие структуры — отдел «ДР» МГБ СССР, возглавляемый Павлом Судоплатовым, и кадры ликвидаторов.

Тело Масарика обнаружил Карел Максбауэр, истопник Чернинского дворца, вышедший ранним утром во внутренний двор, чтобы поднять флаг. Мертвый министр лежал на брусчатке в вывернутой наизнанку пижаме и босой... Тут же было объявлено, что это самоубийство: человек, мол, был в расстроенных чувствах, депрессия, бессонница, перевозбуждение, болезнь — и все такое прочее, потому взял и выбросился. Причем официальное заявление о самоубийстве сделали задолго до вскрытия, когда даже формально об установлении причин смерти еще и речи быть не могло. Личного врача министра, доктора Оскара Клингера, к телу его подопечного просто не подпустили, угрозами и силой вынудив подписать подсунутый ему протокол вскрытия.

Да и вообще неувязок и нестыковок в этом деле было хоть отбавляй. Прибывшие во дворец сотрудник госбезопасности доктор Франтишек Борковец и полицейский врач-эксперт доктор Яромир Теплый обнаружили в квартире Масарика такой разгром, словно там произошла рукопашная схватка. На постели отсутствовали подушки — они валялись в ванной. Возле стены, прилегающей к ванной, пол комнаты был засыпан осколками стекла, окно в ванной, которое вообще никогда не открывали, оказалось распахнуто настежь. Сразу стало очевидно, что в квартире побывали посторонние, проводившие там несколько часов. Пепельницы оказались забиты окурками сигарет — их насчитали 14, причем как минимум четырех разных марок — в том числе и советского производства. Но Масарик курил только совершенно конкретную марку сигарет, и уж точно не советских! На оконной раме и штукатурке обнаружили царапины от ногтей, более того, следы ногтей обнаружились и на штукатурке внешней стены — словно кто-то из всех сил защищался, пытаясь цепляться руками за стены, сопротивляясь падению. Было установлено, что погибший находился спиной к окну, значит, не выбросился, а был выброшен. Врач, первым осмотревший тело, обнаружил физиологические симптомы смертельного испуга, чего никогда не встречается у самоубийц. Но все отпечатки пальцев, обнаруженные в квартире сразу после смерти Масарика, загадочным образом испарились из материалов следствия.

Сотрудник МИД Павел Страк в ночь с 9-го на 10 марта 1948 года заступил на дежурство в Чернинском дворце, и на его кабинет были переключены все телефонные линии министерства. Около 11 часов вечера он услышал звук автомобильных моторов, затем шаги в дворцовом вестибюле. Решил проверить, кто там, но оказалось, что его кабинет заперт снаружи. Бросился к телефонам — все отключены. Минут через 15 все стихло; подождав немного, дипломат обнаружил, что дверь разблокирована, а телефоны вновь включены. Но какой неудобный свидетель! Вскоре Страк был арестован «за измену родине» и приговорен к 12 годам тюрьмы.

Расправа ждала и других неудобных свидетелей. Уже упомянутый выше Франтишек Борковец в конце 1948 года тоже арестован, обвинен в... подготовке восстания, подвергнут пыткам и казнен. Комиссар полиции Йозеф Кадлец, усомнившийся в официальной версии и

предложивший провести эксгумацию тела Масарика, арестован и убит на допросе. Были и другие странные смерти. Как полагают, одним из участников ликвидации Масарика был некий майор Августин Шрамм, давний агент советской госбезопасности, в годы войны занимавшийся вопросами ликвидаций и организации диверсионной деятельности в Словакии по линии, скорее всего, ведомства Павла Судоплатова, а после войны служивший связным между советской госбезопасностью и чехословацкой. В его обязанности, видимо, входило сопровождение советских ликвидаторов и обеспечение им условий для беспрепятственного проведения операции. Вскоре после которой, 27 мая 1948 года, майор Шрамм и был застрелен неизвестными в своей квартире в пражском районе Винограды. Другим соучастником операции полагают Вацлава Седма из охраны Чернинского дворца: в июне 1948 года он тоже погиб — в автомобильной катастрофе при невыясненных обстоятельствах.

Следствие, проведенное уже после «бархатной революции» с использованием современных достижений судебно-медицинской экспертизы, установило: министра, несмотря на его отчаянное сопротивление, выбросили из окна или столкнули с подоконника несколько человек. В 1994 году советская разведчица Елизавета Паршина, служившая некогда под началом генералов Судоплатова и Эйтингона, а после войны бывшая на нелегальной работе, сделала сенсационное заявление: Масарик был убит ликвидаторами МГБ СССР. Позже она дополнила: непосредственным организатором убийства был генерал-лейтенант госбезопасности Михаил Белкин, на тот момент — начальник Управления контрразведки МГБ Центральной группы войск, советской оккупационной группировки в соседней Австрии. Попутно Белкин выполнял функции советника МГБ при органах госбезопасности Венгрии и Чехословакии. Как утверждала Паршина, именно генерал Белкин и выкинул Масарика из окна, «ассистировал» ему при этом младший оперуполномоченный Бондаренко. В 2002 году чешская сторона обратилась к Москве с просьбой: исследовать российские архивы — госбезопасности, МИД и ЦК ВКП(б) — за период 1947–1948 годов с целью обнаружения документов, могущих пролить свет на обстоятельства смерти Яна Масарика. Но спустя почти год Генеральная прокуратура РФ ответила,

что «архивные материалы, к которым был проявлен интерес, <...> до сих пор являются государственной тайной».

Глава 4. Взрыв в посольстве: как и было обещано

Бомба для депортации

Февраль 1953 года выдался в Советском Союзе тревожным, в стране явно назревало нечто страшное и масштабное: своего апогея достигла развернувшаяся с января 1953 года кампания по делу «врачей-убийц», Москва полнилась слухами о грядущих «стихийных» еврейских погромах. А по всей стране тем временем в поте лица своего денно и нощно трудились отделы кадров и домоуправления, по распоряжению горкомов и райкомов партии и под наблюдением МГБ составляя списки «лиц еврейской национальности». 8 февраля 1953 года газета «Правда» опубликовала директивный фельетон «Простак и проходимцы»: «проходимцы» — понятно кто, а «простак» — те, кто берет их на работу... Да что фельетон, если почти в открытую уже велись разговоры, что «по просьбе трудящихся» всех советских евреев вот-вот должны эшелонами отправить в места не столь отдаленные и дело лишь за подходящим поводом.

«Юстас — Алексу»

Весь вечер 9 февраля 1953 года в Тель-Авиве лил сильный дождь, слегка приглушивший резкий звук во двореке дома 46 на бульваре Ротшильда: там, в симпатичном двухэтажном особняке с башенкой, известном как «Дом Левина», располагалось тогда советское посольство. И в 21 час 45 минут по местному времени, как зафиксировали охранявшие миссию израильские полицейские, на территории советского посольства в Тель-Авиве прогремел взрыв. Но только через час посланник Павел Ершов лично вызвал скорую помощь, сообщив про взрыв бомбы в посольстве.

Жертв, к счастью, не оказалось, но ранения получили жена самого посланника, Клавдия Ершова, жена завхоза посольства Сысоева и

шофер дипмиссии Гришин. Супруге посланника, находившейся у окна второго этажа особняка, осколками стекла посекло лицо. Шоферу посольства рассекло губу и выбило зуб, сильнее всех пострадала жена завхоза: ей раздробило стопы ног, а из кожи медики извлекли множество мраморных осколков — взрывное устройство вроде бы было подложено под мраморную скамью на территории посольства.

Но при этом глава советской миссии озвучил время взрыва — 22 часа 35 минут, расходившееся с данными израильской полиции на 50 минут. По сей день загадка, почему целых 50 минут советская миссия скрывала сам факт взрыва, из-за чего и медицинская помощь была оказана пострадавшим с запозданием. Ждали шифровки с инструкциями из Москвы?

Советские данные расходились с израильскими не только по этой детали, но и собственно по взрывному устройству: что оно собой представляло, как попало на территорию посольства, где было установлено и какова его мощность. Первоначально даже утверждалось, что это была 30-килограммовая бомба, но столь мощный заряд запросто снес бы с лица земли весь особняк! По более «умеренной» версии, мощность бомбы якобы составила «всего» 15 кг, но и такой заряд неизбежно обрушил бы часть особняка, а на снимках можно видеть, что ущерб от взрыва, мягко говоря, незначительный. Эксперты уже израильских спецслужб полагали, что на территории миссии, скорее всего, взорвалась граната — это больше похоже на правду.

Из посольской шифровки в Москву, отправленной сразу же после взрыва: «...Проверкой установлено, что диверсанты проникли на территорию миссии, перерезав ножницами проход в сетке, ограждающей территорию миссии». Кстати, собственно дипломатов среди работников тогдашнего советского посольства в Израиле были считанные единицы: костяк миссии составляли сотрудники МГБ, многие из которых имели весьма немалый опыт проведения диверсионно-террористических операций. И чтобы эти матерые волки бериевского разлива и закалки прозевали, пусть и темным дождливым вечером, как группа неких молодцев через посольский забор затаскивает на территорию миссии ящики со взрывчаткой?! Даже не смешно...

Но еще более странным — для знающих дипломатические тонкости и нормы протокола — выглядит финальный пассаж шифровки: «Считаю, что в связи с этим случаем было бы целесообразным разорвать дипломатические отношения с данным правительством Израиля. Ответ прошу телеграфировать немедленно».

Почти ультиматум своему же руководству?! Но никакой дипломат в принципе не может общаться со своим начальством в таком тоне. Более того, даже самый полномочный глава дипмиссии вправе лишь информировать высшие инстанции, запрашивая инструкции, но уж никак не предлагать конкретные (да еще и самые резкие) меры, когда его об этом не спрашивают. А уж вопрос разрыва дипломатических отношений и вовсе находится вне компетенции не только посла, но даже и МИДа: так вопрос мог поставить (и решать) только один человек — лично Сталин, и никто иной. А тут какой-то посланник по своему почину (!) предлагает взять да и разорвать отношения между странами — чистой воды покушение на прерогативы товарища Сталина?! Обиделся, понимаешь, что жену стеклышками поцарапало? Так государственные интересы выше не только личика жены посла, но и самого его: когда персы на кусочки разорвали посла Российской империи Грибоедова, никто с ними дипотношений не порвал...

Шифровка однозначно выглядит подготовленным и заблаговременно согласованным документом, которому надо было дать ход в нужный момент, предоставив Кремлю необходимую отмазку: «Товарищ Сталин, вот тут в связи с этим поступило такое предложение...».

Тем временем израильские спецслужбы и полиция буквально рыли землю, выполняя приказ премьер-министра Бен-Гуриона: любой ценой срочно найти злодеев. Невзирая на разгул антисемитской кампании в СССР, портить отношения с ним Израилю тогда было не с руки — это был мощный противовес давлению со стороны Великобритании и Франции. Но поиски злоумышленников оказались тщетны: никаких следов причастности к взрыву какой-либо из радикальных еврейских групп не выявили, а уж арабских террористов к советскому посольству и вовсе не подпустили бы на пушечный выстрел. Уже утром 10 февраля 1953 года премьер-министр Израиля Бен-Гурион выступил с резким заявлением в Кнессете, гневно осудив тех, «которые совершили это подлое преступление». Президент

Израиля прислал в советскую миссию письмо с сожалениями-извинениями, правительство страны немедленно выпустило спецзаявление, выразив свое потрясение и возмущение случившимся, отдельное заявление сделал спикер Кнессета, непрестанно извинялся израильский МИД...

Но события развивались по сценарию, сочиненному и отработанному явно до взрыва. В ночь с 11-го на 12 февраля глава советского МИДа Андрей Вышинский принял у себя израильского посланника и, не дав ему вымолвить ни слова, зачитал ноту о разрыве дипломатических отношений.

Советские «дипломаты» покинули Израиль столь стремительно, словно уже сидели на чемоданах в ожидании отмашки. Попутно с ними оттуда отозвали корреспондента ТАСС, который никаким журналистом, разумеется, никогда не был, и его коллегу по тому же ведомству — представителя «Совэкспортфильма». Только не подумайте, что МГБ оставил «логово сионизма» без пригляда: продолжать свой незримый труд там остались представитель Российско-палестинского общества и шесть ответственных товарищей с погонами под рясами — из числа работавших под крышей Московской патриархии.

Вещее письмо

3 февраля 1953 года писатель Илья Эренбург обратился к Сталину с необычным посланием. В частности, писатель поведал «дорогому Иосифу Виссарионовичу», что сегодня (т. е. 3 февраля) ознакомился с проектом «Письма в редакцию газеты „Правда“», который ему предложено подписать вместе с другими видными «учеными, писателями, композиторами и т. д. еврейского происхождения». От имени «ученых и композиторов» пресловутое письмо гневно обличает «врачей-убийц», сионизм и государство Израиль, ставшее «плацдармом американской агрессии против Советского Союза». Эренбург, разумеется, незамедлительно готов подписать это «Письмо», но делится с вождем своим сомнением: не используют ли его за рубежом, чтобы «раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую теперь ведут сионисты, бундовцы и другие враги нашей

Родины»? Ведь «клеветники могут использовать „Письмо в редакцию“ для своих низких целей»...

Сам проект «Письма» выплыл из сталинских бумаг в 1997 году, и читать эту обычную пропагандистскую шелуху скучно, пока глаз вдруг не натывается на такое: «Только недавно все честные люди мира были потрясены вестью о взрыве бомбы на территории миссии СССР в Тель-Авиве. Фактическим организатором и вдохновителем этого взрыва являются нынешние правители Израиля. Играя с огнем, они усиливают напряженность в мировой обстановке, созданную американско-английскими поджигателями войны».

Еще раз, не веря глазам, сверяю даты: Эренбург адресует свои замечания по этому проекту «Письма в редакцию „Правды“» 3 февраля 1953 года. И в этом же проекте уже говорится, как потрясены взрывом бомбы на территории советской миссии «все честные люди мира» — взрывом, который **еще не произошел**, который будет лишь 9 февраля! Какие провидцы, однако, работали над этим документом — все знали уже за неделю...

Так кусочки мозаики одним щелчком стали на свои места: собственно к советско-израильским отношениям тот взрыв касательство имел, мягко говоря, весьма отдаленное. Как предлог для сугубо внутренней спецоперации, взрыв в посольстве (организованный, скорее всего, ребятами Судоплатова из Бюро № 1 МГБ СССР, отвечавшего за проведение диверсий и террора за границей) ничем не выделяется из типового ряда подобных провокаций: эсэсовской — в Гляйвице и сталинской — в Майнле. Зато каким сочным мазком он лег на полотно происходившего в СССР, став поистине бесценным подарком, подтверждающим виновность «врачей-убийц»: «Смотрите, товарищи, сионисты поручили им убить руководителей партии и правительства, а когда эти планы сорвались, сионисты учинили теракт против посольства!»

Да после такого советский народ «на ура» воспринял бы и «стихийные» погромы, и депортацию «лиц еврейской национальности». Потому как уже был подготовлен к восприятию и «одобрямсу» карательной акции против «безродных космополитов» аж с 1949 года. Тем паче ведь не только уже списки составлены, но и эшелоны с теплушками наготове, и новые лагеря. Но, как известно, 5

марта 1953 года свои коррективы в сталинские планы внесло «дыхание Чейна-Стокса»...

Краткий перечень основных источников информации

Архивные документы:

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ): ф. 17 (электронный ресурс), ф. 558 (электронный ресурс).

Российский государственный военный архив (РГВА): ф. 4, ф. 31.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО): ф. 16 (электронный ресурс), ф. 33, ф. 202, ф. 208, ф. 209, ф. 213, ф. 233, ф. 228, ф. 229, ф. 251, ф. 335, ф. 20054, ф7 20054а, ф. 20613, ф. [собрание] л/д (Воронов Павел Петрович).

Материалы прессы:

Авиация и время (1996); Вести Сегодня (Латвия, 2013); Вечерний Харьков (2007); Вечерняя Москва (1924–1929); Вопросы истории (1987–1991); Известия (1925–1965); Известия ЦК КПСС (1989–1991); Историческая правда (Беларусь, 2014); Комсомольская правда (1925–1965); Красная звезда (1925–1965); Новая и новейшая история (1987–1995); Новый мир (1926); Правда (1925–1965); Российская газета (2000–2018); Свободная пресса (2015); Dziennik Białostocki (польск., 1924–1925); Dziennik Wileński (польск., 1924–1925); Kurier Poranny (польск., 1924–1925); Der Spiegel (нем., 1951, 1965).

Сборники документов:

Ближневосточный конфликт. 1947–1967. Сб. док. Т. 1. 1947–1956. — М., 2003.

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. — М., 1996.

Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. — М., 2008.

Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар госбезопасности. Сб. док. — Казань, 1997.

Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Док. и мат. — М., 2004.

Государственный антисемитизм СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. Сб. док. — М., 2005.

Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы [Публ. А. Г. Фесюн]. — СПб., М., 2000.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том V. — М., 1967.

Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания [Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)]. — М., 1998.

Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. По материалам Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. — СПб., 2010.

«Зимняя война»: работа над ошибками (апрель — май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной армии по обобщению опыта финской кампании. — М., 2004.

История Советской Конституции (в документах) 1917–1956. — М., 1957.

Катынь. Пленники необъявленной войны. Док. и мат. — М., 1997.

Красные партизаны Украины, 1941–1944: малоизученные страницы истории. Док. и мат. — Киев, 2006.

Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. Сб. док. — М., 2003.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. Сб. док. — М., 2004.

Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. Сб. док. — М., 2006.

Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953. Сб. док. — М., 2007.

Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. — М., 1950.

На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). — М., 2008.

Нюрнбергский процесс. Сб. мат. В 8 т. — М., 1987–1999.

Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы. — М., 1991.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. Т. 1–4. — М., 1995–2008.

Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. 1–2. 2-е изд. — М., 1980.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936. Сб. док. — М., 1995.

Пограничные войска СССР. 1918–1928. Сб. док. — М., 1973.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний, 1919–1952. Т. 3. 1940–1952. — М., 2001.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». 1923–1939. — М., 2001.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943. — М., 2004.

Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и др. мат. Т. 3. Середина 80-х годов — 1991. — М., 2004.

Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны (Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г.). Т. 12 (1). — М., 1993.

Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–1). [Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 — 22 июня 1941 г.] — М., 1994; [Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г.] Т. 13 (2–2). — М., 1997.

Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март — июнь 1941 г. Док. из Центрального архива ФСБ России. — М., 1995.

Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. — М., 1992.

«Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 1–9. — М., 2001–2013.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Док. и мат. в 4 т. Т. 1–4. — М., 2000–2012.

Советско-израильские отношения: Сб. док. Т. I. Кн. 2: 1941–1953. — М., 2000.

Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. — М., 1999.

Советско-румынские отношения. Док. и мат. Т. 1 (1917–1934). — М., 2000.

СССР — Германия: 1939–1941. Сб. док. в 2-х кн. — Вильнюс, 1989.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. — М., 2001.

Сталин и космополитизм. Сб. док. — М., 2005.

Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. док. — М., 1995.

Стенограммы докладов и выступлений на научной конференции по изучению Берлинской операции войск 1-го Белорусского фронта. Т. 1–2. — Бабельсберг (Германия), 1946.

Тайны и уроки Зимней войны. 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. — СПб., 2000.

Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. док. — М., 1984.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Док. и мат. в 5 томах. 1927–1939. Т. 2–3. — М., 2000–2001.

Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. Сб. док. — М., 2007.

Японские военнопленные в СССР: 1945–1956. Сб. док. — М., 2013.

1936–1937 гг. Конвейер НКВД. Из хроники «большого террора» на томской земле. Сб. док. и мат. — Томск — М., 2004.

1941 год. Документы. Кн. 1–2. — М., 1998.

Hearings on American Aspects of the Richard Sorge Spy Case. House of Representatives Eighty Second Congress. First Session. August 9, 22 and 23, 1951 // Harvard College Library, deposited by United States Government.

International Military Tribunal for the Far East. Dissentient Judgement of Justice Pal. — Tokyo, 1999.

Мемуары:

Агабеков Г. С. ЧК за работой. — М., 1992.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. — М., 1997.

Баранов В. СМЕРШ. Будни фронтового контрразведчика. — М., 2000.

Бармин А. Г. Соколы Троцкого / Пер. с англ. — М., 1997.

Бережков В. М. Тегеран, 1943. На конференции Большой тройки и в кулуарах. — М., 1968.

Бережков В. М. С дипломатической миссией в Берлин 1940–1941, Тегеран 1943. — Ташкент, 1971.

Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. — М., 1987.

Беседовский Г. З. На путях к термидору. — Париж, 1931.

Ботин М. П. С тобой, Испания. — М., 1976.

В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. — М., 1986.

Ваупиасов С. А. На тревожных перекрестках. Записки чекиста. — М., 1974.

Воронов Н. Н. На службе военной. — М., 1963.

Галлай М. Л. Третье измерение. — М., 1973.

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 3. — М., 1971.

Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. — М., 2004.

Горев Я. Я знал Зорге. — М., 1964.

Гуревич А. М. Разведка — это не игра. Мемуары советского резидента Кента. — М., 2007.

Захаров Н. Сквозь годы. — М., 2003.

Иванов Михаил. Юрий Гагарин и Рихард Зорге // Чудеса и приключения. 1995. № 1.

Кривицкий В. Я был агентом Сталина. Записки советского разведчика / Пер. с англ. — М., 1991.

Кузнецов Н. Г. На далеком меридиане. Воспоминания участника национально-революционной войны в Испании. — М., 1966.

Кузнецов Н. Г. Накануне. — М., 1966.

Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. — М., СПб., 2003.

Ленинградцы в Испании. — Л., 1973.

Маништейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем. — Смоленск, 1999.

Медведев Д. Н. Это было под Ровно. — М., Л., 1948.

Медведев Д. Н. Сильные духом. — М., 1968.

Микоян А. И. Дорогой борьбы. — М., 1971.

Микоян А. И. Так было. — М., 1999.

Микоян С. А. Мы — дети войны. Воспоминания военного летчика-испытателя. — М., 2006.

Мойзиш Л. Операция «Цицерон». Базна Э. Я был Цицероном / Пер. с англ. — М., 1965.

Никольский В. А. ГРУ в годы Великой Отечественной войны. — М., 2005.

Никулин Н. И. Воспоминания о войне. — СПб., 2008.

Новобранец В. «Я предупреждал о войне Сталина». Записки военного разведчика. — М., 2009.

Родимцев А. И. Под небом Испании. — М., 1974.

Овчинников В. В. Размышления странника (сб.). — М., 2012.

Овчинников В. В. Два лица Востока. — М., 2013.

Панов Д. П. Русские на снегу: судьба человека на фоне исторической метели. — М., 2003.

Папен Ф. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947. — М., 2005.

Партизанская война на Украине. Дневники командиров партизанских отрядов и соединений. 1941–1944. — М., 2010.

Пятницкий В. И. Заговор против Сталина. — М., 1998.

Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. — М., 2002.

Скорцени О. Неизвестная война / Пер. с фр. — М., 2003.

Старинов И. Г. Мины ждут своего часа. — М., 1964.

Старинов И. Г. Записки диверсанта. — М., 1997.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М., 1996.

Фельфе Х. Мемуары разведчика / Пер. с нем. — М., 1988.

Хеттль В. Секретный фронт. Воспоминания сотрудника политической разведки Третьего рейха / Пер. с англ. — М., 2003.

Хохлов Николай. Право на совесть. — Франкфурт, 1957.

Чехонин Б. Журналистика и разведка. — М., 2002.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. — М., 1991.

Чуйков В. И. Миссия в Китае. — М., 1983.

Шелленберг В. Мемуары / Пер. с нем. — М., 1991.

Юркин И. Я. У нас особое задание. — М., 1973.

Buršík Josef. Nelituj oběti. — Praha, 1992.

Meissner, Hans-Otto. The Man With Three Faces. — New York, 1955.

Orwell G. Looking Back on the Spanish War. — London, 1943.

Sudoplatov Pavel. Special Tasks. The memoirs of an unwanted witness — a soviet spymaster. — London, 1995.

Литература:

Абросов С. В. В небе Испании. 1936–1939 годы. О советских летчиках-истребителях, воевавших в Испании. — М., 2003.

Абросов С. В. Воздушная война в Испании. Хроника воздушных сражений 1936–1939 гг. — М., 2008.

Агабеков Л. А. Радирует «Запад». — М., 1967.

Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). — М., 2010.

Алексеев М. «Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае. 1930–1933 гг. — М., 2010.

Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки, 1918–1945 гг. — М., 2012.

Балашов Е. А., Степаков В. Н. Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке. — СПб., 2000.

Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. — М., 2007.

Бартц К. Трагедия абвера. 1935–1944 гг. / Пер. с нем. — М., 2002.

Бортаковский Т. В. Расстрелянные Герои Советского Союза. — М., 2012.

Боярский В. И. Партизанство вчера, сегодня, завтра. — М., 2003.

Бровкина М. Рассекречено дело прототипа Григория Мелехова // Российская газета, 2012, 1 февраля.

Будкевич С. Л. «Дело Зорге». Следствие и судебный процесс: Люди. События. Документы. Факты. — М., 1969.

Бухгайт Г. Абвер — щит и меч III рейха / Пер. с нем. — М., 2003.

Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). — М., 2006.

Ваксберг А. И. Гибель Буревестника. М. Горький: Последние двадцать лет. — М., 1999.

Васинкевич Ольга. «Дело Масарика» — тайна смерти бывшего министра иностранных дел Чехословакии // Radio Praha. 2010. 11 сентября.

Васинкевич Ольга. Раскрыть смерть Яна Масарика помогут лишь российские архивы // Radio Praha. 2010. 25 сентября.

Венков А. Печать сурового исхода. — Ростов-на-Дону, 1988.

Война и революция в Испании 1936–1939 гг. Т. 1. — М., 1968.

Гаврилов В. А., Горбунов Е. А. Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. — М., 2004.

Гайворонский К. Нераскрытое дело Нетте. Польский след — реальная ниточка или провокация // Вести Сегодня (Латвия). 2013. 11 февраля.

Георгиев Ю. В. Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. — М., 2007.

Гладков Т. К. Медведев. — М., 1985.

Гладков Т. К. С места покушения скрылся. — М., 1998.

Гладков Т. К. Легенда советской разведки — Н. Кузнецов. — М., 2001.

Гладков Т. К. Его Величество Агент. — М., 2010.

Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. — СПб., 2004.

Гогун А. Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. 1941–1944. — М., 2008.

Головкин А. Н. Дорога в Медное. — Тверь, 2001.

Голяков С., Ильинский М. Зорге. Подвиг и трагедия разведчика. — М., 2001.

Горбунов Е. А. Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем востоке. — М., 2002.

Дегтярев К., Колпакиди А. СМЕРШ. — М., 2009.

Деларю Ж. История гестапо / Пер. с фр. — Смоленск, 1993.

Джуха И. Г. Греческая операция: история репрессий против греков в СССР. — СПб., 2006.

Джуха И. Г. Как это было на Кубани: репрессии против греков Краснодарского края. — СПб., 2013.

Диверсанты Третьего рейха. — М., 2003.

Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге / Пер. с англ. — М., 1996.

Долгополов Н. Гении внешней разведки. — М., 2004.

Долгополов Н. Главный противник. Тайная война за СССР. — М., 2011.

- Доценко В. Д.* Мифы и легенды Российского флота. — СПб., 2002.
- Дюллен С.* Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. / Пер. с фр. — М., 2009.
- Екабсонс Эрик.* Тайна Теодора Нетте // Открытый город (Латвия). 2014. 16 мая.
- Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы: Сб. — М., 2005.
- Звягинцев В.* Трибунал для Героев. — М., 2005.
- Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). — М., 2008.
- Иванов Л. Г.* Правда о «Смерш». — М., 2009.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1–6. — М., 1960–1965.
- История второй мировой войны 1939–1945 гг. в 12 томах. — М., 1973–1982.
- История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 2. — Владивосток, 1989.
- Катасонова Е. Л.* Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. — М., 2003.
- Катасонова Е. Л.* Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. — М., 2005.
- Кирст Х.* Зорге, которого мы не знали / Пер. с нем. — М., 2001.
- Колесников М. С.* Таким был Рихард Зорге. — М., 1965.
- Коломиец М. В.* Танки на Халхин-Голе. «Необъявленная война» Сталина. — М., 2013.
- Колпакиди А. И.* Ликвидаторы КГБ. Спецоперации советских спецслужб, 1941–2004. — М., 2004.
- Колпакиди А.* ГРУ в Великой Отечественной войне. — М., 2010.
- Колпакиди А. И., Прохоров Д. П.* Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. Кн. 1–2. — М., 2000.
- Колпакиди А. И., Прохоров Д. П.* КГБ: Спецоперации советской разведки. — М., 2000.
- Колпакиди А. И., Прохоров Д. П.* КГБ: Приказано ликвидировать: спецоперации советских спецслужб, 1918–1941. — М., 2004.
- Колпакиди А., Север А.* Разведка в Великой Отечественной войне. — М., 2010.

Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. — дек. 1991 г. — М., 1994.

Кочетов А. Семья Ермаковых: страницы известные и неизвестные // RELGA. 2012. № 10 (248). 5 июля.

Крыленко Н. В. Сталинская Конституция в вопросах и ответах. — М., 1937.

Кузнец Ю. Тегеран-43. — М., 2003.

Кузнецов Ф. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. — М., 2005.

Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. — Смоленск, 2005.

Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: Тайны разведки Коминтерна. 1919–1942. — М., 2005.

Лота В. «Альта» против «Барбароссы». — М., 2004.

Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. — Берлин, 1988.

Маношин И. С. Героическая трагедия. — Симферополь, 2001.

Мельников И. Трагедия суперагента «Жмудин» // Историческая правда (Беларусь). 2014. 15 января.

Минаков С. Сталин и его маршалы. — М., 2004.

Михайленко В. И. Новые факты о советской военной помощи в Испании // Уральский вестник международных исследований. Выпуск 6.

Моримура Сэйити. Кухня дьявола. — М., 1983.

Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. — М., 2006.

Невежин В. А. Синдром наступательной войны, Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. — М., 1997.

Невежин В. «Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. — М., 2007.

«Обязать товарища Водопьянова...» // Авиация и время. 1996. № 1.

Окороков А. В. Секретные войны Советского Союза. Первая полная энциклопедия. — М., 2008.

Окороков А. В. Русские добровольцы. — М., 2007.

Окороков А. В. Тайные войны СССР. Советские военспецы в локальных конфликтах XX века. — М., 2012.

Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 2. 1917–1933 годы. — М., 1996.

Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 3. 1933–1941 годы. — М., 1997.

Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 4. 1941–1945 годы. — М., 2003.

Павлов А. Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история, 1995, № 1.

Павлюков А. Е. Ежов: биография. — М., 2007.

Панов А. Морская сила России. — М., 2005.

Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. — М., 2008.

Петров Н. В. Первый председатель КГБ Иван Серов. — М., 2005.

Петров Н. В. Палачи: Они выполняли заказы Сталина. — М., 2011.

Петров Н. В. Награждены за расстрел. 1940. — М., 2016.

Полторак С. Н. Разведчик «Кент». — СПб., 2003.

Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. — М., 2003.

Попов А. Ю. Диверсанты Сталина. Деятельность органов госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. — М., 2004.

Попов В. И. Провал одной международной провокации (О подвиге дипкурьеров Теодора Нетте и Иоганна Махмасталя) // В кн.: Долг и отвага. Рассказы о дипкурьерах. М., 1988.

Радзинский Э. С. Последний царь. — М., 2015.

Репрессии против поляков и польских граждан. — М., 1997.

Ручкин Николай. Война. Бой под Соколово: как это было // Вечерний Харьков. 2007. 26 марта.

Рыбалкин Ю. Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). — М., 2000.

Семенов Г. К. Пароль — «Испания». — Харьков, 1976.

Семенов Г. К. Войска СС. — М., 2004.

Симонова Т. М. Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше 1919–1925 гг. — М., 2013.

Ситников А. Казачий крест // Свободная пресса. 2015. 2 января.

Скоркин К. В. Обречены проиграть (Власть и оппозиция 1922–1934). — М., 2011.

- Столяров К. А.* Палачи и жертвы. — М., 1997.
- Сувениров О. Ф.* 1937. Трагедия Красной армии. — М., 2009.
- Супотницкий М., Супотницкая Н.* Очерки истории чумы. В 2-х кн. — М., 2006.
- Тархова Н. С.* Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933 гг. — М., 2010.
- Телицын В. Л.* «Пиренеи» в огне. Гражданская война в Испании и советские добровольцы. — М., 2003.
- Тепляков А. Г.* Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. — М., 2007.
- Тополянский В. Д.* Вожди в законе. Очерки физиологии власти. — М., 1996.
- Тюремные записки Рихарда Зорге.* — М., 2001.
- Усов В. Н.* Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. — М., 2007.
- Федоров Л. А.* Химическое оружие в России: История, экология, политика. — М., 1994.
- Федоров Л. А.* Советское биологическое оружие: история, экология, политика. — М., 2005.
- Фирсов Ф. И.* Сталин и Коминтерн. // Вопросы истории. 1989. № 8–9.
- Хлевнюк О. В.* Политбюро: механизмы политической власти в 30-е годы. — М., 1996.
- Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. — М., 2010.
- Хрисанфов В. И.* История государства и права России, 1917–1999. — СПб., 1999.
- Христофоров В. С.* История страны в документах архивов ФСБ России: Сб. ст. и мат. — М., 2013.
- Чернявский В. Г.* Разведка. Вымыслы и правда. — М., 2004.
- Черушев Н. С.* 1937 год: элита Красной армии на Голгофе. — М., 2003.
- Черушев Н. С.* Удар по своим. Красная армия 1938–1941. — М., 2003.
- Чуев С. Г.* Спецслужбы Третьего рейха. В 2-х кн. — СПб., 2003.
- Шингарев С. И.* «Чатос» идут в атаку. — М., 1986.

Эгге О. Загадка Кирова: убийство, развязавшее сталинский террор. — М., 2011.

Энгл Э., Паананен Л. Советско-финская война. Прорыв линии Маннергейма. 1939–1940. — М., 2004.

Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. — М., 2009.

Якимович К. В. На фланге линии Маннергейма. Битва за Тайпале. — М., 2010.

Clark, Charles Upson. Bessarabia, Russia and Roumania on the Black Sea. — New York, 1927.

Ripa, George D. Septembrie 1924 — Bolsevicii incearca sa recupereze Basarabia // Jurnalul National. 2004. 2 decembrie.

Herr Sorge sass mit zu Tisch. Porträt eines Spions // Der Spiegel. 1951. 13 Juni — 26 September.

Dologa, Laurentiu. Rascoale romanesti: Revolta de la Tatarbunar // Ziare.com. 2010. 26 septembrie.

Málek Tomáš. Richard Tesařík: Otec se občas choval jako carský důstojník // Lidovky.cz. 2013. 5 listopadu.

Weinberg, Gerhard L. Germany and the Soviet Union. 1939–1941. — Leiden, 1972.

Willoughby, Charles A. Shanghai Conspiracy. — New York, 1952.

Справочно-информационные издания:

Адибеков Г. М., Шахназарова Э. И., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. — М., 1997.

Большая Российская энциклопедия. Т. 1–33. — М., 2004–2017.

Большая Советская энциклопедия в 30 т. — М., 1969–1978.

Военно-морской энциклопедический словарь. — М., 2002.

Военный энциклопедический словарь. — М., 2007.

Государственная власть в СССР: Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991. Ист. — биогр. спр. / Сост. В. И. Ивкин. — М., 1999.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960. / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. — М., 2002.

Колпакиди А. И. Энциклопедия секретных служб России. — М., 2004.

Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. — М., 2009.

Колпакиди А., Север А. Спецназ ГРУ: самая полная энциклопедия. — М., 2012.

Командный и начальствующий состав Красной армии в 1940–1941 гг.: структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Док. и мат. — М., СПб., 2005.

Краткий справочник. Справочно-информационные материалы к документальным и музейным фондам РГАСПИ. Вып. 3. — М., 2004.

Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. — М., 2003.

Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. — М., 1999.

Петров Н. В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954 гг. Справочник. — М., 2010.

Петров Н. В. Кто служил в советских органах госбезопасности в Германии, 1945–1954. Справочник. — М., 2017.

Полак Т., Шоурз К. Асы Сталина. Статистика побед и поражений. 1918–1953. Энциклопедия. Пер. с англ. — М., 2006.

Путеводитель по фондам РГВА. Т. 1–2. — Миннеаполис, 1992.

Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. / Авт. — сост. А. Хисамутдинов. — Владивосток, 2002.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. — М., 2001.

Скоркин К. В. НКВД РСФСР. 1917–1923. Люди, структура, деятельность. — М., 2008.

Скоркин К. В. На страже завоеваний Революции: Местные органы НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. — М., 2010.

Совет народных комиссаров. Совет министров СССР. Кабинет министров СССР. 1923–1991. Энци. спр. / Авт. — сост. С. Д. Гарнюк. — М., 1999.

Советская военная энциклопедия. Т. 1–2. — М., 1932–1933.

Советская военная энциклопедия в 8 т. — М., 1976–1980.

Советская историческая энциклопедия в 12 т. — М., 1961–1976.

Фонды ГАРФ по истории РСФСР. Путеводитель. Т. 2. — М., 1996.

Фонды ГАРФ по истории СССР. Путеводитель. Т. 3. — М., 1997.

Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941. Биографический словарь. М., 2012.

Центральный комитет КПСС — ВКП(б) — РКП(б) — РСДРП(б). 1917–1991. Ист. — биогр. спр. / Авт. — сост. Ю. В. Горячев. — М., 2005.

Энциклопедия военной разведки России / Авт. — сост. А. И. Колпакиди. — М., СПб., 2004.

Энциклопедия секретных служб / Авт. — сост. А. И. Колпакиди. — М., СПб., 2003.

Электронные ресурсы:

Волков С. В. База данных «Участники Белого движения в России».

Буква Г // http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_04-G.pdf

Жирохов М. Советские летчики-бомбардировщики в Испании // сайт «Уголок неба» // <http://www.airwar.ru/history/locwar/spane/ussrpilot1/spainussr.html>

Жирохов М. Советские летчики-истребители в Испании // Там же // <http://www.airwar.ru/history/locwar/spane/ussrpilot/spainussr.html>

Рудый Станислав. Освободители Киева: 1-я чехословацкая бригада Свободы // <http://war-only.com>. 2011. 8 ноября.

Личный архив автора: интервью с Н. В. Петровым, полковником госбезопасности В. В. Кочетковым, генерал-майором госбезопасности М. С. Прудниковым, полковником юстиции А. Ю. Яблоковым.

Личный архив генерал-майора авиации П. П. Воронова.

notes

Примечания

1

Второй (разведывательный) отдел Генерального штаба Войска Польского.

Чжан Сюэлян, сын генералиссимуса Чжан Цзолиня, правитель Маньчжурии в 1928–1931 гг.

Хирота Коки, посол Японии в СССР в 1928–1932 гг.

Лев Карахан, заместитель наркома иностранных дел.

Василий Блюхер, командующий Особой Краснознаменной
Дальневосточной армии.

Авиатрест создан в январе 1925 года для производства боевых самолетов, его руководитель утверждался РВС СССР.

http://www.rusarchives.ru/publication/hunger-ussr/1932_34.shtml

http://www.rusarchives.ru/publication/hunger-ussr/1933_22.shtml

http://www.rusarchives.ru/publication/hunger-ussr/1933_22.shtml

http://www.rusarchives.ru/publication/hunger-ussr/1933_22.shtml

http://www.rusarchives.ru/publication/hunger-ussr/1933_22.shtml

http://www.rusarchives.ru/publication/hunger-ussr/1933_33.shtml

http://www.rusarchives.ru/publication/hunger-ussr/1933_36.shtml

http://www.rusarchives.ru/publication/hunger-ussr/1933_45.shtml

http://www.rusarchives.ru/publication/hunger-ussr/1933_33.shtml

http://www.rusarchives.ru/publication/hunger-ussr/1933_36.shtml

http://www.rusarchives.ru/publication/hunger-ussr/1933_40.shtml

Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 230.

Там же. С. 234.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 194.

Там же. С. 198.

Там же. С. 203–204.

Там же. С. 205.

Нарком внутренних дел СССР.

Первый заместитель наркома внутренних дел СССР.

Август Корк, командующий войсками Московского военного округа.

Леонид Николаевич Быков, 1865 г. р., выпускник 1-го Московского кадетского корпуса, 3-го военного Александровского училища и Николаевской академии Генерального штаба, генерал-майор (1914). Арестован в 1934 г., расстрелян, по одним данным в 1935 г., по другим — в 1937 г.

Ахов Василий Николаевич, 1883 (или 1888) г. р., преподаватель Военно-инженерной академии, арестован 31 декабря 1932 г., обвинен в террористической деятельности, контрреволюционной агитации и пропаганде. 17 февраля 1933 г. приговорен к расстрелу коллегией ОГПУ, расстрелян 21 марта 1933 г. Реабилитирован в 1958 г.

Урицкий Семен Петрович, начальник Разведывательного
управления РККА в 1935–1937 гг.

Веялко Григорий Петрович, 1900 г. р., уроженец Витебской губернии, полковник, начальник оперативного отдела 6-й армии Юго-Западного фронта, скончался от ран 2 июля 1941 г., похоронен в Киеве.

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2589. Д. 46. Л. 16.

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2589. Д. 46. Л. 20.

ЦАМО. Ф. 20613. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

ЦАМО. Ф. 20613. Оп. 1. Д. 6. Л. 61.

Полковник Ганичев Петр Иванович, командир 11-й смешанной авиадивизии, 1904 г. р., член ВКП(б) с 1931 г., в РККА с 1924 г., с 1927 г. в ВВС, кавалер ордена Ленина // ЦАМО. Ф. 20054а. Оп. 2. Д. 1а. Л. 2.

Другое название — Каролин: аэродром авиации погранвойск НКВД.

Лейтенант Николай Васильевич Лохматов, 1915 г. р., впоследствии переведен в 182-й истребительный авиаполк, погиб в воздушном бою 19 июля 1942 г.

Скоростной фронтовой бомбардировщик.

Истребители Messerschmitt Bf.109E оснащались пушками MG-FF — лицензионной версией 20-мм пушки «Oerlikon FF» одноименной швейцарской фирмы.

Отдельный зенитный артиллерийский дивизион.

SD-2 — двухкилограммовые кассетные бомбы, предназначенные для поражения самолетов на стоянках. Порой их называли «бабочками»: после выхода из контейнера часть корпуса превращалась в тормозное устройство, похожее на крылья бабочек. При ударе SD-2 о землю срабатывал вышибной заряд, бомба подбрасывалась, и взрыв осколочной части происходил на небольшой высоте. Применение SD-2 привело к тяжелым потерям на наших аэродромах. Полная загрузка Me-110 составляла 384 бомбы такого типа, но обычно при налетах на аэродромы он нес 192 SD-2.

Здесь, к сожалению, запись обрывается.

По словам деда, в дивизии были летчики, воевавшие в Испании, которые привезли из-за границы мотоциклы. Вот несколько таких «испанцев» к исходу второго дня остались без самолетов, зато со своими мотоциклами. И мой дед использовал этих «испанцев»-мотоциклистов как моторизованную разведку.

Военный городок, располагавшийся тогда в семи километрах от Минска.

Полковой комиссар Соколов Иван Иванович, заместитель
командира 11-й САД по политической части.

Полковник Воробьев Борис Васильевич, начальник штаба 11-й САД.

Генерал-майор авиации Андрей Иванович Таюрский, заместитель командующего ВВС Западного особого военного округа. Вступил в командование ВВС Западного фронта 23 июня 1941 г. — после самоубийства командующего ВВС генерал-майора Ивана Копца. 8 июля 1941 г. арестован и расстрелян 23 февраля 1942 г. вместе с группой других генералов авиации. В 1958 г. посмертно реабилитирован. Худяков Сергей Александрович, на тот момент полковник, начальник штаба ВВС Западного фронта. Впоследствии маршал авиации, начальник штаба — заместитель командующего ВВС Красной армии, командующий 12-й воздушной армии. В декабре 1945 г. арестован в Чите по обвинению в «измене Родине», осужден по ст. 58-1 «б» УК РСФСР и 18 апреля 1950 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1954 г.

На тот момент представитель Ставки Главного командования на Западном фронте.

Ранее 11-я САД и 14-й РАБ непосредственно подчинялись 3-й армии.

ЦАМО, личное дело Воронова П. П.

До 3 февраля 1941 г. — Особый отдел ГУГБ НКВД, а с 17 июля 1941 г. — Управление особых отделов НКВД.

Начальник штаба 4-й армии.

Офицер Оперативного управления Генерального штаба РККА.

Начальник штаба главного командования войск Юго-Западного направления.

Офицер штаба Буденного.

Командующий войсками Южного фронта.

Личный архив автора.

См.: Зевелев А. И., Курлай Ф. Л., Козицкий А. С. Ненависть, спрессованная в тол. М., 1991.

Главное управление контрразведки (ГУКР) СМЕРШ Наркомата обороны (НКО) СССР и Управление контрразведки СМЕРШ Наркомата военно-морского флота СССР созданы 19 апреля 1943 г. постановлением Совнаркома СССР. Отдел контрразведки СМЕРШ появился и в НКВД. СМЕРШ — от сокращения «Смерть шпионам», авторство устрашающе-емкого наименования приписывают Сталину. Новый «острый» орган создали на базе Управления Особых отделов НКВД СССР, из его же кадров.

Беседа В. Кочеткова с автором (из архива автора).

Из песни «Товарищ Зорге»: слова Бориса Дворного, музыка Вано Мурадели.

На тот момент генерал-лейтенант, первый заместитель председателя КГБ.

В 1958–1963 гг. начальник Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР.

Стрелковый корпус.

Стрелковая дивизия.

1-я стрелковая рота 1-го батальона 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии.

2-я стрелковая рота 1-го батальона 380-го стрелкового полка 171-й стрелковой дивизии.

Непосредственной поддержки пехоты.

Американский бомбардировщик Douglas A-20 Havoc/DB-7 Boston, поставлявшийся в СССР по ленд-лизу.

Поселок в земле Бранденбург.

Формально этого звания Кулик был лишен еще в 1942 г., но, как известно, бывших маршалов, как и бывших героев, не бывает, к тому же в 1957 г. Кулик посмертно восстановлен и в маршальском, и геройском званиях.